

КЛАССИ-
ЧЕСКАЯ
И
СОВРЕ-
МЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Кен

ФОЛЛЕТТ

Третий
близнец

роман

М. Кен
перевод
В. Редко

Annotation

Запрещенные эксперименты над людьми тайно проводятся в «политически корректной» Америке по заказу очень могущественных людей. Это кажется бредом. Однако молодая женщина-генетик, случайно получившая доступ к секретным файлам ФБР, уверена – это правда! Она начинает собственное расследование. Она идет все дальше – и узнает все больше. Сначала ей просто пытались заткнуть рот. Теперь ее пытаются уничтожить!...

- [Кен Фоллет](#)
 - [Воскресенье](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Понедельник](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [Вторник](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [Среда](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [Четверг](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
- [Пятница](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
- [Суббота](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
- [Воскресенье](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)

- [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [Понедельник](#)
 - [62](#)
 - [Через год](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Кен Фоллет

Третий близнец

*Посвящается моим приемным детям Джесен Тернер,
Ким Тернер и Адаму Броеру*

Воскресенье

Жара накрыла Балтимор удушливой волной. В зеленом пригороде воздух охлаждали специальные устройства, орошающие сотни лужаек, но местные жители предпочитали отсиживаться в домах с кондиционерами, включенными на полную мощность. Апатичные шлюхи, норовившие укрыться в тени деревьев на Северной авеню, потели в своих париках; юнцы, промышлявшие наркотой в переулках, доставали зелье из карманов мешковатых шорт. Стоял конец сентября, а осенью еще и не пахло.

Кое-где проржавевший белый «датсун» с разбитой фарой, заклеенной куском изоляционной ленты, медленно двигался по улицам северного рабочего пригорода, населенного преимущественно белыми. Кондиционера в машине не было, поэтому водитель опустил все стекла. Это был красивый молодой человек лет двадцати двух в отрезанных выше колен джинсах, чистой белой футболке и красной бейсболке, на которой белыми буквами было написано «Охрана». Сиденье уже давно стало липким от пота, но его это, похоже, ничуть не беспокоило. Настроение у него было прекрасное. Радиоприемник в машине был настроен на волну 92-Кью – «Двадцать самых крутых хитов подряд». Рядом лежала раскрытая папка. Время от времени он заглядывал в нее, стараясь запомнить перечень напечатанных на странице технических терминов. На следующий день ему предстояло сдавать экзамен. Учеба давалась ему легко, весь этот список он мог выучить за несколько минут.

На красный свет рядом с ним остановился «порше» с откидным верхом. Он широко улыбнулся сидевшей в нем блондинке.

– Славная у вас тачка!

Женщина молча отвернулась, но уголки ее губ дрогнули в улыбке. Огромные солнечные очки скрывали пол-лица, из чего он сделал вывод, что дама, очевидно, вдвое старше, чем показалось на первый взгляд: это относилось к большинству женщин, ездивших в «порше».

– Устроим гонки? – предложил он. – Кто первый до следующего светофора?

Она рассмеялась соблазнительным мелодичным смехом, положила узкую элегантную руку на переключатель скоростей и, едва загорелся зеленый, рванула вперед, как ракета.

Он пожал плечами:

– Я только учусь.

А вот и цель поездки – утопающий в тени деревьев кампус университета Джонс-Фоллз, куда более шикарного, чем тот, который посещал он. Когда он въезжал в ворота, мимо трусцой пробежали восемь или десять женщин в спортивной форме – облегающих шортах, кроссовках «Найк», мокрых от пота футболках и солнцезащитных козырьках. Команда по хоккею на траве на тренировке, догадался он, впереди капитан, и все, похоже, в прекрасной форме.

Группа свернула к кампусу, и тут вдруг он отчетливо представил себе нечто такое, от чего у него перехватило дыхание. Он едва мог вести машину. Он представил себе этих женщин в душевой. Вон та полненькая намыливает тело мылом, рыжеволосая вытирает полотенцем медно-рыжие волосы, чернокожая девушка по очереди поднимает длинные ноги и влезает в белые кружевные трусики. А капитанша расхаживает по раздевалке в чем мать родила, поигрывая мускулами, готовая в случае опасности защитить своих подопечных. И тут вдруг все они, вытаращив глаза, начинают метаться по раздевалке с пронзительными истерическими криками. Бегают взад-вперед, наталкиваются друг на друга. Пышечку сбивают с ног, и она лежит на полу и рыдает, а все остальные, то и дело наступая на нее, бестолково мечутся, пытаются спрятаться или просто убежать куда глаза глядят от грозящей им опасности.

Он остановился у обочины и сидел в машине, хватая ртом воздух и чувствуя, как бешено колотится сердце. Это была лучшая из его фантазий, однако в ней не хватало весьма существенной детали. Чего именно они испугались? Он напряг воображение и не сдержал восторженного восклицания, когда его осенило. Пожар! Да, именно! В раздевалке начался пожар, и они испугались пламени. Они мечутся и задыхаются в дыму, беспомощные, обезумевшие, полураздетые.

– О мой Бог!... – еле слышно прошептал он, вперившись взором в ветровое стекло «датсуна», точно именно в нем, как на экране телевизора, разворачивалась сейчас эта ужасающая сцена.

Спустя какое-то время он успокоился. Возбуждение было все еще сильным, но фантазии ему явно было мало – все равно что мечтать о пиве, когда тебя мучает жажда. Задрал футболку и вытер ею выступивший на лице пот. Он знал, что может выбросить из головы эту фантазию и ехать дальше, но ему жалко было с ней расставаться, слишком уж она получилась замечательная. И страшно опасная – его запросто могли бы упечь за решетку, если б поймали, – но ощущение опасности никогда его прежде не останавливало. Он пытался побороть искушение, даже плечами передернул – не помогло.

– Я хочу этого, хочу! – пробормотал он, тронул машину с места, развернулся и въехал через высокие помпезные ворота на территорию кампуса.

Он бывал здесь и прежде. Университетская территория занимала сотни акров – лужайки, сады, леса. Здания по большей части были сложены из красного кирпича, на их фоне резко выделялось несколько современных строений из стекла и бетона, и все они были связаны между собой сплетением узких дорожек с разметкой и счетчиками для паркинга.

Хоккейная команда исчезла, но он без труда нашел спортивный зал – длинное приземистое здание рядом с беговой дорожкой. Он припарковался возле счетчика, но монетки в него опускать не стал, он никогда этого не делал. Мускулистая капитанша хоккейной команды стояла на ступеньках у входа в спортивный зал и разговаривала с каким-то парнем в рваном свитере. Он поднялся по ступенькам, проходя мимо капитанши, улыбнулся ей, отворил дверь и вошел внутрь.

В вестибюле было множество парней и девушек в шортах и с повязками на головах. Они входили и выходили со спортивными сумками через плечо и с ракетками в руках. Наверняка спортивные команды университета тренируются в основном по воскресеньям. В центре вестибюля стоял стол, за которым сидел охранник и проверял студенческие билеты; но в этот момент подошла особенно большая группа, студенты так и валили мимо охранника толпой, одни показывали свои карточки, другие забывали это сделать, и он, пожав плечами, продолжил читать «Мертвую зону».

Незнакомец повернулся к нему спиной и принялся рассматривать выставленные в стеклянной витрине серебряные кубки – трофеи, завоеванные спортсменами Джонс-Фоллз. Как раз в этот момент в зал вошла футбольная команда – десять мужчин и коренастая женщина в бутсах, и он быстро присоединился к ним. Вместе с ними он прошел через вестибюль и начал спускаться по широкой лестнице в полуподвальное помещение. Они обсуждали игру, смеялись, радовались удачно забитому голу, возмущались нечестной игрой соперников и не обращали на него ни малейшего внимания.

Походка его была небрежной и неторопливой, но глаза внимательно смотрели по сторонам. Прямо под лестницей был маленький закуток, где находились автомат с колой и телефонная будка. Тут же была дверь в мужскую раздевалку. Женщина, громко топая бутсами, двинулась дальше по длинному коридору, очевидно, направляясь к женской раздевалке, которая явно была пристроена позже: архитектор не ожидал, что в Джонс-

Фоллз будет учиться столько девушек.

Незнакомец подошел к телефону-автомату и сделал вид, что ищет монету. Юноши все еще входили в свою раздевалку. Он увидел, как женщина скрылась за дверью в конце коридора. Так, теперь ясно, где находится женская раздевалка. Все они сейчас там, раздеваются, принимают душ, растирают друг друга полотенцами. Его вновь охватило возбуждение. И от ощущения близости к ним словно обдало жаром. Он отер пот со лба тыльной стороной ладони. Теперь лишь остается воплотить фантазию в реальность – напугать их всех до полусмерти.

Он постарался успокоиться. И потом, не следует спешить, иначе ничего не получится. Надо все тщательно спланировать, а на это уйдет несколько минут.

Когда все парни скрылись в раздевалке, он пошел по коридору к дальней двери.

Три двери – две с одной стороны и последняя в самом конце. Женщина вошла в ту, что справа. Он проверил, что скрыто за самой дальней дверью, и обнаружил там большую пыльную комнату, заставленную разными механизмами. По большей части то были бойлеры и фильтры – оборудование для плавательного бассейна. Он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Помещение было наполнено тихим электрическим гулом. И тогда он представил себе, как обезумевшая от ужаса девушка в одном лишь нижнем белье – и белье это, как ему показалось, должно быть непременно в цветочек, и лифчик, и трусики, – лежит на полу, смотрит на него испуганными глазами, а он не спеша расстегивает пряжку на ремне. Секунду-другую он упивался этим сладостным видением, на губах его играла улыбка. Она находится всего лишь в нескольких ярдах и сейчас наверняка ожидает наступления вечера. Вполне возможно, у нее есть парень, и она думает, где и как провести с ним всю ночь. Или же, напротив, она невинна, одинока и немного застенчива, и заняться ей в воскресный вечер совершенно нечем, разве что смотреть по телевизору сериал с Коломбо. А может, завтра ей надо сдать курсовую работу и она собирается всю ночь просидеть за книгами. *Ничего подобного, детка! Тебе придется заняться совсем другим. Настало время кошмара.*

Он проделывал подобные штуки и прежде, но чтоб на таком уровне – никогда. Ему всегда нравилось пугать девочек, еще со школьных времен. Ну что могло быть слаще, чем загнать какую-нибудь девчушку в укромный уголок и угрожать, и пугать ее до тех пор, пока она не начнет плакать и молить о пощаде. Вот почему он часто переходил из одной школы в другую. Нет, иногда он назначал девушкам свидания, чтоб быть похожим

на других парней, даже ходил с ними в бар под ручку. Но это времяпровождение казалось ему бессмысленным.

У каждого свой прикол, думал он. Кому-то из парней нравится наряжаться в женскую одежду, другие просто обожают встречаться с девушками, одетыми в кожу и сапоги со шпорами. Один его знакомый считал, что самое сексуальное у женщин – ступни; он был готов часами простаивать в обувной секции универмага, наблюдая за тем, как женщины примеряют туфли.

А его приколом был страх. Ему нравились женщины, дрожащие от страха. В противном случае он не испытывал к ним ни малейшего влечения.

Он внимательно огляделся по сторонам и заметил приставленную к стене лестницу – вверху виднелась металлическая задвижка. Он быстро взобрался по ней, отпер задвижку, распахнул окошко под потолком. И увидел толстые шины «крайслера» на парковочной стоянке. Это помогло ему сориентироваться. Он находился в задней части здания. Затворив окошко, он запер его на задвижку и спустился по лестнице.

Затем он вышел из машинного зала. В коридоре он увидел идущую навстречу женщину, та окинула его недружелюбным взглядом. На секунду он ощутил замешательство: она вполне могла спросить, какого черта он ошивается возле женской раздевалки. Скандал в его планы не входил. Напротив, мог все испортить. Но тут взгляд ее упал на надпись на его бейсболке, она увидела слово «Охрана», тут же успокоилась, отвернулась и вошла в раздевалку.

Он усмехнулся. Эта кепка была куплена в сувенирной лавке за 8 долларов 99 центов. Но люди привыкли видеть охрану в джинсах на рок-концертах, научились не обращать внимания на детективов с бандитскими физиономиями, на парней в свитерах из службы безопасности аэропортов и не утруждали себя проверкой документов у каждого, кто называет себя охранником.

Он подергал дверь напротив женской раздевалки. Она отворилась, там оказалась небольшая кладовая. Он включил свет и затворил за собой дверь.

Вешалки и полки занимал старый спортивный инвентарь. Большие черные мячи, драные резиновые маты, хоккейные клюшки, порванные боксерские перчатки. В углу была свалена гора складных деревянных стульев. Здесь же стоял гимнастический конь, хромой на одну ногу и с треснувшей обивкой. В комнате пахло плесенью и пылью. Вдоль потолка тянулась большая серебристая труба, и он догадался, что, очевидно, именно с ее помощью обеспечивается вентиляция в женской раздевалке.

Он подпрыгнул и подергал болты, крепившие трубу к вентилятору. Нет, голыми руками их не отвернуть, но в багажнике «датсуна» у него лежал гаечный ключ. Если отсоединить эту трубу, то в раздевалку начнет поступать воздух не с улицы, а из кладовой.

А огонь можно развести прямо под вентилятором. Достать канистру с бензином, отлить немного в пустую пластиковую бутылку из-под перье и принести сюда. И еще не забыть захватить спички, кусок газеты и гаечный ключ.

Пламя займется быстро, дыма будет предостаточно. Он намочит водой тряпку, закроет ею рот и нос и будет ждать до тех пор, пока вся эта комнатуха не заполнится дымом. А потом отсоединит вентиляционную трубу. И дым повалит в женскую раздевалку. Сначала, конечно, никто ничего не заметит. Может, одна или две девчонки принюхаются и начнут возмущаться: «Здесь что, кто-то курит, что ли?» И тогда он откроет дверь в коридор, и тот тоже наполнится дымом. Девицы поймут, что что-то не так, тоже распахнут дверь в коридор и подумают, что все здание охвачено огнем. Вот тут-то и начнется паника.

И тогда он войдет в раздевалку. И увидит там целые горы бюстгалтеров и чулок, голые груди, попки, ляжки и эти их дурацкие мохнушки. Девушки будут выбегать из душа, голые и мокрые, стараясь найти полотенца; некоторые в истерике начнут напяливать шмотки; но большая их часть, ослепленная дымом и страхом, будет бестолково метаться по комнате в поисках выхода с криками, рыданиями и визгом. А он притворится охранником и начнет командовать: «Всем одеться, живо! Положение критическое! Здание горит! Выходите отсюда! Бегите! Бегите!» Будет хлопать их по голым попкам, расталкивать, выхватывать из рук одежду и лапать, лапать всех подряд. И они поймут, что им грозит нешуточная опасность, но большинство просто одуреет от страха. Правда, если среди них окажется та мускулистая капитанша хоккейной команды, расклад будет другой. Она, пожалуй, из тех, кто сумеет сохранить присутствие духа, а потому придется сразу вывести ее из строя.

Он рассмотрит их всех и выберет себе главную жертву. Ею должна стать какая-нибудь хорошенькая девушка с испуганными глазами. Он возьмет ее под руку и скажет: «Сюда, пожалуйста! Ничего не бойтесь, я охранник». И выведет ее в коридор, а потом затащит в машинный зал. И она, дурочка, уже будет думать, что в безопасности, но тут он врежет ей по физиономии, а потом – под дых и швырнет ее на грязный цементный пол. И будет наблюдать, как она катается и рыдает на этом полу, задыхается от слез и с ужасом смотрит на него.

И тогда он улыбнется и начнет расстегивать ремень.

Миссис Феррами сказала:

– Я хочу домой.

Ее дочь Джинни ответила:

– Не волнуйся, мамочка, мы заберем тебя отсюда очень скоро. Скорее, чем ты думаешь.

Ее младшая сестра Пэтти покосилась на Джинни и спросила:

– Интересно знать, как это, черт возьми, у тебя получится?

Комнатушка в доме для престарелых Белла-Виста – это все, на что хватило страховки матери, и надо сказать, что обстановка здесь была довольно убогая. Две высокие больничные койки, два встроенных шкафа, диванчик и телевизор. Стены выкрашены в уныло-коричневый цвет, на полу пластиковая плитка в оранжево-кремовую полоску. На окне решетка и никаких занавесок, а само оно выходит на автозаправочную станцию. В углу раковина, туалет в конце коридора.

– Хочу домой, – повторила мама.

– Но, мамочка, – возразила Пэтти, – ты постоянно все забываешь, ты уже не можешь сама о себе позаботиться.

– Глупости! Еще как могу, и не смей разговаривать со мной в таком тоне!

Джинни прикусила губу. При виде старой развалины, в которую превратилась ее мать, ей хотелось плакать. У мамы были крупные волевые черты лица: черные брови, темные глаза, прямой нос, большой рот и резко очерченный подбородок. Такую же внешность унаследовали и Пэтти с Джинни. Правда, мама была маленькая, а обе они очень высокие – в папу. Все три отличались непоколебимым упрямством, а их взгляд называли «грозным» – характерная черта всех женщин из рода Феррами. Впрочем, мама уже никогда не будет грозной. У нее обнаружили болезнь Альцгеймера.

И это при том, что ей не было еще и шестидесяти. Джинни исполнилось двадцать девять лет, а Пэтти – двадцать шесть, и они от души надеялись, что мамочка вполне сможет позаботиться о себе еще несколько лет. Но эти надежды развеялись сегодня в пять часов утра, когда им позвонил полицейский и сообщил, что нашел их мать, которая, рыдая, брела по 18-й улице в грязном халате. Несчастная уверяла, что забыла, где живет.

Джинни прыгнула в машину и помчалась в Вашингтон – езда из Балтимора в тихое воскресное утро заняла примерно час. Она забрала маму из полицейского участка, отвезла домой, помыла и переодела, затем позвонила Пэтти. И вот сестры договорились отвезти маму на консультацию в Белла-Виста. Приют находился в небольшом городке в округе Колумбия, между Вашингтоном и Балтимором. Там провела свои последние годы их тетушка Роза. У тетушки Розы была в точности такая же страховка, как у мамы.

– Мне здесь не нравится, – сказала мама.

– Нам тоже не нравится, – ответила Джинни, – но в данный момент это все, что мы можем себе позволить. – Ей хотелось, чтоб ее слова прозвучали убедительно, а вышло грубовато.

Пэтти бросила на нее укоризненный взгляд и сказала:

– Перестань, мамочка. Нам приходилось жить и в худших условиях.

Что правда, то правда. После того, как отца посадили во второй раз, мать с двумя дочерьми жили в одной комнате, здесь же стоял кухонный стол с электроплиткой, а умывальник находился в коридоре. То были трудные годы. Но мама приняла этот вызов храбро, как львица. Как только Джинни и Пэтти пошли в школу, она нашла надежную пожилую женщину, которая могла бы позаботиться о девочках, и устроилась на работу. Она была парикмахершей, искусной и старательной, хоть и немного старомодной, и вскоре они уже переехали в маленькую, но отдельную квартирку, состоявшую из двух комнат. Поселились они в Адамс-Морган, рабочем, но достаточно респектабельном в ту пору районе.

На завтрак она готовила тосты и отправляла Джинни с Пэтти в школу в чистеньких платьицах; затем делала себе прическу и макияж: работая в салоне, следовало выглядеть пристойно. Кухню оставляла в безупречном порядке, на столе всегда стояла тарелка с печеньем для девочек, чтобы они могли перекусить, когда вернутся домой. По воскресеньям все втроем дружно занималась уборкой и стиркой. Мама всегда была такой энергичной, надежной, неутомимой – просто сердце разрывалось при виде лежавшей в постели беспомощной, потерявшей память женщины.

Вот она недоуменно нахмурилась и спросила:

– Скажи, Джинни, зачем это ты носишь кольцо в носу?

Джинни дотронулась до тоненького серебряного ободка в ноздре и грустно улыбнулась:

– Я сделала пирсинг еще ребенком. Ты что, забыла, мам, как тогда рассердилась? Я думала, ты меня на улицу вышвырнешь.

– Забыла, – пробормотала мать.

– А я помню, – вмешалась Пэтти. – Я еще тогда подумала, что ничего шикарней в жизни не видела! Но мне было одиннадцать, а тебе – четырнадцать, и все, что бы ты ни делала и ни говорила, казалось таким стильным, замечательным, умным!

– Может, так оно и было, – усмехнулась Джинни.

Пэтти хихикнула.

– Ну уж только не оранжевый жакет!

– О Боже, да, этот жакет! В конце концов, мама просто сожгла его. После того, как я переночевала в заброшенном доме и набралась там блох.

– А вот это помню, – сказала мама. – Блохи! У моего ребенка! – До сих пор при упоминании об этом она возмущалась, хотя с тех пор прошло пятнадцать лет.

И тут все они повеселели. История с жакетом и блохами напомнила им, как близки они были когда-то. Самый подходящий момент, чтобы уйти.

– Мне, пожалуй, пора, – сказала Джинни и встала.

– Мне тоже! – подхватила Пэтти. – Надо еще приготовить обед.

Но ни одна из них не решилась подойти к двери. Джинни казалось, что она предает мать, бросает ее в трудную минуту. Никто ее здесь не любит. Ей нужна семья, нужен уход. Джинни и Пэтти должны остаться с ней, готовить для нее, стирать белье и ночные рубашки, включать телевизор, когда показывают ее любимую передачу.

– Ну, когда я вас теперь увижу? – спросила мама.

Джинни хотелось сказать: «Завтра. Я принесу тебе завтрак и пробуду с тобой весь день». Но она этого не сказала, не смогла. Всю неделю она будет страшно занята на работе. Ее охватило чувство вины. *Как я могу быть такой жестокой?!*

На помощь ей пришла Пэтти:

– Я приду завтра. И приведу ребятишек. Уверена, ты будешь рада их увидеть.

Но мать не позволила Джинни отделаться столь легко.

– А ты придешь, Джинни? – спросила она.

– Как только смогу, – выдавила та. И, задыхаясь от стыда и горя, наклонилась и поцеловала мать. – Я люблю тебя, мамочка. Помни это.

Как только они оказались за дверью, Пэтти разрыдалась.

Джинни тоже хотелось плакать, но она была старшей сестрой и давным-давно научилась контролировать свои эмоции в присутствии Пэтти. Она обняла сестру за плечи, и они зашагали по пахнущему антисептиком коридору. Нет, Пэтти никак нельзя назвать слабой, но она всегда была более восприимчивой, чем волевая и смелая Джинни. За что

последней частенько доставалось от матери: та считала, что Джинни не мешало бы стать помягче – такой, как Пэтти.

– Честное слово, страшно хотела бы забрать ее к себе домой, но не могу, – жалобно пробормотала Пэтти.

И Джинни с ней согласилась. Пэтти была замужем за плотником по имени Зип. Они жили в маленьком щитовом домике с двумя спальнями. Во второй спальне размещались трое их сыновей – Дейви было шесть лет, Мелу исполнилось четыре, а Тому едва стукнуло два. Так что для бабушки там просто не было места.

Джинни жила одна. Будучи ассистентом профессора в университете Джонс-Фоллз, она зарабатывала тридцать тысяч долларов в год – гораздо меньше, чем муж Пэтти, – так ей, во всяком случае, казалось. К тому же она только что приобрела в кредит двухкомнатную квартиру и мебель. Одна из комнат служила гостиной, а в отгороженном уголке располагалась кухня, вторая, с чуланом и крохотной ванной, была спальней. Если уступить маме кровать, самой придется спать на диване; к тому же нужно будет нанимать сиделку, которая присматривала бы за ней хотя бы в дневное время, ведь страдающую заболеванием Альцгеймера женщину никак нельзя оставлять в доме одну.

– И я тоже не могу взять ее к себе, – сказала Джинни.

Тут Пэтти неожиданно вспылила. И сквозь слезы пробормотала:

– Но зачем тогда ты обещала ей, что мы непременно ее заберем? Раз мы не можем?...

Они вышли на улицу с плавящимся от жары асфальтом, и Джинни сказала:

– Завтра пойду в банк и возьму ссуду. Тогда мы сможем поместить ее в более приличное заведение.

– Но как же ты будешь отдавать эти деньги? – спросила практичная Пэтти.

– Меня должны повысить. Сначала до должности адъюнкт-профессора, а затем уже дадут полную профессуру. И еще мне предложили написать учебник и работать консультантом в трех международных организациях.

– Я-то тебе верю, – улыбнулась сквозь слезы Пэтти, – но вот поверят ли в банке?

Пэтти всегда верила в Джинни. Сама она была далеко не столь амбициозна. В школе училась средне, в девятнадцать выскочила замуж и стала домохозяйкой и матерью, о чем никогда не жалела. Джинни же в этом смысле являла собой полную противоположность сестре. Была лучшей

ученицей в классе, капитаном всех спортивных команд, умудрилась даже стать чемпионкой по теннису, продолжала заниматься спортом и в колледже. У Пэтти еще ни разу не было повода усомниться в ней.

Впрочем, Пэтти была права: получить вторую ссуду в банке, вскоре после того, как она взяла деньги на квартиру, будет проблематично. К тому же она только начала свою карьеру в университете, и повышение ей светит не раньше, чем года через три. Они дошли до парковки, и Джинни с отчаянием сказала:

– В крайнем случае, продам машину.

Она очень любила свою машину. Это был «Мерседес-230С» двадцатилетней давности, красный двухдверный седан с черными кожаными сиденьями. Она купила его восемь лет тому назад на деньги, которые выиграла в молодежном теннисном чемпионате, – пять тысяч долларов. Это было до того, как ездить на подержанных «мерседесах» стало настоящим шиком.

– Может, сейчас он стоит вдвое дороже, – сказала она.

– Но тогда тебе придется купить другую машину, – заметила никогда не теряющая чувства реальности Пэтти.

– Ты права, – вздохнула Джинни. – Ладно, ничего. Я еще могу давать частные уроки. Правда, университетские правила это запрещают, но получать около сорока долларов в час, вдалбливая какому-нибудь богатому тупому студенту азы медицинской статистики, не так уж и плохо. В неделю может набежать до трехсот долларов; и заметь, это чистые денежки, без налогов, потому что я никому не собираюсь сообщать о том, что даю частные уроки. – Она заглянула сестре в глаза. – Может, и ты подбросишь маленько?

Пэтти отвернулась.

– Не знаю.

– Но ведь Зип зарабатывает куда больше меня.

– Он убьет меня, если узнает, что я это сказала, но мы сможем наскрести семьдесят пять – восемьдесят долларов в неделю, – произнесла после паузы Пэтти. – Я заставлю его попросить прибавки. Сам он не просит, стесняется, но я знаю, что он заслуживает этого. И его босс хорошо к нему относится.

Джинни немного повеселела при мысли о перспективе проводить воскресенья, давая частные уроки отстающим студентам.

– Короче, за лишние четыреста долларов в неделю мы должны, просто обязаны устроить маму в хорошую комнату с ванной.

– И тогда можно будет принести ей туда вещи из дома, всякие

украшения, безделушки, может, даже что-то из мебели.

– Давай поспрашиваем, может, кто-то подскажет заведение получше?

– Хорошо, – задумчиво протянула Пэтти. – Ведь болезнь мамы неизлечима? Я смотрела передачу по телевизору.

Джинни кивнула:

– Да. За начальную стадию болезни Альцгеймера ответственен дефект гена AD3.

Он был обнаружен в хромосоме 14q24.3, вспомнила Джинни, но не стала говорить об этом Пэтти, потому что в генетике та все равно не разбиралась.

– Это что же, значит, мы с тобой кончим так же, как и мама?

– Это значит, что такой шанс есть. И что он велик.

Какое-то время обе молчали. Слишком уж мрачной выглядела перспектива лишиться разума.

– Как хорошо, что я родила рано, – заметила Пэтти. – Дети уже вырастут и смогут позаботиться о себе, когда это со мной случится.

Джинни уловила в ее голосе упрек. Как и мама, Пэтти считала, что в двадцать девять лет женщине пора бы обзавестись семьей и детьми.

– Тот факт, что ген обнаружен, уже вселяет надежду, – заметила Джинни. – Я хочу сказать, что ко времени, когда мы будем в мамином возрасте, изобретут инъекцию с исправленной версией нашей ДНК, в которой не будет присутствовать этот фатальный ген.

– Да, по телевизору говорили. Что-то насчет технологии рекомбинантной ДНК, верно?

Джинни одобрительно усмехнулась:

– Да, именно.

– Видишь, я не такая уж и тупая.

– Я никогда не считала тебя тупой.

– Правда, тут одна загвоздка, – задумчиво протянула Пэтти. – Если эта самая ДНК делает нас теми, кто мы есть, не станем ли мы совсем другими личностями, когда изменится ДНК?

– Не только ДНК делает тебя именно таким, а не другим. И воспитание тоже. Собственно, это и есть тема моей работы.

– И как она у тебя продвигается?

– Знаешь, потрясающе! Это мой шанс, Пэтти! Множество людей прочли мою статью о криминальном типе личности и о том, запрограммирована ли склонность к преступлениям в генах человека. – Эта статья, опубликованная еще в прошлом году, когда Джинни работала в университете Миннесоты, была подписана ее куратором-профессором.

Вернее, его имя стояло первым, а уж потом – имя Джинни. И это несмотря на то, что всю работу проделала она.

– Мне бы и в голову не пришло, что склонность к преступлениям может быть наследственной.

– Просто мне удалось идентифицировать четыре наследственные черты, которые ведут к криминальному поведению. Импульсивность, бесстрашие, агрессия и гиперактивность. Но главное в моей теории вовсе не это. Я пытаюсь доказать, что определенные методы воспитания детей могут подавить эти черты и превратить потенциального преступника в добропорядочного гражданина.

– И как же, интересно, это можно доказать?

– Изучая пары идентичных близнецов, которые росли и воспитывались порознь. Идентичные близнецы имеют одинаковую ДНК. Но если их разлучили в самом раннем детстве, допустим, одного усыновили, а другого оставили в прежней семье, то воспитываются они по-разному. Вот я и выискиваю пары близнецов, где один стал преступником, а второй – нормальным человеком. А потом изучаю, как они воспитывались и что именно их родители делали по-разному.

– Мне кажется, твоя работа очень важна, – заметила Пэтти.

– Надеюсь, что да.

– Потому что мы просто обязаны выяснить, почему сегодня столько плохих американцев.

Джинни кивнула. Сестра точно определила суть проблемы.

Пэтти подошла к своей машине – большому старому «форду». На заднем сиденье громоздилась целая куча пестрых детских вещей и игрушек: трехколесный велосипед, складная прогулочная коляска, ракетки и мячики, огромный игрушечный грузовик со сломанным колесом.

– Поцелуй от меня ребятишек, хорошо? – сказала Джинни.

– Спасибо, обязательно. Завтра позвоню, как только вернусь от мамы.

Джинни достала ключи от своей машины, потом подошла к Пэтти и обняла ее.

– Я люблю тебя, сестренка.

– И я тебя тоже очень люблю.

Джинни села в машину. Беспокойство продолжало терзать ее: было жаль маму, сестру, даже отца, которого с ними не было. Она выбралась на автомагистраль под номером I-70 и помчалась вперед, обгоняя другие машины. День, считай, практически пропал, но тут вдруг она вспомнила, что в шесть у нее теннис, после чего она собиралась выпить пива и съесть пиццу в компании студентов последнего курса психологического

факультета университета Джонс-Фоллз. Первой мыслью было все это отложить. Но торчать в одиночестве дома и тосковать – тоже не дело. И она решила, что в теннис сыграть надо: физическая нагрузка пойдет ей только на пользу. А уж потом можно будет заскочить в бар к Энди, на часок, не больше. И пораньше лечь спать.

Но сбыться этим ее планам было не суждено.

Ее партнером по теннису был Джек Баджен, заведующий университетской библиотекой. Как-то раз он даже играл на Уимблдоне и, хотя теперь был лысым пятидесятилетним мужчиной, до сих пор пребывал в прекрасной форме, да и мастерства не растерял. Сама Джинни об Уимблдоне даже не мечтала. Пиком ее спортивной карьеры стало членство в американской олимпийской сборной, когда она была студенткой старшего курса. Зато она превосходила Джека в скорости и силе.

Играя на одном из земляных кортов кампуса Джонс-Фоллз, они являли собой достойную пару, и вскоре после начала игры у корта собрались зрители. Форма одежды была свободной, но Джинни всегда предпочитала играть в плотных шортах и тонком свитере белого цвета. У нее были длинные темные волосы – не шелковистые и прямые, как у Пэтти, а вьющиеся, непокорные, поэтому она связала их узлом и спрятала под бейсболкой.

Подача у Джинни была сильной и напористой, а уж смэши – просто убийственными. Против подач Джек мало что мог сделать, зато, немного разогревшись, старался не давать ей шансов применить убийственный смэш. Играл он точно и спокойно, явно экономя силы, и позволял Джинни делать одну ошибку за другой. Она играла слишком агрессивно и напористо и слишком рано бросалась к сетке. «В обычный день я бы его победила», – подумала Джинни; но сегодня ей никак не удавалось сконцентрироваться. Каждый выиграл по сету, третий закончился со счетом 5:4 в его пользу. Надо было постараться как-то спасти игру, и вот пришла ее очередь подавать.

Четвертый сет начался ровно, затем Джек выиграл очко, и преимущество было явно на его стороне. Снова подача Джинни, мяч угодил в сетку, толпа зевак разочарованно ахнула. И вместо того, чтобы собраться и сделать нормальную подачу, она вдруг заторопилась, отбросила всякую осторожность и снова угодила в сетку. Джек подбросил мяч и ударил ракеткой, она отбила подачу и бросилась к сетке. На секунду ей показалось, что Джек потерял равновесие, но он лишь притворялся и парировал ее удар. Мяч просвистел у нее над головой и опустился на задней линии. Игра была окончена, она проиграла.

Уперев руки в бока, Джинни сердито смотрела на мячик. Она была страшно зла на себя. Конечно, последние годы у нее просто не было времени серьезно заниматься теннисом, но ее боевой дух не остыл. Она постаралась успокоиться, взяла себя в руки и даже изобразила на лице улыбку.

– Прекрасный удар! – заметила она, обернувшись к сопернику. Затем подошла к сетке и пожала Джеку руку.

Зрители зааплодировали.

К ней приблизился незнакомый молодой человек.

– Замечательная игра, поздравляю! – сказал он и улыбнулся во весь рот.

Джинни внимательно его осмотрела. Высокий, спортивного телосложения, выющиеся волосы коротко подстрижены, красивые голубые глаза. И он явно с ней заигрывал.

Но Джинни была не в настроении.

– Спасибо, – коротко бросила она.

Он снова улыбнулся – самоуверенной улыбкой человека, прекрасно знающего, что любая девушка будет счастлива, если он обратится к ней.

– А знаете, я тоже немного играю в теннис. И подумал, что...

– Если вы немного играете в теннис, – парировала Джинни, – то, боюсь, мы с вами в разных весовых категориях. – И, резко развернувшись, прошла мимо него.

И услышала слова, брошенные ей вслед. Произнесены они были добродушно и с юмором:

– Стало быть, у меня нет шанса на романтический ужин при свечах?

Джинни не смогла сдержать улыбки. Настойчивый юноша, ничего не скажешь, к тому же, пожалуй, она была с ним слишком груба. Она обернулась и, не останавливаясь, бросила через плечо:

– Ни малейшего, но в любом случае спасибо за предложение.

Выйдя с корта, она направилась к раздевалке. Интересно, что сейчас делает мама? Должно быть, уже поужинала, ведь сейчас половина восьмого, а в этих заведениях норовят накормить людей пораньше. Возможно, смотрит телевизор в холле. А может, уже нашла себе приятельницу, женщину своего возраста, которая спокойно отнесется к ее забывчивости и будет с интересом рассматривать фотографии внуков. У мамы всегда было много друзей – женщины, с которыми она работала в парикмахерской, клиентки, соседи и соседки, люди, которых она знала вот уже двадцать пять лет. Но теперь, с потерей памяти, поддерживать с ними дружбу будет непросто. Мама наверняка их всех позабыла.

Проходя мимо хоккейного поля, она встретила Лизу Хокстон. Лиза была первой, с кем ей удалось по-настоящему подружиться после приезда в Джонс-Фоллз месяц тому назад. Она работала техником в лаборатории психологии. Ученая степень у Лизы имелась, но она не хотела делать научную карьеру. Как и Джинни, она была из бедной семьи и чувствовала себя среди снобов Джонс-Фоллз немного неуютно. Девушки сразу понравились друг другу.

– А ко мне тут клеился какой-то юнец, – улыбаясь, сказала Джинни.

– Как он выглядел?

– Немного похож на Брэда Пита, только выше ростом.

– А ты не сказала, что у тебя есть подружка, более подходящая ему по возрасту? – спросила Лиза. Ей было двадцать четыре.

– Нет. – Джинни оглянулась, но белокурого парня нигде не было видно. – Ладно, пойдем, а то еще увяжется.

– А что в этом плохого?

– Пошли!

– Послушай, Джинни, ты так бежишь, точно он напугал тебя до полусмерти.

– Перестань!

– Могла бы догадаться дать ему мой номер телефона.

– Надо было сунуть ему записку с твоим номером бюстгальтера, это произвело бы должное впечатление.

У Лизы был крупный бюст.

Девушка резко остановилась. Сначала Джинни подумала, что зашла слишком далеко, обидев Лизу, и начала подбирать слова извинения. Но та вдруг воскликнула:

– А что, потрясающая идея! «У меня 36D; чтобы получить более полную информацию, звоните по такому-то телефону».

– Знаешь, я тебе завидую, всегда хотела иметь большую грудь! – Подружки захихикали. – Нет, правда, девочкой я даже молилась, чтоб у меня выросли большие-пребольшие груди. У меня у самой последней в классе началась менструация, и я страшно переживала.

– А как ты молилась? Становилась на колени перед кроватью и говорила: «Милый Боженька, сделай так, чтоб у меня побыстрее выросли титьки», да?

– Вообще-то я молилась Деве Марии. Мне казалось, что женщина женщину лучше поймет. И слово «тительки» при этом, разумеется, не произносилось.

– И как же ты говорила? «Грудьки»?

– Нет. Считала, что и «грудь» тоже неприлично упоминать в молитве Святой Деве.

– Так как же тогда ты их называла?

– Шишечки.

Лиза так и покатила со смеху.

– Не знаю, где я взяла это слово. Может, подслушала какой-то разговор. И оно показалось мне подходящим эвфемизмом. Я никому никогда об этом не рассказывала.

Лиза оглянулась.

– Что-то не заметно, чтоб нас преследовали красивые парни, похожие на Брэда Пита. Боюсь, мы его упустили.

– Ну и слава Богу. Как раз мой тип: красивый, сексуальный, самоуверенный и абсолютно не внушающий доверия.

– С чего это ты взяла, что ему нельзя доверять? Ведь ты видела его секунд двадцать, не больше.

– Ни одному мужчине на свете нельзя доверять.

– Наверное, ты права. Заскочишь сегодня к Энди?

– Да, но на часок, не больше. Сначала надо принять душ. – Свитер Джинни был мокрым от пота.

– Мне тоже. – Лиза была в шортах и кроссовках. – Тренировалась сегодня с хоккейной командой. А почему только на часок?

– День выдался тяжелый. – Игра немного отвлекла Джинни, но теперь снова нахлынули неприятные мысли. – Маму пришлось поместить в дом для престарелых.

– О Боже, Джинни, мне страшно жаль!...

По дороге к раздевалке она пересказывала подруге печальные события дня. Войдя в помещение, Джинни поймала в большом зеркале отражение – свое и подруги. Господи, до чего же они разные, прямо какая-то комическая парочка! Лиза чуть ниже среднего роста, а она, Джинни, вымахала почти на шесть футов. Лиза – блондинка с пышными формами, а Джинни темноволоса, поджара и мускулиста. У Лизы миловидное личико с россыпью веснушек на вздернутом носике, а губки сложены бантиком. Обычно люди называли Джинни эффектной или интересной, мужчины иногда говорили ей, что она красавица. Но никто и никогда не называл бы ее хорошенькой.

Стаскивая пропотевшую спортивную одежду, Лиза спросила:

– А кто твой отец? Ты никогда о нем не говорила.

Джинни вздохнула. Этого вопроса она боялась всегда, даже тогда, когда была маленькой девочкой, но рано или поздно его все равно задавали.

И на протяжении многих лет она лгала, говорила, что отец умер, или бросил их, или женился на другой женщине, или переехал в Саудовскую Аравию, где нашел хорошую работу. Впрочем, в последнее время она предпочитала говорить правду.

– Отец сидит в тюрьме, – ответила она.

– О Господи! Извини. Мне не следовало спрашивать.

– Ничего страшного. В тюрьме он провел большую часть своей жизни.

Он вор, взломщик. И отбывает уже третий срок.

– И сколько ему дали?

– Не помню. Да это и не важно. Даже если он выйдет, пользы от него все равно никакой. Он никогда о нас не заботился и вряд ли теперь захочет.

– Так у него что, никогда не было постоянной работы?

– Только когда он хотел обчистить какое-нибудь заведение. Тогда он устраивался туда уборщиком, привратником, даже охранником, трудился неделю-другую, разбираясь, что к чему, а потом грабил.

Лиза внимательно посмотрела на подругу.

– Так вот почему тебя так интересует генетика криминальной личности...

– Возможно.

– А может, я ошибаюсь, – отмахнулась Лиза. – Психолог из меня никакой.

Они пошли в душ. Джинни понадобилось больше времени, трудно было промыть густые непослушные волосы. Она была благодарна судьбе за то, что нашла такую подругу, как Лиза. Лиза работала в университете уже год и познакомила Джинни с жизнью в Джонс-Фоллз, куда та прибыла в начале семестра. Джинни нравилось работать с Лизой, потому что на нее можно было полностью положиться. Нравилось вместе проводить время после работы, потому что с Лизой можно было говорить откровенно и прямо, не боясь напугать ее или шокировать.

Джинни принялась сушить волосы феном, как вдруг услышала странные звуки. Она замерла и прислушалась. Какие-то визги и крики, явно вызванные сильным испугом. Джинни вздрогнула, по спине пробежали мурашки. Внезапно она почувствовала себя совершенно незащищенной: стоит здесь, под землей, голая и мокрая. Она помедлила секунду-другую, затем быстро сполоснула волосы и вышла из душа посмотреть, что случилось.

И сразу же ощутила сильный запах гари. Нет, огня видно не было, но помещение наполняли клубы густого черного и серого дыма, поднимавшиеся до самого потолка. Похоже, дым проникал через

вентиляционную трубу.

Джинни испугалась. Прежде ей не доводилось бывать в таких ситуациях.

Многие девушки, схватив свои сумки и одежду, устремились к дверям. Другие впали в истерику, перекликались испуганными голосами и бестолково метались из стороны в сторону. Какой-то придурок, по всей видимости из охраны, закрыв рот и нос носовым платком в горошек, лишь усугублял панику, расталкивая перепуганных девушек и выкрикивая приказания.

Джинни понимала, что одеваться нет времени, но и заставить себя выбежать из здания в чем мать родила тоже не могла. Страх леденил душу, но внешне она оставалась спокойной. Почти на ощупь нашла в дыму свой шкафчик. Лизы нигде не было видно. Джинни торопливо влезла в джинсы, натянула через голову майку.

Прошло всего несколько секунд, но за это время в заполненном дымом помещении людей не осталось. Джинни уже не видела двери и начала кашлять. Ее испугала мысль о том, что скоро будет нечем дышать. «Я знаю, где дверь, и я должна сохранять спокойствие», – сказала она себе. Ключи и деньги лежали в карманах джинсов. Она подхватила свою теннисную ракетку и, прикрывая ладонью рот, двинулась к выходу.

В коридоре тоже было полно дыма, и глаза у Джинни заслезились. Она почти ничего не видела. Теперь девушка уже жалела о том, что не выскочила из раздевалки голой – удалось бы выиграть несколько драгоценных секунд. Что толку от этих джинсов – ни видеть, ни дышать в дыму они не помогают. И какая разница, в каком виде тебя обнаружат мертвой – голой или одетой?

Дрожащей рукой Джинни ощупывала стену, стараясь определить направление. Она боялась наткнуться в дыму на какую-нибудь из женщин, но все они, похоже, ее уже опередили. Миновав стену, Джинни поняла, что оказалась в маленьком вестибюле, хоть и не видела ничего – здесь тоже было полно дыма. Впереди должна быть лестница. Она пересекла вестибюль и натолкнулась на автомат с кока-колой. Так, где же лестница, справа или слева от него?... Вроде бы слева, подумала она. И двинулась туда, но почти тут же, наткнувшись на дверь в мужскую раздевалку, поняла, что ошиблась.

Дышать больше не было никакой возможности. Она втягивала воздух со свистом и стонами. Но воздуха практически не осталось, один лишь дым, и Джинни зашла в приступе кашля. Она двигалась, прижавшись спиной к стене, все ее тело сотрясал кашель, в ноздрях щипало, глаза

слезились, она едва различала в этом проклятом дыму свои руки. Никогда за все двадцать девять лет своей жизни не жаждала она так страстно хотя бы глотка свежего воздуха. Перемещаясь вдоль стены, она обогнула автомат. И поняла, что нашла наконец лестницу, лишь когда споткнулась о первую ступеньку. Джинни выронила ракетку и тут же потеряла ее из вида. Это была особая и очень дорогая для нее ракетка, с ней она выиграла чемпионат «Мейфэр лайтс». Жаль, но главное теперь не это, думала она, карабкаясь на четвереньках вверх по лестнице.

Внезапно дым почти рассеялся и Джинни увидела, что добралась до просторного вестибюля первого этажа. Она заметила распахнутые настежь двери. Возле одной из них стоял охранник, который махал ей рукой и кричал: «Сюда! Скорее сюда!» Кашляя и задыхаясь, Джинни пересекла вестибюль, и в легкие ворвался божественно чистый воздух.

Согнувшись, она простояла на ступеньках две или три минуты, жадно хватая ртом воздух и выкашливая из легких остатки дыма. Наконец ее дыхание стало ровнее, глаза перестали слезиться, и тут в отдалении она услышала завывание сирены «скорой помощи». Оглянувшись, Джинни глазами поискала Лизу, но той нигде не было видно.

Неужели она осталась там?... Дрожа всем телом, Джинни шла через толпу, всматриваясь в лица. Теперь люди были вне опасности, и в толпе слышались даже нервные смешки. Многие из студенток были полуодеты, что придавало сборищу некую интимность. Те, кому удалось вынести сумки, делились одеждой с менее удачливыми. Раздетые девушки благодарили подруг за грязные и мокрые футболки. Несколько человек кутались в полотенца.

Лизы в толпе не было. Подавляя растущее беспокойство, Джинни вернулась к охраннику.

– Мне кажется, моя подруга все еще находится там, – сказала она и услышала, как дрожит ее голос.

– Я за ней не пойду, – быстро ответил охранник.

– Храбрец, ничего не скажешь! – презрительно фыркнула Джинни. Она никак не ожидала, что от охранника, чей долг оберегать студентов, будет так мало пользы.

Он недовольно скривился.

– Это их работа, не моя, – сказал он и указал на подъезжавшую пожарную машину.

Джинни начала беспокоиться за жизнь Лизы, но что делать, она не знала. И нетерпеливо и беспомощно наблюдала за тем, как пожарные выскакивают из машины, надевая на ходу респираторные маски. Ей

казалось, что действуют они страшно медленно, хотелось поторопить их, крикнуть: «Скорее, скорее!» Прибыла еще одна пожарная машина, следом за ней подъехал белый с серебристо-синей полосой автомобиль полицейского отделения Балтимора.

Пожарные потащили брандспойт к зданию, полицейский подозвал охранника и спросил:

- Как думаете, где это началось?
- В женской раздевалке, – ответил тот.
- Где именно она находится?
- В подвальном помещении, в задней стороне здания.
- Сколько там выходов?
- Только один. По лестнице наверх – и сразу попадаешь в главный

вестибюль. Вот этот.

Джинни перехватила взгляд офицера и, подойдя к нему, сказала:

- Думаю, моя подруга все еще там.
- Как она выглядит?
- Женщина двадцати четырех лет, блондинка, невысокого роста.
- Если она там, мы ее найдем.

Джинни обрадовалась, но всего на секунду. Ведь офицер не обещал найти ее живой.

Охранника, который бегал по раздевалке, видно не было. И тогда Джинни снова обратилась к полицейскому:

– Там может быть еще один человек, охранник. Что-то нигде его не вижу. Высокий такой парень.

Охранник из вестибюля заметил:

- В этом здании, кроме меня, нет охранников.
- Но на нем было кепи с надписью «Охрана», и он кричал, чтобы люди поскорее выходили из здания.

– Не знаю, что за кепи на нем было, но...

– Да ради Бога, перестаньте вы спорить! – взмолилась Джинни. – Может, он мне просто привиделся. Но если нет, то и его жизнь тоже в опасности.

Тут рядом с ними возникла девушка в подвернутых внизу мужских штанах цвета хаки.

– Я видела этого парня. Настоящий подонок и гад. Всю меня облапал! – воскликнула она.

– Ладно, успокойтесь, – сказал офицер полиции, – сейчас разберемся и всех найдем. Спасибо за помощь. – И он отошел к машине.

Джинни сердито покосилась на охранника из вестибюля. Наверное,

именно из-за стычки с ним офицер полиции принял ее за истеричку и не отнесся к ее словам серьезно. Она отвернулась. Что же теперь делать?...

Пожарные бросились в здание. На них были шлемы, маски и специальные сапоги. Сама же она стояла босая, в футболке и джинсах. Если попытается войти следом за ними, они ее прогонят, это ясно. Она сжала кулаки и отчаянно твердила про себя: *Думай же, думай! Где еще может быть Лиза?*

Рядом со спортивным залом находилось здание факультета психологии имени Рут У. Экорн, названное так в честь его основательницы-филантропки, но между собой студенты именовали его Дурдомом. Может, Лиза зашла туда? По воскресеньям двери были заперты, но наверняка у нее имелся ключ. Она могла забежать туда и взять лабораторный халат, чтобы прикрыть наготу. Может, она до сих пор сидит там, не в силах опомниться. И Джинни решила проверить. Все лучше, чем торчать здесь, перед входом, не предпринимая ровным счетом ничего.

Она пересекла лужайку, подбежала к главному входу в Дурдом и заглянула через стеклянную дверь. Затем достала из кармана пластиковую карточку, служившую ключом, и сунула в щель. Дверь отворилась. Джинни помчалась вверх по лестнице с криками: «Лиза! Лиза! Ты здесь?» – но в лаборатории не было ни души. Стул Лизы аккуратно придвинут к письменному столу, монитор компьютера выключен. Джинни распахнула дверь в комнату отдыха. Никого.

– Черт! – нервно воскликнула она. – Куда же ты запропастилась?

Задыхаясь, она бросилась к выходу. Решила обежать здание спортзала: вдруг Лиза сидит где-нибудь рядом, на земле, пытаясь откашляться и отдышаться? Оказавшись с тыльной стороны здания, Джинни попала во двор, заставленный огромными мусорными баками. За ним находилась небольшая автостоянка. И тут она заметила чью-то фигуру: человек, лавируя между машинами, бежал прочь от здания. Слишком высок для Лизы, скорее мужчина. Может, тот самый охранник в бейсболке?... Но тут бегущий свернул за угол и скрылся из вида прежде, чем она смогла его толком разглядеть.

Джинни продолжила свой путь вокруг здания. Здесь начиналась беговая дорожка. Она прошла по ней и, обогнув спортивный зал, снова оказалась у входа.

Толпа зевак к этому времени выросла, прибыло еще несколько пожарных расчетов, но Лизы по-прежнему нигде не было видно. Да, теперь Джинни была почти уверена: ее подруга осталась в горящем здании. Джинни охватил ужас, она пыталась побороть его. *Нет, этого просто не*

может быть, это невозможно!

Она заметила в толпе знакомое лицо. Тот самый офицер, с которым она говорила. Джинни подбежала к нему, схватила за рукав.

– Я почти уверена, что Лиза Хокстон находится там, в здании! Я ее везде искала!

Он окинул ее мрачным взглядом и, очевидно, понял, что словам этой девушки доверять можно. Поднес ко рту радиотелефон.

– Ищите молодую женщину! Белая, имя Лиза, повторяю: Лиза! Должна быть в здании.

– Спасибо, – сказала Джинни. Он кивнул и отошел.

Хорошо, что он прислушался наконец к ее словам, но успокаиваться рано. Может, Лиза оказалась запертой где-нибудь в туалете, и все вокруг объято пламенем, и она кричит и зовет на помощь, но никто не слышит? А может, она споткнулась, упала, ударилась головой, задохнулась в дыму и лежит без сознания, а огонь с каждой секундой подбирается к ней все ближе и ближе...

Тут вдруг Джинни вспомнила, как работник техобслуживания упоминал об еще одном входе в подвальное помещение. Обегая здание, она его не заметила и решила проверить снова.

Джинни нашла его почти сразу. Люк в земле загораживал серый «крайслер». Его тяжелая крышка была снята и прислонена к стене здания. Джинни опустилась на колени возле квадратного отверстия и заглянула внутрь.

Лестница вела в грязную комнату, освещенную флюоресцентной лампой. Она увидела какие-то механизмы и множество труб. Из отверстия тонкими струйками поднимался дым. Но сильного задымления не наблюдалось, очевидно, это помещение было отрезано от всего остального подвала. Тем не менее, запах дыма напомнил ей, как совсем недавно она кашляла и задыхалась, на ощупь искала лестницу, и сердце ее сжалось от страха.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнула Джинни.

В ответ послышался какой-то звук, но может, ей просто показалось?... Она наклонилась и крикнула громче:

– Эй!

Ответа не последовало.

Джинни колебалась, не зная, как лучше поступить. Самое разумное – вернуться ко входу в здание и позвать пожарных, но на это может уйти много времени, особенно если начнутся бесконечные расспросы и уточнения. Можно, конечно, спуститься и посмотреть самой.

При воспоминании о том, что совсем недавно произошло с ней в этом здании, коленки у нее подогнулись. В груди до сих пор ныло от кашля. Но Лиза может быть там, внизу, раненая, неспособная двигаться, придавленная какой-нибудь балкой или без сознания. Она должна, обязана прийти подруге на помощь.

Девушка собрала в кулак всю свою волю и поставила ногу на первую ступеньку. Ноги казались ватными, и она едва не упала. Джинни помедлила, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Ей стало лучше, и она спустилась еще на одну ступеньку. Но тут в горло опять попал дым, и она так и зашлась в кашле. Пришлось вылезти, отдышаться и начать все сначала.

Джинни спускалась все ниже и твердила себе: «Если дым снова будет донимать, просто вылезу отсюда, вот и все». И она спускалась все быстрее, цепляясь за стальные поручни, а потом спрыгнула на пол.

И оказалась в большом помещении, где стояли насосы и фильтры, гудели трубы – все это, очевидно, предназначалось для бассейна. Сильно пахло дымом, но дышать было можно.

И тут она заметила Лизу и тихо ахнула.

Лиза лежала на боку в позе эмбриона. Голая, на бедре что-то похожее на кровь. Она не двигалась.

На секунду Джинни окаменела от ужаса.

Потом очнулась и закричала:

– Лиза!

В ее голосе прозвучали истерические нотки, и она постаралась взять себя в руки. *Господи, прошу тебя, сделай так, чтоб с ней все было в порядке!* Она прошла мимо сплетения труб и опустилась на колени рядом с подругой.

– Лиза?

Лиза открыла глаза.

– Слава Богу! – воскликнула Джинни. – Я уже думала, что ты умерла.

Лиза медленно села. Она старалась не смотреть на Джинни. Губы у нее были разбиты.

– Он... он меня изнасиловал, – еле слышно пробормотала она.

Облегчение, которое испытала Джинни при виде того, что подруга жива, тут же сменилось гневом и ужасом.

– Господи! Здесь?

Лиза кивнула:

– Завел сюда. Сказал, что здесь есть выход...

Джинни закрыла глаза. Она физически ощущала боль и унижение,

которые пришлось испытать Лизе. И едва не заплакала, но сдержалась. Ее тошнило от омерзения и чувства полной беспомощности.

– Кто это был? – спросила она наконец.

– Да тот парень... Охранник.

– С платком на лице?

– Потом он его снял, – сказала Лиза. – И все время улыбался.

Да, все сходится. Та девушка в брюках цвета хаки говорила, что охранник к ней приставал. А трусливый сторож из вестибюля уверял, что в здании, кроме него, нет больше никаких охранников.

– Никакой он не охранник, – мрачно сказала Джинни.

Именно его она заметила всего лишь несколько минут назад убегавшим через автомобильную стоянку. Ее охватила ярость при мысли о том, что здесь, в кампусе, в раздевалке, где девушки чувствовали себя в полной безопасности, спокойно раздевались и мылись, этот ублюдок совершил такую мерзость. Руки у нее задрожали, ей захотелось броситься за этим типом, догнать и удушить его.

Тут послышались громкие мужские голоса, топот, шум воды. Это были пожарные со своими брандспойтами.

– Послушай, мы здесь в опасности, – сказала Джинни. – Надо выбираться из здания.

– Но я раздета, – каким-то рассеянно-отстраненным голосом произнесла Лиза.

Мы обе можем здесь погибнуть!

– Да плевать! – воскликнула Джинни. – Полкампуса бегают нагишом! – Она оглядела помещение и заметила в углу, возле цистерны, красные кружевные трусики и бюстгальтер Лизы. Подбежала и подобрала их. – Вот видишь, белье у тебя уже есть. Надевай. Правда, грязное, но все лучше, чем ничего.

Однако Лиза осталась сидеть на полу, тупо вперясь взором в пространство.

Джинни снова охватила паника. Что, если Лиза откажется с ней идти? Поднять ее с пола она сможет, но вот втащить вверх по лестнице – это вряд ли. Она повысила голос:

– Давай же, Лиза, вставай! – Взяв подругу за руки, Джинни рывком поставила ее на ноги.

Тут наконец Лиза посмотрела на нее.

– О, Джинни, это был такой ужас!... – пролепетала она.

Джинни крепко обняла подругу, прижала к себе.

– Мне страшно жаль, Лиза, прости, что я тебя не уберегла.

Дым тем временем сгущался, несмотря на плотно закрытую дверь. И жалость к Лизе сменилась страхом.

– Надо выбираться отсюда, иначе сгорим заживо! Ради Бога, давай поскорей, надень вот это!

Наконец Лиза очнулась. Натянула трусики, застегнула на спине лифчик. Джинни взяла ее за руку, повела к лестнице и там пропустила подругу вперед. Она полезла вверх следом за ней и была уже на полпути, когда в помещение, с грохотом выбив дверь, ворвался пожарный в клубах дыма и гари. На пол хлынули потоки воды. При виде двух девушек пожарный изумленно вытаращил глаза.

– Все в порядке, мы уже выбираемся! – крикнула ему Джинни. И полезла следом за Лизой.

Еще через несколько секунд они оказались на свежем воздухе.

Джинни даже ослабела от радости – еще бы, ведь ей удалось спасти подругу от гибели в огне. Впрочем, Лиза все еще нуждалась в помощи. Джинни обняла ее за плечи и повела ко входу в здание. Вдоль дороги стояли пожарные машины и полицейские автомобили. Девушки, выбежавшие из раздевалки, уже нашли, чем прикрыть наготу, и на их фоне Лиза в красном нижнем белье особенно бросалась в глаза.

– Есть у кого-нибудь пара штанов, рубашка, свитер, хоть что-нибудь? – взмолилась Джинни.

Но стоявшие вокруг люди уже раздали пострадавшим все, что могли. Джинни с радостью отдала бы подруге свой свитер, но под ним не было ничего, она надела его прямо на голое тело.

Наконец какой-то высокий темнокожий студент снял с себя рубашку и протянул Лизе.

– Но только с возвратом. Это не что-нибудь, а Ральф Лорен, – сказал он. – Позвольте представиться, Митчел Уотерфилд, факультет математики.

– Я запомню, – с благодарностью произнесла Джинни.

Лиза надела рубашку. Она доходила ей до колен.

Наконец-то прекратится этот кошмар, подумала Джинни. И подтолкнула Лизу к полицейскому автомобилю. Возле него, прислонившись к капоту, стояли трое полицейских и ровным счетом ничего не делали.

– Эту женщину зовут Лиза Хокстон. Ее изнасиловали.

Она думала, что известие о столь чудовищном преступлении произведет эффект разорвавшейся бомбы, но отреагировали эти молодцы на удивление спокойно. Несколько секунд они переваривали информацию, и Джинни уже была готова заорать на них, когда один из них, уса-тый,

оторвал спину от капота и спросил:

– Где это случилось?

– В подвальном помещении горящего здания, в машинном зале бассейна.

Другой, молодой темнокожий полицейский, заметил:

– Стало быть, Сарж, пожарные как раз смывают там вещдоки.

– Ты прав, парень, – ответил усатый полицейский. – Так что вали туда, Ленни, и обеспечь охрану места преступления. – Затем сержант обернулся к Лизе: – Скажите, мисс Хокстон, вам знаком мужчина, который это сделал?

Лиза отрицательно помотала головой. Тут вмешалась Джинни:

– Высокий белый мужчина, на голове красная бейсболка с надписью «Охрана». Я видела его там, в раздевалке, до пожара. И еще мне показалось, видела, как он убегал. Перед тем, как я нашла Лизу.

Коп нагнулся и достал из машины рацию. Сказал несколько слов, потом вернул на место и обратился к Джинни:

– Если он настолько туп, что не снял свою красную кепку, мы его возьмем, мисс. – Затем он повернулся к третьему полицейскому: – Отвези пострадавшую в больницу, Макхенти.

Макхенти оказался молодым белым в очках. Он вежливо спросил у Лизы:

– Где предпочитаете сидеть, спереди или сзади?

Лиза не ответила. Похоже, ей было все равно. На выручку пришла Джинни:

– Садись на переднее сиденье. Ты же не хочешь выглядеть подозреваемой.

На лице Лизы отразился ужас, и она впервые за все это время хоть что-то сказала:

– Разве ты со мной не поедешь?

– Если хочешь, конечно, поеду, – кивнула Джинни. – Или могу забежать домой и принести тебе что-нибудь из одежды, и тогда встретимся уже в больнице.

Лиза встревоженно покосилась на Макхенти.

– Теперь с тобой все будет в порядке, Лиза, – успокаивающе сказала Джинни.

Молодой полицейский распахнул дверцу автомобиля, и Лиза уселась на переднее сиденье.

– В какую больницу вы ее повезете? – спросила Джинни.

– Святой Терезы, – ответил Макхенти и сел за руль.

– Буду там через несколько минут! – крикнула Джинни, и машина отъехала.

Джинни бросилась на университетскую стоянку, уже жалея о том, что не поехала с Лизой. Какое же испуганное и несчастное было у нее лицо, когда она смотрела на подругу в окно автомобиля! Конечно, ей нужно переодеться в чистую одежду, но, наверное, куда важнее быть рядом с подругой, которая держала бы ее за руку и утешала. И уж меньше всего ей хотелось остаться наедине с мачо, у которого к тому же была при себе пушка. Садясь в машину, Джинни вдруг почувствовала, что совершенно вымотана.

– Господи, ну и денек! – пробормотала она и включила мотор.

Ее квартира находилась на последнем этаже небольшого панельного дома неподалеку от кампуса. Джинни припарковалась, выскочила из машины и помчалась вверх по лестнице.

Торопливо сполоснула руки и лицо в ванной, потом переоделась. Так, теперь надо подумать, что захватить для Лизы, ведь та меньше ростом и полнее ее. Она достала из шкафа просторный свитер и спортивные брюки с эластичным поясом. С нижним бельем было сложнее. Джинни нашла пару мешковатых мужских трусов, но ни один из ее бюстгалтеров не подошел бы Лизе по размеру. Что ж, придется подруге обойтись без него. Она достала шлепанцы, сложила все вещи в рюкзак и выбежала из дома.

Она ехала к больнице, и настроение у нее начало меняться. Слишком уж много всего произошло, и вначале она была сосредоточена на том, чтобы как-то справиться с ситуацией. Теперь же ею постепенно овладевала холодная ярость. До сегодняшнего дня Лиза была счастливой, жизнерадостной девушкой, но после того, что с ней произошло, от шока и страха превратилась в зомби, тупое, запуганное существо, боящееся сесть даже в полицейский автомобиль.

Проезжая по людной улице с бесчисленными магазинами, Джинни автоматически искала взглядом в толпе парня в красной бейсболке. Она уже твердо решила про себя, что если заметит его, то тут же остановит машину и бросится за ним вдогонку. Но если вдуматься, вряд ли она его узнает. Он наверняка избавился от платка в горошек и дурацкой бейсболки. Так, что же еще на нем было?... Она пыталась вспомнить и не могла. Кажется, футболка и синие джинсы... или шорты. Как бы там ни было, но к этому времени он вполне мог переодеться.

Вообще это мог быть любой из высоких белых мужчин, которых она видела: например, вот этот разносчик пиццы в красной куртке; или же вон тот лысый парень, шагающий к церкви в сопровождении жены и с

молитвенником под мышкой; или красивый породатый мужчина с гитарой в чехле; или даже полицейский, беседующий с каким-то бездельником на пороге винного магазина. Джинни было просто не на кого выплеснуть свой гнев, а потому она еще крепче вцепилась в руль, даже костяшки пальцев побелели.

Больница Святой Терезы находилась на северной окраине города. Джинни оставила машину на стоянке и нашла отделение неотложной помощи. Лиза, одетая в больничный халат, уже лежала в постели, с отсутствующим видом глядя в пространство перед собой. По телевизору показывали церемонию вручения премий «Эмми»: сотни голливудских знаменитостей пили шампанское и поздравляли друг друга. Макхенти сидел у кровати с блокнотом на коленях.

Джинни поставила рюкзак на пол.

– Тут одежда. Что происходит?

Лиза молчала, ее лицо было лишено какого бы то ни было выражения. «Она все еще в шоке», – подумала Джинни. И тут же подавила новую вспышку гнева, постаравшись взять себя в руки. Но она знала, что рано или поздно терпение ее кончится и гнев выплеснется наружу.

– Мне следует записать все детали и подробности случившегося, мисс, – сказал Макхенти... – Так что я просил бы вас оставить нас на несколько минут, о'кей?

– Да, конечно, – извиняющимся тоном произнесла Джинни. Но тут же поймала на себе взгляд Лизы и замешкалась. Всего несколько минут назад она на чем свет кляла себя за то, что оставила подругу наедине с мужчиной. И вот теперь собирается сделать то же самое. – А вообще-то, – заметила она, – может, Лиза предпочитает давать показания в моем присутствии? – И тут же получила подтверждение своей правоте: Лиза еле заметно кивнула. Джинни присела на краешек кровати и взяла подругу за руку.

Макхенти был недоволен, но спорить не стал.

– Я спрашивал мисс Хокстон, пыталась ли она оказать сопротивление насильнику, – сказал он. – Вы кричали, Лиза?

– Крикнула один раз... когда он швырнул меня на пол, – пробормотала Лиза. – Потому что потом он вытащил нож.

Голос Макхенти звучал сухо, он то и дело сверялся с записями в блокноте.

– Вы пытались бороться с ним?

Лиза отрицательно покачала головой:

– Нет. Боялась, что он меня зарежет.

– Так что фактически вы не оказали ему никакого сопротивления,

лишь один раз крикнули, верно?

Лиза снова покачала головой и расплакалась. Джинни крепко сжала ее руку. Ей хотелось сказать Макхенти: «А что, черт возьми, ей было делать? Как сопротивляться?» Но она сдержалась. На сегодня хватит. Ведь она уже успела нагрубить парню, похожему на Брэда Пита, съязвить на тему Лизиного бюста и наорать на охранника из вестибюля. Она знала, что не слишком умеет ладить с представителями власти, и решила не ссориться с этим полицейским, который просто выполнял свою работу.

Макхенти тем временем продолжил:

– Скажите, перед тем как он вошел в вас, вы раздвинули ноги или нет?

Джинни поморщилась. Неужели на этот случай у них нет специально обученных женщин-полицейских?

– Он трогал мои бедра... кончиком ножа, – пролепетала в ответ Лиза.

– Он вас порезал?

– Нет.

– Так, значит, вы добровольно раздвинули ноги?

Джинни не выдержала:

– Если подозреваемый направляет оружие на полицейского, вы имеете право пристрелить его на месте, или я ошибаюсь? И в этом случае вы тоже станете употреблять термин «добровольно»?

Макхенти сердито покосился на нее.

– Пожалуйста, не мешайте мне, мисс. – И снова обернулся к Лизе: – Какие у вас повреждения?

– Кровотечение.

– Как результат навязанного вам полового сношения?

– Да.

– Вы были ранены в обычном понимании этого слова?

Джинни снова не выдержала:

– Не кажется ли вам, что определить это может только врач?

Он посмотрел на нее с таким видом, точно она сморозила какую-то несусветную глупость.

– Я должен составить предварительный отчет.

– Тогда напишите, что она получила множественные внутренние повреждения в результате насилия.

– Я провожу допрос, а не вы.

– А я говорю, отстаньте от нее, мистер! – сказала Джинни, изо всех сил сдерживаясь, чтоб не заорать на этого придурка. – Моя подруга находится в тяжелом депрессивном состоянии. И лично я не считаю, что в таком состоянии она сможет адекватно оценить все свои повреждения и

пересказать вам. Это дело врача.

Макхенти яростно сверкнул глазами, но продолжал гнуть свое:

– Я заметил на вас нижнее белье – кружевное, красного цвета. Как считаете, оно могло спровоцировать нападение?

Лиза отвернулась, глаза ее наполнились слезами. Джинни не унималась:

– Выходит, если я сообщу о похищении моего красного «мерседеса», вы спросите меня, не спровоцировала ли я сама кражу, приобретя столь броский автомобиль?

Макхенти проигнорировал этот вопрос.

– Как вам кажется, Лиза, вы до того прискорбного случая встречались когда-нибудь с подозреваемым?

– Нет.

– Но, очевидно, разглядеть его в дыму было трудно. К тому же он закрывал лицо платком.

– Сначала я практически ослепла от дыма. Но в той комнате, куда... где он сделал это, дыма было меньше. И я его рассмотрела. – Она кивнула, словно подтверждая собственную правоту. – Я его разглядела.

– И вы узнали бы его, если б увидели снова?

Лиза содрогнулась.

– О да.

– Но вы никогда и нигде не видели его прежде? Ни в баре, ни в каком-либо другом месте?

– Нет.

– А вы ходите в бары, Лиза?

– Конечно.

– Где собираются одинокие люди, чтобы познакомиться, да?

Джинни вскипела:

– Что, черт возьми, за вопрос? Куда это вы гнете?

– Вопрос, который непременно задаст защитник обвиняемого, – сказал Макхенти.

– Лиза не в суде! Она не обвиняемая, она пострадавшая, жертва!...

– Скажите, вы были девственницей, Лиза?

Джинни вскочила:

– Все, хватит! Просто ушам своим не верю! Вы не смеете задавать подобные вопросы!

Макхенти тоже повысил голос:

– Я пытаюсь понять, насколько можно верить ее показаниям.

– Через час после насилия? Забудьте об этом!

– Я делаю свою работу...

– Что-то слабо верится, что вы компетентны в этой своей работе. Лично мне кажется, вы в ней ни черта не смыслите, мистер Макхенти!

Не успел он ответить, как в палату, не постучав, вошел врач. Он был молод, но выглядел совершенно измотанным.

– Здесь насилие? – спросил он.

– Это мисс Лиза Хокстон, – ледяным тоном ответила Джинни. – Да, ее изнасиловали.

– Мне надо взять мазок из влагалища.

Это заявление было несколько обескураживающим, зато появился повод избавиться от Макхенти. Джинни взглянула на полицейского. Тот не сдвинулся с места, точно твердо вознамерился присутствовать при взятии мазка. Тогда Джинни откашлялась и сказала:

– Прежде чем вы займетесь этой процедурой, сэр, возможно, господин полицейский избавит нас от своего присутствия?

Врач взглянул на Макхенти. Коп пожал плечами и молча вышел.

Врач резким движением сорвал с Лизы простыню.

– Поднимите халат, раздвиньте ноги пошире, – сказал он.

Лиза зарыдала.

Джинни не могла скрыть своего возмущения. Да что, черт возьми, творится со всеми этими мужчинами?

– Простите, сэр... – обратилась она к доктору. Он окинул ее нетерпеливым взглядом.

– Какие проблемы?

– Не могли бы вы постараться быть немного повежливее?

Врач покраснел.

– В больнице полно людей с серьезными травмами, представляющими угрозу для жизни, – сказал он. – В данный момент в приемном покое находятся трое ребятишек, пострадавших в автокатастрофе, и их ранения несовместимы с жизнью. А вы тут жалуетесь, что я, видите ли, был не слишком вежлив с девушкой, которая угодила в постель не к тому мужчине!

Джинни была потрясена.

– Что это значит – «угодила в постель не к тому мужчине»?

Лиза резко села в постели.

– Хочу домой, – заявила она.

– А знаешь, прекрасная мысль! – подхватила Джинни.

Расстегнула рюкзак и начала выкладывать одежду на постель. Врач на секунду растерялся. Затем сердито буркнул:

– Поступайте как знаете, – и вышел из палаты.

Джинни с Лизой переглянулись.

– Просто не верится, что такое возможно, – заметила Джинни.

– Слава Богу, все они ушли, – сказала Лиза и поднялась с постели.

Джинни помогла ей снять больничный халат. Лиза быстро оделась, сунула ноги в шлепанцы.

– Я отвезу тебя домой, – сказала Джинни.

– А ты останешься у меня ночевать? – спросила Лиза. – Что-то не хочется сегодня оставаться одной, особенно ночью.

– Конечно, переночую. С радостью.

За дверью ждал Макхенти. Выглядел он уже не так уверенно. Очевидно, понимал, что из рук вон плохо провел допрос.

– Мне необходимо задать вам еще несколько вопросов, – сказал он.

– Мы уходим, – тихо и спокойно произнесла Джинни. – Лиза слишком расстроена, чтоб отвечать на ваши вопросы прямо сейчас.

Он занервничал.

– Но она должна, обязана отвечать! Ведь именно она сделала заявление об изнасиловании.

– Никто меня не насиловал, – сказала Лиза. – Произошла ошибка. Все, чего я хочу, – это попасть домой, и чем быстрее, тем лучше.

– В таком случае вы осознаете, что теперь вас могут привлечь к ответственности за голословные обвинения?

– Эта женщина не преступница! – сердито парировала Джинни. – Она жертва преступления. И если ваш босс спросит, почему она отозвала жалобу, можете сказать, что по причине жестокого с ней обращения со стороны патрульного Макхенти из Балтиморского управления полиции. А теперь я забираю ее домой. Так что прошу прощения... – И с этими словами Джинни обняла подругу за плечи, и они обе проследовали к выходу мимо остолебеневшего полицейского.

Краем уха Джинни расслышала его слова:

– Что я сделал?...

Беррингтон Джонс взглянул на двух самых старых своих друзей.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Нам уже под шестьдесят. Но ни один из нас никогда не зарабатывал больше пары сотен тысяч долларов в год. Теперь нам предлагают по шестьдесят миллионов каждому! А мы сидим здесь и толкуем о том, что нам не с руки принимать это предложение!

Престон Барк заметил:

– Даже за деньги никогда на такое не пойду.

Сенатор Пруст сказал:

– Все же я не совсем понимаю. Если я владею одной третью компании, общая стоимость которой тянет на сто восемьдесят миллионов баксов, так как же получилось, что я до сих пор езжу на «краун-виктория» трехлетней давности?

Этим троим принадлежала небольшая частная компания, занимавшаяся биотехнологическими разработками, под названием «Дженетико инкорпорейтед». Престон занимался рутинной работой; Джим с головой ушел в политику, а Беррингтон стал академиком. Но предприятие было детищем Беррингтона. Как-то в самолете, летевшем в Сан-Франциско, он познакомился с управляющим «Ландсманна», германского фармацевтического концерна, заинтересовал его своими разработками, и тот предложил сделку. И вот теперь Беррингтону предстояло убедить партнеров принять предложение. Но это оказалось сложнее, чем он предполагал.

Они собрались в небольшом кабинете дома в Роланд-Парке, на окраине Балтимора. Дом принадлежал университету Джонс-Фоллз и сдавался внаем приезжей профессуре. Беррингтон, являвшийся профессором университета в Беркли, штат Калифорния, а также в Гарварде и Джонс-Фоллз, использовал его шесть недель в году, когда приезжал в Балтимор. И личных его вещей в этом кабинете было немного: переносной компьютер, фото бывшей жены и сына, а также несколько экземпляров его недавно вышедшей книги под названием «Наследовать будущее: Как генная инженерия поможет преобразить Америку». Звук телевизора был приглушен, показывали церемонию вручения премий «Эмми».

Престон был худощавым подвижным и очень непосредственным человеком. Один из наиболее выдающихся ученых своего поколения, он

походил, скорее, на бухгалтера.

– Клиники всегда помогали зарабатывать деньги, – сказал он.

«Дженетико» принадлежали три клиники по искусственному оплодотворению. Работа их базировалась на концепции *in vitro* – выращивании эмбрионов в пробирках, что стало возможно благодаря новаторским разработкам Престона, сделанным еще в 70-х годах.

– Искусственное оплодотворение является в Америке одним из наиболее перспективных направлений медицины. И с помощью «Дженетико» «Ландсманн» пробьет себе путь на этот поистине необъятный рынок. Они наверняка захотят, чтобы мы на протяжении десяти ближайших лет открывали по пять таких клиник в год.

Джим Пруст был лысым загорелым мужчиной с крупным носом, в очках с толстыми стеклами. Его характерное некрасивое лицо было просто подарком для политических карикатуристов. Они с Беррингтоном были друзьями и коллегами вот уже двадцать пять лет.

– Но как же вышло, что мы никогда не видели никаких денег? – спросил Джим.

– Мы постоянно тратили их на новые исследования, – ответил Престон.

У «Дженетико» имелись собственные лаборатории, компания заключала договоры на проведение исследований в области биологии и психологии с факультетами различных университетов. Связи с академическим миром устанавливал и поддерживал Беррингтон.

– Не понимаю, почему вы двое отказываетесь видеть, какой это огромный шанс для нас! – едва ли не с отчаянием в голосе воскликнул Беррингтон.

Джим указал на телевизор.

– Прибавь звук, Берри, сейчас будут показывать тебя.

Церемония «Эмми» закончилась, ее сменило шоу знаменитого ведущего Ларри Кинга. С ним беседовал Беррингтон. Он терпеть не мог Ларри Кинга, считал его коммунистом, перекрасившимся в либерала, но шоу предоставляло возможность выйти на многомиллионную аудиторию американцев.

Он внимательно посмотрел на свое телеизображение и остался доволен тем, что увидел. В жизни он был коротышкой, но на экране все одного роста. Темно-синий костюм сидел на нем просто великолепно, голубая рубашка выгодно оттеняла цвет глаз, галстук Беррингтон выбрал темно-красный, цвета бургундского, и на экране он не выглядел вызывающим. Но, будучи человеком самокритичным, профессор не

преминул отметить про себя, что серебристые волосы уложены, пожалуй, слишком тщательно, отчего напоминают парик, – ни дать ни взять какой-нибудь евангелист, вещающий с телеэкрана.

Кинг в своих фирменных подтяжках был настроен агрессивно, в голосе его звучал вызов:

– Профессор, ваша последняя книга снова вызвала настоящий бум. Но скоро страсти улягутся, люди разберутся и поймут, что это не наука. Это политика! Что вы можете сказать в свое оправдание?

Беррингтон обрадовался, услышав, как спокойно и рассудительно звучит его голос:

– Я пытался сказать в этой книге, что политические решения должны опираться на науку и здравый смысл, Ларри. Что природа, если ее оставить в покое, будет способствовать развитию и выживанию хороших генов и уничтожению плохих. А наша политика работает против естественного отбора. Поэтому-то у нас растет поколение второсортных американцев.

Джим сделал глоток виски и заметил:

– Прекрасно сказано – «поколение второсортных американцев»! Достоинство цитирования.

Ларри Кинг не унимался:

– Ну хорошо, допустим, вы настаиваете на своем. Но что произойдет тогда с детьми бедняков? Им что, прикажете с голоду подыхать?

Лицо Беррингтона на экране приобрело скорбное выражение.

– Мой отец погиб в сорок втором году, когда затонул авианосец «Васп», подбитый торпедой, выпущенной с японской подводной лодки. Мне было всего шесть лет. Мама из кожи вон лезла, чтобы вырастить меня и дать мне образование. Я, Ларри, тоже был бедняком.

В общем, это было близко к истине. Отец Берри, талантливый инженер, оставил его матери содержание, достаточное для того, чтобы ей не пришлось искать себе работу или попытаться выйти замуж еще раз. И она отправила сына в дорогую частную школу, а затем и в Гарвард. Но это вовсе не означало, что ему не пришлось бороться за существование. Престон заметил:

– А ты неплохо выглядишь, Берри. Не считая этой дурацкой прически в стиле вестерн или кантри.

У пятидесятипятилетнего Престона, самого молодого из троицы, были короткие черные волосы, так тесно прилегающие к черепу, что прическа напоминала шапочку.

Беррингтон раздраженно фыркнул. Он и сам думал так же, но ему не хотелось услышать это от кого-то другого. Он тоже налил себе немного

виски. Они пили редкий и дорогой сорт – «Спингбэнк».

Ларри Кинг с экрана сказал:

– Ну а с чисто философской точки зрения, чем ваши взгляды так уж отличаются от, скажем, нацистских?

Беррингтон нажал кнопку на пульте дистанционного управления и выключил телевизор.

– Наблюдаю этот бред вот уже десять лет, – заметил он. – Три книжки – и миллион дурацких ток-шоу после выхода каждой из них. В чем разница? Да ни в чем!

– Нет, разница все же есть, – заметил Престон. – На этот раз ты сделал генетику и расу темами для обсуждения. Просто немного поторопился, вот и все.

– Поторопился? – раздраженно воскликнул Беррингтон. – Еще бы не торопиться! Через две недели мне стукнет шестьдесят. Мы все стареем. И у нас осталось не так уж много времени.

– Он прав, Престон, – сказал Джим. – Ты что, забыл, как обстояли дела, когда мы были молодыми? Смотрели и видели, как Америка катится к черту в преисподнюю! Гражданские права для ниггеров, это надо же! Мексиканцы так и прут со всех сторон; в лучших школах полно детей евреев-коммунистов. Наши дети курят травку и избегают спорта. Есть от чего прийти в отчаяние, Господь свидетель! Вы только посмотрите, что произошло с тех пор! Даже в самом страшном сне нам не снилось, что нелегальная торговля наркотиками превратится в самый процветающий бизнес в Америке, что треть младенцев будет появляться на свет из пробирки или с помощью искусственного оплодотворения! И мы единственные, у кого есть мужество противостоять всему этому кошмару. Ну, если не единственные, то одни из немногих. А все остальные закрывают глаза на этот кошмар и тупо надеются на лучшее.

«А они совсем не изменились», – подумал Беррингтон. Престон всегда был осторожен и труслив, Джим хвастлив и уверен в себе. Он так долго знал этих людей, что даже их недостатки стали милы его сердцу. И еще он привык к роли арбитра, всегда выбирающего некий средний курс.

– Как обстоят наши дела с немцами, Престон? – спросил он. – Просвети-ка нас на этот счет.

– Мы близки к принятию окончательного решения, – ответил Престон. – Примерно через неделю они собираются объявить об этом решении на пресс-конференции.

– Через неделю? – В голосе Беррингтона послышалось возбуждение. – Это же замечательно!

Престон покачал головой:

– Если честно, у меня все еще есть сомнения.

Беррингтон раздраженно хмыкнул. Престон пояснил:

– Нам предстоит пройти через весьма неприятную процедуру представления сведений о нашей деятельности. Придется открыть все карты людям «Ландсманна», его бухгалтерам, рассказать о том, что может повлиять на будущие доходы, о кредиторах, которые готовы подать на нас в суд.

– Но ведь у нас ничего такого вроде бы нет? – спросил Джим.

Престон мрачно посмотрел на него.

– У каждой компании имеются свои секреты.

В комнате на мгновение воцарилась гробовая тишина. Затем Джим сказал:

– Черт, но ведь это же было так давно!

– И что с того? Стоит только чему-нибудь раскрыться, и тут же все всплывет.

– Но «Ландсманн» просто не сможет узнать обо всем этом, особенно за оставшуюся неделю.

Престон пожал плечами:

– Как знать...

– Придется пойти на риск, – сказал Беррингтон. – Вливание капитала, которое мы рассчитываем получить от «Ландсманна», поможет сильно продвинуть наши исследовательские программы. И даст Бог, через пару лет любой состоятельный белый американец, который обратится к нам в клинику, сможет получить совершенного младенца, плод генной инженерии.

– Но что это изменит? – воскликнул Престон. – Все равно бедняки будут плодиться и размножаться быстрее богатых.

– Ты забываешь о политической платформе Джима, – заметил Беррингтон.

Джим откашлялся и сказал:

– Единый подоходный налог не выше десяти процентов плюс принудительные контрацептивные инъекции за государственный счет.

– Ты только вдумайся, Престон! – воскликнул Беррингтон. – Совершенные дети для среднего класса, стерилизация для бедняков. Мы начнем устанавливать в Америке нормальный расовый баланс. Ведь это именно то, о чем мы мечтали в старые добрые времена!

– О, тогда мы были идеалистами, – вздохнул Престон.

– И были правы! – сказал Беррингтон.

– Да, мы были правы. Но чем старше я становлюсь, тем чаще думаю, что мир как-нибудь обойдется и без осуществления наших замыслов и идей, которыми мы бредили в двадцать пять лет.

Подобное высказывание попахивало саботажем.

– Зато теперь мы можем осуществить наши планы, – возразил Беррингтон. – Все, над чем мы не покладая рук трудились вместе на протяжении последних тридцати лет. Все теперь может и должно окупиться: наш риск, все эти годы кропотливой работы, деньги, которые мы потратили, – все принесет плоды. Так что не дави нам на психику, Престон! И сам не психуй.

– Нервы у меня крепкие, я просто хотел бы обратить ваше внимание на реальные практические проблемы, – раздраженно парировал Престон. – Джим, конечно, волен предлагать свою политическую платформу, но это вовсе не означает, что она осуществится.

– А вот тут на сцене появится «Ландсманн», – сказал Джим. – Деньги, которые мы получим от своих долей в компании, позволят нам стартовать с дальним прицелом.

– Что ты имеешь в виду? – несколько растерялся Престон.

Беррингтон знал, что последует дальше, и не сдержал улыбки.

– Белый дом, вот что, – ответил Джим. – Я собираюсь баллотироваться в президенты.

За несколько минут до полуночи Стив Логан припарковал свой старенький белый «датсун» на Лексингтон-стрит в Холлинс-Маркет, к востоку от центра Балтимора. Он собирался переночевать в доме своего двоюродного брата Рики Мензиса, студента медицинского факультета университета Мэриленда в Балтиморе. В большом старом доме, где жили преимущественно студенты, Рики принадлежала одна комната.

Рики был самым заводным парнем из всех, кого знал Стив. Он любил выпить и потанцевать на вечеринке, и друзья у него были соответствующие. Стив же рассчитывал провести вечер наедине с Рики. Но подобные люди, как правило, не очень надежны. В последний момент Рики куда-то пригласили, кажется, на свидание, и он умчался. Стиву пришлось коротать вечер в одиночестве.

Он вылез из машины, прихватив небольшую спортивную сумку с одеждой. Вечер выдался теплый. Стив запер машину и подошел к дому. На углу, возле витрины магазина видеозаписей, тусовалась кучка юнцов, четверо или пятеро парней и одна девчонка, все черные. Стив несколько не испугался, хоть и был белым; он не выглядел здесь чужим со своим старым автомобилем и в потрепанных, полинялых джинсах. К тому же, он был на несколько дюймов выше этих ребят. Когда он проходил мимо, один из парней сказал ему тихо, но внятно:

– Эй, травки купить не хочешь? Дурью разжиться не против?

Стив, не останавливаясь, отрицательно покачал головой.

Навстречу ему шла очень высокая чернокожая женщина в короткой юбке и туфлях на шпильке. Волосы высоко зачесаны, на губах алая помада с блестками, веки подведены голубыми тенями. Он уставился на нее, не в силах оторвать изумленных глаз от этого чуда. Подойдя поближе, женщина низким мужским голосом произнесла:

– Привет, красавчик!

Стив понял, что на самом деле это вовсе не женщина, а мужчина, и зашагал дальше.

Он услышал, как ребята на углу поздоровались с трансвеститом:

– Привет, Дороти!

– Здравствуйте, мальчики!

Секунду спустя, он услышал, как взвизгнули шины, и обернулся. Белый полицейский автомобиль с серебристо-синей полосой притормозил

на углу. Часть юнцов тут же растворились в ночи, но двое или трое остались. Из машины не спеша вылезли два чернокожих полисмена. При виде Дороти один из них смачно сплюнул на тротуар. Плевок угодил на остроконечный носок красной туфли на высоченном каблуке.

Стив был потрясен. Столь оскорбительный жест ничем не был оправдан. Однако Дороти и не думала останавливаться, лишь прошипела сквозь зубы:

– В гробу я вас видала, грязные задницы!

Произнесла она эти слова совсем тихо, но слух у полицейских, как правило, отменный. Один из них ухватил Дороти за рукав, толкнул и ударил об витрину. Дороти едва устояла на своих каблучищах.

– Не смей так говорить со мной ты, кусок дерьма! – сказал коп.

Стив возмутился. Как прикажете отвечать на такое оскорбление, как плевков?

Тут в сознании его прозвучал предупредительный сигнал. *Не смей вмешиваться! Не вздумай драться, Стив!...*

Второй полицейский стоял, привалившись спиной к машине, и молча и равнодушно наблюдал за этой сценой.

– Да в чем дело, брат? – заискивающим голосом осведомилась Дороти. – Разве я тебя чем-то побеспокоила?

Полицейский пнул трансвестита в живот. Здоровенный мясистый парень, он вложил в этот пинок весь свой немалый вес. Дороти согнулась пополам, беспомощно хватая ртом воздух.

– Да шут с ними со всеми, – сказал себе Стив и собрался было завернуть за угол.

Что ты делаешь, Стив?

Дороти все еще ловила воздух широко раскрытым ртом.

Стив сказал:

– Добрый вечер.

Коп поднял на него глаза.

– Вали отсюда, козел!

– Нет, – произнес Стив.

– Что ты сказал?!

– Я сказал «нет». Оставьте этого человека в покое.

Уходи, Стив, придурок ты несчастный, сматывай удочки!

Тут на помощь ему пришли ребята.

– Да, именно, – произнес высокий худой паренек с наголо обритой головой. – Чего прицепился к Дороти, она ведь не нарушала закона!

Коп ткнул в сторону парнишки пальцем.

– Повякай еще тут, сучье отродье! Вот загребу тебя за наркоту, тогда будешь знать! Мало не покажется!

Парнишка опустил глаза.

– Вообще-то он прав, – заметил Стив. – Дороти никаких законов не нарушает.

Коп подошел к Стиву.

Только не бей его, что бы он ни делал, не смей поднимать на него руку!

Помни Типа Хендрикса.

– Ты чего, ослеп? – спросил полицейский.

– В каком смысле?

Второй полицейский, стоявший у машины, крикнул:

– Эй, Ленни, да пошли они все на хрен! Поехали! – Ему, похоже, было не по себе.

Но Ленни проигнорировал слова напарника и не отставал от Стива:

– Неужто еще не врубился? Ты единственная белая морда на этой картине. Ты здесь чужак, так что вали, пока не поздно!

– Но я только что стал свидетелем преступления.

Полицейский подошел к Стиву поближе. Совсем близко.

– Хочешь прокатиться с нами в участок? – спросил он. – Или свалишь отсюда по-быстрому и не будешь мозолить глаза?

Меньше всего Стиву хотелось ехать в участок. Им ничего не стоит подбросить ему в карман пакетик с порошком или избить, а потом заявить, что он оказал сопротивление при аресте. Стив учился в юридическом колледже и понимал, что если его обвинят в каком-либо преступлении, то частной практики ему не видать. Зря он все это затеял. Не стоило рисковать карьерой из-за того, что полицейские прицепились к какому-то трансвеститу.

Но это неправильно! Теперь они цеплялись не только к трансвеститу, но и к нему. Это полицейский нарушал закон. И Стив просто не мог отступить.

Он изо всех сил старался, чтобы голос его звучал убедительно и спокойно:

– Я не хочу неприятностей, Ленни. Почему бы тебе не отпустить Дороти? И тогда я забуду, что ты ударил этого человека. Идет?

– Да ты никак мне угрожаешь, сучий потрох?!

Удар в солнечное сплетение, затем еще два, по ушам.

Первый – по необходимости, два других – уже ради искусства. И этот здоровенный коп рухнет, точно лошадь со сломанной ногой.

– Просто делаю тебе дружеское предложение.

Похоже, этот коп специально нарывается на неприятности. И Стив не видел выхода из этой ситуации. Уж лучше б Дороти ушла себе потихоньку, пока Ленни стоит к ней спиной. Но трансвестит не двигался с места и наблюдал за сценой, потирая синяк на животе и явно наслаждаясь яростью полицейского.

Но тут вмешалась рука судьбы: в машине оживило радио. Полицейские застыли и прислушались. Стив не мог разобрать слов, но напарник Ленни сказал:

– Нападение на полицейского. Едем!

Ленни все еще колебался, злобно поглядывая на Стива, но тому показалось, что в глазах копа мелькнуло облегчение. Возможно, и он тоже обрадовался шансу выбраться из скверной ситуации.

– Ты меня еще попомнишь! – злобно прошипел он Стиву. – Потому что я взял тебя на заметку. Еще встретимся. – С этими словами Ленни нырнул в автомобиль, с грохотом захлопнул дверцу, и машина отъехала.

Ребята захлопали в ладоши и заулюлюкали.

– Мерси! – шутовски поклонился им Стив. – Знатная получилась заварушка.

И глупая. Ты ведь прекрасно понимал, чем все это могло закончиться. Ты ведь себя хорошо знаешь.

В этот момент появился его кузен Рики.

– Что случилось? – спросил он, глядя вслед полицейской машине.

Подошла Дороти, положила руки на плечи Стиву.

– Мой герой! – кокетливо воскликнула она. – Джон Уэйн!

Стив смутился.

– Перестаньте!...

– В любой миг, как только захочется круто поразвлечься, мистер Джон Уэйн, приходите. Для вас всегда бесплатно.

– Огромное спасибо...

– Я бы вас расцеловала, но вижу, вы у нас чересчур стеснительный! Душка!... Так что я просто скажу спасибо! И пока! – И Дороти, игриво пошевелив наманикюренными пальчиками, скрылась в ночи.

– Пока, Дороти!

Рики со Стивом двинулись в противоположном направлении. Рики заметил:

– Вижу, ты уже обзавелся друзьями в нашей округе.

Стив рассмеялся.

– Знаешь, я едва не вляпался в серьезные неприятности. – В голосе его звучало облегчение. – Тупоголовый коп начал избивать этого парня в юбке,

и я, дурак, попросил его перестать.

Рики был потрясен.

– Тебе крупно повезло, еще легко отделался.

– Знаю.

Они дошли до дома Рики. В подъезде пахло то ли сыром, то ли прокисшим молоком. Зеленые стены были изрисованы граффити. Они обошли велосипеды, прикованные цепями к батареям, и поднялись по лестнице. Стив сказал:

– Нет, я не понимаю! К чему было бить Дороти по животу? Парню нравится носить мини-юбки и макияж, так на здоровье, кому, черт возьми, это мешает?

– Полностью с тобой согласен.

– И почему Ленни сходит все это с рук? Только потому, что на нем форма полицейского? Но ведь полицейские должны подавать пример!

– Как же, дожидайся!

– Вот поэтому-то я и захотел стать юристом. Чтобы такие вещи были невозможны в принципе. Скажи, а у тебя есть герой? Ну, человек, на которого ты хотел бы походить?

– Разве что Казанова...

– Ральф Нейдер. Адвокат. Он мой идеал. Он судится с крупнейшими, могущественнейшими корпорациями Америки и всегда выигрывает!

Рики засмеялся и обнял Стива за плечи. Они вошли в комнату.

– А мой двоюродный брат, оказывается, идеалист!

– Да ну тебя к черту!

– Кофе будешь?

– Конечно.

Маленькая комната Рики была заставлена всяким хламом. Кровать, обшарпанный письменный стол, продавленная кушетка и большой телевизор. На стене висел плакат с изображением обнаженной женщины, на теле которой был отмечен весь скелет – от теменной кости головы до фаланг пальцев ног. В комнате имелся и кондиционер, но он не работал.

Стив сел на кушетку.

– Ну, как прошло свидание?

– Не оправдало ожиданий, – ответил Рики и налил воды в чайник. – Нет, Мелисса классная штучка, но я бы не вернулся сегодня домой, если бы она сходила по мне с ума, как мне сначала показалось. Ну а ты чем занимался?

– Ездил взглянуть на кампус Джонс-Фоллз. Понравилось, очень здорово. И еще встретил там одну девушку. – Он весь так и посветлел при

этом воспоминании. – Видел, как она играет в теннис. Шикарная девчонка, высокая, стройная, спортивная. А уж подача у нее так просто убийственная, прямо как выстрел из базуки. Нет, ей-богу!

– Вот уж никогда не слышал, чтобы кто-то влюбился в девушку лишь потому, что она здорово играет в теннис, – усмехнулся Рики. – Она хоть хорошенькая?

– Нет, хорошенькой ее не назовешь. Но очень интересная. – Умное, волевое лицо... – Оно так и стояло перед глазами Стива. – Темно-карие глаза, роскошные черные волосы... А в левой ноздре такое маленькое тоненькое серебряное колечко. Шикарно!

– Правда? Оригинально, ничего не скажешь!...

– Пожалуй.

– А как ее зовут?

– Не знаю. – Губы Стива искривились в улыбке. – Сразу меня отшила. Может, вообще ее больше никогда не увижу.

Рики разлил кофе по кружкам.

– Наверное, оно и к лучшему. У тебя ведь есть постоянная девушка?

– Вроде того. Селин. Мы учимся вместе. – Стив посещал колледж в Вашингтоне, округ Колумбия.

– Ты с ней спишь?

– Нет.

– Почему нет?

– Ну, мы еще не достигли такой степени привязанности.

Рики удивился.

– Лично я этого не понимаю, – заметил он. – Ты считаешь, что надо привязаться к девушке, прежде чем трахнуть ее, так, что ли?

Стив несколько растерялся.

– Просто мне всегда казалось, что так должно быть.

– Всегда?

– Ну, не совсем, конечно. Когда учился в старшем классе, проделывал с девчонками все, что они мне позволяли. И сколько же их у меня было, не перечить! Точно рекорд хотел поставить. Готов был трахнуть любую симпатичную девчонку, которая согласится снять трусики... Но это было тогда, а теперь все совсем по-другому. И сам я уже не мальчишка.

– А сколько тебе? Двадцать два?

– Да.

– Мне двадцать пять, но я к этой проблеме отношусь более легкомысленно. Видно, так и не повзрослел.

Стив уловил в его голосе упрек.

– Давай без критики, о'кей?

– О'кей! – Рики был парнем отходчивым. – Ну и что ты делал после того, как она тебя отшила?

– Отправился в бар в Чарлз-Виллидж, выпил два пива, съел гамбургер.

– Напомнил! Знаешь, я жутко проголодался. Хочешь чего-нибудь пожевать?

– А что у тебя есть?

Рики открыл кухонный буфет.

– Только хлопья. «Ягоды Бу», «Рисовые хрустящие», «Граф Чокула». Выбирай!

– «Граф Чокула» звучит соблазнительно.

Рики насыпал хлопья в миски, налил молока, и оба они начали с аппетитом есть. Потом вымыли миски и стали готовиться ко сну.

Стив улегся на кушетку в шортах и без одеяла – было страшно жарко; Рики лег в постель. Они продолжали болтать. Рики спросил:

– А что ты собираешься делать в университете Джонс-Фоллз?

– Меня попросили поучаствовать в одном исследовании. Психологические тесты, прочая ерунда.

– Почему выбрали именно тебя?

– Понятия не имею. Сказали, что я какой-то особый случай. И что объяснят все подробнее в ходе работы.

– Но зачем ты согласился? Лично мне кажется, что все это пустая трата времени.

У Стива имелись свои особые причины, но он вовсе не собирался говорить о них Рики. А потому ответ его был не совсем правдивым:

– Наверное, из чистого любопытства. Ну вот, к примеру, тебе разве не интересно узнать о себе? Кто ты, что ты, чего ждешь от жизни?

– Я это точно знаю. Хочу стать модным хирургом и зарабатывать миллион баксов в год, вставляя бабам имплантаты вместо грудей. Наверное, я простой человек.

– Ну а ты не спрашивал себя, зачем все это?

Рики расхохотался.

– Нет, Стив, не спрашивал. А вот ты спрашиваешь. Ты всегда у нас был мыслителем. С детства задавался вопросами о Боге и всем таком прочем.

Это было правдой. Стив прошел через «религиозную» фазу в возрасте тринадцати лет. Посетил несколько христианских церквей, синагогу и мечеть и везде расспрашивал священнослужителей об их религии. Все это приводило в полное недоумение родителей, которые были агностиками.

– Ты всегда был немного другим, – продолжил свою мысль Рики. – Я не знаю ни одного человека, который бы с такой легкостью, ничуть не напрягаясь, получал бы самые высокие оценки по всем предметам.

И это тоже было правдой. Стив всегда и с легкостью становился первым учеником в классе. И омрачало ситуацию лишь то, что другие ребята его дразнили, и тогда он нарочно делал ошибки, чтоб не восстанавливать против себя класс.

Была, однако, еще одна причина, по которой его интересовала собственная психика. Рики о ней не знал. Никто в школе не знал. Знали только родители.

Однажды Стив едва не убил человека.

Ему в то время было пятнадцать. Высокий, но худенький подросток, он стал капитаном школьной баскетбольной команды. И в тот год команда его школы, школы Хиллсфилда, вышла в полуфинал городского чемпионата. Они играли против команды самых отпетых уличных хулиганов и драчунов из школы на окраине Вашингтона. Особенно много неприятностей доставлял Стиву парень по имени Тип Хендрикс, игравший грубо и жестко на протяжении всего матча. Игроком Тип был неплохим, но весь свой талант он направлял на обман и запугивание противника. И всякий раз, когда ему удавалась какая-нибудь особенно грубая и подлая выходка, он улыбался во весь рот, словно говоря: «Хочешь нарваться опять, сопляк?» Это приводило Стива в бешенство, но он старался не показывать свою ярость. И потому играл плохо, и его команда, потерпев поражение, так и не получила заветного приза.

Совершенно случайно Стив столкнулся с Типом на автостоянке, там, где команды поджидали автобусы, которые должны были развезти их по школам. Как назло, один из водителей менял в это время колесо, и его чемоданчик с инструментами стоял рядом открытый.

Стив решил не обращать внимания на Типа, но тот вытащил изо рта окурок и ткнул им в нагрудный карман пиджака Стива.

Пиджак этот значил для Стива очень многое. По воскресеньям он подрабатывал в «Макдоналдсе», накопил денег и купил этот чертов пиджак как раз накануне матча. Шикарная была шмотка – из тонкой мягкой кожи цвета сливочного масла, и вот теперь прямо на груди, на самом видном месте, образовалось безобразное горелое пятно. Пиджак был испорчен. И Стив ударил обидчика.

Тот врезал ему в ответ, и началась отчаянная драка с ляганием и кусанием. Но ярость Стива была столь велика, что он почти не чувствовал боли. Физиономия Типа была залита кровью, и тут он заметил чемоданчик

с инструментами и выхватил оттуда металлическую отвертку. И дважды ударил ею Стива по лицу. Удары были болезненны, но к этому моменту Стивом владела уже совершенно слепая ярость. Он отобрал у Типа оружие – и больше ничего не помнил. Очнулся, лишь увидев, что стоит над телом Типа, зажав в руке окровавленную отвертку, а кто-то кричит страшным голосом:

– Боже милостивый и всемогущий! Да он мертв!

На самом деле Тип тогда не умер. Умер он два года спустя, его пришел какой-то торговец марихуаной с Ямайки, которому Тип задолжал восемьдесят пять долларов. Но тогда Стив хотел убить его, он *старался* его убить. И снисхождения к нему быть не могло – ведь именно он нанес первый удар. И пусть Тип первым взял железяку, но ведь именно Стив использовал это оружие с такой жестокостью.

Стива приговорили к шести месяцам тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговора. После суда он переходил из школы в школу и везде успешно сдавал экзамены. Во время драки он был несовершеннолетним, а потому судимость за ним не числилась, это и позволило поступить в юридический колледж. Отец с матерью вспоминали об этом случае, как о некоем кошмаре, который наконец кончился. Но у Стива были сомнения. Он понимал, что лишь волей случая и благодаря живучести Типа спасся от другого суда, где его судили бы уже за убийство. Ведь Тип Хендрикс, пусть хулиган и негодяй, все же в первую очередь был человеком, а он едва не убил его из-за какого-то пиджака. Он лежал на продавленной кушетке, слушал тихое посапывание Рики и думал: «Кто я? Кто?...»

Понедельник

– А ты встречала когда-нибудь мужчину, за которого тебе хотелось бы выйти замуж? – спросила Лиза.

Они сидели за столом в квартире Лизы и пили растворимый кофе. Квартирка была такая же симпатичная, как и ее хозяйка: репродукции картин с цветами, китайский фарфор, плюшевый медвежонок с бантиком в горошек.

Лиза хотела взять сегодня выходной, а Джинни уже оделась и собиралась на работу. На ней была строгая темно-синяя юбка и белая хлопковая блуза. День предстоял ответственный: первый из ее испытуемых должен был явиться в лабораторию, и Джинни немного волновалась. Интересно, подтвердит ли он ее теорию или, напротив, опровергнет? Что ж, к концу дня будет ясно.

Однако она медлила с уходом до последнего момента. Не хотелось оставлять Лизу одну, она была еще очень слаба. И Джинни не могла придумать ничего лучшего, как сидеть и болтать с ней о мужчинах и сексе, как они частенько болтали. Она надеялась, что это поможет подруге вернуться к реальности и нормальной жизни. Хотелось бы пробыть с ней все утро, но это было невозможно. Жаль, что Лизы не будет сегодня в лаборатории, она всегда так помогала Джинни, но об этом и думать нечего.

– Да, был один, – ответила после паузы Джинни. – Парень, за которого я хотела бы выйти замуж. Звали его Уилл Темпл. Он был антропологом. До сих пор работает антропологом. – Джинни тут же живо представила себе Уилла: высокий крупный мужчина со светлой бородкой, в синих джинсах и рыбацком свитере крупной вязки, тащит велосипед по университетским коридорам.

– Да, помню, ты о нем говорила, – кивнула Лиза. – А какой он был?

– О, он был замечательный! – вздохнула Джинни. – Всегда умел рассмешить меня, ухаживал за мной, когда я болела. И еще, помню, всегда гладил свои шорты сам. Да и аппарат у него был, как у жеребца.

Лиза даже не улыбнулась.

– И почему вы расстались?

Джинни было до сих пор больно вспоминать об этом.

– Он бросил меня из-за Джорджины Тинкертон-Росс. – И она пояснила: – Из семьи Тинкертон-Россов из Питсбурга.

– И какая она была?

Джинни совсем не хотелось вспоминать о Джорджине. Но ее задачей было отвлечь Лизу от мыслей о случившемся, а потому она, призвав на помощь всю свою выдержку, начала описывать:

– О, она была само совершенство! – Тут Джинни не удержалась от сарказма: – Натуральная блондинка, фигурка как песочные часы, всегда одета с безупречным вкусом в кашемировые свитера и туфли из крокодиловой кожи. Нет, мозгов там не наблюдалось, зато имелся огромный трастовый фонд.

– И когда это все произошло?

– Мы с Уиллом прожили к тому времени год, я работала над докторской диссертацией. – Это было счастливейшее время в ее жизни. – И он собрал свои вещи и ушел от меня как раз тогда, когда я писала статью о генетически криминальном типе личности. – *Прекрасное выбрал время, Уилл, самое подходящее. Жаль, но почему-то ненавижу тебя, как тогда, у меня просто нет сил.* – Ну а потом Беррингтон предложил мне работу в Джонс-Фоллз, и я ухватилась за это предложение.

– Все мужчины – подлецы!

– Да нет, Уилла вряд ли можно назвать подлецом. Красивый был парень и добрый. Он просто влюбился в нее, вот и все. И думаю, сильно промахнулся, сделав такой выбор. И потом, мы ведь не были женаты в нормальном понимании этого слова, да и обещаний друг другу не давали. Он даже не изменял мне, ну, может, раз или два, а потом сам сознавался. – Джинни вспомнила, какие слова бормотал тогда Уилл в свое оправдание. – Не знаю. Может, в конечном счете он и был подлецом.

– Возможно, нам следовало бы вернуться к викторианским временам, когда мужчина, поцеловавший девушку, считал себя помолвленным. По крайней мере, девушки тогда бы знали, на что могут рассчитывать.

Подобная перспектива взаимоотношений показалась Джинни не только нереальной, но и глуповатой, однако говорить этого подруге она не стала. И вместо этого спросила:

– Ну а ты? Ты встречала когда-нибудь мужчину, за которого хотела выйти замуж?

– Никогда. Ни разу.

– Потому что у нас с тобой высокие требования. Ладно, не волнуйся. Когда мистер То, Что Надо возникнет, ты сразу поймешь – это он. И все будет замечательно.

Тут вдруг раздался резкий звонок в дверь. Лиза даже подпрыгнула и задела краешек стола. Фарфоровая ваза свалилась на пол и разбилась.

– Черт!... – пробормотала Лиза. Нервы у нее все еще никуда не

годятся.

– Я соберу осколки, – сказала Джинни, – а ты посмотри, кого это там принесло.

Лиза щелкнула пультом дистанционного управления. И озабоченно нахмурилась, разглядывая фигуру на мониторе.

– Кажется, я догадываюсь, кто это, – сказала она и нажала на кнопку, открывающую входную дверь.

– Кто? – спросила Джинни.

– Детектив из отдела по борьбе с преступлениями на сексуальной почве.

Джинни испугалась, что этот незваный гость снова выведет Лизу из равновесия. Замучает назойливыми расспросами, а это ей сейчас совершенно ни к чему.

– Почему не сказала ему, чтоб проваливал?

– Может, потому, что это она, и черная, – ответила Лиза.

– Что, правда?

Лиза кивнула.

Что ж, умно с их стороны, подумала Джинни, собирая осколки вазы в совок. Ведь копы уже знают, что они с Лизой настроены враждебно по отношению к ним. Понимают, что если б послали белого детектива, мужчину, ему бы просто не открыли дверь. И вот они посылают темнокожую женщину, будучи уверены, что две белые девушки из среднего класса из кожи вон вылезут, стараясь быть с ней полюбезнее. «Но ничего. Если эта дамочка только попробует надавить на Лизу, вышвырну ее отсюда вон, невзирая на цвет кожи и пол», – думала Джинни.

Она обернулась и увидела полную женщину лет сорока в нарядной кремовой блузке с пестрым шелковым шарфиком. В руках у нее был небольшой элегантный портфель.

– Сержант Мишель Делавер, – представилась она. – Можете называть меня просто Миш.

Интересно, что у нее в этом портфельчике, подумала Джинни. Ведь детективы обычно носят при себе стволы, а не портфели.

– Я доктор Джин Феррами, – сказала Джинни. – А это Лиза Хокстон.

– Мисс Хокстон, – начала женщина-детектив, – у меня просто нет слов, чтобы выразить, насколько я сожалею о случившемся с вами. Мое отделение ежедневно сталкивается с одним случаем насилия – это средняя цифра, разумеется, – и каждый такой случай является страшной трагедией для жертвы. Оставляет незаживающую рану на долгие годы. Я знаю, как вам больно, и понимаю ваши чувства.

Ничего себе, подумала Джинни. Просто разительные перемены по сравнению со вчерашним днем.

– Я почти уже забыла об этом, – сказала Лиза, но ее выдали наворачнувшиеся на глаза слезы.

– Не возражаете, если я присяду?

– Да, конечно, пожалуйста.

Детектив уселась за кухонный стол. Джинни внимательно рассматривала ее.

– Смотрю, у вас совсем другие манеры. Не то что у вчерашнего патрульного, – сказала она.

Миш кивнула:

– Я также очень сожалею о том, что мистер Макхенти повел себя неправильно. Нет, его, как и всех полицейских, учили тому, как обращаться с жертвами насилия, просто он, очевидно, забыл эти уроки. И, поверьте, мне страшно стыдно за все наше отделение.

– Словно тебя еще раз изнасиловали, – сквозь слезы пробормотала Лиза.

– Этого больше не случится, – сказала Миш, и в голосе ее послышались сердитые нотки. – Знаете, сколько дел заведено у нас по изнасилованиям? И почти на всех значится: «Не раскрыто». И происходит это вовсе не потому, что пострадавшие лгут. Просто наша система правосудия обращается с ними столь жестоко и бесцеремонно, что они забирают свои заявления.

– Охотно верю, – кивнула Джинни. И тут же решила быть осторожнее в выражениях. Эта Миш говорит с тобой, точно сестра родная, но все равно она коп.

Миш достала из бумажника карточку.

– Вот здесь номер телефона центра содействия жертвам насилия, в том числе и семейного. Каждой жертве рано или поздно требуется помощь.

Лиза взяла карточку и сказала:

– Единственное, чего мне хочется сейчас, так это поскорее обо всем позабыть.

Миш кивнула.

– Советую положить эту карточку куда-нибудь в ящик стола. Возможно, наступит время, когда вы почувствуете, что нуждаетесь в поддержке.

– Хорошо, спасибо.

Джинни решила, что Миш заслуживает хотя бы минимального гостеприимства.

– Кофе хотите? – спросила она.

– С удовольствием.

– Сейчас заварю свежий. – Джинни наполнила кофейник водой.

– Вы вместе работаете? – спросила Миш.

– Да, – ответила Джинни. – Изучаем близнецов.

– Близнецов?

– Оцениваем их сходства и различия, пытаемся выяснить, сколько в них наследственного и что приобретено в ходе развития и воспитания.

– А какова ваша роль во всем этом, Лиза?

– Я должна находить близнецов для изучения.

– И как же вы это делаете?

– Начинаю с бланков регистрации рождения – такая информация имеется в большинстве штатов. На сотню родов приходится одна пара близнецов, так что из ста просмотренных свидетельств о рождении можно выбрать пару. В свидетельствах указаны дата и место рождения. Мы делаем с них копию и начинаем поиски.

– Как?

– У нас имеются электронные версии всех телефонных книг Америки. Используем также базу данных владельцев водительских прав и кредитных карточек.

– И всегда находите своих близнецов?

– О нет, конечно, нет! Успешность поиска зависит от их возраста. Удастся отследить примерно девяносто процентов десятилетних и лишь пятьдесят процентов восьмидесятилетних. Ведь чем старше человек, тем больше вероятности, что он переезжает с места на место, меняет имя или просто умирает.

Миш взглянула на Джинни.

– А вы, значит, их изучаете?

– Я специализируюсь по однойцовым близнецам, которые росли и воспитывались раздельно. Найти их гораздо сложнее. – Джинни поставила на стол чашку и налила кофе Миш. Если эта дамочка и планировала начать наступление на Лизу, то она явно с ним затягивает.

Миш сделала глоток кофе и обратилась к Лизе:

– Скажите, в больнице вам давали какие-либо медикаменты?

– Нет. Я пробыла там совсем недолго.

– Они должны были дать вам противозачаточную таблетку. Вы же не хотите забеременеть от этого типа?

Лиза содрогнулась.

– Конечно, нет!

– Сходите к своему врачу-гинекологу. Он даст вам такую таблетку, если, разумеется, это не противоречит его религиозным убеждениям. У некоторых врачей-католиков возникают с этим проблемы. В этом случае могу рекомендовать вам обратиться в центр, о котором уже упоминала.

– Мне кажется, было бы неплохо поговорить с людьми, которые знают об этом не понаслышке, – кивнула Лиза.

– Пожар не был случайностью, – сказала Миш. – Я говорила с начальником пожарной охраны. – Кто-то поджег тряпки и мусор в кладовой рядом с раздевалкой и развинтил вентиляционные трубы, чтобы дым шел прямо туда. Как правило, насильников мало интересует сам секс; по-настоящему их заводит только страх жертвы. Думаю, что пожар он устроил именно с этой целью.

Джинни и в голову не приходила такая возможность.

– А я думала, это был какой-то сексуально озабоченный тип, просто воспользовавшийся пожаром.

Миш покачала головой:

– Нет. Люди такого сорта действуют спонтанно. Назначают свидание какой-нибудь девчонке, видят, что она пьяная или обкурилась дурью, а потому не способна сопротивляться, ну и насилуют. Здесь же прослеживается совсем другой почерк. Тут действовал преступник, склонный все тщательно планировать заранее. Они бывают очень умны и изобретательны и поэтому более опасны.

Джинни воскликнула:

– Я чуть не задохнулась в этом проклятом дыму!

– Насколько я понимаю, вы никогда прежде не видели этого человека? – спросила Миш у Лизы. – Он был вам незнаком?

– Кажется, видела... примерно за час до случившегося, – ответила та. – Мы делали пробежку всей хоккейной командой, и мимо проезжала машина. Парень за рулем замедлил ход и пялился на нас. И у меня такое чувство, что это был именно он.

– Что за машина?

– Старая. Это первое, что бросилось в глаза. Белая, много вмятин и ржавчины. Возможно, «датсун».

Джинни думала, что Миш кинется тут же записывать все это, но та продолжала говорить:

– У меня создалось впечатление, что преступление это совершил умный и безжалостный сексуальный извращенец, готовый абсолютно на все, лишь бы потрафить своим низменным желаниям.

– Такого следует изолировать от общества на всю оставшуюся

жизнь, – с горечью заметила Джинни.

– Пока что не вышло, – сказала Миш. – Он на свободе. И сделает это еще раз.

– Почему вы так уверены в этом? – скептически спросила Джинни.

– Большая часть насильников принадлежит к разряду так называемых серийных. Исключение составляют разве что сексуально озабоченные, о которых я говорила раньше. Такие могут напасть всего раз. Но мужчины, насилующие совершенно незнакомых женщин, – серийные маньяки и склонны повторять свое преступление снова и снова, до тех пор, пока их не поймают. – Миш внимательно посмотрела на Лизу. – Через семь – десять дней мужчина, изнасиловавший вас, подвергнет издевательствам очередную жертву... если, конечно, мы его до того не схватим.

– О Боже! – сказала Лиза.

Джинни поняла, куда клонит Миш. Детектив пытается склонить Лизу к тесному сотрудничеству с полицией. А ведь она, Джинни, твердо вознамерилась всячески оберегать подругу от стресса. Но пока ей нечего возразить на слова детектива.

– Нам необходим анализ ДНК, – сказала Миш. Лиза поморщилась.

– Вы имеете в виду его сперму?

– Да.

Лиза покачала головой.

– Я приняла душ, потом ванну. Проспринцевалась. От души надеюсь, что во мне ничего от него не осталось, ни единой частички.

– Следы могут оставаться в теле на протяжении сорока восьми, даже семидесяти двух часов. Нам необходим вагинальный мазок, образцы лобковых волос и анализ крови.

Тут вмешалась Джинни:

– Врач, с которым мы столкнулись вчера в больнице Святой Терезы, оказался настоящей задницей, иначе не скажешь.

Миш понимающе кивнула:

– Врачи, как правило, не любят иметь дело с жертвами изнасилований. Ведь им приходится выступать в суде, а это отнимает время и деньги. И незачем вам было туда ехать. Это еще одна ошибка патрульного Макхенти. В нашем городе есть три больницы, специализирующиеся на жертвах сексуального насилия, и Святая Тереза вовсе не входит в их число.

– Куда мне лучше поехать? – спросила Лиза.

– Могу порекомендовать госпиталь Милосердия. Там есть специальное отделение судмедэкспертизы. Сокращенно СМЭ.

Джинни кивнула. Госпиталь Милосердия считался крупнейшим в

городе.

– Вас примет медсестра, специализирующаяся как раз на таких случаях, – продолжала Миш. – Медсестрами там всегда работают женщины. Они обучены работать с такого рода уликами. В то время как врач, которого вы видели вчера, – нет. Возможно, он бы все только испортил.

По всей видимости, Миш была не слишком высокого мнения о докторях.

И вот наконец она открыла свой портфель. Джинни подалась вперед, чтобы посмотреть. Там лежал ноутбук. Миш подняла крышку и включила его.

– У нас есть специальная программа под названием ТЭИВ, «техника электронной идентификации внешности». Мы любим сокращения. – Она скупно улыбнулась. – Изобретена неким детективом из Скотланд-Ярда. Помогает составить портрет подозреваемого, не прибегая к услугам художника. – И она выжидательно уставилась на Лизу.

Лиза взглянула на Джинни:

– Ну, что скажешь?

– Расслабься, не поддавайся давлению, – сказала та. – Ты в своем праве. Думай о себе. Делай так, как тебе удобнее.

Миш метнула в сторону Джинни недовольный взгляд.

– Никто на нее не давит. Если хотите, чтобы я ушла, я уйду. Но мне очень хочется поймать этого насильника, и потому мне нужна ваша помощь. Без вас шансы равны нулю.

Джинни восхитилась. Эта Миш сумела взять ситуацию под контроль, едва переступив порог, причем сделала это, не оказывая видимого давления, не прибегая к разного рода хитростям и уловкам. Она знает свое дело, знает, чего хочет.

– Ну, я не уверена... – протянула Лиза.

– Почему бы вам хотя бы не попробовать? – подбодрила ее Миш. – Если что-то не понравится, если вы расстроитесь, мы тут же выключим компьютер, вот и все, А если все пойдет гладко, у меня появится портрет человека, которого я хочу поймать. Покончим с этим, а потом решим, когда вам лучше поехать в госпиталь Милосердия.

Лиза помялась еще немного, затем выдавила:

– Ну ладно, хорошо.

Джинни тут же напомнила ей:

– Ты можешь остановиться в любую минуту, не забывая об этом.

Лиза кивнула. Миш сказала:

– Вначале сделаем грубый набросок его лица. Он может не иметь ничего общего с настоящим, но нам нужна какая-то основа. Затем перейдем к деталям. Подумайте хорошенько, сконцентрируйтесь и опишите его хотя бы в общих чертах. Не торопитесь.

Лиза закрыла глаза.

– Белый мужчина примерно моего возраста. Волосы короткие, неопределенного цвета. Глаза светлые, кажется, голубые. Нос прямой...

Миш задвигала «мышкой». Джинни встала у нее за спиной, чтобы видеть экран монитора. Компьютер работал в программе Windows. В верхнем правом углу появилось лицо, разделенное на восемь секторов. Лиза называла отдельные черты, Миш тут же щелкала по названному сектору лица, потом выбирала в меню названные Лизой характеристики: короткие волосы, светлые глаза, прямой нос.

Лиза тем временем продолжала:

– Подбородок квадратный, бороды и усов нет... Ну, как я справляюсь?

– Просто отлично! – Миш щелкнула «мышкой» еще раз, и весь экран заполнило лицо. На женщин смотрел белый мужчина лет под тридцать с правильными чертами лица. Таких кругом тысячи. Миш развернула компьютер так, чтобы и Лиза видела тоже. – Ну а теперь мы будем понемногу менять это прелестное личико. Прежде всего я покажу вам набор лиц с разными формами лба и различными прическами. И вы будете говорить мне просто «да», «нет», «возможно». Готовы?

– Да.

Миш щелкнула «мышью». Лицо на экране изменилось, появились залысины.

– Нет, – сказала Лиза.

Снова щелчок. На сей раз волосы были подстрижены в форме каре, напоминавшего модную в свое время прическу битлов.

– Нет.

Третья прическа состояла из кудрей, и Лиза кивнула:

– А вот это уже ближе. Но кажется, у него был пробор.

Появились кудрявые волосы с пробором.

– Так лучше, гораздо лучше, – оживилась Лиза. – Вот только волосы слишком темные.

– Давайте сначала просмотрим все, – сказала Миш, – а потом вернемся к вариантам, которые вас больше всего устраивают. Когда у нас будет все лицо целиком, можно будет продолжить менять и совершенствовать изображение с помощью ретушера: делать волосы светлее или темнее, сдвигать отдельные черты, состарить лицо или, напротив, омолодить.

Джинни была заморожена процессом, но, по ее расчетам, он должен был занять еще не меньше часа, а ей нужно было идти на работу.

– Мне пора, – сказала она. – Ты как, в порядке, Лиза?

– В полном, – ответила подруга, и Джинни знала, что это правда. Может, так даже лучше для Лизы, пусть займется хоть чем-нибудь, хотя бы охотой за преступником. Она перехватила взгляд Миш и увидела, что в ее глазах мелькнул торжествующий блеск. «Может, я была не права, столь враждебно восприняв Миш и пытаясь огородить Лизу от всего, связанного с преступлением? Эта самая Миш просто симпатяга. И уж что-что, а свое дело она знает. И выбирает правильные слова. И для нее одинаково важны обе задачи – помочь Лизе и поймать насильника».

– Я тебе позвоню, – сказала Джинни.

Лиза обняла ее.

– Ты и без того столько времени со мной провозилась. Спасибо тебе!

Миш протянула руку и сказала:

– Рада была познакомиться.

Они обменялись рукопожатием.

– Удачи вам, – сказала Джинни. – Надеюсь, вы его все-таки поймаете.

– Я тоже на это надеюсь, – ответила Миш.

Стив припарковался на большой студенческой стоянке в юго-восточной части кампуса Джонс-Фоллз, общая площадь которого составляла не менее ста акров. Было без нескольких минут десять, и кампус так и кишел по-летнему одетыми студентами, спешившими на первую лекцию. Он шел и высматривал в толпе девушку с теннисного корта. Стив понимал, что шансов встретить ее мало, но разглядывал всех высоких темноволосых девушек в надежде заметить в ноздре тоненькое серебряное колечко.

Психологический факультет имени Рут У. Экорн располагался в современном четырехэтажном здании из красного кирпича. Стив назвал в вестибюле свое имя, и ему показали, где находится лаборатория.

На протяжении следующих трех часов он прошел через множество тестов – им занялись всерьез, он такого не ожидал. Его взвесили, измерили рост, сняли отпечатки пальцев. Научные и технические сотрудники, а также студенты фотографировали его уши, проверяли силу, изучали реакцию на проявление насилия, показывая снимки заживо сгоревших людей и расчлененных тел. Он отвечал на вопросы о своих увлечениях, о религиозных верованиях, о девушках и карьерных устремлениях. Его спрашивали, может ли он починить дверной звонок, считает ли себя опрятным и ухоженным, будет ли подвергать своих детей физическим наказаниям. Ему включали разную музыку и спрашивали, какие картины встают при этом у него перед глазами. Но никто, ни один человек не объяснил ему, почему выбрали именно его.

Он был здесь не единственным испытуемым. Вместе с ним в лаборатории находились две маленькие девочки и средних лет мужчина в ковбойских сапогах, джинсах и клетчатой рубашке. В полдень всех их собрали в просторной комнате с диванами и телевизором и угостили пиццей и кока-колой. Только здесь Стив увидел, что «ковбоев» двое. Это были близнецы, средних лет мужчины, необычайно похожие друг на друга и одетые совершенно одинаково.

Он представился и узнал, что мужчин зовут Бенни и Арнольд, а девочек – Сью и Элизабет.

– А вы всегда одинаково одеваетесь? – спросил Стив.

Близнецы переглянулись, затем Бенни ответил:

– Не знаю. Вообще-то мы только что познакомились.

– Как это? – удивился Стив. – Вы же близнецы, и только что познакомились?

– Мы попали к разным приемным родителям еще младенцами. В разные семьи.

– И совершенно случайно оделись одинаково?

– Выходит, что так. Смешно, правда?

– И еще мы оба плотники, – добавил Арнольд, – и оба курим «Кэмел лайтс». И у обоих по двое детей – мальчик и девочка.

– И обеих девочек мы назвали Кэролайн, – подхватил Бенни. – А вот с мальчиками вышла промашка. У меня Джон, а у него Ричард.

Арнольд сказал:

– Вообще-то я хотел назвать своего Джоном, но жена настояла на Ричарде.

– Вот это да! – воскликнул Стив. – Просто не верится, что вкус к определенной марке сигарет может передаваться по наследству.

– Бог его знает, как это происходит.

Одна из маленьких девочек по имени Элизабет спросила Стива:

– А где ваш близнец?

– У меня его нет, – ответил Стив. – Так они изучают здесь именно близнецов?

– Да, – с гордостью ответила девочка и добавила: – Мы со Сью дизиготные близнецы.

Стив удивленно приподнял брови. Девчушке было не больше одиннадцати.

– А вот я не знаю этого слова, – признался он. – Что оно означает?

– Мы разнаяйцевые близнецы. И потому не очень похожи друг на друга. А вот они однайцевые. – Девочка указала на Бенни и Арнольда. – Они монозиготные. ДНК у них одинаковая. И потому они так похожи.

– А ты, наверное, немало знаешь об этом, – заметил Стив.

– Просто мы бывали здесь и раньше, – ответила девочка.

Дверь за спиной Стива отворилась, Элизабет подняла глаза и сказала:

– Здравствуйте, доктор Феррами.

Стив обернулся и увидел свою теннисистку.

Стройное тело скрывал лабораторный халат, но движения ее были быстрыми и точными, как у настоящей спортсменки. И в каждом сквозила сосредоточенность, столь поразившая Стива на корте. Он уставился на нее, не веря своему счастью.

Джинни между тем поздоровалась с девочками и представилась остальным. Пожимая Стиву руку, она внимательно посмотрела на него.

– Так вы Стив Логан! – воскликнула она.

– Вы просто потрясающе играли в теннис, – сказал Стив.

– Но я проиграла. – Она села за стол. Густые темные волосы свободно спадали на плечи, и в безжалостно-ярком свете лабораторных ламп Стив заметил, как в этой роскошной гриве блеснули два-три седых волоска. На сей раз вместо серебряного колечка ноздрю украшала крохотная золотая сережка-гвоздик. Сегодня Джинни наредила ресницы, и от этого ее темные глаза казались еще выразительнее.

Она поблагодарила всех присутствующих за то, что они пожертвовали своим временем во имя научных исследований, а потом спросила, понравилась ли им пицца. Сказав еще несколько любезностей, она отослала девочек и «ковбоев» на тесты.

Потом придвинула свой стул поближе к Стиву. Тот немного занервничал, словно она собиралась сообщить ему какие-то плохие новости.

– Вам, наверное, любопытно, из-за чего весь этот сыр-бор, – начала она.

– Думаю, меня выбрали потому, что я хорошо учился в школе.

– Нет, – ответила она. – Хотя, если честно, по всем интеллектуальным тестам вы получили очень высокие оценки. И ваши успехи в школе лишь подтверждают это. Ваш «ай-кью» просто зашкаливает. Очевидно, учение всегда давалось вам легко?

– Да. Именно поэтому я здесь?

– Нет. Целью нашего проекта является выяснить, насколько человеческий ум и склад характера обуславливаются генетически, то есть наследственностью. Только ли ДНК решает, какими нам быть – умными, агрессивными, романтическими и спортивными? Или же воспитание тоже играет свою роль? И если влияют оба эти фактора, то как они взаимодействуют?

– Извечный спор, – заметил Стив. В колледже он посещал лекции по философии и принимал самое активное участие в дебатах на эту тему. – Таков ли я лишь потому, что таким уродился? Или же я продукт воспитания и общества, в котором рос и развивался? – И он вспомнил сакраментальную фразу, неизбежно завершавшую все эти споры: – Природа или воспитание?

Она кивнула, и ее длинные волосы тяжело колыхнулись, подобно океанской волне. Интересно, подумал Стив, каковы они на ощупь?

– Мы пытаемся разобраться в этой проблеме строго научным способом, – сказала Джинни. – Видите ли, у идентичных монозиготных

близнецов гены совершенно одинаковые. Одни и те же. У разнаяйцевых близнецов – нет, но, как правило, они воспитываются вместе, в одной среде. Мы изучаем оба эти типа и сравниваем с близнецами, которые росли и воспитывались раздельно. И выясняем, много ли между ними общего.

Стив размышлял над тем, какое отношение все это имеет к нему. Интересно, подумал он, сколько же лет Джинни? Вчера, когда она бегала по корту с подобранными под бейсболку волосами, ему показалось, что она его ровесница; теперь же стало очевидно, что ей уже под тридцать. Что вовсе не влияло на его чувства к ней, хотя прежде его никогда не привлекали зрелые женщины.

Она же тем временем продолжала:

– Если роль среды велика, близнецы, выросшие вместе, должны быть очень похожи. А те, что росли раздельно, должны разительно отличаться друг от друга вне зависимости от того, монозиготные они или нет. Но на деле получается совсем иная картина. Однайцевые близнецы сохраняют сходство независимо от того, кто их воспитал. Мало того, у однайцевых близнецов, выросших по отдельности, наблюдается больше сходства, нежели у разнаяйцевых, которые жили вместе.

– Как в случае с Бенни и Арнольдом?

– Именно. Ты сам видел, как они похожи, хоть и выросли в совершенно разных семьях. И это типично для всех таких близнецов. Мы в нашей лаборатории изучили около двухсот людей. Среди них были двое печатающихся поэтов, оба однайцевые близнецы. Еще двое профессионально занимались домашними животными – один работал инструктором на собачьей площадке, второй выводил новые породы, – тоже монозиготные близнецы. И музыканты нам попадались – один преподавал игру на фортепьяно, второй был гитаристом и играл в джазе. Я перечислила наиболее яркие примеры. Как ты уже убедился этим утром, мы прежде всего изучаем различные параметры каждой личности: «ай-кью», физические данные и прочее. И часто вырисовывается одна и та же закономерность: монозиготные близнецы очень схожи вне зависимости от образа жизни и воспитания.

– В то время как Сью и Элизабет совсем разные.

– Правильно. И это несмотря на то, что они живут в одном доме, ходят в одну и ту же школу, едят одну и ту же пищу и так далее. Могут предположить, что Сью молчала на протяжении всего ленча, а Элизабет болтала, не закрывая рта.

– Так оно и было. К тому же она объяснила мне значение слова «монозиготный».

Доктор Феррами рассмеялась, обнажив прекрасные белые зубы и кончик розового язычка, и Стив обрадовался, что ему удалось ее рассмешить.

– Но вы так до сих пор и не объяснили, при чем тут я, – сказал он.

Улыбка на ее лице угасла.

– Боюсь, это будет непросто, – сказала она. – С такими случаями мы до сих пор еще не сталкивались.

И тут вдруг он понял. Это же так очевидно, странно, что он не догадался раньше.

– Вы считаете, у меня есть близнец, о котором я ничего не знаю? – спросил он.

– Я просто не решалась сказать об этом вот так, без подготовки, – ответила Джинни. – Да, мы так думаем.

– Ого! – Голова у него пошла кругом. Трудно было привыкнуть к этой мысли.

– Мне очень жаль.

– Вам незачем извиняться. Ведь это не ваша вина.

– Здесь есть один момент. Обычно люди, прежде чем попасть к нам, знают, что они близнецы. Но я изобрела новый способ подбора испытуемых для наших исследований, и ты у нас такой первый. Вообще-то тот факт, что ты ничего не знал о существовании своего близнеца, служит доказательством правильности моей системы. Но пока что я не считаю возможным доводить до сведения всех подобных людей столь шокирующую новость.

– Я всегда мечтал о брате, – сказал Стив. В семье он был единственным ребенком и появился на свет, когда обоим родителям уже перевалило за тридцать. – У меня брат?

– Да. И вы однояйцевые близнецы.

– Родной брат, близнец, – пробормотал Стив. – Но как же получилось, что я ничего о нем не знал?

Джинни выглядела удрученной.

– Погодите минутку, дайте я сам попробую догадаться, – сказал Стив. – Меня могли усыновить.

Она кивнула.

Это была еще более шокирующая новость: оказывается, отец с матерью ему вовсе не родные.

– Или же моего брата-близнеца могли усыновить, верно?

– Да.

– Или нас обоих, как Бенни с Арнольдом.

– Или обоих, – мрачно повторила она, не сводя с него огромных бархатно-черных глаз.

И несмотря на сумбур, творившийся в его душе и мыслях, он не мог не отметить, как она красива. Стиву хотелось, чтобы она вот так смотрела на него целую вечность.

Джинни откашлялась и сказала:

– У меня уже имеется немалый опыт такой работы, и, как правило, если даже испытуемый не знает, что у него есть близнец, ему известно, что его усыновили. Или удочерили. Мне следовало догадаться, что в твоём случае это не так.

– Просто не верится, – с отчаянием воскликнул Стив, – что папа с мамой могли держать это от меня в тайне! Ведь они оба такие честные, прямодушные люди. Это на них не похоже.

– Расскажи мне о своих родителях.

Стив понимал, что она хочет помочь ему преодолеть потрясение. Собрался с мыслями.

– Мама – вообще исключительная женщина. Вы наверняка слышали о ней. Ее имя Лорейн Логан.

– Известная журналистка, пишет для колонки «Одинокие сердца»?

– Да. Публикуется в сотнях газет, автор шести бестселлеров, посвященных здоровью женщин. Богата и знаменита, и, видит Бог, она это заслужила.

– Почему ты так считаешь?

– Маме не безразличны те, кто ей пишет. Она отвечает на тысячи писем. Практически все эти женщины ждут от нее одного: взмаха волшебной палочки. Сделай так, чтобы избавиться от нежелательной беременности, сделай так, чтоб дети перестали баловаться наркотиками, преврати грубых и жадных мужчин в любящих и заботливых мужей. И она всегда дает им ту информацию, которая им нужна, и говорит, что лучшее решение в любой ситуации – это прислушаться к собственному сердцу. Доверяй своим чувствам и не позволяй никому тебя обижать. На мой взгляд, прекрасный рецепт.

– Ну а отец?

– О, папа, как мне кажется, вполне обычный человек. Военный, в чине полковника, работает в Пентагоне. Отвечает за связи с общественностью, пишет речи за разных там генералов – вот, собственно, и все.

– Сторонник жесткой дисциплины?

Стив улыбнулся.

– У него высоко развито чувство ответственности. Но жестоким или

злым человеком его не назовешь. Еще до моего рождения он воевал в Азии, много чего там повидал, но это ничуть не отразилось на его характере.

– А как было с дисциплиной у тебя?

Стив расхохотался.

– Вы не поверите, но в школе я был страшным драчуном и забиякой. Вечно влипал в разные истории.

– Какие истории?

– Ну, связанные с нарушением дисциплины. Бегал по коридорам. Носил красные носки. Жевал на уроках жвачку. В возрасте тринадцати лет даже поцеловал Венди Праскер за полкой в школьной библиотеке.

– Почему?

– Уж очень хорошенькая она была.

Джинни рассмеялась.

– Да нет, я имела в виду, почему ты все время нарушал дисциплину?

Он покачал головой.

– Как-то не получалось быть послушным. Я делал то, что хотелось делать. Все эти правила казались такими глупыми, и мне становилось скучно. Меня давно бы вышвырнули вон из школы, если б не отличные оценки. К тому же я был капитаном разных спортивных команд: футбольной, баскетбольной, бейсбольной. Иногда я сам не понимал, зачем это делаю. Скажите, я, наверное, просто испорченный, да?

– Каждый испорчен по-своему.

– Наверное. А зачем вы носите в ноздре сережку?

Джинни приподняла бровь, словно говоря: «Это я задаю здесь вопросы, а не ты», – но затем все же ответила:

– Лет в четырнадцать была панком – зеленые волосы, рваные чулки, все такое прочее. Ну и ноздрю тогда проколола.

– Если не вставлять колечко, она зарастет.

– Знаю. Наверное, ношу ее потому, что считаю абсолютную респектабельность скучной.

Стив улыбнулся. «О Господи, до чего же мне нравится эта женщина, – подумал он, – пусть даже она и слишком для меня стара». Затем его мысли вновь переключились на только что услышанную важную новость.

– Почему вы так уверены, что у меня есть близнец?

– Я разработала компьютерную программу, с помощью которой можно проводить поиск медицинских записей и других данных по близнецам. У идентичных близнецов одинаковые мозговые волны, электрокардиограммы, отпечатки пальцев и зубы. Я изучила огромную базу данных со стоматологическими рентгеновскими снимками,

предоставленными медицинской страховой компанией, и нашла там человека, чье строение зубов в точности совпадает с твоим.

– Звучит не слишком убедительно.

– Может, и нет, но даже дырки у него там же, где у тебя.

– И кто он такой?

– Деннис Пинкер.

– Где он живет?

– Ричмонд, штат Виргиния.

– Вы с ним встречались?

– Как раз собиралась вылететь в Ричмонд завтра. Предстоит взять у него массу разных анализов, в том числе и крови, чтобы сравнить ваши ДНК. Тогда мы будем знать наверняка.

Стив нахмурился.

– Скажите, а есть какая-то более конкретная область в генетике, которая вас интересует?

– Да. Я стараюсь выяснить, в какой степени криминальные наклонности являются наследственными.

Стив кивнул:

– Ясно. И что же он натворил?

– Прости, не поняла?

– Что натворил этот Деннис Пинкер?

– Не понимаю, о чем ты.

– Ведь вы едете к нему сами, вместо того, чтобы пригласить его сюда.

Так что он, надо понимать, за решеткой.

Джинни слегка покраснела, словно ее уличили во лжи. И когда ее щеки порозовели, она стала выглядеть еще сексуальнее.

– Да, ты прав, – ответила она.

– Так за что он сидит?

Она колебалась еще секунду.

– За убийство.

– Господи! Мало того, что у меня брат-близнец, так он к тому же еще и убийца! Господи Иисусе!...

– Мне очень жаль, – тихо произнесла она. – Надо было как-то иначе подавать эти новости. Подготовить тебя.

– Это надо же! Приехал сюда, думал больше о себе узнать и вдруг узнаю такое!

Джинни наверняка не знает и не должна знать, что он в свое время едва не убил человека. Парнишку по имени Тип Хендрикс.

– Вот поэтому я очень на тебя надеюсь, – сказала Джинни.

– Это почему же?

– Вопрос стоит так: является ли склонность к преступлению наследственной? Я опубликовала работу, где доказывается, что наследуются определенные черты характера: импульсивность, смелость, агрессивность и гиперактивность. Но станет ли такой человек преступником, зависит от того, как его воспитали родители. В доказательство моей теории я должна найти пары идентичных близнецов, один из которых стал преступником, а другой является законопослушным гражданином. Вы с Деннисом моя первая пара. И ты являешь собой само совершенство, а он сидит в тюрьме. Ты уж извини, но ты просто идеальный американский парень. Честно сказать, я так разволновалась, что едва могу усидеть на месте.

Мысль о том, что женщина может так из-за него разволноваться, заставила Стива занервничать. И он отвернулся, опасаясь, что она увидит его лицо и все поймет. И еще его страшно расстроило известие о том, что у него одинаковые с преступником гены. Куда это может его завести?

За спиной у Стива отворилась дверь, Джинни подняла глаза.

– Привет, Берри, – сказала она. – Вот, Стив, познакомься, это профессор Беррингтон Джонс, руководитель наших исследований.

Профессор оказался мужчиной невысокого роста лет шестидесяти, с довольно красивым лицом и гладко прилизанными серебристыми волосами. На нем был дорогой костюм из серого ирландского твида с искрой, красный галстук-бабочка в белый горошек, и весь он был такой аккуратный, начищенный, прямо с иголки. Стив вспомнил, что несколько раз видел его по телевизору, где он вещал о том, что скоро вся Америка провалится в адскую преисподнюю. Стив вовсе не разделял эти его взгляды, но его учили быть вежливым. А потому он поднялся и протянул руку для рукопожатия.

Беррингтон Джонс смотрел на него так, словно увидел привидение.

– Господи Боже мой! – пробормотал он, и лицо у него побледнело.

– Что такое, Берри? Что случилось? – воскликнула Джинни.

Стив сказал:

– Простите, сэр, я сделал что-то не так?

Профессор помолчал, затем взял себя в руки.

– Прошу прощения. Нет, ничего все в порядке, – сказал он, но видно было, как он потрясен. – Просто я вдруг подумал... вернее, вспомнил одну вещь... о которой давно забыл. То была страшная ошибка. Пожалуйста, прошу меня извинить... – И он направился к двери, бормоча извинения.

Стив взглянул на доктора Феррами.

Она пожала плечами, потом беспомощно развела руками.
– Иногда он меня просто убивает! – сказала она.

Беррингтон сидел за письменным столом, прерывисто дыша.

Офис у него был угловой, просторный, но обстановка спартанская: полы, покрытые пластиковой плиткой, белые стены, дешевые книжные полки, стандартные ящики с картотекой. Впрочем, ученым и не полагалось иметь роскошные кабинеты. На экране компьютера была заставка – медленно вращающаяся спираль ДНК. На столе стояла фотография самого хозяина компании, Джеральдо Ривьеры, Ньюта Джингрича и Раша Лимбоу^[1]. Окно выходило на здание спортивного зала, в настоящее время закрытого – из-за вчерашнего пожара. Через дорогу виднелся теннисный корт, на нем, несмотря на жару, играли два юноши.

Беррингтон потер глаза.

– Черт, черт, черт! – с чувством воскликнул он.

Он сам уговорил Джинни Феррами приехать сюда. Ее работа по криминальному типу личности создавала основу для новых революционных исследований в генетике. Эта проблема была краеугольным камнем проекта компании «Дженетико». И ему хотелось, чтобы она продолжила свои исследования под его крылом. Он заставил руководителей Джонс-Фоллз взять девушку на работу с условием, что ее исследования будут финансироваться «Дженетико».

С его помощью она достигнет небывалых высот, и тот факт, что она происходила из бедной семьи, лишь подкреплял эту уверенность. Первый месяц работы Джинни в Джонс-Фоллз подтвердил, что он в ней не ошибся. Она энергично взялась за дело, и работа над проектом шла полным ходом. Она нравилась большинству сотрудников, хотя порой и была резковата. На второй же день лаборанту, парню с конским хвостом, считавшему, что можно относиться к своим обязанностям кое-как, так от нее досталось, что он до сих пор не мог опомниться.

Беррингтон и сам был покорен этой девушкой. Потрясающе красива, да к тому же еще и умница. И он разрывался между отеческими чувствами, стремлением направлять и поддерживать ее и сильнейшим желанием ее соблазнить.

И вот теперь это!...

Немного придя в себя, он снял телефонную трубку и позвонил Престону Барку. Престон был его старым приятелем, познакомились они еще в 60-х годах в Массачусетском технологическом университете, где

Беррингтон работал над диссертацией по психологии, а Престон оканчивал факультет эмбриологии и был самым способным студентом. Ровесники считали их немного странными: в период, когда торжествовали образ жизни и стиль хиппи, эти двое носили твидовые костюмы и короткие аккуратные стрижки. Вскоре выяснилось, что у приятелей много общего: оба относились к современному джазу, как к настоящему кошмару, к сигарете с марихуаной – как к первому шагу на пути к героину, а единственным честным политиком в Америке для них был Барри Голдуотер^[2]. Их дружба оказалась более крепкой, чем их браки. Беррингтон ни разу не имел повода усомниться в верности и преданности своего друга. Тот постоянно был рядом, как Канада.

Как раз сейчас Престон должен быть в штаб-квартире «Дженетико», которая находилась в графстве Балтимор, к северу от города, и представляла собой несколько приземистых аккуратных зданий с видом на поле для гольфа. Секретарша Престона сказала, что ее босс на совещании, но Беррингтон настоял, чтобы его немедленно с ним соединили.

– Доброе утро, Берри! Что случилось?

– Кто там с тобой?

– Только Ли Хо, один из старших аудиторов «Ландсманна». Как раз уточняли последние детали счетов «Дженетико».

– Гони его в шею!

Теперь голос Престона доносился издалека:

– Извините, Ли, но я вынужден переговорить тут с одним человеком. Приглашу вас через несколько минут. – Пауза, он снова заговорил в трубку: – Знаешь, кто он? Правая рука Майкла Мейдигана. А Мейдиган – на тот случай, если ты забыл, – управляющий «Ландсманна». И если ты по-прежнему столь же трепетно относишься к нашей вчерашней затее, то лучше нам не...

Тут Беррингтон не выдержал и перебил его:

– Стивен Логан здесь.

В трубке повисло молчание. Затем Престон очнулся:

– В Джонс-Фоллз?

– Да, именно. Прямо здесь, на факультете психологии.

Престон тут же позабыл о Ли Хо.

– Господи Иисусе, как он там оказался?

– Он испытуемый. Вызван для прохождения тестов в лаборатории.

– Как, черт возьми, это могло произойти?!

– Не знаю. Просто столкнулся с ним лицом к лицу пять минут тому назад. Можешь вообразить мое удивление.

– Так ты его узнал?
– Ну конечно, узнал.
– И зачем он им понадобился?
– Задействован в обследовании пар близнецов.
– Близнецов? – взвыл Престон. – Ты сказал, близнецов? Но кто же тогда второй?

– Еще не знаю. Послушай, что-то в этом роде должно было произойти рано или поздно.

– Надо же, чтобы именно сейчас! Следует немедленно приостановить все эти дела с «Ландсманном».

– Ни в коем случае! Не позволю тебе использовать это, как предлог для отмены или приостановления сделки. Ты слышишь, Престон? – Теперь Беррингтон уже жалел, что позвонил старому другу. Просто хотелось поделиться своими чувствами с близким человеком. К тому же Престон был наделен незаурядным стратегическим мышлением. – Надо придумать, как удержать ситуацию под контролем.

– Кто пригласил Стива Логана в университет?

– Новый ассистент профессора, которого мы недавно наняли. Доктор Феррами.

– Тот, что написал эту убойную статейку по криминалистике?

– Да, за тем только исключением, что это женщина. Причем весьма привлекательная женщина...

– Да плевал я, будь она хоть сама Шарон Стоун!

– Короче, именно она привлекла Стивена для участия в проекте. И сидела с ним, когда я его увидел. Я проверю.

– Это главное, Берри. – Похоже, Престон немного успокоился и сфокусировался на выходе из создавшегося положения. – Выясни, почему и как привлекли именно его. А уж потом мы оценим, насколько велика опасность.

– Вызову ее прямо сейчас.

– Действуй. И сразу же перезвони мне, о'кей?

– Конечно. – Беррингтон повесил трубку.

Тем не менее, он не стал сразу вызывать Джинни. Решил поначалу справиться с мыслями.

На столе стояла старая черно-белая фотография его отца – молодого лейтенанта ВМС в нарядной белой морской форме. Беррингтону было всего шесть лет, когда затонул «Васп». И как каждый мальчишка в Америке, он ненавидел японцев и играл в игры, где «убивал» их дюжинами. Отец всегда оставался для него непобедимым героем, высоким,

красивым, храбрым и сильным. При одной мысли о том, что его замечательного отца убили япошки, на него накатывала ярость. И он молился Богу и просил о том, чтобы война длилась как можно дольше, чтобы он успел вырасти, пойти служить на флот и отомстить за отца, перебив целый миллион японцев.

Он так никогда никого и не убил. Но никогда не нанимал японских служащих, не принимал в университет студентов-японцев, не позволял японским ученым работать в своей лаборатории.

Многие мужчины, когда перед ними встает какая-либо проблема, задают себе вопрос: как бы на моем месте поступил отец? У него такой возможности не было. Он был слишком мал и не успел узнать своего отца. А потому понятия не имел, как бы поступил лейтенант ВМС Джонс в кризисной ситуации. По-настоящему у него никогда не было отца – был лишь супергерой, некий далекий и непонятный идеал.

Он спросит Джинни Феррами о методах подбора испытуемых. А потом пригласит ее вместе пообедать.

Беррингтон набрал внутренний номер лаборатории Джинни. Она тут же сняла трубку. Он немного понизил голос и заговорил с ней голосом, который его бывшая жена Вивви называла «бархатным».

– Джинни? Это Берри, – начал он.

Она тут же перебила его со своей обычной резкостью:

– Что, черт побери, происходит?

– Могу я потолковать с тобой минуту-другую?

– Конечно.

– Тогда зайди ко мне в офис.

– Иду! – И она повесила трубку.

В ожидании Джинни он вспоминал женщин, с которыми переспал. Нет, сколько их было, разумеется, теперь не припомнишь, но что больше десятка – это точно. Может, даже больше сотни?... Это означает, что с того момента, как ему стукнуло девятнадцать, на каждый год приходилось в среднем по две с половиной партнерши, но на деле их, конечно, было гораздо больше. Тысяча? Стало быть, двадцать пять в год, новая женщина каждые две недели – и так на протяжении сорока лет?... Нет, такие подвиги ему не под силу. На протяжении десяти лет он был женат на Вивви Эллингтон и за это время позволил себе не более пятнадцати – двадцати связей. Правда, после развода постарался наверстать упущенное. Так что получается где-то между сотней и тысячей. Однако у него и в мыслях не было тащить Джинни в постель. Задача стояла другая: выяснить, как и где, черт побери, она нашла Стива Логана.

Джинни постучала в дверь и вошла. Поверх блузки с юбкой на ней был белый лабораторный халат. Беррингтону нравилось, когда молоденькие женщины носили такие халаты, как платья – прямо поверх нижнего белья. Он находил это очень сексуальным.

– Спасибо, что пришла, – сказал он, предложил ей стул, затем придвинул поближе свой, чтобы ничто не разделяло их, даже стол.

Прежде всего необходимо предоставить Джинни сколько-нибудь правдоподобное объяснение того, почему он так разволновался при виде Стива Логана. Обмануть такую женщину, как Джинни, нелегко. Надо было хорошенько это обдумать, а не заниматься подсчетом своих любовных побед.

Он сел и одарил ее обезоруживающей улыбкой.

– Хочу извиниться за свое неадекватное поведение, – начал он. – Я загружал в компьютер файлы, передаваемые из университета в Сиднее. – Он махнул рукой в сторону компьютера. – И как раз когда вы собрались представить меня этому молодому человеку, вдруг вспомнил, что оставил компьютер включенным, а телефонную линию – занятой. Почувствовал себя полным идиотом и страшно рассердился.

Объяснение было слабеньким, но ее оно, похоже, удовлетворило.

– Я рада, – тихо сказала она. – А то мне показалось, что я вас чем-то обидела.

Что ж, тем лучше.

– Как раз собирался потолковать о твоей работе, – невозмутимо продолжил он. – Ты прекрасно начала, в этом нет сомнений. Ты здесь всего четыре недели, а работа над проектом уже идет полным ходом. Поздравляю.

Джинни кивнула.

– Перед тем как начать, я все лето совещалась с Эрбом и Фрэнком, – сказала она. – Эрб Диксон возглавлял факультет, Фрэнк Демиденко был профессором. Мы заранее обговорили все детали.

– Расскажи мне об этом поподробнее. Возможно, у вас возникли какие-то проблемы? Я могу чем-нибудь помочь?

– Главная проблема – это подбор испытуемых, – ответила Джинни. – Все они добровольцы, и большая их часть принадлежит, подобно Стиву Логану, к среднему классу. Это американцы, убежденные в том, что настоящий гражданин должен всячески поддерживать проведение научных исследований. Бездельники и наркоманы, как правило, обходят нас стороной.

– О чем не преминут упомянуть наши критики из либералов.

– С другой стороны, просто невозможно изучать агрессивный, криминальный тип личности, опираясь лишь на добропорядочных американских граждан среднего класса. Но мне удалось найти решение этой проблемы.

– И в чем же оно заключается?

– Мне пришло в голову, что медицинская информация о миллионах наших сограждан находится сегодня в огромных базах данных, которые собирают страховые компании и различные правительственные агентства. У них собраны и те данные, которыми мы пользуемся при определении типа близнецов: энцефалограммы мозговых ритмов, электрокардиограммы и прочее. Если, например, искать пары со схожими электрокардиограммами, то среди них вполне можно обнаружить близнецов. А если база данных действительно обширна и полна, она позволяет выявить пары тех близнецов, которые росли и воспитывались раздельно. Это сработало. Кое-кто из них даже понятия не имел, что у него есть близнец.

– Замечательно! – воскликнул Беррингтон. – Просто и оригинально. Все гениальное просто. – Он ничуть не кривил душой. Идентичные близнецы, выросшие раздельно, были крайне важны для генетических исследований, и раньше ученые с трудом находили таких испытуемых. До настоящего момента выйти на них можно было лишь одним способом – через публикации. Они читали журнальные статьи об исследовании близнецов и договаривались с теми о сотрудничестве. И, как совершенно верно отметила Джинни, добровольцы принадлежали преимущественно к среднему классу, что не слишком способствовало полноте исследований криминальных наклонностей.

Но лично для него это открытие было катастрофой. И он старался скрыть свой страх и растерянность. Нет, это больше, чем катастрофа. Буквально вчера вечером Престон Барк сказал: «У каждой компании свои секреты». А Джим Пруст был настроен более оптимистично и заметил, что их тайн никто никогда не узнает. Они не учли, на что способна эта Джинни Феррами.

Беррингтон ухватился за соломинку.

– Но находить подобные материалы в базе данных не так-то просто.

– Верно. Графические изображения занимают слишком много мегабайт. Проведение поиска по таким записям куда сложнее, чем проверка правописания в докторских диссертациях.

– Полагаю, что тут все дело в устройстве поисковой программы. Так как же ты поступила?

– Создала свою собственную.

Беррингтон изумился:

– Ты?!

– Да. Я еще в Принстоне окончила курс компьютерного программирования. А в Миннесоте под руководством своего профессора разрабатывала нейтральную сетевую программу распознавания моделей.

Неужели женщина способна на такое?

– Ну и как же она работает?

– Использует особую логику для ускорения формирования пар. Ведь пары, которые мы ищем, во многом схожи, но не абсолютно идентичны. К примеру, рентгеновская съемка идентичных зубов не всегда дает одинаковые результаты, в зависимости от техники и методов, которые при этом используются. Но человеческий глаз воспринимает их как совершенно одинаковые, и если эти снимки подвергнуть сканированию и поместить в электронную базу данных, компьютер, использующий мою программу, сможет подбирать пары.

– Полагаю, для этого понадобится компьютер размером с Эмпайр-Стейт-билдинг.

– А потом я поняла, что единственный способ ускорить процесс подбора парных моделей – это просматривать лишь небольшие фрагменты изображений. Ну сами подумайте, для того, чтобы узнать своего друга, вам вовсе не обязательно видеть все его тело, достаточно лица. Любители автомобилей могут определить марку любой машины по снимку одной фары. Моя сестра может назвать любой хит Мадонны, послушав мелодию лишь несколько секунд.

– Но это чревато ошибками.

Она пожала плечами:

– Да, не подвергая сканированию все изображение целиком, вы рискуете проглядеть ряд сходств. Но я все рассчитала. Этот метод позволяет радикально сократить процесс поиска и свести возможность ошибок к минимуму, до уровня статистической погрешности.

Все психологи, разумеется, изучают статистику.

– Но как одна и та же программа может сканировать рентгеновские снимки, электрокардиограммы и отпечатки пальцев?

– Она узнаёт и различает только электронные модели. Ей ведь все равно, что они собой представляют.

– Так эта программа уже работает?

– Полагаю, что да. Мне пришлось получить специальное разрешение у крупной страховой медицинской компании, чтобы испытать ее на базе

данных стоматологических снимков. И мы получили несколько сотен пар. Но разумеется, меня интересовали лишь близнецы, выросшие раздельно.

– И как же вы их выбирали?

– Я исключила все пары с одинаковыми фамилиями, а также всех замужних женщин, поскольку в большинстве своем они берут фамилии мужей. И остались лишь близнецы, не имевшие каких-либо очевидных причин носить разные фамилии.

Гениально, подумал Беррингтон. Он испытывал одновременно восхищение перед Джинни и страх, что она может все узнать.

– И сколько же у вас осталось?

– Три пары, чем, надо сказать, я была изрядно разочарована. Я надеялась получить больше. В первом случае один из близнецов изменил фамилию по чисто религиозным соображениям: он принял мусульманство и выбрал себе арабское имя. Вторая пара бесследно исчезла. К счастью, третья пара оказалась на месте и удовлетворяла всем требованиям: Стивен Логан – законопослушный гражданин, Деннис Пинкер – убийца.

Беррингтон это знал. Однажды поздним вечером Деннис Пинкер перерезал электропроводку в кинотеатре во время сеанса (в тот день шел фильм под названием «Пятница, 13-е»). Началась паника, и он, воспользовавшись этим, начал приставать к женщинам. Одна из них оказала сопротивление, и он ее убил.

Итак, Джинни нашла Денниса. Господи, подумал он, да ведь она опасна. Она может все погубить – деловую репутацию, политическую карьеру Джима, «Дженетико», его собственную репутацию. Он ощутил страх и одновременно гнев. Как же это получается, что его собственная протезе угрожает всему, что он создал за долгие годы?... Нет, он не может этого допустить.

Хорошо, что она попала именно сюда, в Джонс-Фоллз, и он получил возможность одним из первых узнать о ее замыслах. Но выхода он пока не видел. Вот если бы все ее файлы сгорели при пожаре или сама она погибла в автокатастрофе... Впрочем, это всего лишь дурацкие фантазии.

Может, попробовать подорвать ее веру в программу?...

– А Стив Логан знал, что его усыновили? – спросил он, с трудом скрывая гнев и раздражение.

– Нет. – На лбу Джинни прорезалась морщинка озабоченности. – Мы знаем, родители часто лгут детям, не говорят им, что они не родные, но Стив убежден, что мать обязательно сказала бы ему правду. Впрочем, может быть и другое объяснение. Положим, они по какой-то причине не смогли оформить усыновление по обычным каналам и просто купили себе

ребенка. И именно потому и лгали.

– Или же просто твоя система подвела, – заметил Беррингтон. – Ведь тот факт, что у двоих мальчишек одинаковые зубы, еще не доказывает, что они близнецы.

– Нет, не думаю, что тут виновата система, – быстро ответила Джинни. – Меня беспокоит другое – то, что предстоит сказать десяткам людей, что они были усыновлены или удочерены. Не уверена, что имею право таким образом вмешиваться в их жизнь.

Беррингтон взглянул на часы.

– Мне пора. Но страшно хотелось бы продолжить эту нашу дискуссию. Может, пообедаем вечером вместе?

– Сегодня?

– Да.

Он видел, что она колеблется. Им уже доводилось однажды обедать во время Международного конгресса по изучению близнецов – собственно, именно там они и познакомились. Еще они выпивали вместе в баре клуба университета Джонс-Фоллз, когда она уже работала здесь, да как-то раз в субботу случайно столкнулись на торговой улице в Чарлз-Виллидж, и Беррингтон пригласил Джинни в Балтиморский музей изобразительных искусств. Нет, она не влюблена в него, это ясно. Однако все эти три раза ей было весело и интересно в его компании. Кроме того, он ее руководитель, так что отказаться ей трудно.

– Почему бы нет? – ответила она.

– Тогда приглашаю тебя в «Хэмптонс» в отеле «Харбор-Корт». Лично я считаю его лучшим рестораном в Балтиморе.

Это действительно был роскошный ресторан.

– Чудесно, – сказала она и встала.

– Тогда я заеду за тобой в восемь?

– О'кей.

Она пошла к двери, а Беррингтон мысленно раздел ее и увидел ее обнаженную спину, гладкую и мускулистую, маленький упругий зад и длинные-длинные ноги. Он задохнулся от желания, в горле у него пересохло. И тут дверь за ней затворилась.

Беррингтон потряс головой, желая избавиться от похотливых фантазий, затем перезвонил Престону.

– Все гораздо хуже, чем мы предполагали, – сразу заявил он. – Она создала специальную компьютерную программу, которая занимается изучением медицинских баз данных и находит идентичные пары, и с первой же попытки отыскала Стивена и Денниса.

- Черт!...
 - Надо предупредить Джима.
 - Надо собраться всем вместе и решить, что, черт побери, нам теперь делать. Может, сегодня вечером?
 - Сегодня я обедаю с Джинни.
 - Считаешь, это поможет снять проблему?
 - Ну, в любом случае, не повредит.
 - И все же мне кажется, что сделку с «Ландсманном» мы должны временно отложить.
 - Не согласен, – сказал Беррингтон. – Она, конечно, очень умна, но раскрыть все до конца за неделю какой-то девчонке просто не под силу.
- Однако, вешая трубку, он уже не был так твердо в этом уверен.

Студентов в аудитории факультета биологии человека собралось немного, и все они вели себя беспокойно. Джинни понимала, по какой причине. Она и сама немного нервничала. Ведь совсем недавно в университете произошел пожар, а затем – изнасилование. Уютный и тихий академический мирок был выведен из равновесия. Все беспрестанно возвращались мыслями к тому, что произошло.

– Поддающиеся анализу и наблюдению вариации в мышлении человеческих существ можно объяснить тремя факторами, – начала Джинни. – Первый: различными генами. Второй: различной средой обитания. Третий: ошибками в оценках и измерениях. – Она сделала паузу. Студенты прилежно строчили в блокнотах и тетрадах.

Ей и прежде доводилось наблюдать это явление. Стоило включить в лекцию какой-либо нумерованный список, как все тут же бросались записывать. Если б она просто сказала: «Различные гены, различные среды обитания и возможность ошибки в эксперименте», большинство даже не прикоснулось бы к блокнотам и ручкам. А потому, впервые сделав это открытие, она старалась использовать в лекциях как можно больше нумерованных перечней и списков.

Джинни была хорошим преподавателем – к своему собственному удивлению. Прежде она не замечала в себе соответствующих качеств. Нетерпеливая, иногда даже вспыльчивая и резкая, она тем не менее умела объяснять коротко, ясно и четко. И не было для нее большего счастья, чем видеть, как лица студентов озаряются радостью понимания.

– Все это можно выразить следующим равенством, – сказала она, повернулась и застучала по доске мелом:

$$V_t = V_g + V_e + V_m,$$

где V_t – общее число вариаций, V_g – генетическая составляющая, V_e – составляющая среды и V_m – ошибка в измерениях.

Студенты тут же записали равенство.

– То же самое уравнение можно применить к любому измеряемому различию между людьми, начиная с их роста и веса и заканчивая верой в Бога. Кто может найти недостаток в этом равенстве? – Студенты молчали, и тогда она предложила подсказку: – Сумма может быть больше, чем отдельные составляющие. Почему?

Заговорил один из молодых людей. Вот так всегда: самыми

инициативными были юноши, девушки почему-то робели, и это ее раздражало.

– Потому что гены и среда взаимодействуют, умножая тем самым результат...

– Совершенно верно. Гены подталкивают вас к одной среде и отталкивают от другой. Дети с разным темпераментом вызывают разное отношение со стороны родителей. У активных малышей один опыт, а у вялых и медлительных – совсем другой, даже если они растут в одном доме. Отчаянные подростки чаще злоупотребляют наркотиками, нежели мальчики из церковного хора, хотя живут в том же городе. А потому мы должны добавить к правой части этого равенства переменную *Sge*, означающую ковариации, или взаимодействие, среды и генов. – Она снова застучала мелом по доске, затем украдкой взглянула на швейцарские армейские часы на запястье. Было пять минут пятого. – Вопросы есть?

На сей раз заговорила студентка. Донна-Мария Диксон, медсестра, поступившая в колледж, когда ей было уже за тридцать, была способной, но очень стеснительной. Она спросила:

– А как же тогда Осмонды?

В аудитории послышались смешки, женщина покраснела. Джинни вежливо заметила:

– Объясните, кого вы имеете в виду, Донна-Мария. Большинство наших учащихся слишком молоды и могут не знать, кто такие Осмонды.

– Была такая поп-группа в семидесятых. Сестры и братья. Вся семья Осмондов была страшно музыкальной. Но гены при этом у них были разные, они не были близнецами. Очевидно, на выбор профессии повлияла семейная среда. То же наблюдалось и у пятерки Джексонов. – Кое-кто из студентов снова засмеялся, женщина робко улыбнулась и заметила: – Вот видите, выдала свой возраст.

– Мисс Диксон затронула очень важный момент. Странно, что никто из вас об этом не подумал, – сказала Джинни. Она, конечно, ничуть не удивилась, просто хотела подбодрить Донну-Марию. – Харизматические и целеустремленные родители могут заставить своих детей соответствовать какому-то идеалу вне зависимости от генетической наследственности. В то время как родители, грубо обращающиеся со своими детьми, могут превратить их в шизофреников. Но это скорее исключительные случаи. Ребенок, недоедавший в детстве, будет отставать в развитии, даже если его родители высокие и упитанные люди. Перекормленный ребенок будет страдать от избыточного веса, даже если его предки были худыми или стройными. Тем не менее, с каждым новым исследованием становится все

более очевидно, что природу ребенка, его характер и способности определяет прежде всего генетическая наследственность, а уже во вторую очередь – среда и воспитание. – Она сделала паузу и добавила: – Если вопросов больше нет, прошу вас к следующему понедельнику прочесть работу Бушар, опубликованную в журнале «Наука» за 12 октября 1990 года. – Джинни начала собирать бумаги со стола.

Студенты тоже начали собирать свои книжки. Джинни задержалась еще на минуту-другую, чтобы дать возможность самым робким и нерешительным студентам подойти и задать какой-нибудь вопрос ей лично. Ведь известно, что из интровертов часто вырастают великие ученые.

Подошла Донна-Мария. У нее было милое круглое лицо и светлые вьющиеся волосы. Должно быть, она очень хорошая медсестра, подумала Джинни, спокойная, собранная.

– Мне страшно жаль Лизу. Бедняжка! – сказала Донна-Мария. – Просто ужас! Как только такое могло случиться?!

– А полиция все лишь усугубила, – заметила Джинни. – Коп, который отвез ее в больницу, оказался полным идиотом и хамом.

– О, это ужасно. И все-таки, может, они поймают парня, который это сделал? По всему кампусу уже из рук в руки передают его снимки.

– Вот и прекрасно! – Снимки, о которых говорила Донна-Мария, очевидно, стали плодом совместных усилий Лизы и компьютерной программы Миш Делавер. – Когда я уходила утром из ее квартиры, она как раз была занята составлением фоторобота. Вместе с полицейским.

– Как она себя чувствует?

– Еще немного заторможена... и вместе с тем на взводе.

Донна-Мария кивнула:

– Они все проходят через несколько стадий. Первая – полное отрицание всего и вся. Говорят, что хотят поскорее забыть обо всем и продолжать нормальную жизнь. Но это не так-то просто.

– Неплохо бы ей поговорить с вами. Вы можете ей помочь.

– В любое время, – охотно согласилась Донна-Мария.

Джинни прошла через кампус к Дурдому. Жара не спадала. Внезапно она поймала себя на том, что все время нервно озирается, точно ковбой в каком-нибудь вестерне, ожидающий нападения из-за угла. До сегодняшнего дня кампус в Джонс-Фоллз казался ей эдаким островком старомодного спокойствия и умиротворенности, оазисом в пустыне современного американского, города. Если точнее, университет Джонс-Фоллз и сам походил на небольшой городок, со своими банками, магазинами, спортивными сооружениями, стоянками для автомобилей, барами,

ресторанами, офисами и жилыми корпусами. Население его составляло около пяти тысяч человек, половина из которых жили в кампусе. И вот теперь здесь стало опасно. «Негодяй, он просто не имел права делать это, – с горечью думала Джинни, – ведь именно из-за него мне теперь страшно здесь находиться. Возможно, любое преступление оказывает на людей такой же эффект: почва, казавшаяся прежде твердой, уходит из-под ног».

Она вошла к себе в кабинет и тут же вспомнила Беррингтона Джонса. Интересный мужчина и всегда так внимателен к женщинам. Проводя время в компании с ним, она всякий раз получала удовольствие. К тому же она была перед ним в долгу – ведь именно Беррингтон пригласил ее сюда на работу.

С другой стороны, есть в нем что-то скользкое. Она всегда подозревала, что он умеет манипулировать людьми, в особенности женщинами. При виде Беррингтона она всякий раз вспоминала одну шутку. Мужчина говорит женщине: «Расскажите мне о себе все без утайки. Например, нравлюсь ли я вам?»

Порой ей казалось, что он вообще мало походил на ученого. Но Джинни и прежде замечала, что настоящие гении академического мира мало соответствуют сложившемуся в обществе представлению об ученых мужах, как об эдаких рассеянных и немного беспомощных людях. Беррингтон всегда выглядел и действовал, как человек сильный и властный. За последние несколько лет он не сделал ни одного сколько-нибудь выдающегося научного открытия, но это было нормально: все самые блистательные и оригинальные открытия, как правило, делают люди в возрасте до тридцати пяти лет. По мере старения ученые используют весь свой опыт и интуицию, чтобы помочь развитию науки, направить молодые талантливые умы. И у Беррингтона это прекрасно получалось: он руководил сразу тремя кафедрами, умело распределяя между ними деньги, полученные от компании «Дженетико». Правда, он не пользовался у студентов безоговорочным уважением, на которое мог бы рассчитывать. Наверное, это происходило потому, что другие ученые не одобряли его увлечения политикой. Джинни и сама считала, что ученый он прекрасный, а вот политик – сомнительный.

Вначале она охотно поверила в историю Беррингтона о том, что он якобы получал какие-то файлы из Австралии, но затем стала сомневаться. Берри смотрел на Стивена Логана так, словно увидел привидение, и какой-то телефонный счет тут ни при чем.

Почти в каждой семье существует своя тайна. У замужней женщины может быть любовник, и только она знает, кто настоящий отец ее ребенка.

Молоденькая девушка может родить и отдать свое дитя матери. А после этого вся семья будет соблюдать конспирацию и делать вид, что это ее младшая сестренка. Детей усыновляют и удочеряют соседи, родственники и друзья, и приемные родители скрывают от них правду. Может, Лорейн Логан действительно всегда была откровенна с приемным сыном, но у нее есть какие-то свои причины скрывать от Стива тайну его происхождения. Но при чем тут Беррингтон? Может, он настоящий отец Стива?... При мысли об этом Джинни улыбнулась. Берри – красавчик, но дюймов на шесть, если не больше, ниже Стива. Хотя... как знать, все возможно, но это объяснение казалось маловероятным.

Почему-то ее беспокоила эта тайна. Во всех других отношениях Стивен Логан был ее настоящим триумфом. Закопослушный гражданин, имеющий брата-близнеца – закоренелого преступника, Стив как бы подтверждал действенность разработанной ею программы и правильность теории криминальной личности. Нет, разумеется, чтобы окончательно доказать правильность этой теории, ей понадобится не менее сотни таких же близнецов, как Стивен и Деннис. Но лучшего начала просто не придумать.

Завтра она увидит Денниса. И если тот окажется каким-нибудь черноволосым карликом, она сразу поймет, что ее система несовершенна. Но если она права, Деннис будет точной копией Стивена Логана...

Ее потряс тот факт, что Стив Логан не знал о своем усыновлении. Следует разработать отдельную процедуру для подобных случаев. В будущем ей следует начинать с контакта с родителями, проверяя прежде всего, что они сказали своим детям, а уж потом иметь дело с близнецами. Это, конечно, замедлит работу, но иначе никак нельзя. Она не собирается срывать маски и разглашать семейные тайны.

Проблему можно решить. И в то же время ее не оставляло тревожное чувство, ощущение какого-то неприятного осадка после расспросов Беррингтона и искреннего изумления Стива Логана. И она принялась обдумывать следующий этап проекта. Надо использовать компьютерную программу для сканирования картотеки отпечатков пальцев ФБР.

Идеальный источник информации. Многие из двадцати двух миллионов человек, чьи отпечатки пальцев находились в этих файлах, совершили преступления или были подозреваемыми. И если ее программа сработает, то она получит несколько сотен пар близнецов, в том числе и тех, кто рос и воспитывался раздельно. Это продвинет ее исследования далеко вперед. Но прежде ей придется получить разрешение ФБР.

Ее лучшей подругой в школе была Гита Сумра, девушка индийского

происхождения, гениальный математик, возглавлявшая сейчас отдел сбора и обработки информации в ФБР. Работала она в Вашингтоне, а жила здесь, в Балтиморе. Гита уже согласилась попросить своих сотрудников помочь Джинни. И обещала принять окончательное решение к концу недели, но теперь Джинни придется поторопить подругу. И она набрала ее номер.

Гита родилась в Вашингтоне, но ее речь сохранила типичный для индусов акцент – мягкие согласные, округленные гласные.

– Привет, Джинни, как провела уик-энд? – спросила она.

– Ужасно, – ответила Джинни. – Маме стало плохо, пришлось положить ее в больницу.

– Сочувствую. А что с ней случилось?

– Забыла, что на дворе ночь, поднялась с постели и, не одевшись, вышла, чтобы купить пакет молока. А потом забыла, где живет, и заблудилась.

– И что дальше?

– Ее нашел полицейский. К счастью, в кошельке у нее лежал присланный мной чек, по нему они меня и вычислили.

– Ну и как ты себя чувствуешь?

Типично женский вопрос. Мужчины – Джек Баджен, Беррингтон Джонс – спрашивали, что она собирается теперь делать. Только женщина могла спросить, как она себя чувствует.

– Скверно, – ответила Джинни. – Если придется ухаживать за мамой, кто будет делать мои дела?

– А куда ее положили?

– Паршивый дешевый приют. Только на него хватило маминой страховки. Но я заберу ее сразу же, как только найдутся деньги на что-нибудь более приличное. – На том конце провода повисла выжидательная тишина, и Джинни поняла: Гита думает, что она сейчас попросит у нее денег. – Собираюсь давать частные уроки по выходным, – торопливо добавила она. – Ну как, ты спрашивала у босса о разрешении?

– Вообще-то да.

Джинни затаила дыхание.

– Все наши очень заинтересовались твоей программой, – сказала Гита. Ни нет, ни да.

– У вас что, нет систем компьютерного сканирования?

– Есть, конечно, но твоя поисковая система работает быстрее, чем любая из наших. У нас уже поговаривают о том, чтобы купить у тебя лицензию на ее использование.

– Вот это да! Может, тогда вопрос о частных уроках отпадает?

Гита рассмеялась.

– Прежде чем открывать бутылку шампанского, мы все же должны убедиться, что программа работает нормально.

– И как скоро это произойдет?

– Собираемся апробировать ее на нашей обычной базе данных как-нибудь вечером. Когда вечер выдастся спокойный. Ну, через неделю, максимум через две.

– А раньше?

– К чему такая спешка?

Причина для спешки была, но Джинни не хотелось делиться с Гитой своими опасениями.

– Просто не терпится, – сказала она.

– Сделаю, как только смогу, не волнуйся. Можешь переслать мне программу по электронной почте?

– Конечно. Послушай, Гита, а тебе не кажется, что я должна быть там, с вами, когда вы будете ее испытывать?

– Нет, не кажется, Джинни, – ответила Гита, и по голосу Джинни поняла, что подруга улыбается. – Так, теперь записывай... – Гита продиктовала ей адрес своей электронной почты. – Результаты пришлю тоже по сети.

– Спасибо. Послушай, Гита...

– Да?

– Как думаешь, мне теперь понадобится защита от налоговой службы?

– Да пошла ты знаешь куда! – И с этими словами Гита повесила трубку.

Джинни щелкнула «мышкой» и вошла в Интернет. Ее поисковая программа начала перегружаться на компьютер ФБР. Тут в дверь постучали, и вошел Стивен Логан.

Она взглянула на него и кивнула головой. Вчера этот юноша узнал шокирующие подробности о своем происхождении, и это отражалось на его лице. Но он был молод и стоек, и достойно перенес удар. Стивен принадлежал к психологически стабильному типу. Если бы в нем преобладали криминальные наклонности – как, очевидно, в случае с его братом Деннисом, – он бы давно затеял с кем-нибудь драку.

– Как дела? – спросила она. Он закрыл за собой дверь.

– Да вроде бы все закончили. Прошел все тесты, все анализы сдал, все замеры с меня сняли, на все вопросы, изобретенные гениальными учеными, вроде бы ответил.

– В таком случае ты свободен. И можешь ехать домой.

– Хотел задержаться в Балтиморе еще на один день. Вообще-то я пришел спросить... вы не согласились бы пообедать со мной сегодня вечером?

Джинни удивилась.

– Но зачем? – спросила она и тут же спохватилась. Вопрос был бестактный.

Стив растерялся.

– Ну, вообще-то мне хотелось бы больше узнать о ваших исследованиях...

– О, понимаю. К сожалению, сегодня я уже приглашена на обед.

Лицо его разочарованно вытянулось.

– Вы, наверное, считаете, что я еще слишком молод?

– Для чего?

– Чтобы приглашать вас куда-то?

– Вот уж не подумала, что ты приглашаешь меня на свидание.

Он смутился.

– Думал, вы сразу поймете.

– Извини... – Она действительно не поняла этого сразу. Вчера он приходил на теннисный корт, посмотреть, как она играет. Но затем весь день она думала о нем только как о предмете изучения. И потом, пришло ей в голову уже сейчас, он слишком молод, чтобы назначать ей свидания. Ему всего двадцать два, он студент. Она же на целых семь лет старше – слишком большая разница.

– И сколько же лет тому, с кем вы встречаетесь? – спросил он.

– Пятьдесят девять или шестьдесят, что-то около того.

– А-а, ясно. Вам нравятся пожилые мужчины.

Джинни было неловко за то, что она ему отказала. Ведь в каком-то смысле она его должница. Тут в компьютере звякнул колокольчик – это означало, что работа программы завершена.

– Я буду здесь весь день, – сказала она. – Может, зайдём выпить в университетский клуб?

Лицо Стива тут же просияло.

– О, конечно, с удовольствием! Как я одет, нормально?

На нем были летние брюки цвета хаки и голубая льняная рубашка.

– Да ты одет лучше, чем большинство наших профессоров, – улыбнувшись, заметила Джинни и выключила компьютер.

– Звонил маме, – сообщил Стив. – Рассказал ей о вашей теории.

– Она, наверное, страшно рассердилась?

– Она смеялась. И сказала, что меня не усыновляли и что никакого

брата-близнеца у меня нет и не было.

– Странно...

Какое облегчение, подумала Джинни, что семья Логанов восприняла все это так спокойно. Но с другой стороны, тот факт, что они так легко отмахнулись от новости, мог означать, что Стивен и Деннис вовсе не являются братьями-близнецами.

– Знаешь... – начала она и тут же замолчала. Пожалуй, хватит испытывать этого мальчика на прочность. Но затем она все же решилась и продолжила: – Есть еще одно возможное объяснение тому, как вы с Деннисом стали близнецами.

– Знаю, про что вы подумали, – сказал он. – Про младенцев, которых воруют в больницах.

Очень сообразителен, в этом ему не откажешь.

– Да, верно, – кивнула она. – У мамы под номером один два мальчика-близнеца, у мам под номерами два и три по одному мальчику. Близнецов отдают мамам под номерами два и три, а их младенцев – маме под номером один. Дети растут, и постепенно мама номер один начинает понимать, что близнецы у нее разнояйцевые, а потому совсем не похожи один на другого.

– А две остальные мамы не знакомы друг с другом, и потому никто не замечает разительного сходства между их сыновьями.

– Старый популярный сюжет, – кивнула Джинни. – Что вовсе не означает, что подобная ситуация невозможна.

– А есть у вас какая-нибудь книга о близнецах? – спросил Стив. – Хотелось бы узнать об этом больше.

– Да, есть одна... – Джинни оглядела книжные полки. – Но здесь ее нет, осталась дома.

– А где вы живете?

– Поблизости.

– Может, пригласите меня к себе?

Она колебалась. Впрочем, какие могут быть сомнения? Это ведь нормальный близнец, а не преступник или психопат.

– Вы так много узнали за этот день обо мне, – заметил Стив. – Так что, мне кажется, я заслужил право узнать хоть немного о вас. Посмотреть, как вы живете.

Она пожала плечами:

– Почему бы нет? Ладно, пошли.

Было уже пять, и, выйдя из Дурдома, они почувствовали, что жара немного спала. Увидев красный «мерседес», Стив присвистнул.

– Шикарная машинка, ничего не скажешь!

– Она у меня уже восемь лет, – сказала Джинни. – И я ее очень люблю.
– Моя машина на автостоянке. Схожу за ней, подгоню и мигну вам фарами.

Он ушел, Джинни села за руль и включила мотор. Через несколько минут увидела в боковом зеркале включенные фары и выехала со стоянки.

Уже на выезде из кампуса она заметила, что в хвост машине Стива пристроился полицейский автомобиль. Взглянула на спидометр и сбросила скорость до тридцати миль в час.

Похоже, этот Стивен Логан на нее запал. Чувств его она не разделяла, но была польщена. Ей приятна была мысль о том, что она могла понравиться красивому молодому парню.

Он ехал следом за ней всю дорогу к ее дому. И вот наконец она остановилась, а Стив припарковался сзади.

Жила Джинни в старой части города, где все дома украшали длинные веранды с общим крыльцом и ступеньками. Обитатели этих домов могли наслаждаться здесь вечерней прохладой в те времена, когда о кондиционерах и слыхом не слыхивали. Джинни поднялась по ступенькам, пересекла веранду и остановилась у своей двери, на шаривая ключи в сумочке.

Из патрульной машины выскочили два копа с пистолетами. Взяли на мушку Стивена и Джинни и застыли в нелепых позах.

Сердце у Джинни екнуло.

Стивен сказал:

– Какого хрена...

Один из копов завопил:

– Полиция! Ни с места! Стоять!

Джинни со Стивом дружно подняли руки вверх. Но стражи порядка не унимались.

– На пол, мать вашу! – заорал один из них. – Лежать! Мордой вниз, руки на затылок!

Джинни со Стивом легли на дощатый пол веранды.

Копы осторожно подкрались к ним, словно на теле Джинни или Стива были установлены взрывные устройства.

Джинни спросила:

– Может, все-таки объясните, из-за чего весь этот переполох?

– Вы можете встать, леди, – сказал один из полицейских.

– Огромное вам спасибо. – Джинни поднялась на ноги. Сердце у нее билось, как бешеное, но в целом она сохраняла спокойствие. По всей видимости, полицейские совершили ошибку. – Ну ладно, одного вы уже

добились, перепугали нас чуть ли не до смерти. Может, хоть теперь объясните, что, черт возьми, происходит?

Они не ответили, продолжая держать Стива на прицеле. Затем один из копов опустился рядом с ним на колени и быстрым натренированным движением надел на Стива наручники.

– Ты арестован, сучий потрох! – сказал коп.

– Я женщина широких взглядов, – не преминула заметить Джинни, – но неужели нельзя обойтись без бранных слов? – Никто не обратил на нее внимания. Тогда она попробовала снова: – Может, все же скажете, в чем его обвиняют?

Возле полицейского автомобиля с визгом затормозил голубой «додж», из него вышли двое, мужчина и женщина. Джинни изумилась: детектив Миш Делавер собственной персоной, причем на ней были те же юбка и блузка, что сегодня утром, только сверху она надела длинный льняной жакет, не скрывавший, впрочем, пистолета в кобуре у бедра.

– А вы быстро добрались, – заметил один из полицейских.

– Просто оказалась неподалеку, – кивнула Миш. И взглянула на лежавшего на полу Стива. – Поднимите его, – распорядилась она.

Патрульный помог Стиву подняться.

– Да, это он, – сказала Миш. – Тот самый парень, что изнасиловал Лизу Хокстон.

– Стивен?... – недоверчиво воскликнула Джинни.

Господи, а я едва не привела его к себе домой!...

– Изнасиловал? – возмутился Стивен.

– Патрульные засекли его машину на выезде из кампуса, – сказала Миш.

Тут Джинни впервые разглядела автомобиль Стива. Светло-бежевый «датсун», совсем старый. И она вспомнила слова Лизы о том, что та видела, как насильник уехал на старом белом «датсуне».

Она уже немного оправилась от шока и начала мыслить более рационально. Полиция подозревает его. Что ж, это их право, и одновременно это вовсе не означает, что он виновен. Где доказательства? И она сказала:

– Знаете, если вы собираетесь арестовывать каждого, кто ездит на старом «датсуне»...

Миш протянула Джинни листок бумаги. Это был составленный на компьютере черно-белый фотопортрет предполагаемого преступника. Джинни уставилась на него. Нет сомнений, изображенный на нем мужчина действительно был похож на Стивена.

– Может, он, а может, и нет, – сказала Джинни.

– Почему вы были вместе?

– Он наш испытуемый. Мы проверяли его на разных тестах в лаборатории. Я не верю, что он – тот самый парень! – Результаты тестов показали, что Стив унаследовал гены потенциального преступника. Но они также со всей очевидностью показали, что он *не развился* в преступника.

Миш спросила у Стивена:

– Вы можете отчитаться за свои действия вчера, между семью и восемью часами вечера?

– Ну, я был в университете Джонс-Фоллз.

– И что вы там делали?

– Да ничего особенного. Должен был встретиться со своим кузенком Рики, но тот отменил встречу. Просто пришел узнать, действительно ли я должен быть в лаборатории с утра. А так... больше ничего.

Объяснение выглядело слабовато даже на взгляд Джинни. «А может, Стив действительно насильник?» – с отвращением подумала она. Но если это так, вся ее теория ни к черту не годится.

Миш спросила:

– Как вы проводили время?

– Сначала посмотрел, как играют в теннис. Потом пошел в бар в Чарлз-Виллидж и просидел там часа два. Пожар пропустил.

– Может кто-то подтвердить сказанное вами?

– Ну, доктор Феррами. Я с ней разговаривал, хотя в тот момент не знал, кто она такая.

Миш обернулась к Джинни. Джинни заметила в ее глазах враждебность и вспомнила, как они сцепились нынешним утром, когда Миш пыталась склонить Лизу к сотрудничеству.

– Это было после теннисного матча, – сказала Джинни. – За несколько минут до того, как начался пожар.

– Так что вы не можете сказать, где именно находился подозреваемый в момент изнасилования, – заметила Миш.

– Нет, зато могу сообщить вам нечто другое, – сказала Джинни. – Весь день я провела с этим человеком, подвергая его различным тестам. И результаты показывают, что по своему психологическому типу он никак не может быть преступником.

– Это не доказательство, – фыркнула Миш.

– Но и это тоже не доказательство, – заявила Джинни, скатала из листа бумаги с фотороботом шарик и швырнула его на землю.

Миш кивнула полицейским:

– Едем.

– Подождите минуту, – отчетливо и спокойно произнес вдруг Стивен.

Все присутствующие посмотрели на него.

– Джинни, мне безразличны эти люди. Но лично вам я хотел бы сказать, что не делал этого. И никогда не сделаю ничего подобного.

И она ему сразу поверила. А потом спрашивала себя почему. Потому ли, что он был нужен ей для доказательства ее собственной теории? Да нет же, ведь все психологические тесты подтверждали, что у него нет ни одной характерной для преступника черты. Было и еще одно доказательство в пользу Стивена: ее интуиция. С ним она чувствовала себя в безопасности. Ничто в нем не настораживало. Он внимательно слушал ее, не пытался обидеть или оскорбить, не сделал ни одной попытки прикоснуться к ней, не выказывал ни гнева, ни враждебности. Ему нравились женщины, и он ее уважал. Никакой он не насильник, это ясно. Она спросила:

– Хочешь, чтоб я позвонила твоим родителям?

– Нет, – решительно ответил он. – Они будут волноваться. А так мы просто разберемся в этом недоразумении, и все закончится через несколько часов. Я им потом расскажу.

– А разве они не ждут тебя сегодня?

– Я звонил и сказал, что могу еще на одну ночь остаться у Рики.

– Ну ладно, раз ты так уверен... – с сомнением протянула она.

– Поехали, – нетерпеливо сказала Миш.

– К чему такая спешка? – не выдержала Джинни. – Или хотите побыстрее арестовать невинного человека?

– Хотите сказать мне что-то еще? – гневно сверкнула глазами Миш.

– Что будет дальше?

– Мы должны провести опознание. Пусть Лиза Хокстон решает, он это или нет. Вас устраивает такой расклад, доктор Феррами? – с сарказмом в голосе добавила Миш.

– Вполне, – коротко ответила Джинни.

Стивена усадили в светло-голубой «додж» и повезли в управление полиции. Женщина-детектив сидела за рулем, рядом с ней расположился плотный белый мужчина с усами – маленькая машина казалась для него тесной. Всю дорогу они молчали.

Стив ничем не выдавал своего возмущения. Почему, черт возьми, он должен сейчас ехать в этой неудобной машине с наручниками на запястьях, вместо того, чтоб сидеть в гостях у Джинни Феррами с бокалом холодного напитка в руке? Нет, лучше уж поскорее покончить со всем этим.

Управление полиции размещалось в здании из розового гранита, в самом злачном месте Балтимора. Этот район так и кишел сомнительными заведениями, стриптиз-барами, кинотеатрами, где показывали жесткое порно. Они поднялись по пандусу и въехали в гараж. Там было полно полицейских автомобилей, но стояли и обычные дешевенькие машины, типа «доджа» Миш.

Миш и усатый детектив поднялись вместе со Стивом в лифте и ввели его в комнату со стенами, выкрашенными желтой краской, и без окон. Сняли с него наручники и вышли. Наверняка заперли дверь, но проверять он не стал.

Обстановку комнаты составляли стол и два пластиковых стула. На столе пепельница, в ней два окурка от сигарет с фильтром, на одном видны следы губной помады. В дверь вделана панель из непрозрачного стекла. Через нее Стиву ничего не было видно, но он догадался, что люди, находившиеся с той стороны, видят его прекрасно.

Он взглянул на пепельницу и пожалел, что не курит. Хоть какое-то занятие в этой унылой желтой комнате. Но вместе этого он поднялся и начал расхаживать взад-вперед.

Он пытался внушить себе, что ничего страшного не произошло. Бояться ему нечего. Он мельком видел фоторобот, и хотя у человека, изображенного на нем, действительно имелось с ним некоторое сходство, это не он. И когда на опознании он будет стоять в одном ряду с другими высокими молодыми мужчинами, жертва на него не укажет, это точно. Уж бедняжка хорошо разглядела того мерзавца, достаточно долго видела его, и лицо запечатлелось у нее в памяти. Она не ошибется.

Надо посмотреть на всю эту историю под другим, более оптимистичным углом. Ему на собственной шкуре предстоит испытать, что

такое американская система правосудия. Он сам будет себя защищать, и получится неплохая практика. Когда же в будущем ему придется представлять интересы клиента, обвиняемого в каком-либо преступлении, он будет знать, через что прошел этот человек в полицейском участке.

Самому ему уже довелось побывать в камере предварительного заключения, но тогда все было иначе. Ему едва исполнилось пятнадцать, и в полицию его доставили в сопровождении одного из учителей. Он сразу же признался в преступлении и во всех подробностях пересказал полицейским, что именно произошло. Они видели на нем следы побоев – это означало, что дрались оба. А потом приехали родители и забрали его домой.

Это был самый постыдный момент в его жизни. Когда мама с папой вошли в камеру, единственным желанием Стива было провалиться сквозь землю. Отец выглядел таким угнетенным, словно его подвергли неслыханному унижению; на лице мамы застыло скорбное выражение. И оба они были растеряны. Единственное, на что ему тогда хватило сил, – это не разрыдаться. До сих пор при одном только воспоминании об этом к горлу подкатывает ком.

Ну а сейчас все по-другому. На этот раз он ни в чем не виноват.

Вошла женщина-детектив с картонной папкой. Сняла жакет, но револьвер в кобуре оставила. Она была довольно привлекательной, немного полноватой чернокожей женщиной лет сорока и держалась с начальственным видом.

Стивен с облегчением поднял на нее глаза.

– Слава Богу, – пробормотал он.

– Почему?

– Хоть что-то происходит. Не намерен торчать здесь всю ночь.

– Будьте добры, присядьте.

Стив сел.

– Я сержант полиции Мишель Делавер. – Она достала из папки листок бумаги, положила его на стол. – Назовите ваше полное имя и адрес.

Он назвал, она записала.

– Возраст?

– Двадцать два года.

– Образование?

– Диплом об окончании колледжа.

Она продолжала заполнять бланк, затем придвинула его к Стиву через стол. Вверху было написано:

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ БАЛТИМОР, ШТАТ
МЭРИЛЕНД
ОБЪЯСНЕНИЕ ПРАВ
Форма № 69

– Прочтите, пожалуйста, все пять предложений в форме, затем впишите свои инициалы в свободную клеточку возле каждого предложения. – Она протянула ему ручку.

Он начал читать и собрался вписать инициалы в первую клеточку.

– Вы должны читать вслух, – заметила она.

– Чтоб вы знали, что я грамотный? – спросил он.

– Нет. Это делается для того, чтобы позже вы не смогли притвориться неграмотным и заявить, что вам не объяснили ваши права.

Таким вещам в колледже их не учили. Он начал читать:

– Вам рекомендуют вести себя следующим образом. Первое: вы имеете полное право хранить молчание. – Он вписал «СЛ» в клеточку в конце первой строчки, затем продолжил, не забывая вписывать инициалы. – Второе: все, что вы скажете или напишете, может быть использовано против вас. Третье: вы имеете право советоваться со своим адвокатом в любое время до допроса, перед тем, как ответить на какой-либо вопрос, или во время допроса. Четвертое: если вам необходим адвокат и вы не можете позволить себе нанять адвоката, вы имеете право не отвечать на вопросы до тех пор, пока суд по вашему запросу не назначит вам адвоката. Пятое: если вы согласитесь отвечать на вопросы, то имеете право в любой момент остановиться и потребовать адвоката и до его прибытия не отвечать ни на какие вопросы.

– А теперь, пожалуйста, подпись – вот здесь. – Она указала на строку в бланке. – Здесь и здесь.

Первое место для подписи находилось под следующими строчками:

«Я прочел вышеуказанное объяснение моих прав и понял его
целиком и полностью».

Подпись.

Стив расписался.

– А теперь еще ниже, – сказала она.

«Я согласен ответить на вопросы, и мне в настоящее время
адвокат не нужен. Мое решение отвечать на вопросы без

присутствия адвоката принято добровольно и без какого-либо принуждения».

Подпись.

Стив вздохнул и заметил:

– Как это, черт побери, вам удастся выбить эту подпись из людей виновных?

Она не ответила. Напечатала его имя, затем поставила свою подпись в самом низу. Убрала бланк в папку и подняла на него глаза.

– Ты вляпался в большие неприятности, Стив, – сказала она. – Но судя по всему, человек ты неглупый. Почему бы тебе не рассказать, как все произошло?

– Не могу, – ответил он. – Просто потому, что меня там не было. Я похож на того негодяя, который это совершил, вот и все.

Она откинулась на спинку стула, скрестила ноги и дружески улыбнулась.

– Уж я-то мужчин знаю, – негромко протянула она. – Бывает, на них находит.

Ишь как мурлычет, подумал Стив. Послушаешь ее, и покажется, что она не прочь тебя поиметь. Она же тем временем продолжила:

– Дай-ка я попробую догадаться, о чем ты думаешь. Ты парень симпатичный, вот она к тебе и потянулась. Сама пристала, намекнула, что не прочь. Верно?

– Я никогда не встречал этой женщины, сержант.

Но она проигнорировала эти его слова. Подалась всем телом вперед, потянулась через стол, накрыла его ладонь своей.

– Думаю, это она тебя спровоцировала.

Стивен рассматривал ее руку. Красивые ногти, не слишком длинные, покрыты бесцветным лаком. А вот рука морщинистая. Да ей уже далеко за сорок. Как минимум сорок пять.

Голос ее звучал заговорщицки интимно, точно она хотела сказать: «Все это останется между нами».

– Она сама напросилась. Вот ты и дал ей то, чего она хотела. Верно?

– Да с чего это вы взяли, черт побери? – возмутился Стив.

– Я знаю, какие они бывают, эти девушки. Она завела тебя, а в последний момент передумала. Но было уже слишком поздно. Ведь мужчина не может просто так остановиться, если он, конечно, настоящий мужчина.

– Я все понял, – сказал Стив. – Подозреваемые соглашаются с вами,

думают, что от этого будут лучше выглядеть в ваших глазах. Но по сути дела признают тем самым, что половое сношение состоялось, а вам того и надо!

Сержант Делавер раздраженно откинулась на спинку стула, и Стивен понял, что попал в точку. Она встала.

– Ладно, умник, тогда пошли со мной.

– Куда это?

– В камеру.

– Погодите! А как же опознание?

– Как только привезем жертву сюда, будет тебе опознание.

– Но вы не имеете права задерживать меня на неопределенное время без соответствующего решения суда.

– Мы имеем полное право задержать тебя на двадцать четыре часа без всяких предварительных слушаний. Так что заткни варежку и ступай за мной.

Они спустились вниз на лифте и оказались в холле со стенами, выкрашенными унылой коричнево-рыжей краской. На стене висела табличка, напоминающая офицерам о необходимости держать подозреваемого в наручниках во время обыска. За высокой стойкой дежурил темнокожий полицейский лет пятидесяти.

– Привет, Спайк, – сказала сержант Делавер. – Вот, привела тебе одного умника из колледжа.

– Если он такой умный, – ухмыльнулся Спайк, – то как попал к нам?

Они расхохотались. Стив про себя отметил, что, пожалуй, не стоит больше показывать копам, что он разгадал ход их мыслей. Это их только раздражает. Его обычная ошибка: в колледже он точно так же разоблачал учителей. Никто не любит слишком умных людей.

Спайк был жилистым мужчиной небольшого росточка с сидящими волосами и маленькими усиками над верхней губой. Он казался бойким и веселым, но глаза смотрели холодно. Отперев стальную дверь, он спросил:

– Ты сама-то в камеру зайдешь, Миш? Если да, то я должен буду попросить тебя оставить оружие.

– Нет, пока я больше им заниматься не буду, – ответила Мишель. – Позже его вызовут на опознание.

И она вышла.

– Сюда, парень, – сказал Спайк Стиву.

Он вошел в дверь и оказался в тюремном блоке. Стены и пол одинакового грязного цвета. Стиву показалось, что лифт остановился на втором этаже, но окон здесь не было, и сразу же возникло ощущение, что

он находится глубоко под землей.

В небольшой прихожей стоял стол, сбоку на штативе висела камера. Спайк вынул из ящика стола бланк. Пробежал его глазами. Стив заметил «шапку»:

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ
БАЛТИМОР, ШТАТ МЭРИЛЕНД
ОТЧЕТ О ПОВЕДЕНИИ ЗАКЛЮЧЕННОГО
ФОРМА № 92/12

Спайк снял колпачок с шариковой ручки и начал заполнять бланк. Закончив, указал пальцем на круг на полу и сказал:

– Становись сюда.

Стив встал перед камерой. Спайк надавил на кнопку, сверкнула вспышка.

– Повернись боком.

Снова вспышка.

Затем Спайк достал квадратную картонную карточку с текстом, написанным красными чернилами:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ
МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ США
ВАШИНГТОН, О.К. 20537

Спайк велел Стиву прижать пальцы к подушечке, пропитанной чернилами, а потом прикладывать их поочередно к специально отведенным квадратикам с пометками «Большой», «Указательный» и так далее. При этом Стив заметил, что у маленького Спайка непропорционально крупные руки с сильно выступающими венами. Занимаясь своим делом, Спайк непринужденно болтал:

– В городской тюрьме на Гринмаунт-авеню у нас есть новый центр сбора данных, и там отпечатки пальцев снимает компьютер, причем без всяких чернил. Ну вроде такой здоровенной машины, которая делает фотокопии. Просто прижимаешь руку к стеклу. А здесь пока что используем старую систему.

И Стив вдруг понял, что испытывает стыд, хотя никакого преступления и не совершал. Возможно, повлияла мрачная обстановка, но главное – он ощущал полную беспомощность. С того самого момента, когда копы выскочили из патрульной машины возле дома Джинни, его

перетаскивали с места на место, точно кусок мяса, и он был себе не хозяин. А это ощущение очень быстро подрывает у человека уверенность в себе.

Когда отпечатки сняли, Спайк разрешил ему помыть руки.

– Теперь позвольте проводить вас в ваши апартаменты, – весело сказал Спайк.

И он повел Стивена по коридору. Слева и справа тянулись камеры, каждая имела форму квадрата. От коридора их отделяла решетка, так что каждый квадратный дюйм камеры прекрасно просматривался. Через решетку Стив успел заметить, что в каждой камере находится железная койка, привинченная к стене, а также туалет и умывальник из нержавеющей стали. Стены и койки были выкрашены в коричнево-рыжий цвет и сплошь исписаны и изрисованы. У унитазов не было крышек. В трех или четырех камерах на койках лежали люди, но все остальные были пусты.

– По понедельникам тут у нас обычно тишь да благодать, – снова пошутил Спайк.

Даже под страхом смерти Стив был просто не способен выдавить хотя бы нечто похожее на улыбку.

Наконец Спайк остановился возле одной из пустующих камер и начал ее отпирать. Стив понял, что если ему понадобится в туалет, то он будет вынужден делать это на глазах любого, кто бы ни прошел в этот момент по коридору – мужчина или женщина. И это показалось ему особенно унижительным.

Спайк отворил стальную дверцу в решетке и пропустил Стива в камеру. Дверца с грохотом захлопнулась, ключ повернулся в замке.

Стив уселся на койку.

– Господи Боже, ну и местечко!... – пробормотал он.

– Да ничего, привыкнешь, – весело усмехнулся Спайк и ушел.

Минуту спустя он вернулся с пластиковым пакетом в руке.

– Вот тут у меня от обеда осталось... Жареный цыпленок. Хочешь?

Стив взглянул на пакет, потом покосился в сторону унитаза и отрицательно помотал головой.

– Нет, спасибо, – сказал он. – Я не голоден.

Беррингтон заказал шампанское.

Джинни с удовольствием бы выпила «Столичной» со льдом, особенно если учесть, какой тяжкий у нее выдался день, но она понимала, что, заказав столь крепкий напиток, произведет на шефа дурное впечатление, а потому решила промолчать.

Шампанское предполагало романтику. Во время прежних встреч с ней он был любезен и обаятелен, но дальше этого дело не шло. Неужели он собрался за ней приударить? Она занервничала. Ей ни разу в жизни не доводилось встретить мужчину, который бы благосклонно принял от ворот поворот. А этот мужчина к тому же ее начальник.

Она не стала говорить ему о Стивене, хоть и собиралась сделать это несколько раз во время обеда. Но что-то ее останавливало. Ведь если вопреки всем ее надеждам и ожиданиям Стив все же окажется преступником, вся ее теория разлетится в пух и прах. Сейчас ей не хотелось даже думать об этом. Пусть сначала докажут. И вообще она была твердо уверена, что произошла какая-то досадная ошибка.

Она говорила с Лизой. «Они арестовали Брэда Питта!» – сказала она подруге. Лиза пришла в ужас, узнав, что предполагаемый преступник провел весь день у нее на работе, в Дурдоме, и что Джинни собиралась пригласить его к себе домой. Но Джинни выразила полную уверенность в том, что Стив никакой не преступник. Позже она пожалела, что позвонила подруге, – ведь звонок можно расценить, как попытку повлиять на свидетеля. Впрочем, какая разница? Перед Лизой выстроят в ряд несколько белых молодых людей, и она либо узнает среди них изнасиловавшего ее человека, либо нет. Ошибиться она никак не сможет.

Джинни поговорила с мамой. Сегодня ее навестила Пэтти с тремя сыновьями, и мама с умилением рассказывала о том, как мальчишки носились по коридорам приюта. К счастью, она, видимо, забыла, что ее привезли в Белла-Висту только вчера. Впечатление было такое, что она успела прожить там несколько лет. Она даже упрекала Джинни в том, что та не заходит к ней чаще. После этой беседы Джинни немного успокоилась: с мамой не так уж все и плохо.

– Как вам морской окунь? – спросил Беррингтон, прервав ее размышления.

– О, просто восхитителен! Очень вкусно.

Он провел по брови кончиком указательного пальца. Ей этот жест почему-то показался жеманным.

– А теперь задам вам еще один вопрос. И хотелось бы, чтоб вы ответили на него абсолютно искренне. – Он улыбнулся, как бы давая понять, что она не должна слишком серьезно воспринимать эти слова.

– Договорились.

– Десерт будете?

– О да. Вы что же, причисляете меня к тому разряду женщин, которые не станут искренне отвечать на этот вопрос?

Он покачал головой:

– Я вообще считаю вас человеком искренним. Вы редко притворяетесь.

– Ну, не скажите. Иногда меня называют бестактной.

– Это самый большой ваш недостаток?

– Постараюсь справиться с ним. Ну а какой ваш самый большой недостаток?

Беррингтон ответил не колеблясь:

– Влюбчивость.

– Разве это недостаток?

– Да, в том случае, если вы делаете это слишком часто.

– Или же влюбляетесь не в одного, а, скажем, сразу в двух человек.

– Возможно, мне следует написать Лорейн Логан и попросить у нее совета.

Джинни рассмеялась. Но ей не хотелось переводить разговор на Стивена.

– А кто ваш любимый художник? – спросила она.

– Попробуйте догадаться.

Беррингтон – ярый патриот, а потому наверняка сентиментален, подумала она.

– Норман Рокуэлл^[3]?

– Ну разумеется, нет! – Лицо его искривила брезгливая гримаса. – Вульгарный примитивный иллюстратор! Нет, если б я мог себе позволить, то собирал бы американских импрессионистов. Особенно неравнодушен к зимним пейзажам Джона Генри Туактмана^[4]. «Белый мост» – самая любимая моя картина. Ну а вы?

– Теперь ваш черед угадывать.

Он на секунду задумался.

– Мирро^[5]?

– С чего вы взяли?

– Просто показалось, что вам должны нравиться яркие цветовые гаммы.

Она кивнула:

– Да, близко. Но не совсем точно. Мир какой-то уж слишком сумбурный. Я предпочитаю Мондриана^[6].

– Ах, ну да, конечно! Прямые линии.

– Именно. А вы догадливы.

Он пожал плечами, и Джинни подумала, что этот ловелас наверняка играл в такие игры со многими женщинами.

Она взяла ложечку шербета с манго. Обед получался явно не деловой. И вскоре ей предстоит решить, как будут складываться дальше отношения с Беррингтоном.

Она не целовалась с мужчиной вот уже года полтора. С тех пор, как Уилл Темпл ее бросил, она даже ни разу не ходила на свидание, вплоть до сегодняшнего дня. Зла на Уилла она не держала; она больше не любила его. Но этот монашеский образ жизни просто сводил ее с ума.

Она устала быть одна. Хотелось, чтобы рядом в постели был мужчина; она истосковалась даже по мужским запахам – смазочного масла, потных футболок и виски. Но больше всего ей не хватало секса. И когда какие-нибудь радикальные феминистки восклицали, что пенис – это враг женщины, ей хотелось крикнуть в ответ: «Говори только за себя, сестричка!»

Она подняла глаза на Беррингтона – он ел яблоко в карамели. Ей нравился этот мужчина, несмотря на его старомодные политические взгляды. Он был умен, в нем чувствовалась сила, он привык быть победителем. Она уважала его за научные достижения. Подтянутый, крепкий, с красивыми голубыми глазами, он наверняка был опытным и умелым любовником.

И все равно он слишком стар для нее. Ей нравились зрелые мужчины, однако не настолько же зрелые...

Но как отвергнуть его, не подвергая риску свою карьеру? Лучше всего притвориться. Сделать вид, будто она воспринимает его внимание лишь как отеческую заботу о себе.

Джинни сделала глоток шампанского. Официант то и дело подливал ей в бокал, и она уже не помнила, сколько выпила. И радовалась тому, что ей не придется садиться за руль.

Они заказали кофе. Джинни попросила двойной эспresso – чтобы хоть немного протрезветь. Беррингтон оплатил счет, и вот они спустились на лифте в гараж и уселись в его серебристый «линкольн».

Беррингтон проехал вдоль залива, затем свернул на скоростное шоссе, ведущее к Джонс-Фоллз.

– А вон там городская тюрьма, – сказал он и указал на здание, напоминавшее старинную крепость и занимавшее почти целый квартал. – Вся мразь, все отбросы общества находятся там.

«Возможно, и Стив сейчас там», – подумала она.

Да как ей только в голову могло прийти такое – даже думать о том, стоит ей спать с Беррингтоном или нет? Она не чувствовала к нему ни малейшей привязанности или теплоты. Ей стало стыдно, что за обедом она всерьез рассматривала такую возможность. И когда он остановился у ее дома, она сухо сказала:

– Что ж, Берри, огромное вам спасибо за чудесный вечер. – Интересно, сделает ли он попытку поцеловать ее? Или ограничится рукопожатием? Если все же попробует поцеловать, она подставит ему щеку.

Но он не сделал ни того, ни другого.

– Мой домашний телефон вышел из строя, – сказал он. – Но мне нужно сделать перед сном один срочный звонок. Могу я зайти к вам и позвонить?

Джинни никак не могла ответить ему: «Э-э, нет уж, голубчик, езжайте к ближайшему телефону-автомату». Это было бы просто бестактно с ее стороны.

– Да, конечно, – пробормотала она, с трудом подавив вздох. – Идемте. – И она вышла из машины, размышляя над тем, стоит ли предлагать ему кофе. Нет, лучше не надо.

Наружная дверь открывалась в крохотную прихожую, из которой вели еще две двери, одна – в квартиру на первом этаже, где обитал мистер Оливер, теперь пенсионер, а раньше портовый грузчик; вторая, дверь Джинни, вела на лестницу: квартира девушки находилась на втором этаже.

Она поднялась, затем остановилась и нахмурилась. На лестничной площадке горел свет. Дверь в квартиру была распахнута настежь.

В квартире свет также был включен. Странно, ведь она ушла до наступления темноты. И точно помнила, что заперла за собой дверь.

Дверь открывалась прямо в гостиную. Она вошла и вскрикнула.

Он стоял возле холодильника с бутылкой водки в руке. Растрепанный, небритый и не совсем трезвый.

– Что происходит? – произнес у нее за спиной Беррингтон.

– Ты плохо заботишься о безопасности своего жилья, Джинни, – заметил пришелец. – Я вскрыл твои замки за десять секунд.

– Кто он такой, черт побери? – воскликнул Беррингтон.

— Когда ты вышел из тюрьмы, папа? — сдавленным голосом спросила Джинни.

Комната для проведения опознаний находилась на том же этаже, что и камеры.

Шестеро мужчин примерно одного возраста со Стивом выстроились в ряд. Наверное, все копы, подумал он. Они с ним не разговаривали, даже избегали его взгляда. Относились к нему, как к преступнику. Его так и подмывало сказать им: «Эй, ребята, вы чего? Я же на вашей стороне. Никакой я не насильник. И ни в чем не виноват».

Все они сняли наручные часы и ювелирные украшения, а поверх одежды надели одинаковые белые комбинезоны. Пока они готовились, вошел молодой человек и сказал:

– Кто здесь подозреваемый?

– Это я, – ответил Стив.

– Я Лью Тэннер, общественный защитник, – представился молодой человек. – Я здесь для того, чтобы проследить, что опознание проходит по всем правилам. У вас есть ко мне вопросы?

– Сколько мне еще торчать здесь после того, как все закончится? – спросил Стив.

– Пару часов пробыть придется, если на вас, конечно, не укажут.

– Пару часов! – возмущенно воскликнул Стив. – Так мне что же, снова придется вернуться в эту чертову клетку?

– Боюсь, что да.

– Господи Боже!...

– Я попрошу, чтоб они побыстрее оформили все ваши бумаги, – пообещал ему Лью. – Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

– Хорошо. – И он вышел.

Спайк вывел всех семерых мужчин через дверь на некое подобие сцены или помоста. На заднике была шкала с указанием их роста, а также номера, закрепленные за каждым участником. Помост был ярко освещен и отделялся от остального помещения занавесом. Участники опознания не могли видеть сквозь него, что происходит в комнате, но слышно было почти все.

Поначалу раздавались лишь приглушенные мужские голоса. Затем Стив различил женские шаги. Через секунду-другую монотонный мужской голос начал читать или повторять выученное наизусть:

– Перед вами будут стоять семеро мужчин. Каждый под своим номером. Если один из этих людей сделал что-то с вами или в вашем присутствии, хочу, чтоб вы назвали его номер. Запомните, только номер. Если вы захотите, чтобы кто-либо из них что-то произнес, какие-то определенные слова, мы заставим его сделать это. Если вы захотите, чтоб один из них повернулся к вам в профиль или спиной, вся группа должна повторить это движение. Скажите, вы узнаете кого-либо из этих людей? Если да, то что именно он сделал с вами или в вашем присутствии?

Воцарилась тишина. Нервы у Стивена были напряжены до предела – и это несмотря на уверенность в том, что она его не выберет.

Наконец прозвучал тихий женский голос:

– На нем была шляпа.

Голос образованной женщины среднего класса, примерно его возраста.

– У нас есть шляпы. Хотите, чтоб все они надели шляпы? – спросил мужчина.

– Нет, скорее не шляпа, а кепи. Бейсболка.

Стив уловил в ее голосе волнение и одновременно решимость. И ни намек на фальшь. Голос женщины, которая говорит правду, пусть даже она взволнованна. И он почувствовал себя немного лучше.

– Дейв, пойди посмотри, найдется ли у нас в кладовой семь бейсболок?

Снова пауза, которая длилась несколько минут. Стив стиснул зубы от нетерпения. Чей-то голос невнятно пробормотал:

– Бог ты мой, вот уж не знал, что у нас тут столько разного хлама... и очки, и усы... чего только нет.

– Кончай трепаться, Дейв, – прозвучал более строгий мужской голос. – У нас здесь официальная процедура, связанная с расследованием.

Затем откуда-то сбоку на сцену вышел полицейский и раздал всем выстроившимся в ряд мужчинам бейсболки. Они надели их, и полицейский ушел. По ту сторону занавеса раздался женский плач.

Мужчина начал повторять уже знакомые слова:

– Вы узнаете кого-нибудь из этих людей? Если да, то что он сделал с вами или в вашем присутствии? Если да, назовите его номер. Только его.

– Номер четыре, – прорыдала женщина. Стив обернулся и взглянул на задник. Он стоял под номером четыре.

– Нет! – крикнул он. – Это ошибка! Этого не может быть! Это не я!

Мужчина спросил:

– Номер четыре, вы это слышали?

– Конечно, слышал, но я этого не делал!

Мужчины, участвовавшие в опознании, начали сходить с помоста.

– Ради Бога! – Стивен умоляюще протянул руки к занавесу. – Как вы могли выбрать меня? Ведь я даже не знаю, как вы выглядите!

Мужчина, находившийся по ту сторону занавеса, произнес:

– Пожалуйста, мэм, не говорите больше ничего. Огромное спасибо, что пришли, вы нам очень помогли. Сюда, пожалуйста.

– Здесь какая-то ошибка, неужели вы не понимаете?! – взвыл Стив.

Появился Спайк.

– Все кончено, сынок. Пошли со мной.

Стив уставился на него невидящим взглядом. Его так и подмывало врезать этому типу по зубам. Видно, Спайк угадал это по выражению его глаз, и лицо его словно окаменело.

– Лишние неприятности тебе ни к чему, – строго сказал он. – Бежать все равно некуда. – И он сжал руку Стива пальцами, точно стальными клещами. Протестовать и спорить было бесполезно.

У Стива было такое ощущение, будто его огрели сзади дубинкой по голове, настолько все это было неожиданно. Плечи его сгорбились, он ощущал беспомощную ярость.

– Как такое могло случиться? – тупо бормотал он. – Как могло случиться?...

– Папа? – изумленно повторил Беррингтон.

Джинни пожалела, что не откусила себе язык. Надо же ляпнуть такую глупость! Спросить: «Когда ты вышел из тюрьмы, папа?» Ведь всего несколько минут назад Беррингтон назвал людей, сидевших в тюрьме, мразью и отбросами общества.

Она похолодела от страха. Теперь босс узнает, что ее отец профессиональный взломщик. А то, что Беррингтон встретился с ним с глазу на глаз... о, это только усугубляло ситуацию. Все лицо отца было в синяках от падения или побоев. На щеках щетина, одежда грязная, и еще от него скверно пахло. Ее охватил такой стыд, что она просто глаз не смела поднять на Беррингтона.

В ее жизни, много лет тому назад, было время, когда она ничуть не стыдилась отца. Даже напротив: отцы других девочек казались по сравнению с ним скучными и заурядными. Папа всегда был такой красивый и веселый, часто приходил домой в новом костюме, а карманы у него были полны денег. Это означало, что будет и кино, и новые платья, и мороженое, а мама купит себе нарядную кружевную ночную рубашку и сядет на диету. Но затем он куда-то пропадал, и лишь лет в девять она поняла куда. Тамми Фонтейн ей рассказала. Она никогда не забудет этого разговора.

– До чего ж у тебя уродский свитер, – сказала Тамми.

– А у тебя нос уродский, – ответила Джинни, и все остальные девочки так и покатались со смеху.

– Твоя мама вечно покупает тебе самые уродские вещи.

– А твоя мама жирная, как свинья.

– А твой папа сидит в тюрьме.

– Ничего он не сидит!

– Нет, сидит!

– Не сидит!

– Я сама слышала, как папа говорил моей мамочке. Сидел, читал газету и вдруг говорит: «А знаешь, Пит Феррами, оказывается, опять угодил в тюрьму». Так прямо и сказал.

– Врушка, врушка, ведьмина подружка! – выкрикнула Джинни дразнилку. Но в глубине души почему-то поверила Тамми. Это объясняло все: и внезапно свалившееся на них богатство, и столь же внезапное исчезновение, и долгое отсутствие отца.

Никто в школе ни разу больше не говорил ей об этом. Но все знали: есть верный способ заткнуть Джинни рот. Надо было просто упомянуть о ее отце. Узнать такое в возрасте девяти лет – это все равно что стать калекой на всю оставшуюся жизнь. Когда в школе что-нибудь пропадало, она чувствовала на себе подозрительные взгляды. Ей никак не удавалось избавиться от чувства вины. Стоило кому-нибудь заглянуть в кошелек и сказать: «Черт, у меня вроде еще оставалась десятка», как Джинни заливалась краской. Честность стала ее навязчивой идеей, она была готова пройти пешком милью, чтоб вернуть человеку случайно оброненную им дешевенькую авторучку. Боялась, что если оставит ее себе, все станут говорить, что она воровка, как ее отец.

И вот теперь он стоял перед ее шефом, грязный, небритый и, очевидно, без гроша в кармане.

– Это профессор Беррингтон Джонс, – сказала она. – Знакомьтесь, Берри, мой отец, Пит Феррами.

Беррингтон был сама любезность. Пожал отцу руку.

– Рад познакомиться, мистер Феррами, – сказал он. – Ваша дочь – совершенно незаурядная женщина.

– Что правда, то правда, – ухмыльнулся отец во весь свой щербатый рот.

– Ну вот, Берри, теперь вы знаете мою маленькую семейную тайну, – с вызовом произнесла она. – Папа сидел в тюрьме третий раз, а сел как раз в тот день, когда я защищала диплом в Гарварде. И последний раз просидел восемь лет.

– Могли вклеить и все пятнадцать, – вставил отец. – У нас при себе были стволы.

– Спасибо, что поделился этой подробностью с нами, папа. Уверена, на моего босса это произвело впечатление.

Отец обиделся и надулся, и ей вдруг стало его жаль. Ведь он страдал от собственной слабости, и вместе с ним страдала вся семья. Он был типичным неудачником. Поразительная система, репродуцирующая человеческую расу, – тот самый чрезвычайно сложный механизм ДНК, который изучала Джинни, – была запрограммирована таким образом, чтобы каждый индивид хоть немного отличался от остальных. Все равно что фотокопия, пусть немного, но все же отличающаяся от оригинала. Иногда результат превосходил все ожидания: Эйнштейн, Луис Армстронг, Эндрю Карнеги. А порой получался такой вот Пит Феррами.

Надо побыстрее выпроводить Беррингтона, подумала Джинни.

– Если хотите позвонить, Берри, то телефон вон там, в спальне.

– Ничего, дело подождет, – сказал он.

– Что ж, еще раз большое спасибо за чудесный вечер. – Она протянула ему руку для рукопожатия.

– Рад, что доставил вам удовольствие. Доброй ночи. – Он осторожно пожал ей руку и вышел.

Джинни обернулась к отцу:

– Что произошло?

– Просто выпустили раньше за примерное поведение. Я свободен. Ну и, естественно, первым делом захотел увидеть свою маленькую девочку.

– После трехдневной пьянки, – ядовито заметила она. Он был настолько неискренен, что ее тошнило. И она почувствовала, как в ней закипает гнев. Ну почему Бог послал ей такого отца?

– Да ладно, будет тебе фыркать, – примирительно заметил он.

Гнев сменился печалью. У нее никогда не было настоящего отца и не будет.

– Дай сюда бутылку, – сказала она. – Сейчас сварю кофе.

Он нехотя протянул ей бутылку водки, Джинни убрала ее в холодильник. Налила в кофейник воды, включила газ.

– А ты постарела, – сказал отец. – Ишь, даже седина в волосах появилась.

– Спасибо за комплимент. – Она достала кружки, сливки и сахар.

– Твоя мать тоже рано поседела.

– Чему ты немало поспособствовал.

– Я заходил к ней. – В его голосе звучало возмущение. – А она там больше не живет!

– Она в Белла-Висте.

– Да, соседка, миссис Мендоза, мне сказала. Она же дала твой адрес. Как можно было отправить мать в такое паршивое место?

– Ну так заberi ее оттуда! – раздраженно воскликнула Джинни. – Она ведь до сих пор приходится тебе женой. Устройся на работу, обзаведись приличной квартирой и начни, наконец, заботиться о ней.

– Ты же знаешь, я этого не смогу. Никогда не мог.

– Тогда нечего придирааться ко мне!

– Я не хотел говорить о тебе ничего плохого, детка, – умоляюще протянул он. – Просто мне не понравилось, что мать находится в этом заведении, вот и все.

– Я от этого не в восторге, да и Пэтти тоже. И мы собираемся раздобыть денег, чтоб забрать ее оттуда. – Сердце у Джинни сжалось, к глазам подступили слезы. – Черт побери, папа, мне и без того тяжело! А я

должна сидеть и слушать твое нытье!

– Ну ладно, ладно, будет тебе, – пробормотал он.

Джинни сглотнула вставший в горле ком. *Не надо было позволять ему с самого начала.* И она решила сменить тему:

– Что собираешься делать? Какие планы на будущее?

– Ну, сперва осмотрюсь маленько, а там видно будет.

Это означало, что он будет искать очередной объект ограбления. Но Джинни промолчала. Он вор, и изменить его она не в силах. Отец откашлялся.

– Может, подкинешь мне несколько баксов, чтоб начать новую жизнь?

Тут она снова вспылила:

– Нет, но зато я скажу тебе, что собираюсь делать! Отправлю тебя в душ, чтобы ты помылся и побрился, а сама простирну твои грязные шмотки в машине. Если обещаешь не прикасаться к водке, угощу тебя яичницей и тостами. Потом найду тебе пижаму. Переночевать можешь вот на этом диване. Но никаких денег я тебе не дам, не рассчитывай. Я и без того из кожи вон лезу, чтобы наскрести денег и отправить маму в более приличное место, где ей будет уютно и комфортно. И ни единого лишнего доллара у меня нет.

– Хорошо, дорогая, – притворно ласково протянул он. – Я все понимаю.

Она подняла на него глаза. Гнев прошел, и она ощутила тоску. Ей от всего сердца хотелось, чтобы отец обрел покой, мог сам о себе позаботиться, устроиться на нормальную работу. Ей хотелось любить отца, чувствовать, что на него можно положиться. Она истосковалась по настоящему любящему отцу, но в то же время понимала, что все эти ее мечты напрасны. Место для отца в ее сердце всегда будет пустовать.

Зазвонил телефон. Джинни сняла трубку:

– Алло?

Это была Лиза.

– Джинни, это был он! – с дрожью в голосе воскликнула она.

– Кто? Что?

– Тот парень, которого при тебе арестовали. Я указала на него на опознании. Это он изнасиловал меня. Стивен Логан.

– Стивен – насильник? – не веря своим ушам, пробормотала Джинни. – Ты уверена в этом?

– Совершенно уверена, Джинни, – ответила Лиза. – О Господи, это было просто ужасно... снова увидеть его лицо. Сначала я не была уверена, потому что на нем не было кепки. Но потом детектив заставил их всех

надеть бейсболки, и тут уж я сразу его узнала.

– Лиза, это никак не может быть он, – сказала Джинни.

– Почему?

– Его тесты и анализы говорят о другом. И потом, я провела с ним весь день. И в конце концов, так мне подсказывает интуиция.

– Но я его узнала! – обиженно воскликнула Лиза...

– Странно. Не могу понять, как такое могло случиться.

– Потому что это не соответствует твоей теории, верно? Ведь тебе нужно, чтоб один близнец был хорошим, а другой – плохим.

– Да, это так. Но один подобный случай еще не опровергает всей теории.

– Сожалею, что это портит выстроенную тобой схему.

– Я утверждаю, что это не он, совсем по другой причине, – вздохнула Джинни. – Черт, а может, именно по этой. Не знаю. Ты где сейчас?

– Дома.

– Ты в порядке?

– Да, чувствую себя просто прекрасно. Потому что знаю: этот тип заперт в тюрьме.

– Он показался мне таким славным парнем...

– Самый опасный тип насильника, так говорила Миш. Те, что с виду кажутся совершенно нормальными, являются самыми хитрыми, изощренными и безжалостными преступниками. Им нравится видеть человеческие страдания.

– О Господи...

– Я совершенно вымотана и собираюсь лечь спать. Просто хотела рассказать тебе. Как прошло свидание?

– Ничего. Завтра все расскажу.

– Мне страшно хочется поехать с тобой в Ричмонд.

Джинни собиралась прихватить с собой Лизу, чтобы та помогла ей взять интервью в тюрьме у Денниса Пинкера.

– А ты уверена, что сможешь поехать?

– Да. Хочется поскорее вернуться к нормальной жизни. И чем раньше это произойдет, тем быстрее я позабуду о том, что случилось.

– Но Деннис Пинкер, судя по всему, просто копия Стивена Логана.

– Знаю. Как-нибудь справлюсь.

– Ну, если ты так уверена...

– Позвоню тебе утром.

– Ладно. Спокойной ночи.

Джинни тяжело опустилась в кресло. Неужели все обаяние, манеры,

поведение Стивена есть не что иное, как маска? «Если так, то я, наверное, совсем не разбираюсь в людях, – с горечью подумала она. – И ученый из меня, видно, никудышный. Вполне возможно, что все идентичные близнецы с криминальными генами окажутся преступниками». Она вздохнула.

Сидевший рядом криминальный предок заметил:

– А этот твой профессор – симпатичный парень, но староват для тебя!

У тебя с ним что, шуры-муры, да?

Джинни поморщилась.

– Ванная вон там, папа, – сказала она.

Стив вновь оказался в комнате для допросов с желтыми стенами. Все те же два сигаретных окурка лежали в пепельнице. Комната совсем не изменилась, зато изменился он сам. Три часа тому назад он был добропорядочным, законопослушным гражданином, не виновным ни в одном преступлении – ну разве что в вождении с превышением допустимой скорости на пять миль. Теперь же он был насильником, находился под арестом, жертва опознала его, и ему предъявили обвинение. Конвейер машины правосудия заработал. Он преступник. И неважно, как часто он будет твердить про себя или во всеуслышание, что не делал ничего дурного; освободиться от чувства вины, собственного бессилия и униженности ему не удастся.

Чуть раньше с ним беседовала женщина, сержант Делавер. Теперь в комнату вошел мужчина, тоже с картонной папкой в руках. Ростом он был примерно со Стивена, но мощнее, шире в плечах. Седеющие волосы коротко подстрижены, над губой топорщатся усики. Он сел и достал пачку сигарет. Не говоря ни слова, щелчком выбил одну, закурил и бросил спичку в пепельницу. Затем открыл папку. Внутри находился очередной бланк, где значилось:

ОКРУЖНОЙ СУД ШТАТА МЭРИЛЕНД (город/округ)

Верхняя половина листа была поделена на две колонки: «Истец» и «Ответчик». Чуть ниже – подзаголовок:

ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ ОБВИНЕНИЯ

Детектив, по-прежнему не произнося ни слова, начал заполнять бланк. Написав несколько слов, приподнял первый белый лист бумаги и проверил, на месте ли четыре копии, написанные через копирку: зеленую, желтую, красную и коричневую.

Стив вытянул шею и увидел имя жертвы: Лиза Маргарет Хокстон.

– Как она хоть выглядит? – спросил он.

Детектив поднял на него глаза.

– Заткнись, вонючка! – рявкнул он. Затянулся сигаретой и продолжил писать.

Только сейчас Стив в полной мере ощутил, как низко пал. Этот человек оскорблял его, а он был не в силах защититься, достойно ему ответить. Еще один этап в процессе его унижения: они хотят, чтобы он почувствовал себя ничтожеством, ощутил полную свою беспомощность. «Ах ты ублюдок, – подумал он. – Вот встретимся, даст Бог, вне стен этого здания, когда у тебя не будет при себе пушки, тогда я тебе покажу!...»

Детектив начал заполнять графу «Обвинения». Сначала записал дату, потом: «В университете Джонс-Фоллз, спортзал, Балтим., окр М.». А чуть ниже вывел: «Изнасилование 1-й степени». Затем во второй, симметричной, графе отметил: «Нападение с целью изнасилования». Затем подумал немного и вписал еще два обвинения: «Побои» и «Содомия».

– Содомия? – изумленно воскликнул Стив.

– Заткнись, вонючка, кому сказал!

Стив едва сдерживался, чтобы не врезать ему. «Это он нарочно, – твердил он про себя. – Нарочно выводит из равновесия, хочет спровоцировать. Если я его ударю, он тут же вызовет трех парней, скажет, что я напал на него при исполнении, и они отметелят меня до полусмерти. Не надо, молчи, молчи!...»

Закончив писать, детектив подтолкнул оба бланка к Стиву.

– Ты вляпался в большие неприятности, Стив, – сказал он. – Ты избил и изнасиловал женщину в извращенной форме и...

– Ничего подобного!

– Заткнись, тварь!

Стив прикусил губу и умолк.

– Ты дерьмо. Ты полное ничтожество. Да приличные люди даже писать рядом с тобой не станут. Ты избил и изнасиловал девушку, причем в извращенной форме. И не в первый раз. Ты уже давно занимаешься этим. Ты подлая, хитрая тварь, ты всегда тщательно планируешь свои преступления. И в прошлом тебе всегда удавалось уйти. Но на сей раз ты попался, голубчик. Девушка тебя опознала. Найдутся и другие доказательства. Где-то через час или около того, как только сержант Миш получит от дежурного судьи ордер на обыск и личный досмотр, тебя отвезут в госпиталь Милосердия. И там возьмут анализы крови, спермы и прочего и докажут, что твой анализ ДНК в точности соответствует тому, что найден во влагалище жертвы.

– И как долго это займет? Анализ ДНК?

– Заткнись, сучий потрох! Ты попался, Стив. Догадываешься, что теперь с тобой будет?

Стив промолчал.

– За изнасилование первой степени тебе светит пожизненное. Тебя отправят в тюрьму, и знаешь, что там тебя ждет? Сразу поймешь, что испытывали твои жертвы. На собственной шкуре прочувствуешь. Такой молоденький и хорошенький паренек – да нет проблем! Тебя избьют и изнасилуют в извращенной форме. Ты поймешь, что испытала тогда Лиза. Только в твоём случае все это будет длиться годы и годы.

Он умолк, взял со стола пачку сигарет и протянул Стиву.

Стив удивился, затем отрицательно помотал головой.

– Кстати, я детектив Брайан Элластон. – Он глубоко затянулся сигаретой. – Сам не понимаю, почему говорю тебе это, но у тебя есть способ облегчить свое положение.

Стив нахмурился. Интересно, что же последует за этим?

Детектив Элластон поднялся, обошел стол и присел на самый его краешек рядом со Стивом. А потом заговорил тихо, интимным шепотом:

– Сейчас объясню, что к чему. Изнасилование есть половое сношение с использованием силы или угрозы применения силы против воли или против согласия женщины. Для того, чтоб отнести это преступление к разряду первой степени, должен бытьотягчающий фактор, например, похищение, нанесение увечий или же групповое изнасилование двумя и более людьми. Наказание за изнасилование второй степени помягче. Так вот, теперь, если ты убедишь меня, что у тебя только вторая степень, сделаешь тем самым себе большое одолжение.

Стив промолчал.

– Хочешь, расскажу, как это все случилось?

– Заткни свою вонючую пасть! – ответил Стивен.

Реакция Элластона была молниеносной. Он соскочил со стола, схватил Стива за полы рубашки, рывком поднял его со стула и изо всей силы шмякнул о бетонную стену. Голова Стива откинулась, и он больно ударился затылком.

Стив так и застыл, крепко сжав кулаки. «Не делай этого, не делай, – твердил он про себя, – не смей отвечать ударом на удар». Детектив Элластон страдал от избытка веса и был, что называется, не в форме. И Стив понимал, что ему ничего не стоит расправиться с этим мерзавцем. Но он должен держать себя в руках. Он должен помнить, что невиновен. А если он ударит полицейского, пусть даже тот сам его спровоцировал, то это статья. Тогда уж лучше сразу сдаться. И он стоял неподвижно, крепко стиснув зубы, а Элластон оторвал его от стенки и снова толкнул, а потом еще раз и еще.

– Чтоб не смел так говорить со мной, мразь, слышишь? Никогда!

И тут вдруг Стив почувствовал, как ярость его улетучивается. Элластон никак и ничем не мог задеть его. Это все театр, понял он. Дешевый спектакль, и Элластон скверно играет свою роль. Он – плохой парень, а Миш – хорошая. Через некоторое время она войдет в эту комнату, и предложит ему кофе, и притворится его другом. Но цель у нее с Элластоном одна – убедить Стива признаться в изнасиловании женщины, которой он никогда в жизни не видел. Женщины по имени Лиза Маргарет Хокстон. И Стив покачал головой.

– Давайте проясним ситуацию, детектив, – сказал он. – Я знаю, вы крутой сукин сын, прямо пар валит из ноздрей. А вы прекрасно знаете, что ежели б мы с вами оказались в другом месте и не было бы у вас ствола за поясом, я б прихлопнул вас, как нечего делать. Так что давайте прекратим заниматься всей этой ерундой.

Элластон удивился. Очевидно, он полагал, что напугал парня до полусмерти, что тот и рта не посмеет раскрыть. Он отпустил Стива и подошел к двери.

– Мне говорили, что ты шибко умный, – заявил он. – А теперь позволь мне сказать, что я собираюсь сделать, чтоб вправить тебе мозги. Отправишься в камеру, но только на сей раз будешь там не один, а в компании. Ты сам видел, у нас сорок восемь камер, и почти все свободны, но тебя я поселю с парнем по имени Руперт Батчер и по прозвищу Свинтус. Ты считаешь себя крутым, но Свинтус куда круче, сам увидишь. Попал к нам после трехдневной гулянки с наркотиками, и сейчас голова у него просто раскалывается. Прошлым вечером, как раз когда ты поджигал спортивный зал и совал свой маленький грязный член в несчастную Лизу Хокстон, этот самый Свинтус заколол своего дружка и любовника садовыми вилами. Насмерть. Так что вы друг другу понравитесь. Пошли.

Стив испугался. Все его мужество улетучилось, и он почувствовал себя совершенно беспомощным и беззащитным. Да, детектив угрожал ему, даже бил, но все это было неопасно, все это было просто ничто в сравнении с ночью, проведенной в камере наедине с психопатом. Этот Батчер уже совершил одно убийство, и если он хоть что-то соображает, то поймет, что мало что потеряет, совершив еще одно убийство.

– Погодите минуту, – с дрожью в голосе пробормотал Стив.

Элластон медленно повернулся к нему.

– Ну?...

– Если я сознаюсь, вы обещаете мне отдельную камеру?

На физиономии детектива отразилось облегчение.

– Ясное дело, – ответил он. Голос его теперь звучал дружески.

Эта перемена в тоне заставила Стива сжаться от стыда и презрения к себе.

– А если не сознаюсь, то этот ваш Свинтус Батчер меня убьет, так?

Элластон развел руками, словно давая понять, что ничем ему помочь не может.

И страх Стива тут же превратился в гнев.

– В таком случае, детектив, – холодно заметил он, – иметь я вас хотел в одно место.

– Ах ты, ублюдок! – взвился Элластон. – Ладно, посмотрим, что ты запоешь через пару часов. Пошли!

Он толкнул Стивена к лифту, и вскоре они оказались в тюремном блоке. Спайк был на месте.

– Посади этого козла к Свинтусу, – распорядился Элластон.

Спайк удивленно приподнял брови.

– Дела настолько плохи?

– Да. И кстати, у Стива бывают ночные кошмары.

– Понял вас, – кивнул Спайк.

Элластон ушел, и Спайк повел Стива в камеру.

Свинтус лежал на койке. Ростом он был примерно со Стива, но значительно крупнее и шире в плечах. И вообще он походил на культуриста, побывавшего в автомобильной аварии: рваная и залитая кровью майка туго обтягивала бугристые мышцы. Он лежал на спине, ступни свисали с края койки. Когда Спайк защелкал замками, он приоткрыл один глаз и увидел Стива.

Дверца захлопнулась, юноша оказался в клетке.

Свинтус открыл уже оба глаза и уставился на Стива.

– Приятных снов, – сказал Спайк и удалился. Свинтус снова закрыл глаза.

Стив сел на пол, привалившись спиной к решетке и не сводя глаз со спящего соседа по камере.

Беррингтон Джонс ехал домой. Машину он вел медленно. Он испытывал одновременно облегчение и разочарование, подобно человеку, сидящему на диете, который постоянно борется с искушением зайти в кафе-мороженое, а когда все же не выдерживает, то видит, что кафе закрыто, и, таким образом, оказывается спасенным от того, чего не следовало делать.

Он нисколько не приблизился к решению проблемы с проектом Джинни. Возможно, ему следует поговорить с ней еще раз, уже обстоятельнее и в более официальной обстановке. Рассеянно хмурясь, он остановился возле дома и вышел из машины.

В доме было тихо. Марианна, служанка, должно быть, давно легла спать. Он прошел в кабинет и проверил автоответчик. Там оказалось одно сообщение:

«Профессор, вас беспокоит сержант Делавер из городского управления полиции, отдел преступлений на сексуальной почве. Мне срочно нужна ваша помощь. Заранее признательна».

Беррингтон пожал плечами. Он мог лишь подтвердить, что Лиза Хокстон работает у него в институте. Но послание на этом не кончалось.

«Поскольку вы являетесь начальником Лизы Хокстон, а изнасилование имело место в кампусе, я подумала, что должна проинформировать вас о следующем. Сегодня вечером мы арестовали этого человека. Весь сегодняшний день он пробыл у вас в лаборатории в качестве испытуемого. Его имя – Стивен Логан».

– О Боже! – ахнул Беррингтон.

«Жертва указала на него на опознании, и я абсолютно уверена, что анализ ДНК подтвердит, что он является преступником. Можете передать эту информацию своим коллегам, если сочтете нужным. Спасибо».

– Нет! – воскликнул Беррингтон. И тяжело опустился в кресло. –

Нет, – повторил он уже тише.

А потом вдруг разрыдался.

Через минуту-другую он поднялся и, все еще плача, запер дверь кабинета, чтобы не вошла Марианна. Потом вернулся к столу, сел и обхватил голову руками.

Так он просидел какое-то время.

Потом, когда слезы иссякли, поднял телефонную трубку и набрал номер, который знал наизусть.

– Только не автоответчик, Господи! – взмолился он, слушая долгие гудки.

Ответил бодрый молодой мужской голос:

– Слушаю?

– Это я, – сказал Беррингтон.

– Привет. Как ты?

– Мне очень тяжело.

– О!... – Голос звучал виновато.

Если прежде у Беррингтона и были сомнения, то этот тон их развеял.

– Ты ведь догадываешься, почему я звоню?

– Выкладывай.

– Только не играй со мной в эти игры! Я говорю о воскресном вечере.

Молодой человек вздохнул:

– Ясно.

– Чертов дурак! Зачем тебя понесло в этот кампус? Ты... – Тут он спохватился, понимая, что откровенничать по телефону, пожалуй, все же не стоит. – Ты опять сделал это.

– Сожалею.

– Он сожалеет!

– А как ты узнал?

– Сначала мне и в голову не приходило подозревать тебя. Я думал, ты уехал из города. Они арестовали парня, который на тебя очень похож.

– Вот это номер! Так, значит, тогда я...

– Ты соскочил с крючка.

– Ура! Но это же здорово. Послушай...

– Что?

– Только ничего никому не говори. Ни в полиции, ни где-то еще.

– Не скажу. Ни слова, – с тяжелым сердцем произнес Беррингтон. – Можешь на меня положиться.

Вторник

Над Ричмондом витала аура утраченного величия, и Джинни подумала, что родители Денниса Пинкера вполне вписываются в эту атмосферу. Шарлотта Пинкер, рыжеволосая веснушчатая женщина в шуршащем шелковом платье, напоминала светскую львицу великой колониальной эпохи, хоть и проживала при этом в блочном домишке на узкой улочке. Она сказала, что ей пятьдесят пять, но меньше шестидесяти Джинни бы ей не дала. Ее муж, которого она называла не иначе как «майор», был примерно того же возраста и обладал вальяжной внешностью и неторопливыми манерами человека, уже давно удалившегося на покой. Он игриво подмигнул Джинни и Лизе и спросил:

– Не желаете ли по коктейлю, девочки?

Жена говорила с рафинированным южным акцентом и немного громче, чем следовало бы, точно обращалась к целому собранию:

– Ради Бога, майор, ведь теперь всего десять утра!

Он пожал плечами.

– Просто стараюсь, чтобы встреча с самого начала пошла в правильном направлении.

– Никакая это не встреча. Эти леди приехали нас изучать. Потому что наш сын – убийца.

Она называет его «наш сын», отметила про себя Джинни. Впрочем, это еще ничего не значит. Не исключено, что они его усыновили. Ей не терпелось спросить о происхождении Денниса Пинкера. Если Пинкеры сознаются, что усыновили Денниса, это решит половину проблемы. Но ей следует соблюдать осторожность. Это деликатный вопрос. Если спросить без подготовки, они, вероятнее всего, солгут. И она решила дождаться подходящего момента.

Ей также не терпелось узнать о внешности Денниса Пинкера. Действительно ли он двойник Стивена Логана? И она жадно разглядывала фотографии в дешевых рамочках, развешанные и расставленные по всей небольшой гостиной. Все они были сняты очень давно. Маленький Деннис Пинкер был запечатлен в коляске, на трехколесном велосипеде, в бейсбольной форме и пожимающим руку Микки-Маусу в Диснейленде. Но ни одного снимка взрослого Денниса Пинкера она не увидела. Скорее всего, родители хотели запомнить своего сына невинным ребенком, а не преступником, осужденным за убийство. Так что снимки ничем не помогли

Джинни. Этот светловолосый двенадцатилетний мальчик мог выглядеть сейчас точной копией Стивена Логана, но с такой же степенью вероятности мог оказаться некрасивым угрюмым темноволосым парнем.

И Шарлотта, и ее муж предварительно заполнили несколько анкет, и теперь с каждым из них следовало побеседовать лично. Лиза прошла с майором на кухню, Джинни осталась с Шарлоттой.

Джинни было трудно сосредоточиться на рутинных вопросах, мыслями она то и дело возвращалась к Стиву, попавшему за решетку. Нет, поверить в то, что он насильник, просто невозможно. И не только потому, что это не соответствует ее теории. Ей нравился этот парень, умный, веселый и, судя по всему, необычайно добрый. И еще он по-своему, очень уязвим. Достаточно вспомнить его реакцию, когда она сообщила, что у него имеется брат-убийца. Он весь так и сжался, так и поник, и ей пришлось долго успокаивать и утешать его.

Когда она спросила Шарлотту, приходилось ли другим членам ее семьи вступать в противоречия с законом, та обратила свой величественный взор на Джинни и протянула:

– Все мужчины в нашей семье отличались взрывным темпераментом. – И, с шумом выпустив воздух через раздувшиеся ноздри, многозначительно добавила: – Моя девичья фамилия Марлоу, а у всех Марлоу горячая кровь.

А это, в свою очередь, подразумевало, что Деннис никак не мог быть усыновлен – или же что его усыновление не признавалось. Джинни подавила вздох разочарования. Скорее всего Шарлотта будет отрицать, что у Денниса имеется близнец.

Но спросить все же следовало.

– Скажите, миссис Пинкер, а у Денниса, случайно, нет близнеца?

– Нет.

Ответ вполне однозначный, в голосе не чувствовалось ни возмущения, ни удивления.

– Вы уверены?

Шарлотта расхохоталась.

– Моя дорогая, я же мать, а матери в таких вещах не ошибаются!

– И он вам не приемный сын?

– Я выносила это дитя в своей утробе, да простит мне Господь этот грех.

Джинни упала духом. Вероятность того, что Шарлотта Пинкер лжет, была, конечно, больше, чем в случае с Лорейн Логан, думала она, и все же странно, что обе эти женщины отрицают, что их сыновья – близнецы.

От Пинкероу она уезжала в подавленном настроении. У нее было

предчувствие, что, когда они с Лизой увидят Денниса, тот окажется совсем не похож на Стива.

Взятый напрокат «форд-эспайер» дожидался их во дворе. Жара стояла страшная. На Джинни было платье без рукавов, поверх которого она накинула жакет – для солидности. Кондиционер в машине работал на полную мощность, нагнетая в салон теплый воздух. Джинни сняла жакет и бросила его на спинку сиденья.

Она села за руль. Как только автомобиль свернул на шоссе, ведущее к тюрьме, Лиза сказала:

– Знаешь, это действительно не дает мне покоя. Ну то, что я могла указать не на того парня.

– Меня это тоже беспокоит, – ответила Джинни, – И в то же время я знаю: ты бы этого не сделала, не будучи уверенной.

– А почему ты так уверена, что я ошиблась?

– Я уже ни в чем не уверена. Но ощущение, что Стивен Логан не мог этого сделать, остается.

– Ну, ощущение – это ведь еще не доказательство.

– Знаю. Ты когда-нибудь видела фильмы Альфреда Хичкока? Почти все они черно-белые, остальное домысливаешь сама.

– Знаю, о чем ты. О фильме, где свидетелями дорожного происшествия становятся четверо, и каждый из них видит это происшествие по-своему, то есть несколько иначе, нежели остальные.

– Ты что, обиделась?

Лиза вздохнула:

– Надо бы обидеться, но не могу. Тем более видя, как ты терзаешься.

Джинни сжала руку Лизы в своей.

– Спасибо.

Они долго молчали, потом Лиза заметила:

– Знаешь, просто ненавижу, когда люди считают меня слабой.

Джинни нахмурилась.

– Но я вовсе не считаю тебя слабой.

– А большинство людей думают именно так. Наверное, потому, что я маленькая, курносая и в веснушках.

– На мой взгляд, ты очень сильная девушка, честное слово...

– Нет, я слабая!... Я живу одна, сама о себе забочусь. Цепляюсь за эту работу, и никто меня не трахает. Во всяком случае, не трахал до прошлого воскресенья. Теперь я понимаю, что люди правы: я слабая. Я вообще не способна заботиться о себе! Любой психопат, зашедший с улицы, может схватить меня, пригрозить ножом и сделать с моим телом все, что ему

заблагорассудится. И оставить во мне свою поганую сперму!

Джинни покосилась на подругу. Лицо Лизы побелело от волнения и страсти. Остается надеяться, что ей станет легче, если она выплеснет все свои эмоции, подумала Джинни.

– Никакая ты не слабая, – сказала она.

– А вот ты у нас сильная, – сказала Лиза.

– У меня другая проблема. Люди считают меня неуязвимой. Наверное, оттого, что во мне шесть футов росту, проколота ноздря, да и характер скверный. Вот они и вообразили, что меня ничем не проймешь.

– Ничего не скверный.

– Не утешай, сама знаю.

– Кто это считает тебя неуязвимой? Лично я – нет.

– Ну, к примеру, заведующая этим заведением в Белла-Висте, куда мы поместили маму. Она подошла ко мне и сказала: «Ваша мать до шестидесяти пяти не доживет». Вот так. И добавила: «Знаю, вы предпочитаете услышать правду». А мне хотелось возразить ей: «То, что у меня серьга в ноздре, еще не означает, что я лишена человеческих чувств».

– Миш Делавер говорила, что насильников вовсе не интересует секс как таковой. Они наслаждаются лишь своей властью над женщиной. Им нравится пугать и унижать женщин, это их возбуждает. И выбирают они всегда тех, кого, на их взгляд, легче запугать.

– Да кто бы не испугался?

– Однако тебя он не выбрал. Ты бы ему так врезала, надолго бы запомнил!

– Жду не дождусь, чтоб представился такой случай.

– Ты бы сопротивлялась больше, чем я, и уж никак не выглядела бы беспомощной и испуганной. Вот поэтому-то он и обошел тебя стороной.

Тут Джинни наконец догадалась, к чему она клонит.

– Может, и так, Лиза, но это вовсе не означает, что ты в чем-то виновата. Тебе не в чем себя винить, ясно? Считай, что ты попала в автокатастрофу, это с каждым может случиться.

– Ты права, – кивнула Лиза.

Они отъехали от города на десять миль и свернули с основной дороги у указателя с надписью «Исправительное заведение Гринвуд». Тюрьма выстроена в старом стиле – группа зданий из серого камня, окруженных высокой стеной с колючей проволокой. Они остановили машину в тени деревьев, на стоянке для посетителей. Джинни надела жакет.

– Ну, ты готова? – спросила она подругу. – Деннис будет как две капли воды похож на парня, который тебя изнасиловал. Иначе вся моя методика

ни черта не стоит.

Лиза мрачно кивнула:

– Я готова.

Главные ворота отворились, пропустив грузовик. Воспользовавшись этим, они вошли на территорию. Да, с охраной здесь дела обстоят не очень, подумала Джинни, несмотря на проволоку с электрическим током. Их уже ждали. Охранник проверил документы и проводил их через раскаленный от жары двор, где несколько молодых чернокожих парней в тюремных робах играли в баскетбол.

В административном здании было прохладно: работали кондиционеры. Их провели в кабинет начальника тюрьмы, Джона Темойна. На нем была рубашка с короткими рукавами, галстук, на столе стояла пепельница, полная окурков. Джинни пожала ему руку.

– Я доктор Джин Феррами из университета Джонс-Фоллз.

– Как поживаете, Джин?

По всей очевидности, Темойн принадлежал к тому типу мужчин, которые предпочитают называть женщин по имени. А потому Джинни нарочно не стала называть имя Лизы.

– А это моя ассистентка мисс Хокстон.

– Привет, дорогуша.

– В письме к вам я уже объяснила, в чем состоит моя задача, господин директор, но, если у вас есть вопросы, буду рада на них ответить. – Джинни пришлось сказать это, хотя она просто сгорала от нетерпения увидеть наконец Денниса Пинкера.

– Вам следует знать, что этот Пинкер – крайне опасный и необузданный тип, – заявил Темойн. – Вам известны подробности его преступления?

– Вроде бы он напал на женщину в кинотеатре с целью изнасилования, а когда та оказала сопротивление, он ее убил.

– Близко к правде. Случилось это в старом кинотеатре «Эльдорадо», в Гринзбурге. Шел какой-то ужасник. Пинкер пробрался в подвал и отключил электричество. А потом в темноте, когда началась паника, стал бегать по залу и хватать девушек за разные места.

Джинни встревоженно посмотрела на Лизу. Все это страшно напоминало то, что произошло в воскресенье в университете. Сначала некое действие, вызывающее панику и переполох, затем преступник использует ситуацию. И еще одна общая черта – желание осуществить свои фантазии, только в первом случае насильник хотел перещупать всех женщин в темном зале кинотеатра, а во втором – посмотреть на голых

девушек, в панике выбегающих из раздевалки. Если Стивен Логан действительно является близнецом Денниса Пинкера, то почерк преступлений у них схож.

Темойн же тем временем продолжал:

– Одна женщина поступила опрометчиво, пытаясь оказать ему сопротивление, вот он ее и удушил.

Джинни так и вспыхнула:

– Скажите, мистер Темойн, если бы этот тип принялся лапать вас, вы бы тоже поступили опрометчиво, оказав ему сопротивление?

– Я же не девушка! – ответил Темойн таким тоном, точно выкладывал на стол козырную карту.

Лиза тактично сменила тему:

– Неплохо бы приступить к делу, доктор Феррами, времени у нас в обрез.

– Ты права.

– Обычно все интервью с заключенными проходят у нас через решетку, – сказал Темойн. – Вы же особо настаивали на том, чтобы вас поместили с ним в одну комнату, и я отдал соответствующие распоряжения. Тем не менее, я прошу вас еще раз все хорошенько взвесить. Очень надеюсь, что вы передумаете. Я уже говорил, что это опасный и необузданный преступник.

Джинни ощутила тревогу, хотя внешне оставалась спокойной.

– Но ведь все то время, что мы будем находиться с Деннисом, там будет охранник?

– Это обязательно. Но все же лично мне было бы спокойнее, если бы вас от заключенного отделяла стальная сетка. – Он плотоядно усмехнулся. – Мужчине вовсе не обязательно быть психопатом, чтоб испытать желание при виде двух таких красивых молодых девушек.

Джинни резко поднялась со стула.

– Ценю вашу заботу, господин начальник. И благодарю. Но нам следует произвести определенные процедуры, в частности, взять кровь на анализ, сфотографировать осужденного и так далее, а сделать это через решетку невозможно. Более того, наше интервью носит весьма интимный характер, и лучше, если между нами и испытуемым не будет никаких барьеров.

Он пожал плечами:

– Ну, как хотите, вам видней. Провожу вас до камеры.

Они вышли из кабинета, снова пересекли раскаленный от солнца двор и подошли к двухэтажному блочному зданию. Охранник открыл

металлические ворота и впустил их внутрь. В помещении стояла такая же невыносимая жара, как и на улице. Темойн сказал:

– Передаю вас на попечение мистера Робинсона. Если что понадобится, девушки, обращайтесь. Всегда буду рад помочь.

– Большое спасибо, господин начальник, – ответила Джинни.

Робинсон оказался высоким чернокожим мужчиной лет тридцати. Под мышкой у него висел пистолет в кобуре, на поясе болталась дубинка. Он проводил их в небольшую комнату для допросов, посреди которой стоял стол, а у стены – шесть стульев. Пепельница на столе, в углу автомат для воды – вот и вся обстановка. Пол покрыт серым линолеумом, стены выкрашены таким же цветом. Окон не было.

Робинсон сказал:

– Пинкер будет здесь через минуту, – и пододвинул к столу стулья.

Лиза и Джинни уселись.

Через секунду дверь распахнулась.

Беррингтон Джонс встретился с Джимом Прустом и Престоном Барком в «Монокле» – ресторане, расположенном неподалеку от здания сената в Вашингтоне. Было время ленча, и ресторан заполнили люди, со многими из которых они были знакомы лично: конгрессмены, политологи, журналисты, секретари и разнообразные помощники. Беррингтон посчитал, что нет никакой необходимости соблюдать конспирацию. Они были хорошо известными и легко узнаваемыми людьми, в особенности сенатор Пруст с круглой лысой головой и большим носом. Если бы они избрали менее популярное место встречи, какой-нибудь журналистшика непременно засек бы их там и начал распускать слухи о цели столь секретной встречи. Лучше уж пойти туда, где их сразу узнают человек тридцать и подумают, что эти трое собрались обсудить какие-то свои вполне рутинные проблемы, а заодно и пообедать.

Целью Беррингтона было уговорить партнеров не отказываться от сделки с «Ландсманном». Это предприятие с самого начала было рискованным, и вот теперь Джинни Феррами сделала его по-настоящему опасным. Но альтернативой был отказ от всего того, о чем они так долго мечтали. Это их единственный шанс вернуть Америку к старым добрым временам, к расовой чистоте. Еще не поздно, еще можно успеть изменить ситуацию. Мечту о законопослушных, верующих, ориентированных на семейные ценности белых американцах еще можно сделать реальностью. Но всем им уже под шестьдесят, и второго такого шанса может уже не представиться.

Джим Пруст был человеком знаменитым, громогласным и хвастливым, и хотя он часто раздражал Беррингтона, договориться с ним было легче, чем со сдержанным и скромным Престоном, который часто проявлял прямо-таки ослиное упрямство.

У Беррингтона были плохие новости, и он выложил их, как только они сделали заказ.

– Джинни Феррами находится в Ричмонде, у нее сегодня встреча в тюрьме с Деннисом Паркером.

Джим вскипел:

– Какого дьявола ты не остановил эту сучку? – У него был хриплый и грубый голос человека, часто отдающего приказы.

Как всегда в таких случаях, Беррингтон сразу же завелся:

- А что было делать? Связать ее, что ли?
- Ты ее босс или нет?
- Это университет, Джим, а не твоя гребаная армия.

Престон нервно откашлялся и заметил:

– Давайте-ка потише, друзья. – Он носил узкие очки в черной оправе, старомодные, в стиле конца 50-х, и Беррингтон отметил, что теперь такие вновь вошли в моду. – Мы знали, что нечто подобное может случиться. И лично я считаю, что мы должны взять инициативу в свои руки и сознаться во всем, причем немедленно.

– Сознаться? – Джим был вне себя от изумления. – Разве мы замешаны в каком-то преступлении?

– Ну, кое-кто может взглянуть на проблему именно с этой точки зрения.

– Позволь напомнить, что когда ЦРУ опубликовало доклад под названием «Новые направления в развитии советской науки», не кто иной, как президент Никсон, заявил, что это самые тревожные новости, которые когда-либо приходили из Москвы со времени расщепления Советами атомного ядра.

– Доклад мог оказаться «липой», – заметил Престон.

– Но мы-то все решили, что это правда. А самое главное – президент поверил. Помнишь, какая паника тогда началась?

Уж кто-кто, а Беррингтон хорошо это помнил. ЦРУ заявило, что у Советов появилась программа искусственного размножения человеческих особей. И что они планируют создавать талантливых ученых, гениальных шахматистов, выдающихся спортсменов и идеальных солдат. Никсон тогда приказал срочно создать при министерстве обороны специальный медицинский исследовательский центр и запустить аналогичную программу. Особый упор был сделан на создание идеальных солдат. Возглавил этот центр Джим Пруст.

Он немедленно обратился за помощью к Беррингтону. Несколькими годами раньше Беррингтон удивил всех и особенно свою жену Вивви тем, что вступил в армию, – и это когда антивоенные настроения в стране были сильны, как никогда. Он приехал в Форт-Детрик в штате Мэриленд, где занялся изучением проблемы переутомления у солдат. К началу 70-х он стал лучшим в мире специалистом по вопросу наследственности в характере и поведении военнослужащего. У настоящего солдата были выявлены такие обязательные качества, как агрессивность и выносливость. Тем временем Престон, оставшийся в Гарварде, достиг настоящего прорыва в понимании основных принципов и закономерностей

функционирования репродуктивной системы человека. И вот Беррингтон уговорил его оставить университет и поучаствовать в великом эксперименте вместе с ним и Прустом.

То было самое счастливое время в жизни Беррингтона.

– Помню, в каком приподнятом настроении мы тогда находились, – сказал он. – Ведь мы были на передовой американской науки, мы делали все, чтобы улучшить нашу страну, направить ее на истинный путь. И лично президент поручил нам столь ответственное задание.

Престон рассеянно ковырял вилкой в салате.

– Времена изменились. И у меня больше нет оснований сваливать все на Никсона. «Я сделал это, потому что меня лично попросил президент Соединенных Штатов!» Сейчас за такие вещи людей отправляют в тюрьму.

– Что это с ним, а? – встревожился Джим. – Да, правильно, задание было секретным. Но в чем сознаваться, Господи Боже мой?

– Мы легли на дно, – сказал Престон.

Джим покраснел, даже загар не мог этого скрыть.

– Просто перевели наш проект в частный сектор.

Все это чистой воды софистика, подумал Беррингтон, хотя и не стал возражать Джиму. Этих клоунов из комитета по переизбранию президента застукали в отеле «Уотергейт», и весь Вашингтон перепугался до смерти. Престона отправили в «Дженетико», частную компанию с ограниченной ответственностью, а Джим помог ему заключить весьма солидные военные контракты, что сделало корпорацию финансово жизнеспособной. Через какое-то время клиники по искусственному оплодотворению стали настолько прибыльным бизнесом, что они смогли обходиться уже без помощи военных. Беррингтон вернулся в мир академической науки, а Джим перешел из армии на службу в ЦРУ, а затем – в сенат.

Престон сказал:

– Я не говорю, что мы ошибались. Хотя кое-какие вещи, которыми мы тогда занимались, были противозаконными.

Беррингтону вовсе не хотелось, чтоб два его старых друга занимали столь полярные позиции. И он спокойно заметил:

– Ирония заключается в том, что создать совершенного американца оказалось невозможно. С самого начала все участники проекта были на неверном пути. На естественное воспроизводство полагаться было нельзя. Но нам хватило ума оценить возможности генной инженерии.

– Да в ту пору никто даже и слов-то таких не слышал! – проворчал Джим, разрезая бифштекс.

Беррингтон кивнул:

– Джим прав, Престон. Нам следует гордиться своими достижениями, а не стыдиться их. Ведь если хорошенько вдуматься, мы совершили настоящее чудо. Мы поставили перед собой задачу выяснить, являются ли определенные черты человека, такие, как ум или агрессивность, наследуемыми генетически. А затем – выявить гены, отвечающие за эти черты. И наконец, создать их в лабораторных условиях, путем изменения генетического кода зародыша в пробирке. И мы на пороге успеха!

Престон пожал плечами:

– Да все мировое биологическое сообщество работает над той же проблемой и...

– Не совсем. Круг наших интересов очерчен четче и конкретнее.

– Это верно.

Похоже, оба друга Беррингтона выпустили пар. Они так предсказуемы, чуть ли не с умилением подумал он. Наверное, все старые друзья предсказуемы. Джим всегда заводится с пол-оборота, Престон скулит и жалуется. Теперь же они наконец успокоились и смогут хладнокровно оценить ситуацию.

– Итак, вернемся к Джинни Феррами, – сказал Беррингтон. – Возможно, через год или два она сможет объяснить нам, как сделать людей агрессивными, не превращая их при этом в преступников. И последние фрагменты этой головоломки станут на свои места. Предложение «Ландсманна» дает нам уникальный шанс ускорить разработку программы, а заодно помочь Джиму попасть в Белый дом. Сейчас не время отступать.

– Все это, конечно, очень хорошо, – заметил Престон. – Но как мы будем работать? Ведь в «Ландсманне» просто помешаны на этих чертовых этических принципах.

Беррингтон отправил в рот ложку фасоли и долго жевал.

– Прежде всего надо понимать, что у нас вовсе не кризис, у нас проблема, – заговорил он наконец. – И проблема эта вовсе не в «Ландсманне». Всем их бухгалтерам и аудиторам не докопаться до правды еще лет сто, пусть хоть под микроскопом разглядывают наши отчеты и книги. Наша проблема – Джинни Феррами. Мы должны вовремя остановить ее, чтобы она ничего не разнюхала, по крайней мере, до следующего понедельника, когда будут подписаны все документы о передаче компании.

Джим саркастически хмыкнул:

– Но ведь ты не можешь приказывать ей, ведь у вас университет, а не долбаная армия.

Беррингтон кивнул. Вот теперь оба они мыслили в нужном ему

направлении.

– Это верно, – спокойно заметил он. – Приказывать я ей не могу. Но существуют другие, более тонкие способы манипуляции человеком. Я бы даже сказал – куда более изящные, чем используют у вас в армии, Джим. Если вы согласны поручить это дело мне, я с ней как-нибудь справлюсь.

– Как? – спросил Престон.

Беррингтон сделал паузу. Четкого плана у него пока что не было, а вот кое-какие соображения имелись.

– Думается, у нее есть проблема, связанная с использованием базы медицинских данных. Тут возникают вопросы этики. Почти уверен, что смогу заставить ее остановиться.

– Должно быть, она как-то обезопасилась.

– Мне ведь не нужна веская причина. Нужен только предлог.

– А что собой представляет эта девица? – спросил Джим.

– Ей под тридцать. Высокая, спортивная. Темные волосы, носит в ноздре колечко. Водит старенький красный «мерседес». Прошлой ночью по чистой случайности узнал, что и в ее семье не без уроды. Отец – преступник. Но она очень умна, напориста и упряма.

– Замужем, разведена?

– Нет, живет одна. Даже любовника вроде бы не имеет.

– Собака?

– Нет. И еще она красавица, но управлять ею трудно.

Джим задумчиво кивнул:

– У нас до сих пор немало надежных людей в разведке. Думаю, будет нетрудно сделать так, чтобы эта девица просто *исчезла*.

Престон бросил на него испуганный взгляд.

– Никакого насилия, Джим. Очень тебя прошу!

Подошел официант, чтобы убрать со стола тарелки, и они молчали, пока он не ушел. Беррингтон понимал, что следует рассказать друзьям о сообщении, которое пришло на автоответчик от сержанта Делавер. И он нехотя произнес:

– Тут вот еще какая штука. В воскресенье вечером у нас в спортивном зале изнасиловали одну девушку. Полиция арестовала Стива Логана. Жертва указала на него во время опознания.

– Это он сделал? – спросил Джим.

– Нет.

– Ты знаешь кто?

Беррингтон посмотрел ему прямо в глаза:

– Да, Джим. Знаю.

– О черт!... – пробормотал Престон.

– Может, надо сделать так, чтоб и мальчишки исчезли?

Беррингтон почувствовал, как к горлу подкатил ком. Он задышался, лицо его налилось краской. Перегнувшись через стол, он ткнул Джиму пальцем в лицо.

– Чтоб больше не смел так говорить, ясно тебе? Никогда! – И он поднес палец так близко к глазам Джима, что тот непроизвольно зажмурился, хотя и был гораздо крупнее и спортивнее.

– Прекратите, вы, оба! – прошипел Престон. – Люди смотрят!

Беррингтон убрал руку, но продолжал кипеть от гнева. Если б они находились в более скромном заведении, он бы наверняка вцепился Джиму в глотку. Но вместо этого он резко сгреб его за лацкан пиджака.

– Мы дали этим мальчикам жизнь! Мы привели их в этот мир. Плохие они или хорошие, но мы за них отвечаем.

– Да ладно, ладно, будет тебе! – примирительно пробормотал Джим.

– Хочу, чтоб ты раз и навсегда зарубил себе это на носу. Если кто-то из этих ребят пострадает, я оторву тебе башку, понял, Джим?

Тут подошел официант и спросил:

– Желаете десерт, джентльмены?

Беррингтон отпустил Джима. Тот сердито разгладил лацкан пиджака.

– Черт побери, – пробормотал Беррингтон. – Черт бы вас всех побрал!

– Будьте любезны, счет, – сказал официанту Престон.

За всю ночь Стив Логан так и не сомкнул глаз.

Свинтус Батчер спал, как младенец, время от времени издавая тихое похрапывание. Стив сидел на полу и не сводил с него глаз, с ужасом следя за каждым его движением и размышляя о том, что произойдет, когда это чудовище проснется. Затеет ли Свинтус с ним драку? Или попытается изнасиловать? Или просто изметелит до полусмерти?

У него были причины для опасений. Он знал, что в тюрьмах людей почти всегда избивают. Многие после этого становятся калеками, некоторые даже умирают от побоев. И никому не было до этого дела. Многие обыватели считали, что раз в тюрьмах сидят одни негодяи и душегубы, то чем больше они перебьют друг друга, тем лучше для общества, тем меньше будут грабить и убивать законопослушных граждан.

Ни за что и ни при каких обстоятельствах, твердил про себя дрожащий от страха Стив, он не должен походить на жертву. Иначе его превратно поймут. И отношение будет соответственное. Тип Хендрикс совершил именно эту ошибку. Стив показался ему добродушным парнем, который и мухи не обидит.

Он должен сделать вид, что в любой момент готов дать отпор, но не выглядеть при этом агрессивным. И ни в коем случае не провоцировать Свинтуса. Меньше всего ему хотелось, чтобы Свинтус воспринял его, как чистенького маменькиного сынка из колледжа. Тогда он станет мишенью для бесконечных придилок, тычков, зуботычин, всяческих издевательств и просто битья. Ему следует изобразить закоренелого преступника. Но что, если не получится?...

Свинтус выше и тяжелее его и наверняка закалился в уличных схватках. Стив стройнее и спортивнее, наверняка подвижнее, но ни разу никого не ударил за последние семь лет. Если б пространства было побольше, Стив мог бы уворачиваться от ударов Свинтуса. Но здесь, в этой клетушке, не развернешься. И любая драка закончится кровопролитием. Если детектив Элластон говорил правду, то за прошедшие сутки Свинтус доказал, что наделен инстинктами убийцы. «А у меня есть этот инстинкт? – спрашивал себя Стив. – И вообще, существует ли на свете такое понятие, как инстинкт убийцы? Я едва не прикончил Типа Хендрикса. Означает ли это, что я мало чем отличаюсь от Свинтуса?»

При одной мысли о том, что ему придется вступить в схватку с этим

типом, Стив содрогнулся. И тут же представил себе следующую картину: огромный Свинтус лежит на полу камеры и истекает кровью, а он, Стив, стоит над ним в позе победителя, как некогда стоял над Хендриксом, и голосом Спайка, тюремщика, говорит: «Господи Иисусе, да он никак покойник!» Нет, Стив предпочел бы, чтоб избили его.

Возможно, ему не следует проявлять особой активности. Просто свернуться на полу калачиком, и пусть Свинтус лупцует его до тех пор, пока не выдохнется. Но Стив не был уверен, правильное ли это решение. А потому просто сидел, привалившись спиной к решетке, с пересохшим от волнения ртом и бешено бьющимся сердцем, и, глядя на спящего психопата, разыгрывал в воображении сцены драк. Драк, из которых он неизбежно выходил побежденным.

Он уже догадывался, что полицейские решили сыграть с ним злую шутку. И Спайк воспринял это, как само собой разумеющееся. Возможно, вместо того, чтоб силой выбивать признания из подсудимых в комнате для допросов, они позволяют другим подозреваемым делать эту работу за них. Интересно, подумал Стив, сколько же ни в чем не повинных людей признались в преступлениях, которых не совершали, всего лишь из страха оказаться в одной камере с таким типом, как Свинтус?

Нет, он этого никогда не забудет. Стив поклялся себе, что, когда станет адвокатом, будет защищать людей, обвиняемых в преступлениях, и никогда не станет воспринимать признание, как доказательство. Он уже видел себя перед жюри присяжных. «Как-то раз меня обвинили в преступлении, которого я не совершал, и я уже был близок к тому, чтоб сознаться, – говорил им он. – Я там побывал, я знаю».

Потом он вдруг вспомнил, что если его все же признают виновным, то тут же вышвырнут вон из юридического колледжа и ему уже никогда не придется никого защищать.

Он пытался убедить себя, что виновным его признать никак не могут. Результаты анализа ДНК все поставят на свои места.

Где-то около полуночи его вывели из камеры, надели наручники и отвезли в госпиталь Милосердия, который находился в нескольких кварталах от полицейского управления. Там у него взяли анализ крови для определения ДНК. Он спросил медсестру, сколько времени на это уйдет, и та, к его огорчению, ответила, что три дня. Он вернулся в камеру в угнетенном состоянии духа. Его снова поместили со Свинтусом. Тот продолжал мирно спать.

Нет, двадцать четыре часа без сна продержаться можно. А это самое большее, на сколько его могут задержать без санкции суда. Арестовали его

около шести вечера, так что выпустить должны завтра, вернее уже сегодня, в то же время. А если он хочет выйти раньше, надо попробовать попросить, чтоб его отпустили под залог. Тогда есть шанс выйти отсюда.

Он пытался вспомнить, что говорили им на лекциях про освобождение под залог. «Единственная проблема, которая в таких случаях встает перед судом, – это решить, вернется ли обвиняемый на суд», – монотонно бубнил профессор Рэксем. Занятия казались скучными, как проповедь; но теперь от этой информации зависело все. И в памяти начали всплывать кое-какие детали. В расчет принимались два фактора. Одним был возможный приговор. Если обвинение было серьезным, отпускать под залог рискованно. Больше шансов, что обвиняемый, скажем, в убийстве, сбежит и не явится на суд, в отличие, допустим, от мелкого воришки. Та же ситуация возникала и в том случае, если обвиняемый уже попадал в тюрьму: тогда ему тоже светил долгий срок. Срока у Стива не было. Ему предъявляли обвинение в нападении и нанесении увечий, но в ту пору восемнадцать ему еще не исполнилось и за решетку он не попал. Так что он предстанет перед судом «чистеньким». А вот что касалось обвинений... о, они были весьма серьезными.

Вторым фактором, вспомнил он, являлось общественное положение заключенного: семья, дом, работа. Человек, проживающий с женой и детьми по одному адресу на протяжении пяти лет и работающий где-то поблизости, имел хорошие шансы выйти под залог. В отличие от того, у кого не было семьи в этом городе, кто поселился по данному адресу шесть недель тому назад и назвался безработным музыкантом. Последнему скорее всего откажут. По этой части у Стива все было в порядке. Он жил вместе с родителями, учился на втором курсе юридического колледжа – ему было что терять при побеге.

Суды не были призваны решать, опасен ли такой человек для общества. Они не имели права делать выводы о степени его вины до вынесения решения присяжными. Однако на практике поступали как раз наоборот. У человека, подозреваемого в совершении дерзких и жестоких преступлений, было куда меньше шансов быть отпущенным под залог, нежели у человека, обвиняемого, например, в участии в драке. Если Стиву предъявят обвинение в совершении нескольких изнасилований, то его шансы выйти под залог будут равны практически нулю.

Он не сводил глаз со спящего Свинтуса и размышлял над всем этим, прокручивая в уме различные варианты и репетируя речь, с которой обратится к судье.

Он намеревался защищать себя сам. Он даже не воспользовался

правом одного телефонного звонка. Страшно не хотелось вмешивать во все это родителей. Нет, он обязательно расскажет им все, но только когда его полностью оправдают. Звонить и сообщать, что он в тюрьме, – нет, они этого просто не вынесут. Конечно, ему было бы легче видеть родные лица в суде, чувствовать их молчаливую поддержку, но всякий раз при мысли об этом вспоминалось, какие лица были у мамы с папой, когда семь лет тому назад они сопровождали его в участок после драки с Типом Хендриксом.

В течение ночи в камеры поместили еще нескольких человек. Кое-кто из задержанных пребывал в полной апатии, другие ныли и жаловались, третьи громко протестовали и всячески выражали свое возмущение. А один даже подрался с полицейскими, в результате чего те отметили его вполне профессионально.

К пяти часам все затихли и успокоились. В восемь утра сменщик Спайка принес завтрак в пластиковых контейнерах, как выяснилось позже – из ресторана «Мама Хаббард». Появление еды вызвало оживление в камерах, и шум разбудил Свинтуса.

Стив остался, где был, – сидя на полу и вперясь в пространство невидящим взором, но уголком глаза настороженно наблюдал за Свинтусом. Проявление дружелюбия было бы признаком слабости, решил он. Пассивная враждебность – вот самое верное решение.

Свинтус сел, поскреб в затылке и уставился на Стива, но тот молчал. «Оценивает меня», – решил Стив.

Через минуту-другую Свинтус заговорил:

– Какого хрена тут делаешь?

Стив состроил гримасу отвращения, затем медленно перевел взгляд на Свинтуса. Свинтус оказался довольно красивым парнем с сытой физиономией, на которой застыло выражение тупой агрессии. Глаза его, налитые кровью, продолжали подозрительно рассматривать Стива. Распутный тип, неудачник, решил Стив, но тем не менее опасен. И он отвернулся, изображая полное безразличие. И на вопрос не ответил. Чем дольше Свинтус будет разбираться, что он такое и с чем его едят, тем безопаснее для него, Стивена.

Когда охранник протолкнул контейнеры с едой сквозь прутья решетки, Стив полностью это проигнорировал.

Свинтус взял поднос. Съел все до крошки – бекон, яйца, тосты, выпил кофе, затем долго и шумно, ничуть не стесняясь, писал в унитаз.

Закончив, он подтянул штаны, сел на койку, посмотрел на Стива и сказал:

– Ты за что здесь, белый мальчик?

Вот он, самый критический момент. Свинтус его прощупывал, проверял на вшивость. И Стиву надо было предстать перед ним кем угодно, только не беззащитным студентом, который ни разу ни с кем не подрался, не считая схваток в детском возрасте.

Он обернулся и посмотрел на Свинтуса так, словно только что его увидел. Он долго молчал, словно решая, стоит ли отвечать вообще. А затем лениво, сквозь зубы произнес:

– Этот гребаный ублюдок попробовал меня оттрахать, ну я и трахнул его, да так, что все надолго запомнят.

Свинтус вытаращил глаза. И Стив не мог решить, поверил он ему или нет. Затем после долгой паузы Свинтус спросил:

– За убийство, что ли?

– Вроде того, мать твою!

– Я тоже.

Похоже, Свинтус купился. И Стив небрежно добавил:

– Этот ублюдок, он больше ко мне не полезет, нет уж, в Бога душу мать!

– Да-а... – протянул Свинтус.

Настала долгая пауза. Свинтус усиленно размышлял над чем-то. И наконец, спросил:

– Почему они посадили нас вместе?

– Да потому, что против меня у них ни хрена нет, – ответил Стив. – Вот и подумали, что ежели я тебя здесь пришью, у них будет хоть что-то против меня.

Гордость Свинтуса была задета.

– А что, если это я тебя пришью? – спросил он.

Стив пожал плечами:

– Тогда у них будет компромат на тебя.

Свинтус задумчиво кивнул.

– Да, – снова протянул он, – похоже на то.

Вероятно, он исчерпал тему для беседы. И через некоторое время снова улегся на койку.

Стив ждал. Неужели пронесло?

Еще через несколько минут Свинтус захрапел.

Поняв, что сосед по камере заснул, Стив испытал такое облегчение, что разом почувствовал слабость и сполз спиной по решетке.

На протяжении нескольких часов после этого вообще ничего не происходило.

Никто не пришел поговорить со Стивом, никто не сообщил ему, что

будет дальше. Справочной службы в тюремном блоке, естественно, не было. Он хотел узнать, есть ли у него возможность выйти под залог, но никто ничего не ответил. Попытался заговорить со сменщиком Спайка, но тот не обращал на него ни малейшего внимания.

Свинтус все еще спал, когда к камере подошел охранник. Отпер дверь, надел на Стива наручники, затем проделал то же самое со Свинтусом. Прикованных друг к другу заключенных повели по коридору и втолкнули в небольшой кабинет.

В кабинете стояли два письменных стола, на каждом из которых находились компьютер и лазерный принтер. Между столами – ряды серых пластиковых стульев. За одним из столов сидела строго одетая темнокожая женщина лет тридцати. Она подняла на них глаза, сказала: «Прошу садиться», и продолжала стучать по клавиатуре компьютера наманикюренными пальцами.

Они прошли к стульям и сели. Стив с любопытством озирался по сторонам. Вполне обычный офис со стальными ящиками картотеки, огнетушителем и старомодным сейфом в углу. После камеры это помещение казалось шикарным.

Свинтус закрыл глаза и, похоже, снова задремал. Только тут Стив заметил в комнате еще двоих мужчин. Один с недоумением, точно глазам своим не веря, взирал на собственную правую ногу в гипсе, второй смотрел в никуда и улыбался. По всей видимости, он понятия не имел, где находится, и то ли витал мыслями в облаках, то ли попросту был душевнобольным, а может, и то и другое.

Наконец женщина оторвалась от экрана.

– Назовите ваше имя, – сказала она.

Стив был первым в ряду, а потому сразу же ответил:

– Стивен Логан.

– Мистер Логан, я судебный комиссар Уильямс.

Ну конечно, она судебный комиссар. Теперь он вспомнил, что говорили им об этой должности на лекциях. Комиссар – это чиновник суда, но по своему рангу значительно ниже судьи. Занимается выдачей ордеров на арест, обыск и другими процессуальными вопросами. Стив вспомнил, что она наделена правом рассматривать прошения о выпуске под залог, и воспрял духом. Возможно, скоро он отсюда выйдет.

Женщина же тем временем продолжала:

– Я здесь, чтобы сообщить вам, в чем именно вы обвиняетесь, о дате, времени и месте судебных слушаний по вашему делу. О том, можно ли вас отпустить под залог, и если да, то на каких условиях.

Говорила она очень быстро, но Стив уловил главное – он прав, вопрос о залоге может решиться сейчас. Ему следует лишь убедить эту женщину, что на него можно положиться, что он непременно явится на суд.

– Итак, вы обвиняетесь в изнасиловании первой степени, в нападении с целью изнасилования, в нанесении побоев и содомии. – Пока она описывала все эти страшные преступления, ее круглое лицо оставалось совершенно спокойным.

Затем она назвала ему дату судебных слушаний – они должны были состояться через три недели, и Стив вспомнил, что согласно закону слушания должны проводиться не позже, чем через месяц после предъявления обвинения.

– По первому обвинению вам грозит пожизненное заключение. По второму – нападение с целью изнасилования – от двух до пятнадцати лет. Оба считаются особо тяжкими уголовными преступлениями.

Стив знал, что это за категория – особо тяжкие преступления. Интересно, что же в таком случае грозит Свинтусу Батчеру?

Насильник также устроил пожар в спортзале, вспомнил он. Почему тогда его не обвиняют в умышленном поджоге? Возможно, потому, что у полиции нет прямых улик, связывающих его с пожаром.

Женщина протянула ему два листка бумаги. Первый был уведомлением о праве на защитника, в другом объяснялось, как связаться с общественным защитником. Он должен был подписать обе страницы.

Уильямс быстро задала несколько вопросов и занесла ответы в компьютер.

– Ваше полное имя? Где проживаете? Номер вашего домашнего телефона? Как долго вы живете здесь? Где проживали до этого?

У Стива вновь проснулась надежда на освобождение под залог. Ведь он объяснил, что живет с родителями, учится на втором курсе юридического колледжа и в прошлом к суду не привлекался. Она спросила, употребляет ли он наркотики или алкоголь, на что Стив ответил отрицательно. Он все время выискивал удобный момент, хотел заговорить об освобождении под залог, но судебный комиссар тараторила так, что нельзя было вставить ни слова.

– Что касается обвинения в содомии, лично я не нахожу для него достаточных оснований, – сказала она. Отвернулась от экрана компьютера и уставилась на Стива. – Что вовсе не означает, что вы не совершали этого преступления. Просто в изложенном следователем предварительном заключении не хватает информации, чтобы предъявить вам это обвинение.

Стивен вообще удивлялся, зачем следователю понадобилось

предъявлять ему и это. Возможно, в полиции надеялись, что он, услышав о содомии, возмутится и каким-то образом выдаст себя, заявив, к примеру: «Нет, это уже черт знает что! Да, я ее трахнул, но никаких извращений, за кого вы меня принимаете?» Комиссар отвернулась и добавила:

– Однако вам все равно придется отвечать перед судом и по этому обвинению.

Стив несколько растерялся. Что толку в этих ее рассуждениях, если ему так и так придется предстать перед судом? Если даже он, студент второго курса юридического колледжа, не в силах понять и осмыслить всего этого, то что же происходит в подобных ситуациях с обыкновенными людьми?

– У вас есть вопросы? – спросила комиссар.

Стив набрал в грудь побольше воздуха.

– Я хотел бы ходатайствовать об освобождении под залог, – начал он. – Я ни в чем не виновен и...

Она тут же перебила его:

– Мистер Логан, вы обвиняетесь сразу в нескольких особо тяжких преступлениях, попадающих под пункт 638В. Что, в свою очередь, означает, что я, комиссар суда, не имею полномочий обсуждать вопрос о залоге. Это может сделать только судья.

Удар, что называется, ниже пояса. Стив так расстроился, что ему стало дурно.

– Тогда к чему весь этот фарс? – сердито спросил он.

– К тому, что на данный момент вы попадаете в категорию заключенных, не имеющих права ходатайствовать об освобождении под залог.

Он повысил голос:

– Тогда зачем вы задавали мне все эти вопросы? Заставили надеяться, что я могу выбраться из этого места?

Ее это, похоже, ничуть не тронуло.

– Информация, которую вы мне сообщили, будет проверена следователем, и уже он доложит суду, – холодно произнесла она. – Завтра вы можете предстать перед судом по вопросу об освобождении под залог, и судья вынесет соответствующее решение.

– А до тех пор меня будут держать в камере вместе с ним? – Стив указал на спящего Свинтуса.

– За содержание заключенных в камерах я не отвечаю.

– Но этот тип – убийца! Он до сих пор меня не прихлопнул лишь потому, что все время спит! Заявляю вам официальный протест как

представителю судебных инстанций, что в тюрьме на меня оказывают психологическое давление, подвергают опасности мою жизнь!

– Когда в изоляторе нет свободных мест, приходится делить камеру...

– Мест там полно, можете убедиться сами. Большая часть камер пустует. А они специально поместили меня к этому типу, чтоб он меня избил, изуродовал. И если это случится, я подам в суд уже на вас лично, комиссар Уильямс, за попустительство преступлению!

Она немного смягчилась:

– Хорошо, я займусь этим. А теперь подпишите, пожалуйста, вот это. – И она передала ему бумаги. – Подпись должна стоять на каждом листе, копии можете оставить себе.

Окончательно павший духом Стив взял протянутую ему шариковую ручку и подписал все бумаги. Пока он занимался этим, охранник разбудил Свинтуса, тряхнув его за плечо. Стив протянул бумаги комиссару Уильямс. Она убрала их в папку и обернулась к Свинтусу:

– Назовите ваше имя.

Стив обхватил голову руками.

Джинни не сводила глаз с двери. Вот она медленно приоткрылась. Вошедший в комнату человек был двойником Стивена Логана.

Она услышала, как тихо ахнула сидевшая рядом Лиза.

Деннис Пинкер был так похож на Стивена Логана, что Джинни никогда бы не различила, кто из них кто.

«Моя система верна, – с торжеством подумала она. – Она доказывает мою правоту. Пусть родители хоть с пеной у рта отрицают, что у их сыновей нет и не было близнеца, эти два человека похожи, как две капли воды».

Даже кудрявые светлые волосы у них были подстрижены одинаково коротко и зачесаны на пробор. Деннис закатал рукава своей тюремной рубы точно так же, как Стив закатывал рукава голубой полотняной рубашки. Деннис закрыл дверь ногой – точно так же сделал Стив, когда впервые вошел к Джинни в кабинет. Деннис сел и одарил ее в точности такой же озорной мальчишеской улыбкой. Она с трудом верила в то, что перед ней незнакомый ей человек.

Джинни покосилась на Лизу. Та, вытаращив глаза, смотрела на Денниса, лицо ее побледнело от страха.

– Это он... – прошептала Лиза.

Деннис взглянул на Джинни и сказал:

– Ты должна подарить мне свои трусики.

Джинни насторожилась. Стивен никогда не сказал бы ничего подобного. Вот оно: идентичный генетический материал трансформировался в две совершенно разные личности. Один – очаровательный умный мальчик из колледжа, второй – психопат. Но так ли глубоко эти различия?

Робинсон, охранник, добродушно заметил:

– Веди себя прилично, Пинкер, иначе дождешься у меня.

Деннис снова озорно улыбнулся и произнес уверенно, даже жестко:

– Робинсон ничего не узнает. А ты обязательно подаришь мне свои трусики. И вылетишь отсюда, как птичка, вертя белой голой попкой!

Джинни пыталась сохранить спокойствие. Он нарочно хочет вывести ее из равновесия. Но она умна, и шутки с ней плохи. Даже если б они вдруг оказались одни, она смогла бы оказать достойное сопротивление Деннису. Ну а уж рядом с высоченным охранником, вооруженным револьвером и

дубинкой, она могла чувствовать себя в полной безопасности.

– Ты как? – шепотом спросила она Лизу.

Та была бледна, как полотно, но губы решительно сжаты.

– Я в полном порядке, – тихо, но твердо ответила подруга.

Деннис, как и его родители, заранее заполнил несколько анкет и вопросников. Теперь Лиза начала работать с ним над другими, более сложными тестами, а Джинни принялась сверять и сравнивать ответы Стивена и Денниса. Сходство было поразительным: физические параметры, интересы и хобби, вкусы – все совпадало. К ее удивлению, выяснилось, что «ай-кью» Денниса был даже выше, чем у Стива.

Как жаль, подумала она. Ведь этот молодой человек мог бы стать ученым, хирургом, инженером, программистом. А вместо этого он здесь.

Разница между Деннисом и Стивеном – причем значительная – состояла в их социальной адаптированности. Стивен был зрелой личностью с нормальными или средними социальными показателями. Он легко вступал в контакт с незнакомыми людьми, был законопослушным гражданином, с удовольствием общался с друзьями, ему нравилось быть членом команды. У Денниса все эти характеристики были на том же уровне, что и у трехлетнего малыша. Он хватал все, что ему нравилось, не желал ни с кем делиться, боялся незнакомцев, а если не мог получить того, что хочется, становился агрессивен, дик и опасен.

Джинни помнила себя в три года. Это были самые ранние ее воспоминания. Она видела себя стоящей над детской кроваткой, в которой спала ее только что родившаяся сестричка. На Пэтти был хорошенький розовый комбинезончик с бледно-голубыми цветочками, вышитыми на воротнике. И Джинни в тот миг ненавидела сестру, завидовала ее комбинезону, ревновала к отцу и матери, чьим вниманием та полностью завладела. Эта крошка с круглым личиком украла у нее папу и маму! Джинни хотелось убить это существо, столь неожиданно вторгшееся в ее жизнь, существо, отнимавшее всю любовь и внимание, которыми прежде безраздельно пользовалась только она, Джинни. Тетя Роза спросила: «Ты ведь любишь свою маленькую сестричку, верно, дорогая?» И Джинни ответила: «Я ее ненавижу, я хочу, чтоб она умерла!» И тогда тетя Роза отшлепала ее, и Джинни ощутила себя преданной вдвойне.

Джинни выросла, и Стивен тоже, а вот Деннис так и не стал взрослым. Так почему же Стивен отличается от Денниса? Неужели причина в воспитании? Или же он просто кажется другим? Может, все его манеры, обаяние и прочее, есть не что иное, как маска, под которой скрывается псих?

Слушая Лизу и наблюдая за испытуемым, Джинни увидела еще одно различие. Она боится Денниса. От него исходит угроза. Она вдруг почувствовала, что этот человек может сделать все, что угодно, все, что только в голову придет, нисколько не заботясь о последствиях. Рядом со Стивом она ни на мгновение не ощущала ничего подобного.

Джинни сфотографировала Денниса, сделала несколько снимков его ушей крупным планом. Уши у однояйцевых близнецов обычно очень похожи, за исключением расположения мочек.

Когда они почти закончили, Лиза взяла у Денниса кровь на анализ. Джинни не терпелось сравнить их ДНК. Она была уверена, что у Стивена и Денниса одни и те же гены. И это, несомненно, послужит бесспорным доказательством того, что эти молодые люди идентичные близнецы.

Лиза закрыла и подписала пробирку с кровью, как положено делать в подобных случаях, затем вышла: пробирку надо было поместить в холодильник, находившийся в багажнике машины. А Джинни осталась в комнате для свиданий.

Она задала испытуемому несколько последних вопросов. Ей страшно хотелось хотя бы на протяжении недели понаблюдать за Стивеном и Деннисом у себя в лаборатории. Но это невозможно в большинстве случаев, когда имеешь дело с такими близнецами. Ведь, изучая преступников, она будет постоянно сталкиваться с одной и той же проблемой – они находятся в тюрьме. И провести с Деннисом более сложные тесты с использованием специального лабораторного оборудования пока что невозможно, во всяком случае, до тех пор, пока он не выйдет на свободу. Если вообще выйдет. Что ж, придется довольствоваться тем, что есть. У нее немало данных, с которыми можно поработать.

Она отложила последний вопросник.

– Спасибо за терпение и сотрудничество, мистер Пинкер.

– А ты так до сих пор и не дала мне свои трусики, – холодно ответил он.

– Будет тебе, Пинкер, – заметил Робинсон. – Весь день вел себя прилично, так зачем теперь портить впечатление?

Деннис одарил охранника взглядом, исполненным безграничного презрения. А потом сказал Джинни:

– Робинсон жуть до чего боится крыс. Вам это известно, леди психолог?

И тут вдруг Джинни встревожилась. В этих странных словах крылось нечто совершенно для нее непонятное и неожиданное. Она стала торопливо

собирать бумаги.

Робинсон смутился.

– Да, верно, этих тварей я просто ненавижу. Но ничуть не боюсь.

– Даже той большой, серой, что вон там в углу? – спросил Деннис и указал пальцем.

Робинсон обернулся. Никакой крысы в углу, разумеется, не было. Но стоило охраннику повернуться спиной, как Деннис сунул руку в карман и выхватил оттуда тугой сверток. Его движения были такими быстрыми, что Джинни не поняла, что происходит, а когда поняла, было уже поздно. Деннис развернул синий платок в горошек – там оказалась толстая серая крыса с длинным розовым хвостом. Джинни содрогнулась. Она была не из пугливых, но почему-то страшно неприятно было видеть эту крысу, которую так бережно держали руки, недавно удушившие женщину.

И не успел Робинсон обернуться к нему, как Деннис выпустил крысу.

Она побежала по комнате.

– Вон там, Робинсон! – кричал Деннис. – Вон она, вон!

Робинсон увидел крысу и побледнел.

– Черт! – буркнул он и выхватил дубинку.

Крыса мчалась вдоль плинтуса, ища какую-нибудь щелку, куда можно было нырнуть. Робинсон бросился за ней, размахивая дубинкой. Несколько раз угодил в стену, оставив на ней черные отметины, но в крысу так и не попал.

Джинни наблюдала за этой сценой, и тревога ее росла. Здесь что-то не так, что-то не сходится. Похоже на дурацкий розыгрыш, но ведь Деннис вовсе не шутник по своей натуре. Он сексуальный маньяк и убийца. И это совершенно нехарактерный для него поступок. И тут вдруг она с ужасом поняла, что это всего лишь отвлекающий маневр и что у Денниса совсем иная цель...

Кто-то дотронулся до ее волос. Она обернулась и похолодела.

Прямо у нее за спиной стоял Деннис. И держал в руках нечто напоминающее самодельный нож. Держал совсем близко от ее лица, и она его рассмотрела: нож был сделан из оловянной ложки и остро заточен на конце.

Ей хотелось крикнуть, но она не смогла – в горле стоял ком. Несколько секунд тому назад – теперь казалось, что с тех пор прошла вечность, – она чувствовала себя в полной безопасности, и вот теперь ей угрожает убийца с ножом. Как это могло случиться, тем более так быстро? Кровь отхлынула от ее лица, она потеряла способность мыслить сколько-нибудь рационально.

Левой рукой Деннис ухватил ее за волосы и поднес кончик ножа так близко к глазам, что тот оказался вне фокуса. А потом наклонился и зашептал ей в ухо. Она ощущала на щеке его теплое дыхание; от него пахло потом. Он говорил так тихо, что она еле слышала его на фоне той возни и шума, что устроил Робинсон.

– Делай, что говорю, иначе выколую глаза!

Джинни обмякла от ужаса.

– О Господи, не надо, только не это! Я не хочу ослепнуть, – взмолилась она.

Собственный голос показался ей каким-то на удивление чужим и далеким, это и привело ее в чувство. «Спокойно, попытайся собраться и думай, думай», – твердила она себе. Робинсон все еще гонялся за крысой, он и понятия не имел, что происходит. Джинни сама едва верила, что такое возможно. Они находятся в федеральной тюрьме, рядом вооруженный охранник, однако ее жизнь сейчас в руках маньяка. Как самонадеянна она была всего несколько часов назад, полагая, что задаст ему перцу, если он попробует на нее напасть! Сейчас она вся дрожала от ужаса.

Деннис рванул ее за волосы, потянул вверх, и она, морщась от боли, поднялась на ноги.

– Пожалуйста! – снова взмолилась Джинни. И тут же возненавидела себя за то, что так унижается перед этим подонком. Страх оказался сильнее. – Я сделаю все, что ты скажешь!

Он снова зашептал ей прямо в ухо:

– Снимай трусики, слышишь?

Джинни точно окаменела. Она была готова сделать все, что угодно, лишь бы спастись, но только сейчас поняла, что снимать трусики опасно. Это может завести его еще больше. Она не знала, что делать. Пыталась уголком глаза увидеть Робинсона. Но тот был где-то за спиной, а повернуть голову она просто не осмеливалась, ведь кончик ножа находился у самых глаз. Впрочем, она слышала его, слышала, как Робинсон кричит на крысу и пытается прихлопнуть ее дубинкой. Его настолько поглотило это занятие, что ему было не до Денниса.

– У меня мало времени, – снова зашептал Деннис у самого ее уха, и ее словно ледяным ветром обдало. – Не сделаешь, как я говорю, не видать тебе больше, как светит солнце.

И она ему поверила. Ведь недаром она целых три часа занималась изучением личности этого психопата. Она знала, каков он и на что способен. У него не было совести; такие люди вообще не способны испытывать чувства вины или сожаления. И если она не исполнит его

требования, он, не колеблясь, изуродует ее.

Но что он станет делать после того, как она снимет трусики? Удовлетворится ли этим трофеем, уберет ли нож от ее глаз? А может, все равно полоснет прямо по зрачкам? Или у него появится новая просьба? Когда же наконец Робинсон прикончит эту чертову крысу?...

– Живо! – прошипел Деннис. Что может быть хуже слепоты?

– Ладно, – простонала она.

И робко наклонилась – Деннис по-прежнему держал ее за волосы и угрожал ножом. Джинни неловко приподняла подол льняного платья и стянула белые хлопковые трусики. Как только они соскользнули до лодыжек, Деннис издал удовлетворенное ворчание, низкое, горловое, точно медведь. И Джинни стало страшно стыдно, хотя она и понимала, что никакой ее вины в этом нет. Она торопливо одернула юбку, прикрыв наготу. Потом шагнула из трусиков и отбросила их подальше носком туфли.

И почувствовала себя страшно уязвимой.

Деннис отпустил ее, схватил трусики, прижал их к лицу и стал нюхать, блаженно зажмурившись.

Джинни с отвращением наблюдала за ним. Пусть он к ней не прикоснулся, но она ощущала себя изнасилованной и содрогалась от омерзения.

Что дальше?...

Тут вдруг дубинка Робинсона опустилась на что-то мягкое, раздался пронзительный писк. Джинни обернулась и увидела, что он, наконец, попал в крысу. Удар пришелся на заднюю часть ее жирного тельца, на сером полу виднелись брызги крови. Бежать крыса больше не могла, но все еще оставалась живой, глаза были открыты, она дышала мелко и часто. Робинсон снова ударил ее, на сей раз по голове. Она перестала дышать и затихла.

Джинни обернулась к Деннису. К ее удивлению, он вновь сидел за столом, как ни в чем не бывало, точно и с места не вставал. Вид у него был самый невинный. Нож и трусики куда-то исчезли.

Неужели она вне опасности? Неужели все кончено?...

Запыхавшийся Робинсон покосился на Денниса и спросил:

– Ведь не ты принес сюда этого мерзкого грызуна, а, Пинкер?

– Нет, сэр, не я, – не моргнув глазом солгал Деннис.

Джинни хотелось крикнуть: «Это он, он!» Но она не смогла.

Робинсон между тем продолжал:

– Потому как если я узнаю, что это ты, я тебя... – Тут он спохватился, покосился на Джинни и решил, что этих слов в ее присутствии

произносить не стоит. – Короче, сам знаешь, я сделаю все, чтобы ты об этом пожалел.

– Да, сэр.

И только теперь Джинни поняла, что опасность миновала. Но чувство облегчения тут же сменилось гневом. Она не сводила с Денниса сверкающих яростью глаз. Неужели этот стервец и дальше будет притворяться, что ничего не произошло? Робинсон сказал:

– Ладно. Сходи принеси ведро воды и все тут убери, понял?

– Слушаюсь, сэр. Сию минуту.

– Вот так-то. Если, конечно, ты больше не нужен доктору Феррами.

Джинни хотела сказать: «Пока вы убивали крысу, Деннис умудрился стащить с меня трусики». Но слова точно застряли в горле. Они казались такими глупыми. И могли повлечь за собой вполне предсказуемые последствия. Ей пришлось бы просидеть здесь еще час, если не больше, пока с нее снимут показания. Денниса обыщут, трусики найдут. И понесут показывать это вещественное доказательство начальнику тюрьмы. Она представила, как Темойн будет разглядывать улику, вертеть ее в руках так и эдак, и на лице его при этом будет странное выражение...

Нет. Уж лучше промолчать.

И тут ей стало стыдно. Ведь она никогда не одобряла, даже презирала тех женщин, которые, подвергшись насилию, умалчивали об этом. И окончательно развязывали тем самым руки обидчику. А вот теперь и она поступает точно так же.

Джинни вдруг поняла: Деннис именно на это и рассчитывал. Он предвидел, как она себя поведет, что будет чувствовать, он все рассчитал, мерзавец. Она так и вскипела при этой мысли, появилось сильнейшее желание вывести подонка на чистую воду. Но тут же представила себе, как Темойн, Робинсон и все остальные охранники и должностные лица тюрьмы будут разглядывать трусики и думать: «А ведь она все же пошла на это». Представила и устыдилась.

Как, однако, умен этот Деннис! В точности как тот парень, что поджег спортивный зал, а потом изнасиловал Лизу. Умен, как Стивен...

– А вы, похоже, расстроились, – заметил Робинсон. – Наверное, тоже терпеть не можете крыс.

Она попыталась успокоиться. Все позади. Ее жизнь спасена, глаза – тоже. Ну что такого страшного? Подумаешь, трусики, ее не изуродовали, не изнасиловали. Просто лишилась трусиков, вот и все. Будь благодарна судьбе.

– Нет, благодарю, я в полном порядке, – ответила она.

– Ну, в таком случае я вас провожу.

И они втроем вышли из комнаты. За дверью Робинсон сказал:

– Ступай за шваброй, Пинкер.

Деннис улыбнулся Джинни томной заговорщицкой улыбкой, точно они были любовниками и провели весь этот день в постели. А потом удалился. Он шел по коридору, а Джинни смотрела ему вслед, испытывая невероятное облегчение и одновременно отвращение. Он уносил в кармане ее нижнее белье. Неужели будет спать, прижав эти трусики к щеке, как ребенок – плюшевого мишку? Или тереться о них пенисом во время мастурбации и воображать, что трахает ее?... Что бы он там ни вытворял, она станет его невольной соучастницей.

Робинсон проводил ее до главных ворот и пожал на прощание руку. Она шла к «форду» под палящими лучами солнца, и единственной ее мыслью было: «Я счастлива, что уезжаю из этого проклятого места». Кровь Денниса для анализа ДНК у них есть, и это самое главное.

Лиза сидела за рулем, кондиционер работал на полную мощность. Джинни скользнула на сиденье рядом.

– Что-то ты неважно выглядишь, – заметила Лиза.

– Остановишься у первого магазина, где продают белье?

– Конечно. А что тебе там понадобилось?

– Потом расскажу, – ответила Джинни. – Но боюсь, ты не согласишься.

После ленча Беррингтон зашел в тихий бар по соседству и заказал martini.

Слова Джима Пруста об убийстве возмутили его до глубины души. Беррингтон понимал, что свалил дурака, не стоило на людях хватать Пруста за грудки и орать на него. Но он не сожалел об этом взрыве эмоций. Теперь, по крайней мере, Джим будет знать, как он к этому относится.

К борьбе ему было не привыкать. Он вспомнил первый большой кризис в начале 70-х, когда разразился Уотергейтский скандал. Время тогда было кошмарное: консерваторы и их идеи дискредитированы, многие политики и законодатели оказались подкупленными, любая тайная деятельность вдруг стала расцениваться, как антиконституционный заговор. Престон Барк был перепуган не на шутку и уговаривал остальных свернуть исследования. Джим Пруст обзывал его трусом, с пеной у рта доказывая, что никакой опасности нет, и предлагал продолжить работу над проектом под прикрытием армии и ЦРУ одновременно, соблюдая более строгие меры безопасности. И, вне всяких сомнений, он был готов уничтожить любого журналиста, который бы стал соваться в их дела. Но именно он, Беррингтон, предложил тогда создать частную компанию и дистанцироваться тем самым от правительства. И вот теперь он вновь должен найти выход из трудной ситуации.

В помещении было темно и прохладно. По телевизору над барной стойкой шла какая-то «мыльная опера», звук был отключен. Холодный martini немного успокоил Беррингтона. Он перестал злиться на Джима Пруста, и все его мысли сосредоточились на Джинни Феррами.

Страх заставил его дать необдуманное обещание. Он сказал Престону и Джиму, что сам разберется с Джинни. И вот теперь ему предстоит выполнить это. Он должен сделать так, чтобы она перестала задавать вопросы о Стивене Логане и Деннисе Пинкере.

А это было чертовски трудно. Несмотря на то, что именно он взял ее на работу, устроил ей грант, он не мог отдавать ей приказания. Ведь как он и говорил Джиму, университет – это не армия. Нанял ее университет Джонс-Фоллз, а компания «Дженетико» лишь оплатила годовые расходы на исследования. Нет, со временем, конечно, он сможет перекрыть ей кислород, но только не сейчас. А остановить ее надо было немедленно, сегодня или завтра, до того, как она узнает то, что может погубить их всех.

«Успокойся, – твердил он себе, – прежде всего необходимо успокоиться».

Самым уязвимым местом в ее исследованиях являлось использование медицинской базы данных без согласия пациентов. Из этого газеты могут раздуть нешуточный скандал, нисколько не заботясь о том, что вторгаются в частные жизни других людей. А университеты, как правило, страшно боятся подобных скандалов, потому что это отражается на финансировании фондов.

Конечно, ему тяжело разрушать столь многообещающий проект. Он сам всячески поощрял Джинни в ее начинаниях и вот теперь должен испортить ее репутацию. И она, конечно, будет страшно расстроена. Но он тут же напомнил себе, что гены у нее плохие и рано или поздно все равно будут серьезные неприятности. И тем не менее, ему не хотелось быть причиной ее краха.

Он старался не думать о теле Джинни. Женщины всегда были его слабостью. Причем самой большой. Пил он мало, в азартные игры не играл и не понимал, почему люди употребляют наркотики. Он любил свою жену Вивви, но, даже состоя в браке, не мог преодолеть соблазна и заводил интрижки со многими женщинами. Именно по этой причине и ушла от него Вивви. Теперь же, думая о Джинни, он представлял себе, как она нервно запускает пальцы в свои роскошные волосы и говорит: «Вы так добры ко мне, я стольким вам обязана, скажите, чем я могу вас отблагодарить?»

При мысли об этом ему снова стало стыдно. Ведь он должен быть ее патроном, учителем, а не соблазнителем.

Господи Боже, думал он, сгорая от желания, такая очаровательная, умная, милая девушка, ну как она может представлять угрозу? Как может эта девчонка с дурацким колечком в носу угрожать разрушить мечту его с Джимом и Престоном жизни? Особенно когда они находятся на пороге осуществления всех своих амбиций... Нет, о том, что кто-то может помешать им сейчас, даже думать невыносимо, голова начинает идти кругом, к горлу подкатывает тошнота. И в мыслях Беррингтон то занимался с Джинни любовью, то душил ее собственными руками.

И все же ему не хотелось начинать свои действия против нее с публичного скандала. Ведь контролировать прессу очень трудно. Может получиться так, что они возьмутся за Джинни, а потом докопаются и до него. Это опасно. Но ему никак не удавалось придумать что-то другое. О том, чтобы убить ее, как предлагал Джим, не могло быть и речи.

Он осушил бокал. Бармен предложил ему еще мартини, но Беррингтон

отказался. Оглядев бар, он заметил в углу, рядом с мужским туалетом, платный телефон. Сунул в щель свою карту «Америкэн экспресс» и набрал номер офиса Джима. Ответил один из его шустрых помощников:

– Офис сенатора Пруста!

– Это Беррингтон Джонс...

– Сенатор сейчас на совещании.

Нет, Джим определенно должен научить своих служащих вежливости, подумал Беррингтон.

– Тогда попробуем отвлечь его от этого совещания, – сказал он. – Как вы думаете, у нас получится? И еще, назначена ли на сегодня у него какая-нибудь встреча с журналистами?

– Не уверен. Могу я узнать, по какому вопросу вы звоните, сэр?

– Нет, молодой человек, не можете! – сердито отрезал Беррингтон. Эти развязные помощники – сущее бедствие для Капитолийского холма. – Может, вы все же попыгаете соединить меня с Джимом Прустом? Иначе потеряете свою долбаную работу, это я вам гарантирую! Так как?

– Пожалуйста, не вешайте трубку.

Долгая пауза. Беррингтон подумал, что учить помощников Джима хорошим манерам – столь же бессмысленное занятие, как приучать шимпанзе прилично вести себя за столом. Сотрудники просто копируют стиль босса: как правило, у всех начальников с дурными манерами грубые служащие.

В трубке зазвучал новый голос:

– Профессор Джонс, через пятнадцать минут сенатор должен быть на пресс-конференции, посвященной выходу новой книги конгрессмена Динки «Новая надежда Америки».

Что ж, отлично.

– Где?

– В отеле «Уотергейт».

– Передайте Джиму, что я буду там. И, будьте любезны, убедитесь, что мое имя внесено в список приглашенных. – Не дожидаясь ответа, Беррингтон повесил трубку.

Он вышел из бара, поймал такси и поехал в отель. Это дельце надо проверить по возможности деликатно. Манипулировать средствами массовой информации опасно. Для хорошего репортера очевидная история – лишь повод к тому, чтобы копнуть поглубже. Но всякий раз, думая о риске, Беррингтон напоминал себе о главной цели и старался успокоиться.

Он нашел зал, где должна была проходить пресс-конференция. Его имени в списке не оказалось (чего еще ждать от этих кретинов-

помощников?), но издатель книги знал его в лицо и приветствовал с большим энтузиазмом. А Беррингтон про себя порадовался тому обстоятельству, что еще с утра надел полосатую рубашку от «Тернбулл энд Эссер», а потому будет выглядеть достойно и на экране, и на всех снимках.

Он взял бокал с водой и оглядел помещение. Сцену украшал огромный снимок книжной обложки, перед ним стояла небольшая трибуна. Сбоку, на столике, целая кipa пресс-релизов. Телевизионщики устанавливали осветительную аппаратуру. Беррингтон заметил двух-трех знакомых репортеров, но пока не увидел ни одного, на кого бы можно было положиться.

Однако подходили все новые и новые гости. Он расхаживал по залу, болтал со знакомыми и не сводил глаз с двери. Почти все журналисты знали его, ведь он был своего рода местной знаменитостью. Книгу он не читал, но Динки адресовал ее всем, кого считал традиционно правыми. К ним, по всей видимости, он относил и его с Джимом и Престоном, а потому Беррингтон был счастлив сообщить прессе, что положительно относится к главной идее книги.

В начале четвертого прибыли Джим и Динки. Следом за ними вышагивал Хэнк Стоун, важная персона в «Нью-Йорк таймс». Лысый, красноносый, с выпирающим из-под жилета брюшком, с расстегнутым воротником рубашки, съехавшим набок галстуком и давно не чищенными ботинками, он выглядел самым неряшливым в этой толпе.

Беррингтон подумал: может, Хэнк?

Стоун не разделял никаких политических убеждений. Беррингтон познакомился с ним лет пятнадцать – двадцать тому назад, когда Хэнк писал статью о «Дженетико». Затем, получив работу в Вашингтоне, он пару раз писал об идеях Беррингтона и несколько раз – о Джиме Прусте. И, следует отдать ему должное, никогда не занимался морализацией в отличие от многих журналистов либерального толка.

Да, Хэнк подходит для его целей, вопрос только в том, согласится ли он. Можно ли ему доверять? Можно ли быть уверенным, что он не захочет копнуть глубже? Беррингтон не был в этом уверен.

Он поздоровался с Джимом, обменялся рукопожатием с Динки. Несколько минут они болтали, и все это время Беррингтон ждал удобного случая. Но он так и не представился, и пресс-конференция началась.

Беррингтон слушал речи, стараясь подавить все растущее нетерпение. Времени совсем мало. Будь у него несколько дней, можно было бы найти кого-то получше Хэнка, но у него всего несколько часов. Чтобы все выглядело не слишком подозрительно, неплохо было бы пригласить

журналиста на ленч.

Когда наконец речи закончились, он понял, что лучше Хэнка ему никого не найти.

Журналисты и телевизионщики начали расходиться. Беррингтон остановил Стоуна.

– Привет, Хэнк, рад тебя видеть. А у меня есть для тебя прелюбопытнейшая история.

– Отлично!

– О противозаконном использовании баз медицинских данных.

Хэнк скроил кислую гримасу.

– Вообще-то это не мое, Берри, но послушать можно.

Беррингтон подавил стон разочарования. Похоже, сегодня Хэнк не в настроении. И он решил польстить ему:

– А я просто уверен, что твое, потому что ты, как никто другой, способен увидеть потенциал там, где его проглядит обычный репортер.

– Что ж, попробуй убеди.

– Ну, прежде всего... мы с тобой об этом никогда не говорили.

– А вот это уже лучше. Звучит многообещающе.

– Второе. Тебе может показаться странным, что я захотел поделиться с тобой этой историей. Но только не спрашивай почему.

– Все лучше и лучше, – заметил Хэнк, однако никаких обещаний давать не стал.

Беррингтон решил, что слишком уж давить на него не стоит.

– В университете Джонс-Фоллз, на психологическом факультете, работает одна молодая дама по имени Джин Феррами. В поисках испытуемых для своих исследований она сканирует большие базы медицинских данных без разрешения людей, о чьем здоровье идет речь в файлах.

Хэнк затеребил кончик крупного красного носа.

– Так это история о компьютерах или о медицинской этике?

– Не мне решать. Ты у нас журналист.

Хэнк не проявлял особого энтузиазма.

– Что-то не шибко греет.

«Не заводись, не дави на него», – напомнил себе Беррингтон. И дружески взял Хэнка под руку.

– Сделай мне одолжение, наведи кое-какие справки, – максимально убедительным тоном произнес он. – Позвони президенту университета, его имя Морис Оубелл. Позвони доктору Феррами. Намекни, что скандал может получиться крупный, послушай, что они на это скажут. Уверен, их

реакция будет тебе любопытна.

– Ну, не знаю...

– Дело стоящее, обещаю, Хэнк. Ты уж мне поверь.

«Скажи „да“, сукин ты сын, скажи „да“!»

Хэнк помялся еще немного, затем снисходительно выдавил:

– Ладно, пощупаем, посмотрим, что тут можно сделать.

Беррингтон, пытаясь скрыть торжество, сделал мрачно-озабоченную мину, но уголки его губ непроизвольно поползли вверх.

Хэнк заметил это и заподозрил что-то неладное.

– Уж не пытаешься ли ты меня использовать, а, Берри? Может, хочешь кого-нибудь припугнуть? Давай начистоту!

Беррингтон улыбнулся уже во весь рот и обнял журналиста за плечи.

– Ты просто верь мне, Хэнк, вот и все.

В универмаге «Уолгрин», на окраине Ричмонда, Джинни купила упаковку из трех хлопковых белых трусиков. Затем зашла в дамскую комнату закусочной «Бургер кинг», надела одни и сразу почувствовала себя лучше.

Странно все же, какой незащитной чувствовала она себя без нижнего белья. Была просто не в состоянии думать о чем-либо другом. А когда была влюблена в Уилла Темпла, запросто расхаживала по дому нагишом. От этого она чувствовала себя более сексуальной. Сидя в библиотеке, работая в лаборатории или просто шагая по улице, она представляла себе, как в дом неожиданно врывается Уилл и, сгорая от желания, говорит: «Времени у меня в обрез, но ничего не могу с собой поделать! Я хочу тебя прямо сейчас!» И она всегда была готова принять его. Но теперь, когда в ее жизни не было мужчины, существование без нижнего белья казалось столь же нелепым, как без обуви.

Она вернулась к машине уже в «приличном виде». От универмага они с Лизой сразу направились в аэропорт Ричмонда, где сдали взятую напрокат машину и сели в самолет, летевший в Балтимор.

Ключ к тайне должен находиться в больнице, где родились Деннис и Стивен, размышляла Джинни, когда самолет, разогнавшись, оторвался от земли. Неким непостижимым образом у идентичных близнецов оказались разные матери. Совершенно сказочная история, но чего только не случается в жизни.

Она порылась в портфеле, достала нужные бумаги и сверила даты рождения. Согласно документам, Стив родился 25 августа. И тут, к своему ужасу, она обнаружила, что датой рождения Денниса считается 7 сентября. То есть получилось, что он появился на свет двумя неделями позже.

– Должно быть, это какая-то ошибка, – заметила она. – Сама не понимаю, почему не проверила этого раньше. – И Джинни показала документы Лизе.

– Мы можем перепроверить, – сказала та.

– Где-нибудь в наших бланках записано, в какой больнице родились Деннис и Стив?

Лиза усмехнулась:

– Именно этот вопрос мы почему-то в анкеты не включали.

– Должно быть, в военном госпитале. Ведь полковник Логан до сих

пор служит в армии, а «майор», очевидно, был солдатом, простым рядовым, когда родился Деннис.

– Проверим.

Лиза не разделяла нетерпения Джинни. Для нее это был всего лишь очередной исследовательский проект. А для Джинни – дело всей жизни.

– Давай позвоним прямо сейчас, – сказала она. – Есть где-нибудь в этом самолете телефон?

Лиза нахмурилась.

– Ты что, хочешь позвонить матери Стивена?

Джинни уловила в ее голосе неодобрение.

– Да. А почему бы, собственно, и нет? Что тут такого?

– Она знает, что он в тюрьме?

– Да, действительно... Не знаю. Черт!... Получается, что именно я должна сообщить ей эту новость.

– Может, он уже звонил домой.

– Знаешь, пожалуй, мне следует навестить Стива в тюрьме. Ведь это вроде бы разрешают?

– Вероятно. У них наверняка есть приемные часы, как в больницах.

– Ладно. Пойду, а там видно будет. А вот Пинкером позвонить можно. – Она подозвала проходившую мимо стюардессу. – Скажите, в самолете есть телефон?

– К сожалению, нет.

– Скверно.

Стюардесса улыбнулась:

– Ты меня не помнишь, Джинни?

Джинни впервые взглянула девушке в лицо и тут же узнала ее.

– Господи, Пенни Уотермидоу! – воскликнула она.

Они с Пенни вместе защищали диссертацию в университете Миннесоты. Только Пенни специализировалась по английскому языку и литературе.

– Как поживаешь?

– Отлично. А ты?

– Работаю в Джонс-Фоллз, занимаюсь одним любопытным исследовательским проектом. А ты почему занята делом, столь далеким от науки?

– Хотела устроиться, но не вышло.

Джинни немного смутилась. Сама она, можно сказать, преуспевает, а у подруги жизнь не сложилась.

– Плохо. Мне очень жаль.

– Да ничего страшного. Знаешь, я даже рада. И работа нравится, и платят гораздо больше, чем многим моим бывшим коллегам.

Джинни ей не поверила. Надо же, женщина с дипломом доктора наук работает стюардессой!...

– А мне всегда казалось, что из тебя получится прекрасный преподаватель.

– Какое-то время я преподавала в простой школе. И мальчишка, с которым мы поспорили о «Макбете», пырнул меня ножом. И я стала задавать себе вопрос: к чему рисковать жизнью, вдалбливая Шекспира в головы ребят, которые только и ждут, чтоб вернуться на улицу, где можно воровать деньги и покупать на них кокаин?

Джинни вспомнила, как зовут мужа Пенни.

– А как поживает Дэнни?

– О, он сделал неплохую карьеру. Менеджер по торговле. Правда, по большей части в разъездах, но дело того стоит.

– Что ж, страшно рада была повидаться. Где у вас база, в Балтиморе?

– Вашингтон, округ Колумбия.

– Дай-ка мне твой телефон. Я тебе обязательно позвоню. – Джинни протянула ручку, и Пенни записала номер на обложке одной из папок.

– Давай встретимся и пообедаем вместе, – предложила Пенни. – Вспомним старые добрые времена.

– Обязательно!

Пенни двинулась дальше по проходу.

– Симпатичная, – заметила Лиза. – И сразу видно, умница.

– О, она была такая способная! Нет, это просто ужас какой-то! В том, чтобы быть стюардессой, конечно, нет ничего страшного, но к чему тогда тратить столько лет на высшее образование?

– Ты ей позвонишь?

– Господи, нет, конечно! К чему напоминать ей о несбывшихся надеждах и мечтах? Это будет мучительно и неприятно и мне, и ей.

– Да, наверное. Мне ее жаль.

– Мне тоже.

Как только самолет приземлился, Джинни нашла таксофон и позвонила Пинкерам в Ричмонд, но там все время было занято.

– Черт! – сердито выругалась она. Подождала минут пять, потом набрала снова, но в трубке звучали короткие гудки. – Наверняка Шарлотта обзванивает всю свою темпераментную семейку и рассказывает о нашем визите, – заметила она. – Ладно, попробую позвонить позже.

Машина Лизы была на автостоянке. Они поехали в город, и Лиза

высадила подругу у ее дома. На прощание Джинни спросила:

– Можно попросить тебя об одном одолжении?

– Конечно, дорогая. Хотя не обещаю, что выполню твою просьбу, – улыбнулась Лиза.

– Начни выделение ДНК сегодня же.

У Лизы вытянулось лицо.

– О Джинни! Мы же мотались весь день. Я просто умираю с голоду, хотела заскочить куда-нибудь перекусить...

– Знаю. А я хотела зайти в тюрьму. Ладно, давай тогда встретимся в лаборатории попозже, ну, скажем, часов в девять.

– Хорошо, – улыбнулась Лиза. – Мне и самой любопытно узнать результаты тестов.

– Если начнем сегодня вечером, результат можно получить к середине послезавтрашнего дня.

Лиза явно сомневалась:

– Ну разве что если очень постараться.

– Вот и умница, – сказала Джинни и вылезла из машины.

Лиза уехала.

Джинни тут же пожалела, что не осталась с ней. Можно было заехать в управление полиции. Она уже хотела было сесть в свою машину, но затем решила, что надо проведать отца. И вошла в дом.

Он смотрел «Колесо фортуны».

– Привет, Джинни! А ты что-то припозднилась.

– Я работала и еще не закончила, – ответила она. – Как прошел день?

– Немного скучновато. Торчал тут один...

Ей стало жаль отца. Друзей у него, скорее всего, нет. Впрочем, сегодня он выглядел куда лучше, чем вчера вечером. Помылся, побрился, уже не казался таким изнуренным. Достал из морозилки пиццу и разогрел; грязная посуда осталась на кухонном столе. Джинни так и подмывало спросить: «Какого черта ты не поставил ее в моечную машину?», но она сдержалась.

Бросила портфель и занялась мытьем и уборкой. Телевизор продолжал работать.

– Я летала в Ричмонд, штат Виргиния.

– Рад за тебя, детка. Что у нас на ужин?

«Нет, – подумала она, – так не пойдет. Не позволю ему обращаться со мной, как с мамой».

– А почему бы тебе самому что-нибудь не приготовить? – спросила она.

Отец удивился. Даже оторвался от телевизора и уставился на нее.

– Но я не умею готовить!

– Я тоже, папочка.

Он нахмурился, затем улыбнулся:

– Тогда пойдем куда-нибудь и перекусим!

Это выражение лица было так ей знакомо! И Джинни мысленно перенеслась на двадцать лет назад. На ней и Пэтти одинаковые расклешенные джинсы. Отец с густой черной шевелюрой весело говорит: «Едем на карнавал, девочки! Угостимся сахарной ватой. А ну, прыг в машину!» О, он казался им самым замечательным человеком в мире. А десять лет тому назад... Она видит себя в черных джинсах и высоких ботинках на шнуровке, волосы у отца коротко острижены и начинают седеть. Он говорит: «Отвезу тебя в Бостон со всем твоим барахлом. Раздобуду фургончик, проведем время вместе. Будем останавливаться у придорожных кафе, закусывать, повеселимся вволю. Чтобы в десять была готова!» Джинни прождала весь день, но отец так и не появился. А на следующий день она села в автобус и поехала в Бостон сама.

И вот теперь в глазах его снова блестел такой знакомый задорный огонек, и Джинни страшно захотелось, чтобы ей снова было девять и чтобы она снова верила каждому его слову. Но она стала взрослой, детство давно кончилось, и потому она просто спросила:

– Сколько у тебя денег?

Он сразу помрачнел.

– Я же тебе говорил, нет ни гроша.

– У меня тоже. Так что пойти куда-нибудь поужинать мы не можем.

Она открыла холодильник. Зеленый салат, несколько початков кукурузы, лимон, упаковка бараньих отбивных, один помидор и полупустая коробка риса «Анкл Бенс». Она вытащила все продукты, выложила их на разделочный столик.

– Знаешь что? – сказала она. – Отварим кукурузу и будем есть ее со сливочным маслом. Это на закуску, а потом пожарим бараньи отбивные, приправим лимонным соком, а на гарнир у нас будет отварной рис и салат. И еще мороженое на десерт.

– Но это же здорово!

– Так что принимайся за дело, а я выйду ненадолго.

Он поднялся из кресла и уставился на продукты. Джинни взяла портфель.

– Буду вскоре после десяти.

– Но я понятия не имею, как это все приготовить! – Он растерянно вертел в руке кукурузный початок.

С полки над холодильником Джинни достала поваренную книгу. И протянула отцу:

– Вот здесь посмотри. – Чмокнула его в щеку и вышла.

Она села в машину и двинулась к центру города, от души надеясь, что не была слишком жестока с ним. Ведь отец принадлежал к другому поколению, обычаи и порядок с тех пор сильно изменились. Однако она не может стать его домработницей, даже если бы очень захотела – у нее есть другая важная работа. Приютив его у себя, она и без того сделала больше, чем он для нее за всю свою жизнь. И все же Джинни сожалела, что оставила его в такой растерянности. Пусть он далеко не подарок, но другого отца у нее просто нет.

Она припарковала машину и направилась ко входу в полицейское управление. Роскошный вестибюль с мраморными скамьями и стенной росписью, запечатлевшей сцены из истории Балтимора. Дежурному за стойкой она сказала, что хотела бы повидать находящегося в заключении Стивена Логана. Джинни думала, что ей откажут, но через несколько минут в вестибюле появилась молодая женщина в форме полицейского и пригласила ее пройти с ней.

Они поднялись на лифте, долго шли по коридору и вошли в крохотную, размером с чулан, комнату. В стене, примерно на уровне груди, было проделано окошко с подоконником, на котором стояло переговорное устройство. Окошко выходило в другую комнатушку, точную копию этой. Больше эти две комнаты никак не сообщались между собой, двери не было.

Она смотрела в окошко. И вот примерно минут через пять ввели Стивена. Он был в наручниках, чуть позже она заметила, что ноги у него тоже скованы. Он подошел к стеклу и всмотрелся. А узнав ее, улыбнулся во весь рот.

– Надо же, какой приятный сюрприз! – сказал он. – Единственная приятная вещь, случившаяся со мной за последние сутки.

Несмотря на улыбку и веселый голос, выглядел он ужасно, был изможденным, усталым.

– Как ты? – спросила Джинни.

– Не очень. Они запихнули меня в одну камеру с убийцей. Мало того, у него сейчас ломка после наркотиков. И я боюсь заснуть.

Сердце у Джинни заныло от жалости и сострадания к нему. Она тут же напомнила себе, что именно этот молодой человек, по всей вероятности, изнасиловал Лизу. Но нет, она не верит в это, просто не может поверить.

– Не знаешь, как долго тебя еще здесь продержат?

– Сегодня утром пытался добиться, чтоб отпустили под залог. Не

вышло. Так что придется торчать здесь до тех пор, пока не будут готовы анализы ДНК. Говорят, на это уйдет дня три.

Слова о ДНК напомнили ей о цели визита.

– Сегодня видела твоего близнеца.

– И?...

– Нет никаких сомнений. Он твой двойник.

– Так, может, это он изнасиловал Лизу Хокстон?

Джинни покачала головой:

– Разве что если сбежал из тюрьмы в эти выходные. Но он за решеткой.

– Может, он все-таки сбежал, а потом вернулся? Чтоб создать себе алиби?

– Нет. Если б Деннис сбежал из тюрьмы, ничто не заставило бы его туда вернуться.

– Наверное, ты права, – грустно заметил Стив.

– Хотела задать тебе пару вопросов.

– Валяй.

– Первое, мне надо перепроверить дату твоего рождения.

– Двадцать пятое августа.

Так было записано и у Джинни. Тогда, может, неправильно записали дату рождения Денниса?

– А ты, случайно, не знаешь, где родился?

– Почему же, знаю. Отец тогда служил в Форт-Ли, штат Виргиния, и я родился в местном армейском госпитале.

– Ты уверен?

– Конечно. Мама писала об этом в своей книге «Иметь ребенка». – Тут он задумчиво сощурился. – А где родился этот ваш Деннис?

– Пока еще не знаю.

– Но ведь у нас с ним должен быть один день рождения.

– Видишь ли, в документах указано, что он родился седьмого сентября. Очевидно, ошибка. Мне надо перепроверить. Позвоню с работы его матери. А ты еще не сообщил своим родителям?

– Нет.

– Хочешь, я позвоню?

– Нет! Пожалуйста, не надо! Не хочу их расстраивать. Расскажу, как только с меня снимут подозрения.

Джинни нахмурилась.

– Судя по тому, что ты рассказывал о своих родителях, они могут оказаться тебе полезными. Поддержать и все такое.

– Да, так и есть. Но я не хочу, чтобы они страдали.

– Да, конечно, им будет больно. И все же лучше знать даже самое худшее, только тогда они смогут тебе помочь.

– Нет, пожалуйста, не надо им звонить.

Джинни пожала плечами. Стивен явно чего-то недоговаривает. Но раз он так решил...

– Джинни... а как он выглядит?

– Деннис? Невероятно похож на тебя.

– Какие у него волосы? Короткие или длинные? Есть ли усы, прыщи? Грязные ли ногти, хромает ли он?...

– Волосы короткие, как у тебя, но на лице волос нет, руки чистые, кожа – тоже. Просто твоя копия.

– Господи!...

– Но вот в поведении огромная разница. Он не умеет, да и не желает научиться ладить со всеми остальными представителями человечества.

– Странно.

– Лично я не нахожу в этом ничего странного. Это подтверждает правоту моей теории. Оба вы родились «дичками». Этот термин я позаимствовала из одного французского фильма. «Дичком» я называю ребенка, который бесстрашен, гиперактивен, практически не поддается контролю. Таких детей очень трудно воспитывать, научить быть нормальными членами общества. Твоим родителям это удалось. А вот Шарлотта Пинкер с мужем потерпели с Деннисом неудачу.

Это его, похоже, не убедило.

– Но, по сути, мы с Деннисом одинаковые, да?

– Разве что в том смысле, что оба родились «дичками».

– Только у меня тонкий налет цивилизованности.

Она видела, что Стив не на шутку обеспокоен.

– Почему это так тебя волнует?

– Просто хотелось бы считать себя человеческим существом, а не дрессированной гориллой, – с горечью произнес он.

Джинни не выдержала и рассмеялась.

– Горилл тоже можно считать общественными существами. Как и всех других животных, которые живут группами. Кстати, именно отсюда и проистекает преступность.

Стив заинтересовался:

– Когда живешь в группе?

– Ну да. Преступление есть не что иное, как нарушение важного социального правила или закона. У животных-одиночек таких правил нет.

Медведь может запросто вломиться в берлогу другого медведя, сожрать его корм, даже убить его детенышей. А вот волки никогда такого не делают. Если бы делали, то не смогли бы жить стаями. У волков моногамия, они заботятся обо всем молодняке в стае, каждый занимает там свою нишу. И никогда не переходит грань. А если находится волк, нарушающий эти законы, остальные просто изгоняют его из стаи или даже убивают.

– Ну а как насчет нарушения менее важных социальных законов?

– Таких, как пуканье в лифте? О, мы просто называем это плохими манерами. И единственным наказанием служит неодобрение окружающих. Что, как ни странно, оказывается весьма эффективным.

– Почему вас так интересуют люди, нарушающие правила и законы?

Джинни вспомнила отца. Она не знала, есть в ней криминальные гены или нет. Но возможно, Стиву станет легче, если он узнает, что и ее тоже беспокоит криминальная наследственность. Однако она так долго лгала об отце, что сказать сейчас правду было нелегко.

– Просто это серьезная проблема, – уклончиво ответила она. – Людей всегда интересовали преступления.

Дверь отворилась, в комнату заглянула молодая женщина в полицейской форме.

– Ваше время истекло, доктор Феррами.

– Хорошо, я сейчас, – бросила через плечо Джинни. – А тебе известно, Стив, что Лиза Хокстон моя ближайшая подруга?

– Нет, я этого не знал.

– Мы работаем вместе, она технический сотрудник лаборатории.

– И какая же она, эта Лиза?

– Уверяю, она не из тех, кто станет обвинять кого попало.

Он кивнул.

– И все равно запомни: лично я не верю, что это сделал ты.

На секунду ей показалось, что Стив сейчас заплачет.

– Спасибо, – сдавленно прошептал он. – Поверьте, это очень, очень много для меня значит.

– Позвони, когда выйдешь отсюда. – Джинни продиктовала номер своего домашнего телефона. – Запомнишь?

– Конечно.

Джинни не хотелось уходить. Она изобразила ободряющую улыбку.

– Удачи тебе!

– Спасибо. Она мне здесь очень пригодится.

Джинни поднялась и, не оборачиваясь, вышла. Женщина-полицейский проводила ее до вестибюля.

На улице уже стемнело. Джинни села в машину, включила фары и поехала по направлению к университету Джонс-Фоллз. Ехала она слишком быстро, ей не терпелось как можно скорее добраться до цели. Она всегда ездила быстро. Водителем она была умелым, но несколько безрассудным, и знала это. Но просто не было терпения ехать с положенной здесь скоростью пятьдесят пять миль в час.

Белая «хонда» Лизы все еще стояла на автостоянке у Дурдома. Джинни поставила свою машину рядом и прошла в здание. В лаборатории горел свет. На столе стоял мини-холодильник с пробой крови Денниса Пинкера.

Кабинет Джинни находился напротив. Она отперла дверь, сунув в щель специальную пластиковую карточку, и вошла. Села за стол, взялась за телефон и набрала домашний номер Пинкеров в Ричмонде.

– Наконец-то! – воскликнула она, услышав долгожданные долгие гудки.

Трубку сняла Шарлотта.

– Как там мой сын? – первым делом осведомилась она.

– Пребывает в добром здравии, – ответила Джинни. Он мало походил на психа, во всяком случае, до тех пор, пока не приставил ей нож к горлу и не заставил снять трусики, подумала она. Но матери говорить этого нельзя. – Он нам очень помог.

– У него всегда были прекрасные манеры, – произнесла Шарлотта с гнусавым южным акцентом.

– Скажите, миссис Пинкер, не могли бы вы уточнить дату его рождения?

– Он родился седьмого сентября! – торжественно сообщила сна, словно речь шла о каком-то государственном празднике.

Джинни надеялась услышать от нее другое.

– А где именно он родился? В какой больнице? – спросила она.

– В то время мы жили в Форт-Брэгге, в Северной Калифорнии.

Джинни захотелось выругаться.

– Майор тренировал там новобранцев для Вьетнама, – с гордостью сообщила Шарлотта. – И там, в Брэгге, был большой военный госпиталь. Именно в нем Деннис и появился на свет.

Джинни не знала, что сказать. Тайна осталась тайной.

– Огромное спасибо вам за сотрудничество, миссис Пинкер.

– Не стоит.

Джинни зашла в лабораторию и сказала Лизе:

– Получается, что Деннис и Стивен родились в разных штатах и с разницей во времени в тринадцать дней. Просто не укладывается в голове!

Лиза вскрыла коробку с новыми пробирками.

– Что ж, попробуем призвать на помощь науку. Если ДНК у них одинаковая, они являются идентичными, или однояйцевыми, близнецами, кто бы там что ни говорил о времени и месте рождения. – Она достала две запечатанные тоненькие стеклянные пробирки с дном конической формы. Каждая была не более двух дюймов длиной. Лиза достала упаковку с наклейками, написала на одной «Деннис Пинкер», на другой – «Стивен Логан», наклеила на пробирки и поместила их в штатив.

Затем распечатала пробирку с кровью Денниса и отлила каплю в маленькую пробирку. Достала из холодильника пробирку с кровью Стивена и сделала то же самое.

Затем добавила в каждую из пробирок по капельке хлороформа – с помощью специальной калиброванной пипетки. Затем достала чистую пипетку и добавила столько же фенола.

Запечатала обе пробирки и поместила их в центрифугу марки «Верлмиксер», где они обрабатывались несколько секунд. Хлороформ был призван растворить жиры, а фенол – разрушить белки, но длинные витки дезоксирибонуклеиновой кислоты оставались при этом нетронутыми.

Лиза поставила обе пробирки обратно в штатив.

– Теперь остается лишь ждать, – сказала она. – Несколько часов.

Растворенный в воде фенол будет медленно отделяться от хлороформа. В верхней части пробирки должен образоваться мениск. ДНК останется в водном растворе, который на следующем этапе теста можно отделить с помощью пипетки. Но придется ждать до утра. Где-то в отдалении зазвонил телефон. Джинни нахмурилась – похоже, звонок доносился из ее кабинета. Она побежала туда и сняла трубку.

– Доктор Феррами?

Джинни терпеть не могла людей, которые, даже не представаясь, спрашивали твое имя. Все равно что постучаться в чужую дверь и сказать: «Ты кто такой, черт побери?» Но она сдержалась и ответила:

– Джин Феррами. С кем имею честь?

– Найоми Фрилэндер, «Нью-Йорк таймс». – Голос женщины за пятьдесят, да еще заядлой курильщицы. – Хочу задать вам несколько вопросов.

– Не поздновато ли? На дворе уже ночь.

– Лично я работаю круглые сутки. Похоже, и вы тоже.

– И зачем это я вам вдруг понадобилась?

– Занимаюсь статьей об этике в мире науки.

– Ах вот оно что. – Джинни тут же подумала о Стиве, о том, что он не

знал, что усыновлен. Этическая проблема, хотя и нельзя сказать, что неразрешимая. И почему это могло заинтересовать «Нью-Йорк таймс»? – Что же конкретно вас интересует?

– Просто мне стало известно, что вы при подборе испытуемых сканировали медицинские базы данных.

– Ах, это! – Джинни тут же успокоилась. На этот счет она могла не волноваться. – Да, верно, я разработала поисковую систему, которая сканирует компьютерные данные и подбирает подходящие пары. Моей целью является поиск идентичных близнецов. Впрочем, эту же систему можно использовать в работе и с другими базами данных.

– И вы получили допуск к медицинской информации, чтобы привести эту систему в действие?

– Тут важно определить, что именно вы называете допуском. Я была достаточно деликатна и не вмешивалась в частную жизнь людей. Никаких интимных подробностей. Программа это не регистрирует.

– Что же она тогда регистрирует?

– Имена и фамилии двух близнецов, их адреса и номера телефонов.

– И имена с фамилиями, я так понимаю, печатаются парно?

– Ну разумеется, в этом и смысл.

– В таком случае если вы используете, к примеру, базу данных по электроэнцефалограммам, то компьютер говорит вам, что мозговые излучения у Джона Доу в точности такие же, как у Джима Фитца?

– Да, так или примерно так. Но в целом о здоровье этих двух людей он вам ничего не говорит.

– Тем не менее, если вы узнали, что Джон Доу является параноидальным шизофреником, у вас есть все основания полагать, что и Джим Фитц тоже является таковым?

– Нет, мы этим не занимаемся.

– Но вы ведь можете знать Джона Доу.

– В каком смысле?

– Ну, он может быть, к примеру, вашим привратником или кем-то еще.

– Да перестаньте!

– Но это возможно?

– Об этом и пойдет речь в вашей статье?

– Может быть.

– Ну, чисто теоретически это возможно, но шансы столь малы, что ни один разумный человек не станет принимать их всерьез.

– Это спорный вопрос.

Эта репортерша твердо вознамерилась раздуть из мухи слона,

подумала Джинни. И забеспокоилась. У нее и без того полно проблем и нет ни сил, ни времени отбиваться от этих чертовых газетчиков.

– Насколько все это имеет отношение к действительности? – спросила она. – Вы что, нашли реального человека, который считает, что я беспардонно вторглась в его частную жизнь?

– Меня интересует потенциальная возможность.

Тут Джинни спохватилась.

– Скажите, а кто посоветовал вам позвонить именно мне?

– А почему вы спрашиваете?

– Да по той же причине, по какой вы задаете мне все эти вопросы. Хочу знать правду.

– Я не могу этого сказать.

– Интересно получается! – воскликнула Джинни. – Я вот уже минут пятнадцать распинаясь перед вами, рассказываю о своих исследованиях и методике. Мне нечего скрывать, а вот о вас этого не скажешь. Наверное, вам просто стыдно, так мне кажется. Стыдно признаться, каким путем вы раздобыли сведения о моем проекте.

– Ничего мне не стыдно! – буркнула журналистка.

Джинни завелась. С чего эта дамочка вообразила, что с ней можно так разговаривать?...

– Ну, наверное, тогда есть что скрывать кому-то еще. Иначе почему бы не сказать мне, кто он такой? Или она?...

– Я не раскрываю своих источников.

– Значит, им есть чего бояться, верно? – Джинни понимала, что взяла неверный тон. С журналистами лучше не ссориться. Но эту, похоже, ничем не проймешь. – Я ведь уже объяснила, что в моих методах нет ничего противозаконного и ничьи интересы они не задевают. Тогда зачем таиться вашему информатору?

– У людей могут быть самые разные причины...

– Может, этот информатор хочет мне отомстить? – Говоря это, Джинни призадумалась. Действительно, кому это может быть выгодно, кто затаил на нее злобу?

– Без комментариев.

– Ах, стало быть, без комментариев? – саркастически воскликнула она. – Что ж, буду иметь в виду.

– Доктор Феррами, хочу поблагодарить вас за помощь и...

– На здоровье! – рявкнула Джинни и бросила трубку.

Она долго и задумчиво смотрела на телефон. Что, черт побери, это означает?...

Среда

Беррингтон Джонс спал плохо.

Ночь он провел с Пиппой Харпенден. Пиппа работала секретаршей на кафедре физики, и за ней волочились многие ученые, в том числе и несколько женатых мужчин, но встречалась она только с Беррингтоном. Он нарядился, повез ее в уютный ресторанчик и заказал дорогое вино. Он купался в завистливых взглядах других мужчин своего возраста, обедавших с некрасивыми старыми женами. Затем привез Пиппу к себе домой, зажег свечи, надел шелковую пижаму и медленно и с наслаждением занимался с ней любовью, пока она не обмякла в его объятиях со сладострастным стоном.

Но в четыре утра он проснулся, мучимый мыслями о том, что его план может не сработать. Вчера днем состоялся его разговор с Хэнком Стоуном, и тот вроде бы клянул, но сегодня, возможно, уже забыл об их договоренности. Возможно, издателей «Нью-Йорк таймс» вовсе и не заинтересует его история. Они проведут предварительное расследование и сочтут, что в том, чем занимается Джинни, нет ничего противозаконного. Или же будут слишком долго раскачиваться и приступят к делу только на следующей неделе, когда будет уже поздно.

Он так ворочался и вздыхал, что Пиппа сонно спросила:

– Тебе плохо, Берри?

Он погладил ее длинные светлые волосы, и она тут же начала тихонько сладострастно постанывать. Секс с красивой женщиной мог, конечно, служить утешением, но Беррингтон чувствовал, что сейчас это не поможет. Можно было бы поговорить с Пиппой о своих проблемах – она была умна, всегда его понимала и сочувствовала, – но делиться этой тайной с кем бы то ни было он не мог.

Через некоторое время он встал и отправился на пробежку. Но когда вернулся домой, Пиппы уже не было – она ушла, оставив прощальную благодарственную записку, завернутую в прозрачный черный нейлоновый чулок.

К восьми явилась служанка и приготовила ему на завтрак омлет. Марианна была худенькой нервной девушкой с французской Мартиники. Она плохо говорила по-английски, и все время боялась, что ее отправят домой, а потому отличалась примерным послушанием и услужливостью. Она была довольно хорошенькой, и иногда Беррингтон подумывал о том,

что если он прикажет ей заниматься с ним любовью, она и это будет делать с той же покорностью и усердием. Но разумеется, этого не было и никогда не будет: спать со служанкой не в его стиле. Это дурной тон.

Он принял душ, побрился и оделся – весьма официально, выбрав темно-серый костюм в еле заметную полоску, белую рубашку и черный галстук в мелкий красный горошек. Вдел в манжеты золотые запонки с монограммами, аккуратно сложил белый льняной платок и вставил его в нагрудный кармашек. Наряд довершили дорогие черные туфли, начищенные Марианной до зеркального блеска...

Беррингтон приехал в кампус, зашел к себе в кабинет и включил компьютер. Подобно большинству знаменитых ученых, преподавательской работой он почти не занимался. Здесь, в Джонс-Фоллз, он читал одну лекцию в год. Его роль сводилась к управлению и организации исследовательской работы, и ученые с кафедры психологии считали престижным указывать его в качестве соавтора написанных ими статей. Но в то утро он никак не мог сосредоточиться, просто сидел за столом и смотрел из окна, как четверо молодых людей играют на корте в теннис. Он ждал важного телефонного звонка.

Ему не пришлось долго ждать.

Ровно в девять тридцать позвонил президент университета Морис Оубелл.

– У нас проблема, – сказал он.

Беррингтон напрягся.

– В чем дело, Морис?

– Мне только что позвонили из «Нью-Йорк таймс». Какая-то сучка. Сказала, что одна из сотрудниц нашей кафедры, доктор Феррами, беспардонно вторгается в частную жизнь граждан.

Слава тебе, Господи, подумал Беррингтон, Хэнк Стоун не подвел! Он изобразил озабоченность.

– Всегда опасался чего-нибудь в этом роде, – бросил он в трубку. – Сейчас подойду. – Он повесил трубку и какое-то время сидел неподвижно, обдумывая ситуацию. Победу праздновать рано. Это только начало. Теперь ему предстоит убедить Мориса и Джинни действовать так, как выгодно ему.

Морис явно обеспокоен. Для начала неплохо. И Беррингтон должен сделать все, чтобы президент продолжал пребывать в этом состоянии. Надо убедить Мориса в том, что, если Джинни немедленно не прекратит использовать свою поисковую программу, дело кончится катастрофой. Принять такое решение может только Морис, стало быть, надо подвести его к этому.

Он прежде всего должен исключить какой бы то ни было компромисс. Сама Джинни по природе своей не склонна к компромиссам, он это знал. И когда под ударом окажется все ее будущее, она будет способна на все. А потому следует подпитывать ее ярость и поддерживать в боевом настроении.

И еще ему следует по мере сил изображать из себя добряка и защитника Джинни. Если Морис заметит его старания скомпрометировать Джинни, то сразу же заподозрит неладное. Так что он, Беррингтон, должен выступить в роли ее защитника.

Он вышел из Дурдома, миновал театр Бэрримора и факультет изящных искусств и направился к Хиллсайд-Холлу. Некогда этот особняк принадлежал основателю университета, теперь же он превратился в административное здание. Кабинет президента занимал просторную гостиную старого дома. Беррингтон приветливо кивнул секретарше доктора Оубелла и сказал:

– Он меня ждет.

– Добро пожаловать, профессор, – ответила она.

Морис сидел у огромного окна, выходящего на лужайку. Низенький человечек с бочкообразной грудью, он вернулся из Вьетнама в инвалидной коляске, нижняя часть туловища у него была парализована. Беррингтон считал, что ладить с ним просто, поскольку у них было много общего: оба когда-то служили в армии, оба страстно любили музыку Малера.

На лице Мориса он часто видел озабоченное выражение. Для работы университета каждый год требовалось собрать от частных и корпоративных спонсоров не менее десяти миллионов долларов. А потому президент, как никто другой, страшился газетных скандалов и сплетен.

Развернувшись в инвалидной коляске, он подъехал к столу.

– Они работают над какой-то большой статьей о научной этике, так она сказала, Берри. И я не хочу, чтобы Джонс-Фоллз упоминался в заголовке этой самой статьи. Иначе добрая половина наших спонсоров попросту от нас отвернется. Так что надо срочно что-то предпринять.

– А кто это «она»?

Морис заглянул в блокнот.

– Найоми Фрилэндер. Редактор отдела этики и морали. Слыхал когда-нибудь, чтоб в газетах были отделы этики и морали? Лично я – нет.

– А я ничуть не удивлен, что в «Нью-Йорк таймс» таковой имеется.

– Однако методы у них, как у чертова гестапо! Говорят, они уже готовы надавить на кого надо с помощью этой статьи. А не далее как вчера кто-то намекнул им, что доктор Феррами замечена в непорядочном поведении.

- Интересно знать, кто бы это мог быть? – заметил Беррингтон.
- Да кругом полным-полно предателей!
- Наверное, ты прав...

Морис вздохнул:

- Скажи мне, что это неправда, Берри. Скажи, что она этого не делала.

Беррингтон небрежно закинул ногу на ногу, стараясь изобразить полное спокойствие, хотя и был напряжен до предела. Сейчас ему предстоит пройти по тонкому, натянутому как струна канату.

– Как-то не верится, что Джинни сделала что-то не так, – сказал он. – Да, она сканирует базы медицинских данных и находит людей, не знающих, что у них есть близнецы. Надо сказать, она разработала весьма остроумный...

– Так она знакомится с медицинскими карточками людей, не имея на то их разрешения?

Беррингтон нарочно замялся:

- Ну... в каком-то смысле да.
- Тогда это следует прекратить. И немедленно!

– Все дело в том, что ей действительно нужна информация для проведения этого исследования.

- Возможно, мы сумеем как-то компенсировать ей это.

А вот он, Беррингтон, не подумал, что Джинни можно подкупить. Он сомневался, что это сработает, но попробовать можно.

- Хорошая идея.
- Когда истекает срок ее пребывания в должности?

– Она начала лишь в этом семестре, как ассистент профессора. Срок закончится лет через шесть, не раньше. Но мы можем повысить ей зарплату. Я знаю, деньги ей нужны, она мне сама говорила.

- Сколько у нее сейчас?
- Тридцать тысяч в год.
- И сколько же, как думаешь, мы можем накинуть?
- Ну, тысяч восемь – десять.
- Где же ты возьмешь эти деньги?

Беррингтон улыбнулся:

- Уверен, что смогу уговорить «Дженетико».

– Тогда так и поступим. Позвони ей, Берри, прямо сейчас. И если она в кампусе, пусть зайдет. Надо решить эту проблему прежде, чем поднимется шум.

Беррингтон снял трубку и набрал рабочий номер Джинни. Она тут же сняла трубку:

- Джинни Феррами.
- Это Беррингтон.
- Доброе утро, – довольно сухо откликнулась она.

Неужели почувствовала, что тогда, в понедельник вечером, он хотел соблазнить ее? И подумала, что он не отказался от этой затеи?... Или до нее уже дошли слухи о проблеме с «Нью-Йорк таймс»?

- Можешь подойти прямо сейчас?
- Куда? К вам в офис?
- Нет, я у доктора Оубелла, в Хиллсайд-Холле.

Она вздохнула:

- Это как-то связано со звонком той женщины, Найоми Фрилэндер?
- Да.
- Но это же полная чушь, и вы это знаете.

– Знаю. Но надо решить, как будем выпутываться.

– Сейчас приду.

Беррингтон повесил трубку.

– Сейчас подойдет, – сказал он Морису. – Похоже, она уже знает о статье.

Итак, наступил самый критический момент. Если Джинни будет умело защищаться, Морис может и передумать. И ему, Беррингтону, надо постараться, не выказывая никакой враждебности к Джинни, убедить Мориса не сдаваться. Девушка она упрямая, вспыльчивая, не слишком склонная к компромиссам, особенно если твердо уверена в своей правоте. Возможно, она даже сумеет сделать Мориса своим врагом и без помощи Беррингтона. Но кто знает, что на нее найдет, вдруг она будет сама любезность и покорность? Тогда придется подключиться ему.

– Может, пока ждем, сочиним приблизительный ответ для прессы? – предложил он Морису.

– Неплохая идея.

Беррингтон достал блокнот и начал писать. Нужно придумать нечто такое, с чем Джинни никак не сможет согласиться, что-то, что заденет ее гордость и заставит вспылить. И он написал, что администрация университета Джонс-Фоллз признает, что допустила ошибку. И приносит извинения тем людям, в чью частную жизнь она вторглась, сама того, разумеется, не желая. И еще обещает, что данная программа будет свернута немедленно, сегодня же. Он отдал листок с текстом секретарше Мориса и попросил распечатать на компьютере.

Джинни примчалась, кипя от негодования. На ней была просторная футболка изумрудно-зеленого цвета, облегающие черные джинсы и

высокие ботинки на шнуровке, которые почему-то считались у нынешней молодежи последним писком моды. В ноздре серебряное колечко, густые черные волосы собраны в тяжелый узел на затылке. По мнению Беррингтона, выглядела она потрясающе соблазнительно, но подобный наряд никак не мог понравиться президенту университета. Тот считал, что серьезным ученым не пристало разгуливать в таком виде, тем более на территории университета.

Морис пригласил ее сесть и рассказал о звонке из газеты. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Просто привык иметь дело со зрелыми учеными мужами, подумал Беррингтон, а молодые женщины в узких джинсах были чуждым для него элементом.

– Она и мне тоже звонила! – возмущенно воскликнула Джинни. – Просто смешно!

– Однако вы имели доступ к медицинским данным, – заметил Морис.

– Да не смотрела я на эти данные, ими занимался компьютер. Ни один человек не мог ознакомиться с ними. Мы просто получали список парных фамилий и адресов.

– И все же...

– А что касается полученных таким образом потенциальных испытуемых, то мы прежде всего спрашивали у них разрешения. И не говорили, что у них имеются близнецы, до тех пор, пока они не соглашались участвовать в наших исследованиях. Так о каком вторжении в частную жизнь может идти речь?

Беррингтон притворился, что полностью с ней согласен.

– Я же говорил тебе, Морис, – заметил он. – Эти типы все переврали.

– Просто они смотрят на проблему иначе. А мне следует думать о репутации университета.

– Можете мне поверить, эти исследования лишь поспособствуют росту и укреплению его репутации! – горячо воскликнула Джинни. И Беррингтон уловил в ее голосе страстное стремление к знаниям, которое движет всеми истинными учеными. – Наш проект чрезвычайно важен для общества. Ведь я пока что единственный человек, изучающий роль генетики в формировании криминальной личности. И когда мы опубликуем результаты, это станет настоящей сенсацией.

– Она права, – вставил Беррингтон. И не покривил при этом душой. Результаты ее исследований действительно могут стать сенсацией. Чертовски жаль рушить все это. Но другого выбора у него просто нет.

Морис покачал головой:

– Мой священный долг – защищать университет от любого скандала.

Джинни, не задумываясь, выпалила в ответ:

– Но вашим священным долгом является также защита свободы научной мысли!

А вот этого ей говорить не следовало, подумал Беррингтон. Да, в старину, несомненно, главы университетов отчаянно отстаивали право на знания, но те дни давно остались в прошлом. Теперь все зависело от спонсоров, и ни от кого больше. Она не могла нанести Морису большего оскорбления, упомянув о свободе науки.

И Морис, разумеется, оскорбился.

– Мне не нужны нравоучения от вас, юная леди. Я и без того хорошо знаю свои обязанности! – холодно и злобно парировал он.

К восторгу Беррингтона, Джинни не поняла этого намека.

– Разве? – воскликнула она, обращаясь к Морису. – Но это же вполне обычный конфликт. По одну сторону баррикады газета, клюнувшая на сомнительные сведения, по другую – ученый в поисках истины. И если президент университета собирается дрогнуть и отступить под этим давлением, на что тогда надеяться?

Беррингтон был в восторге. До чего же хороша она была в этот момент! Щеки покраснелись, глаза сверкают, и не знает, бедняжка, что роет себе могилу. Теперь Морис будет цепляться к каждому ее слову.

Только тут Джинни вдруг поняла, что зашла слишком далеко.

– Нет, конечно, никто из нас не хочет опозорить университет, – уже тише и мягче произнесла она. – И я вполне разделяю вашу озабоченность, доктор Оубелл.

К неудовольствию Беррингтона, Морис моментально смягчился.

– Как я понимаю, вы попали в затруднительное положение, – сказал он. – И университет готов предоставить вам компенсацию. В форме повышения зарплаты, ну, скажем, на десять тысяч долларов в год.

Джинни искренне удивилась.

– Это поможет вам перевести мать в более приличное заведение, – тут же вставил Беррингтон.

Джинни колебалась всего несколько секунд.

– Глубоко признательна вам за заботу, – сказала она, – но проблему это не решает. Я должна найти еще несколько пар близнецов, подлежащих изучению. Иначе просто нечего будет изучать.

«Я был прав, подкупить ее нельзя», – подумал Беррингтон.

– Но я уверен, что есть какой-то другой способ поиска испытуемых для ваших исследований, – заметил Морис.

– Нет. Мне нужны идентичные близнецы, которые росли и

воспитывались раздельно и из которых по крайней мере один стал преступником. Найти таких очень сложно. Моя компьютерная программа способна отыскать людей, которые даже не знают о том, что у них есть близнецы. И другого метода просто не существует.

– Я этого не знал, – сказал Морис.

Беррингтон с неудовольствием отметил, что тон его смягчился, стал почти дружеским. Тут вошла секретарша и протянула Морису листок бумаги. Это был пресс-релиз, составленный Беррингтоном. Морис показал его Джинни со словами:

– Мы должны сегодня же выступить с заявлением подобного рода, чтобы погасить скандал в самом зародыше.

Джинни пробежала глазами текст, и гнев ее вспыхнул с новой силой.

– Но это полная чушь! – воскликнула она. – Никаких ошибок мы не допускали. Не вторгались в частную жизнь! Ни одной жалобы не поступило!

Беррингтон с трудом скрывал удовлетворение. Ишь как распалилась, вспыхнула как порох, думал он, и в то же время эта женщина обладает поразительным терпением и упорством в том, что касается научных исследований. Он видел, как она работает с испытуемыми: ни разу не выказала ни малейшего раздражения, ни разу не повысила голос, даже если они что-то путали или уклонялась от ответов. С ними она всегда прекрасно ладила. Просто записывала все, что они говорят, а потом искренне и горячо благодарила за сотрудничество. Но вне стен лаборатории могла вспылить от любого пустяка.

Он старательно исполнял роль миротворца:

– Но, Джинни, доктор Оубелл прав, считая, что мы должны выступить с заявлением.

– Вы не имеете права заявлять, что моя компьютерная программа будет закрыта! – воскликнула она. – Это губительно для всего моего проекта!

Морис сердито поджал губы.

– Я не могу допустить, чтобы «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью, где говорится, что ученые из Джонс-Фоллз вторгаются в частную жизнь граждан, – возразил он. – Мы потеряем миллионы спонсорских денег.

– Прошу вас, давайте найдем золотую середину! – взмолилась Джинни. – Напишем, что вы занимаетесь этой проблемой. Даже создали для этого специальный комитет. И он призван следить за тем, чтобы охранять частную жизнь граждан.

О нет, только не это, подумал Беррингтон. Разумное предложение, а

потому опасное.

– Комитет по этике уже существует, – заметил он, стараясь выиграть время. – Есть такой подкомитет в сенате. – «Сенатом» они называли совет директоров университета, в который входили все профессора – руководители кафедр и факультетов. – Мы можем заявить, что передаем эту работу им.

– Ерунда! – резко заметил Морис. – Всем прекрасно известно, что это отстойник.

– Неужели вы не понимаете, что, настаивая на незамедлительных действиях, практически отсекаете тем самым любую разумную дискуссию? – возразила Джинни.

Самое время завершить весь этот базар, подумал Беррингтон. Они оба упертые, как черти, их не свернешь, каждый останется при своем мнении. И надо прекратить спор, пока им снова не взбредет в головы искать компромисс.

– А вот это точно подмечено, Джинни, – сказал он. – Позвольте сделать одно предложение, если вы, конечно, не против, Морис.

– Конечно. Давайте послушаем.

– У нас две проблемы. Первая: следует найти какой-то выход, чтобы Джинни могла продолжать исследования и одновременно не допустить скандала. Этот вопрос мы можем решить вместе с Джинни, и я поговорю об этом с ней позже. И вторая: как преподнести все это в средствах массовой информации? И эту проблему должны решить мы с вами, Морис.

Морис облегченно вздохнул:

– Что ж, очень разумно.

– Спасибо и извини, что оторвали тебя от работы, Джинни, – сказал Беррингтон.

Она поняла, что ее попросту выгоняют, и поднялась, озабоченно хмурясь. Она чувствовала, что ее стараются обвести вокруг пальца, но сделать ничего не могла.

– Так вы мне позвоните? – спросила она Беррингтона.

– Да, конечно.

– Хорошо... – Она поколебалась секунду-другую, потом вышла из кабинета.

– Непростая штучка, – заметил Морис.

Беррингтон подался вперед, молитвенно сложил руки и с самым униженным видом начал:

– Тут есть и моя вина, Морис, я это понимаю. – Морис отрицательно покачал головой, но Беррингтон не унимался: – Ведь это я нанял Джинни

Феррами. Нет, конечно, тогда я и понятия не имел, что она изобретет подобную методику. Но все равно ответственность лежит и на мне. И я считаю, что должен, просто обязан снять этот груз с твоих плеч.

– И что же ты предлагаешь?

– Я не могу просить тебя, чтобы ты не публиковал этот пресс-релиз, просто не имею права. И прекрасно понимаю, что ты не можешь подставить под удар весь университет из-за какого-то одного проекта. – Он выжидательно уставился на Мориса.

Тот явно колебался. Беррингтон с ужасом подумал: а что, если Морис заподозрил, что его специально загоняют в угол? Но мысль эта промелькнула и тут же улетучилась.

– Рад, что ты был откровенен со мной, Берри, – сказал Морис. – Но как ты собираешься поступить с Джинни?

Беррингтон облегченно вздохнул. Похоже, план его удался.

– Ну, Джинни – это моя проблема. Так что предоставь решать ее мне.

Стив заснул только к утру.

В камерах стояла тишина, нарушаемая лишь похрапыванием Свинтуса. Стив не спал вот уже почти двое суток. Он пытался бороться со сном, прокручивал в уме речь с просьбой о выпуске под залог, которую собирался произнести завтра перед судьей, но усталость брала свое, и он то и дело проваливался в сон, и видел судью, который, добродушно улыбаясь, говорил ему следующее: «Ваша просьба о выпуске под залог удовлетворена. Освободите этого человека!» И вот он выходит из здания суда на залитую солнцем улицу. Он сидел в камере на полу в своей обычной позе, привалившись спиной к решетке. Глаза у него слипались, голова свешивалась на грудь, и тут неимоверным усилием воли он заставил себя проснуться, но, в конце концов, природа взяла свое и он провалился в глубокий сон.

Разбудил его сильный удар в ребра. Он ахнул и открыл глаза. Над ним наклонился Свинтус, глаза его сверкали безумным блеском.

– Ты спер у меня наркотики, тварь! Где спрятал, говори, сука! Отдай немедленно, иначе ты покойник!

Стив отреагировал молниеносно. Взвился вверх, точно пружина, вытянув правую руку, и ткнул пальцами прямо в глаза Свинтуса. Тот взвыл от боли и отшатнулся. Стив бросился за ним, снова нацелился. Им овладела такая ярость, что он был готов выдавить обидчику глазные яблоки, так, чтобы из них полезли мозги. Откуда-то издалека до него доносился голос. Он походил на его собственный и выкрикивал чудовищные ругательства.

Свинтус отступил еще на шаг и сел на унитаз, закрыв глаза руками.

Стив обхватил его за шею, приподнял голову и врезал коленкой прямо по лицу. Кровь хлынула у Свинтуса изо рта. Стив ухватил его за ворот рубашки, рывком поднял с унитаза и швырнул на пол. И уже собрался бить его ногами, но тут помутнение рассудка начало проходить. Он смотрел на распростертого на полу Свинтуса, на кровь, и ярость его постепенно улетучивалась.

– О нет! – пробормотал он. – Что я наделал?...

Тут дверь в камеру распахнулась, и, размахивая дубинками, вбежали двое полицейских.

Стив поднял руки.

– Уймись, парень, – приказал один из копов.

– Все в порядке, я уже спокоен, – ответил Стив. Полицейские надели на него наручники и вывели из камеры. Один из них сильно ударил его в солнечное сплетение. Стив согнулся пополам, судорожно хватая ртом воздух.

– Это для профилактики, – заметил один из копов. – На тот случай, если снова захочешь затеять здесь драку.

Он услышал, как с грохотом захлопнулась дверь камеры. А потом раздался голос Спайка, говорившего в своей обычной насмешливой манере:

– Может, тебе нужна медицинская помощь, а, Свинтус? Могу вызвать. Тут у нас как раз сидит один ветеринар с Ист-Балтимор-стрит! – И он радостно расхохотался, очень довольный своей шуткой.

Стив медленно выпрямился. Боль еще не прошла, но дышать было можно. Он посмотрел сквозь прутья решетки на Свинтуса. Тот сидел на полу и протирает глаза. А потом сплюнул кровь и злобно пробормотал:

– Чтоб ты сдох, вонючка!

Стив испытал облегчение. Слава Богу, Свинтус не слишком пострадал. Спайк сказал:

– Вообще-то мы пришли за тобой, мальчик из колледжа. Эти ребята отвезут тебя в суд. – Он сверился со списком. – Так, посмотрим, кто там у нас еще едет в Северный окружной суд?... Ага, мистер Роберт Сэндилендс по прозвищу Нюхач...

Он вывел из камер еще троих заключенных, всех их сковали одной цепью со Стивом. Затем полицейские вывели всю эту процессию на автостоянку и усадили в автобус.

Стив отчаянно надеялся, что ему больше не придется возвращаться в это проклятое Богом место.

На улице было еще темно. Должно быть, сейчас около шести утра, подумал Стив. Но ведь суды начинают работать не раньше девяти или десяти часов утра, так что ждать ему придется долго. Они ехали по городу со скоростью не больше пятнадцати – двадцати миль в час и вот наконец въехали в ворота двора, в центре которого находилось здание суда. Они вышли из автобуса, и их отвели в подвальное помещение.

По кругу располагались восемь камер за толстыми стальными прутьями, в каждой скамья и туалет. Они были гораздо просторнее камер в полицейском управлении, а потому всех четырех заключенных запихнули туда, где уже находились шесть человек. Там с них сняли цепи и сложили их на стол в центре помещения. Охранников здесь было несколько, и командовала ими высокая чернокожая женщина, сержант полиции со

злым выражением лица.

В течение следующего часа привезли еще человек тридцать заключенных. Их рассадили по камерам – по двенадцать человек в каждую. Потом ввели небольшую группу женщин – их появление приветствовали улюлюканьем и свистом. Женщин поместили в камеру в дальнем конце помещения.

После этого на протяжении нескольких часов вообще ничего не происходило. Принесли завтрак, но Стив снова отказался от еды – он не привык есть рядом с туалетом. Кое-кто из заключенных громко переговаривались между собой, но большинство мрачно молчали. Многие выглядели измученными. Никаких перепалок между охранниками и заключенными не возникало, и Стив приписал это тому, что они находились в подчинении у женщины.

Тюрьма совсем не похожа на то, что показывают по телевизору, мрачно размышлял он. В телерепортажах и фильмах камеры напоминают номера второразрядных гостиниц, там не увидишь ни грязных туалетов, ни избиения тех, кто, по мнению охранников, ведет себя не так, как надо. И громкой ругани там тоже не слышно.

Сегодня его последний день в тюрьме. Может стать последним. Если бы он верил в Бога, то молился бы об этом от всего сердца.

И вот, наконец, заключенных начали группами выводить из камер – по его расчетам, был полдень.

Стив оказался во второй партии. На них снова надели наручники и, сковав одной цепью сразу десять человек, повели в суд.

Зал суда напоминал помещение методистской церкви. Внизу стены выкрашены зеленой краской, затем, примерно на уровне груди, проведена черная линия, выше стены кремовые; на полу зеленый ковер, девять рядов скамей из светлого дерева.

И тут вдруг в самом заднем ряду Стив увидел отца с матерью.

Он был потрясен.

На отце военная форма, фуражка лежит на коленях. Он сидит, выпрямив спину, точно по стойке «смирно». У отца типично кельтская внешность: синие глаза, черные волосы, небольшая борода, чисто выбритые щеки. Лицо напряженное, деланно спокойное. А мама сидит рядом – маленькая, полненькая, с таким знакомым, бесконечно милым и опухшим от слез лицом.

Стиву захотелось провалиться сквозь землю. Он предпочел бы вернуться в камеру к Свинтусу, лишь бы не видеть сейчас родителей. Остановился, как вкопанный, и тупо смотрел на них, задерживая всю

цепочку заключенных. Стоял до тех пор, пока охранник не дал ему пинка, и только тогда, спотыкаясь, он побрел к первому ряду скамей.

Лицом к заключенным сидела женщина в мантии судьи. У двери дежурил охранник. Еще одним и последним официальным лицом в зале был чернокожий мужчина в очках, галстук, одетый в черный пиджак и синие джинсы. Он по очереди спрашивал фамилии заключенных и сверялся с каким-то списком.

Стив осторожно оглянулся. На остальных скамьях для публики не было никого, кроме его родителей. Конечно, он был благодарен своим родным за то, что пришли поддержать его, – ни к кому из присутствующих здесь заключенных не пришел никто. И одновременно он предпочел бы пройти через все эти унижения в одиночку.

Внезапно отец поднялся и подошел к мужчине в синих джинсах.

– Да, сэр? – спросил тот.

– Я отец Стивена Логана. И мне хотелось бы поговорить с ним. – Голос отца, как всегда, звучал уверенно и властно. – Позвольте узнать, с кем имею честь?

– Дэвид Пуди, детектив. Это я звонил вам сегодня утром.

Так, значит, вот как папа и мама узнали, понял Стив. Следовало бы догадаться раньше. Ведь та женщина говорила, что должна проверить все его данные. И проще всего было позвонить его родителям. При мысли об этом телефонном звонке он досадливо поморщился. Интересно, что именно сказал им этот сыщик? «Мне необходимо проверить адрес Стивена Логана, который в данный момент находится в камере предварительного заключения в Балтиморе и обвиняется в изнасиловании. Вы его мать?»

Отец вежливо пожал следователю руку.

– Рад познакомиться, мистер Пуди.

Но Стив чувствовал, что отец ненавидит этого человека всей душой.

– Нет проблем, можете поговорить с сыном, – сказал Пуди.

Отец кивнул. Обогнул скамью с заключенными и уселся прямо у Стива за спиной. Положил руку ему на плечо, легонько сжал. Слезы выступили на глазах у Стива.

– Я не делал этого, отец, – тихо пробормотал он.

– Знаю, Стив.

Отец ему верит! И тут Стив не выдержал и заплакал. Плакал и никак не мог остановиться. Он ослабел от голода и бессонных ночей. Все, что ему пришлось пережить за последние два дня, вдруг навалилось на него, показалось совершенно невыносимым и несправедливым, и слезы так и лились ручьем. Он лишь глотал их и вытирал лицо руками в наручниках.

– Мы хотели привезти тебе адвоката, – сказал отец после паузы. – Но просто времени не было. Едва успели сюда приехать.

Стив кивнул. Он будет сам себя защищать, если, конечно, удастся держать себя в руках.

Тут в зал ввели двух девушек. Наручников на них не было. Они уселись на скамью и захихикали. Обeim лет по восемнадцать, не больше.

– Как, черт возьми, все это произошло? – спросил отец Стива.

Тот сразу перестал плакать – надо было отвечать на вопрос.

– Просто я похож на того парня, который сделал это, – пробормотал он. Шмыгнул носом и продолжил: – И на опознании жертва указала на меня. И когда это случилось, я находился неподалеку, так и сказал в полиции. Тесты с ДНК докажут, что это не я, но готовы они будут только через три дня. И я очень надеюсь, что сегодня меня выпустят под залог.

– Скажи судье, что мы здесь, – посоветовал отец. – Вдруг это как-то поможет?...

Отец старался утешить его, как мог, и Стив почувствовал себя маленьким ребенком. И почему-то вспомнил тот день, когда ему подарили первый в его жизни велосипед. На день рождения – ему исполнилось пять лет. Велосипед был трехколесный. Перед домом находился большой сад, две ступеньки вели в патио^[7]. «Ездить можно вокруг лужайки, по дорожке, и держись подальше от ступенек», – сказал тогда отец. И разумеется, первое, что сделал Стив, – это попытался съехать на велосипеде по ступенькам. Он упал, сломал велосипед и сам сильно ушибся. И думал, что отец накажет его за то, что он ослушался и испортил такой замечательный подарок. Но отец поднял его с земли, промыл все царапины, а потом починил велосипед и вопреки ожиданиям ругать Стива не стал. Он даже не сказал: «Я же тебя предупреждал!» Что бы с ним ни случилось, родители всегда были на стороне Стива.

В зал вошла судья.

Это оказалась приятная белая дама лет пятидесяти, очень маленькая и аккуратная. На ней была черная мантия, а в руках она несла бутылочку диетической колы, которую поставила на стол, перед тем, как сесть.

По ее лицу Стив пытался угадать, что она за человек. Добрая или жестокая? В плохом или хорошем настроении? Свободомыслящая женщина с широкими взглядами или же сторонница самых жестких мер по отношению к правонарушителям, мечтающая всех их отправить на электрический стул? Он рассматривал ее: голубые глаза, остренький носик, темные с проседью волосы. Есть ли у нее муж с толстым пивным брюшком, взрослый сын, о котором она беспокоится, и обожаемый внук, с

которым она играет и валяется на ковре? Или она живет одна в роскошных апартаментах, обставленных современной мебелью с острыми углами? Преподаватели рассказывали им о логических причинах отказа или удовлетворения просьбы о выпуске под залог, но ни разу ни словом не упомянули о человеческом факторе. Сейчас все зависит от того, добрая эта женщина или нет.

Она окинула взглядом скамью подсудимых и сказала:

– Добрый день. Сегодня у нас предварительное заседание, где будет рассматриваться вопрос об освобождении под залог.

У нее был негромкий, но внятный голос с правильной дикцией. Вообще вся она была очень четкая и аккуратная, за исключением разве бутылочки кока-колы. Стив почему-то увидел в этом добрый знак, признак гуманности и доброты.

– Все получили формуляр с выдвинутым обвинением?

Получили все. Судья зачитала подсудимым их права, объяснила, как они могут воспользоваться услугами адвоката. А затем сказала:

– Тот, чью фамилию я назову, пусть поднимет руку. Ян Томпсон!

Подсудимый поднял руку. Она зачитала, в чем он обвиняется и какое наказание ему грозит. Ян Томпсон ограбил три дома в фешенебельном районе Роланд-Парк. Это был молодой человек латиноамериканской наружности с перевязанной рукой. На лице его отражалась лишь скука, похоже, собственная судьба его ничуть не интересовала.

Судья сообщила, что по его делу назначены предварительные слушания, а уж затем состоится суд присяжных. Стив с нетерпением ждал момента, когда будет решаться вопрос освобождения Томпсона под залог.

Поднялся следователь Пуди. Он скороговоркой сообщил, что Томпсон живет по указанному адресу один год, имеет жену и ребенка, а вот работы у него нет. У него уже была одна судимость, и он замечен в злоупотреблении героином. На месте судьи Стив никогда бы не выпустил такого человека под залог.

Тем не менее, судья назначила сумму залога – двадцать пять тысяч долларов. Стив воспрянул духом. Он знал, что по закону обвиняемый мог внести лишь десять процентов назначенной суммы наличными, так что Томпсон мог оказаться на свободе, заплатив две с половиной тысячи. Вполне приемлемые условия.

Следующей была одна из девиц. Ее обвиняли в драке с другой девушкой и нанесении ей телесных повреждений. Следователь сообщил судье, что она живет с родителями и работает кассиршей в соседнем супермаркете. Ни в каких проступках она замечена не была, а потому судья

назначила ей освобождение, взяв с нее обязательство присутствовать на судебном процессе. Это означало, что никаких денег с нее не потребовали вовсе.

Еще одно снисхождение, проявленное судьей, – и Стив приободрился еще больше.

Девушке было приказано не подходить к дому пострадавшей, и Стив вспомнил, что судья вправе сопровождать освобождение под залог особыми условиями. Возможно, ему следует поклясться, что он ни при каких условиях не будет приближаться к Лизе Хокстон. Он понятия не имел, где живет Лиза, как выглядит, но был готов поклясться в чем угодно, лишь бы не возвращаться обратно в тюрьму.

Следующим обвиняемым был белый мужчина средних лет, который показывал пенис покупательницам в отделе гигиенических товаров для женщин в аптеке «Райт-эйд». За ним числился целый список подобных выходов. Он жил один, но по одному и тому же адресу на протяжении пяти лет, К удивлению и огорчению Стивена, судья отказала ему в освобождении под залог. Мужчина был маленький, худенький; Стив не думал, что он может представлять хоть какую-то опасность для общества – просто очередной сумасшедший. Но возможно, судья, будучи женщиной, с особым неодобрением относилась к преступлениям сексуального характера.

Она взглянула на список:

– Стивен Чарльз Логан.

Стив поднял руку.

Господи, прошу тебя, пожалуйста, сделай так, чтобы я вышел отсюда!

– Вы обвиняетесь в изнасиловании первой степени, что может повлечь за собой наказание вплоть до пожизненного заключения.

Стив услышал, как мама тихо ахнула.

Поднялся Пуди. Он назвал возраст Стива, адрес, род занятий, а потом добавил, что ранее он не был судим и вредных привычек не имеет. «Да я просто ангел небесный в сравнении со многими другими подсудимыми, – подумал Стив. – Она должна, просто обязана принять это во внимание».

Когда Пуди закончил, Стив спросил:

– Могу я сказать несколько слов, ваша честь?

– Да. Но помните: то, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Он поднялся.

– Я невиновен, ваша честь. Просто, к несчастью, я очень похож на того насильника и, если вы выпустите меня под залог, обещаю не вступать в

контакт с жертвой. Если вы, конечно, сочтете нужным сопроводить освобождение этим условием.

– Сочту, уж будьте уверены.

Ему хотелось умолять ее, но все аргументы, которые он повторял про себя в камере, вдруг вылетели из головы. И он растерянно опустил на скамью.

Тут поднялся отец.

– Ваша честь, я отец Стивена Логана, полковник Чарльз Логан. Буду рад ответить на любой ваш вопрос, если вы сочтете нужным задать его мне.

Она окинула его ледяным взглядом.

– Не вижу необходимости.

Почему это ей так не понравилось вмешательство отца? Может, хочет дать понять, что ее ничуть не впечатлил его чин? И показать тем самым, что в суде все равны, вне зависимости от того, какое занимают положение в обществе?...

Отец сел.

Судья подняла глаза на Стива.

– Мистер Логан, была ли знакома вам жертва до того, как вы совершили на нее нападение?

– Нет. Я ее не знал и не знаю, – ответил Стив.

– Но вы хоть видели ее прежде?

Стив понял: судья хочет знать, преследовал ли он Лизу до того, как совершил нападение. И ответил:

– Не могу сказать. Я ведь уже говорил, что даже не знаю, как она выглядит.

Судья задумалась на несколько секунд. Стиву показалось, что в этот момент он балансирует над пропастью. Одно ее слово – и он спасен. Но что, если она откажет?... Тогда он погиб!...

И вот наконец она сказала:

– Назначается освобождение под залог. Сумма залога – двести тысяч долларов.

Стив почувствовал такое счастье и облегчение, что даже голова закружилась.

– Слава Богу, – еле слышно пробормотал он.

– При условии, что вы не будете приближаться ни к Лизе Хокстон, ни к ее дому под номером 1321 на Вайн-авеню.

Стив почувствовал, как отец снова положил ему руку на плечо и крепко сжал. Приподнял скованные наручниками руки и нежно дотронулся до тонких пальцев отца.

Придется подождать еще час или два, прежде чем он будет свободен, но теперь Стива это не страшило. Он выйдет на залитую солнцем улицу, съест сразу шесть биг-маков, а потом будет спать – целые сутки. Ему страшно хотелось принять горячую ванну и переодеться во все чистое. И чтобы обязательно вернули наручные часы. И еще – оказаться в компании людей, которые не произносят «мать твою» каждую секунду.

А потом он вдруг, к своему удивлению, понял, что больше всего на свете ему хочется позвонить Джинни Феррами.

Джинни вернулась к себе в лабораторию в подавленном настроении. Морис Оубелл оказался трусом. Какая-то агрессивно настроенная журналистка выступила с весьма сомнительными обвинениями, не более того, а он сразу же поднял лапки. Да и Беррингтон оказался слабаком, не смог ее защитить.

Методика компьютерного поиска была самым большим ее успехом. Она начала разрабатывать ее, когда поняла, что исследования криминального типа личности просто невозможны без новых способов подбора испытуемых. Она работала над ней целых три года. И это стало ее единственным по-настоящему выдающимся достижением, не считая побед в чемпионатах по теннису. Если у нее и был какой-то талант, то именно к решению такого рода логических задач. И хотя она изучала психологию непредсказуемого и порой совершенно иррационального существа – человека, делала она это, обрабатывая множество данных по сотням и тысячам индивидуумов: работа носила чисто статистический и математический характер. Она понимала: если изобретенный ею способ поиска окажется неудачным, то и все дальнейшие ее изыскания ничего не будут стоить. Тогда ей останется только стать стюардессой, как Пенни Уотермидоу.

Она удивилась, увидев, что у двери ее ждет Аннет Байглоу. Аннет была студенткой-выпускницей, и Джинни курировала ее дипломную работу. Только сейчас она вспомнила, что на прошлой неделе Аннет приняла ее предложение поработать в следующем году в лаборатории генетических исследований и они назначили встречу на сегодня, чтобы обсудить все детали. Джинни решила отменить встречу: у нее были более важные дела. Но затем, увидев, с какой надеждой смотрит на нее девушка, и вспомнив, насколько важны были такие встречи для нее самой в студенческую пору, улыбнулась и сказала:

– Извини, что заставила тебя ждать. Проходи, сейчас все обсудим.

К счастью, она успела внимательно прочесть предложения Аннет и даже сделать пометки. Та планировала тщательно изучить все существующие данные по близнецам и посмотреть, можно ли обнаружить у них корреляцию в области политического мировоззрения и моральных устоев. Предложения показались Джинни достаточно интересными, план имел под собой солидную научную основу. Джинни внесла несколько

предложений и, обнадежив, отпустила девушку.

Когда Аннет уже уходила, в дверь кабинета заглянул Тед Рэнсом.

– Что это вид у тебя такой воинственный? Точно яйца кому-то собралась открутить!

– Не волнуйся, не тебе, – улыбнулась Джинни. – Заходи, кофейку попьем.

– А вот это дело! – обрадовался Рэнсом.

Он нравился ей больше всех мужчин на факультете. Адъюнкт-профессор, изучающий психологию восприятия, он был счастлив в браке, имел двоих маленьких детей. Джинни знала, что он находит ее очень привлекательной, но сам он на эту тему с ней ни разу не заговаривал. Их влекло друг к другу, но они никогда не переступали границ.

Джинни включила кофеварку и рассказала Теду о звонке из «Нью-Йорк таймс» и о Морисе Оубелле.

– Возникает один интересный вопрос, – добавила она. – Кто мог настучать в газету?

– Должно быть, Софи, больше некому, – сказал он.

Софи Чэппл была единственной, кроме Джинни, женщиной на факультете психологии. Ей было уже под пятьдесят, она давно получила звание профессора, но, тем не менее, почему-то видела в Джинни соперницу. Ревновала ее ко всему и всем с самого начала семестра и рассказывала всем подряд, что Джинни носит мини-юбки и паркует автомобиль где попало.

– Неужели она способна на такое? – удивилась Джинни.

– Да запросто.

– Наверное, ты прав. – Джинни не переставала удивляться мелочности и склочности, свойственной порой даже большим ученым. Как-то раз в кафетерии ей довелось наблюдать совершенно ужасающую сцену: один из самых выдающихся физиков Америки устроил скандал в очереди в буфет. – Может, мне стоит спросить у нее?

Тед удивленно приподнял брови.

– Так она тебе и скажет.

– Но если у нее будет виноватый вид, я сразу все пойму.

– Тогда это война.

Зазвонил телефон. Джинни сняла трубку и жестом показала Теду, что он может разливать кофе.

– Алло?

– Это Найоми Фрилэндер.

– Не уверена, что мне следует говорить с вами.

– А я уверена, что вы уже прекратили использовать медицинские базы данных в своих исследованиях.

– Нет.

– Что это значит – «нет»?

– Это значит, что я ничего не прекращала. Ваши звонки вызвали споры и обсуждения, но никакого решения пока еще не принято.

– Я получила факс из канцелярии президента университета. И там сказано, что руководство приносит свои извинения тем людям, в чью частную жизнь вы вторглись, и обещает, что программа будет свернута.

Пальцы Джинни так и впились в трубку.

– Так они распространили этот пресс-релиз?

– А вы разве не знали?

– Я видела лишь набросок. И выразила несогласие по многим пунктам.

– Стало быть, они свернули вашу программу, не удосужившись уведомить вас?

– Они просто не могли так поступить.

– С чего это вы взяли?

– Я подписала с университетом контракт. И они не имеют права нарушать условия договора.

– Так вы что же, хотите сказать, что будете продолжать исследования вопреки решению университетских властей?

– У них нет права командовать мной. – Джинни покосилась на Теда. Тот поднял руку и делал ей предупреждающие знаки. Он прав, подумала Джинни, с прессой так говорить не стоит. И она изменила тактику. – Послушайте, – сказала она уже более спокойным тоном, – вы же сами говорили, что опасность вторжения в частную жизнь носит в данном случае потенциальный характер.

– Да.

– И вам не удалось найти ни одного человека, который бы имел по этому поводу претензии ко мне и к моей программе. А потому у вас нет никаких оснований утверждать, что программа будет закрыта.

– Знаете, я не судья. Я журналист.

– А вы вообще имеете представление, что это за исследования? Я пытаюсь выяснить, отчего люди становятся преступниками. Я первый человек, который нашел весьма перспективную методику изучения этой проблемы. И если все получится, я узнаю, как сделать Америку более безопасным местом для ваших же детей и внуков.

– У меня нет внуков.

– Ну, знаете, это еще не оправдание...

– Я не ищу оправданий.

– Может, и нет. Но почему бы в таком случае вам не найти хотя бы один случай вторжения в частную жизнь? Разве не выиграет от этого материал, над которым вы работаете?

– Ну, знаете, это мне судить.

Джинни вздохнула. Она сделала все, что могла. И из всех сил постаралась закончить этот разговор на мирной ноте:

– Что ж, мне остается только пожелать вам удачи.

– Спасибо, доктор Феррами.

– До свидания! – Джинни повесила трубку и пробормотала: – Вот сука!

Тед протянул ей кружку кофе.

– Как я понимаю, они объявили, что твоя программа закрыта.

– Нет, это выше моего понимания! Ведь Беррингтон сам сказал, что мы должны обсудить, что делать дальше.

Тед понизил голос:

– Ты еще не знаешь Берри. А я его знаю. Он настоящая змея, ты уж поверь. На твоём месте я бы ему не доверял.

– Может, это просто ошибка? – спросила Джинни, готовая ухватиться за соломинку. – Может, секретарша доктора Оубелла что-то перепутала и послала этот пресс-релиз по ошибке?

– Возможно, – ответил Тед. – Но я бы советовал прислушаться к моей змеиной теории.

– Как думаешь, может, мне позвонить в «Нью-Йорк таймс» и сказать, что моим телефоном воспользовалась самозванка?

Он рассмеялся.

– Думаю, тебе надо немедленно бежать к Берри и спросить его, кто распорядился насчет пресс-релиза еще до твоих переговоров с ним.

– Ты прав. – Она отпила глоток кофе и поднялась. Тед направился к двери.

– Желаю удачи! И помни, я на твоей стороне!

– Спасибо. – Она подумала, стоит ли чмокнуть его в щеку, но тут же отказалась от этой мысли.

Джинни прошла по коридору, потом поднялась по лестнице. Дверь в кабинет Беррингтона оказалась заперта. Тогда она направилась в кабинет секретарши, работавшей с профессорским составом.

– Привет, Джули! А где Берри?

– Уже уехал, и его не будет весь день. Но он просил меня договориться с тобой о встрече на завтра.

Черт! Этот мерзавец явно ее избегает. Что подтверждает правоту теории Теда.

– А когда завтра?

– В девять тридцать утра.

– Передай, что я буду.

Она спустилась к себе на этаж и зашла в лабораторию. Лиза стояла у стола, проверяя концентрацию ДНК в пробах крови Стивена и Денниса. Она уже добавила к двум миллилитрам каждой пробы по два миллилитра флюоресцентного красителя. Краситель начинает светиться от соприкосновения с ДНК, и степень свечения можно измерить с помощью специального ДНК-флюорометра с датчиком, показывающим концентрацию ДНК в нанограммах на один миллилитр пробы.

– Ну как ты? – спросила Джинни.

– Замечательно, спасибо.

Джинни внимательно взглянула на Лизу. Выражение лица сосредоточенное, как у человека, поглощенного своей работой, но стресс по-прежнему ощущается.

– С мамой еще не говорила? – спросила Джинни. Родители Лизы жили в Питсбурге.

– Не хочу волновать ее понапрасну.

– Мамы для этого и существуют. Позвони ей.

– Ладно. Может, сегодня вечером.

Лиза продолжала работать, а Джинни пересказывала ей историю с «Нью-Йорк таймс». Теперь Лиза смешивала образцы ДНК с ферментом под названием «ограничительная эндонуклеаза». Эти ферменты разрушали чужеродные ДНК, которые могли проникнуть в тело. Разрушение происходило путем расщепления длинных молекул ДНК на тысячи более коротких фрагментов. Особое значение для генной инженерии имел тот факт, что эндонуклеаза всегда рассекала молекулу ДНК в одной определенной точке. Только так можно было сравнить затем фрагменты из двух проб крови. Если они совпадали, значит, кровь взята у одного человека или у идентичных близнецов. Если не совпадали, это означало, что кровь принадлежит двум совершенно разным индивидуумам.

Это все равно, что изъять дюйм пленки из кассеты с записью оперы. Вырезать, скажем, по два пятиминутных фрагмента из начала двух разных пленок, и если в обоих зазвучит дуэт «Se a caso madama», это будет означать, что оба они взяты из «Женитьбы Фигаро». Но чтобы результаты исследования были более надежными, следует сравнивать несколько фрагментов, а не один.

Процесс фрагментации занимал обычно несколько часов, и ускорять его было нельзя: если ДНК фрагментируется не полностью, тест не получится.

Лиза была в шоке от истории, рассказанной Джинни, но сочувствия проявила меньше, чем та ожидала. Возможно, потому, что всего три дня назад испытала сильнейшее потрясение и неприятности Джинни были просто ничто в сравнении с этим.

– Если тебе придется отказаться от этого проекта, чем тогда займешься? – спросила Лиза.

– Понятия не имею, – ответила Джинни. – Просто не представляю, как можно отказаться от такой работы.

Лизе непонятны амбиции и страсти истинного ученого, вдруг осознала Джинни. Ей, как чисто техническому сотруднику, все равно, над каким проектом работать.

Джинни вернулась к себе в кабинет и позвонила в Белла-Висту. Что бы ни происходило в ее жизни, о матери забывать нельзя.

– Могу я поговорить с миссис Феррами?

Ответ был коротким и категоричным:

– У них обед.

Джинни замялась.

– Хорошо... Тогда, пожалуйста, передайте, что звонила ее дочь Джинни. И что я попробую перезвонить позже.

– Ага.

У Джинни возникло ощущение, что женщина на том конце провода даже не удосужилась записать ее имя, а потому повторила по слогам:

– Звонила Джинни. Ее дочь.

– Ага. Ладно.

– Огромное вам спасибо. И простите за беспокойство.

– Ага.

Джинни повесила трубку. Нет, надо поскорее забирать мать из этого места. А сама она пока что не предприняла для этого ровным счетом ничего, была занята совсем другим.

Она взглянула на часы: начало первого. Подвигала «мышкой», посмотрела на экран, но потом подумала, что раз проект ее закрыт, работать нет смысла. И, сердясь на себя и свою беспомощность, решила, что сегодня можно устроить выходной.

Она выключила компьютер, вышла из кабинета, заперла дверь и вскоре оказалась на улице. Красный «мерседес» был припаркован на своем обычном месте. Она села в машину.

Нет, так не пойдет, надо взбодриться. Дома ее ждет отец. Наверное, надо уделить ему внимание, узнать, на что это похоже – жить с отцом. Они могут поехать к бухте и там погулять. А потом зайти в «Брук бразерс» и купить ему новую спортивную куртку. Денег у нее мало, но скоро она обязательно придумает, как их раздобыть. Да и вообще, какого черта?... Жизнь и без того коротка!

При мысли об этом Джинни сразу полегчало, и она поехала домой.

– Папа, я дома! – крикнула она, взбегая по ступенькам веранды. Но как только вошла в гостиную, сразу поняла: что-то не так. И лишь через секунду заметила, что в комнате нет телевизора. Может, отец перенес его в спальню и смотрит там? Она заглянула в соседнюю комнату – ничего и никого. Вернулась в гостиную.

– О нет!... – пробормотала Джинни. Видеомагнитофон тоже исчез. – Папа! Как ты мог?... – Стереопроигрывателя и компьютера, стоявших на столе, тоже не было. – Нет, – упрямо твердила Джинни, – я просто отказываюсь верить в это! – Бросилась в спальню, выдвинула ящик стола, достала шкатулку для драгоценностей. Подарок Уилла Темпла, серьга с бриллиантом в один карат, исчезла.

Зазвонил телефон, она машинально сняла трубку.

– Это Стив Логан, – послышался из трубки мужской голос. – Как поживаете?

– Сегодня... самый ужасный день в моей жизни, – пробормотала Джинни и разрыдалась.

Стив Логан повесил телефонную трубку.

Он уже принял душ, побрился и переоделся, а потом мама до отвала накормила его лазаньей. Он во всех деталях рассказал родителям о случившемся. Они настаивали на том, что надо немедленно обратиться за помощью к квалифицированному адвокату, на что Стив твердил, что, как только будут готовы анализы ДНК, обвинение с него тут же снимут. Наконец сошлись на том, что он пойдет к адвокату завтра утром. На всем пути от Балтимора до Вашингтона он спал на заднем сиденье отцовского «линкольна», и дома спать ему совершенно не хотелось. Чувствовал он себя прекрасно.

И еще ему хотелось позвонить Джинни.

Теперь же, поговорив с ней и узнав, в каком неприятном положении она оказалась, возникло желание немедленно увидеться с ней. Ему хотелось обнять ее крепко-крепко и сказать, что все будет хорошо.

Стив также чувствовал, что между ее проблемами и его существует некая связь. Ведь начались все неприятности с того момента, когда она представила его своему боссу, Беррингтону. И тот почему-то страшно испугался.

Ему хотелось узнать как можно больше о тайне своего происхождения. Но говорить об этом родителям он не стал. Слишком все сложно, запутанно, много неясного. К чему их напрасно волновать? А вот с Джинни поговорить об этом просто необходимо.

Он снова поднял трубку и собрался набрать ее домашний номер, но передумал. Наверняка она скажет, что хочет побыть одна. Люди депрессивного склада обычно предпочитают горевать в одиночестве, а не рыдать у кого-то на плече. Может, ему стоит пойти к Джинни? И с порога заявить: «Эй, привет! Давай попробуем друг друга развеселить».

Он зашел в кухню. Мама соскребала с противня остатки лазаньи проволочной мочалкой. Отец отлучился на час по работе. Стив начал складывать в посудомоечную машину грязные тарелки и чашки.

– Послушай, мам, – начал он, – может, это покажется тебе странным, но...

– Но ты собираешься повидаться с девушкой, да?

Он улыбнулся:

– А откуда ты знаешь?

– Я же твоя мать. И обладаю телепатическими способностями. Как же ее зовут?

– Джинни Феррами. Доктор Феррами.

– Я что, по-твоему, еврейская мать? На меня должен произвести впечатление тот факт, что она докторша?

– Она ученый, а не врач.

– Если уже получила докторскую степень, то, должно быть, намного старше тебя?

– Ей двадцать девять.

– Гм... И как выглядит?

– О, она потрясающе красива! Высокая, очень стройная, замечательно играет в теннис. Длинные черные волосы, карие глаза, а ноздря проколота. И в нее вставлено такое тоненькое серебряное колечко. И еще она, знаешь, очень волевая, прямолинейная, всегда говорит только то, что думает, и в то же время – веселая, любит посмеяться. Я сам пару раз ее здорово рассмешил, и она так хохотала... И еще она такая... – он замялся в поисках нужного слова, – такая, что, когда она входит в комнату, ни на кого другого смотреть просто не хочется... – Тут он замолчал.

С минуту мама внимательно смотрела на него, затем сказала:

– Да, плохи твои дела. Ты, похоже, влюбился.

– Ну, знаешь, это громко сказано... – начал было он, затем осекся. – Да, ты права. Я от нее просто без ума.

– И она отвечает тебе взаимностью?

– Пока нет.

Мама улыбнулась:

– Что ж, раз так, поезжай, повидайся с ней. Надеюсь, она заслуживает такого славного парня, как ты.

Стив чмокнул мать в щеку.

– Послушай, почему ты у меня такая умная и хорошая?

– Практика, – ответила она.

Машина Стива была припаркована у дома; они забрали ее из кампуса Джонс-Фоллз и перегнали в Вашингтон, за рулем сидела мама. Стив выехал на федеральную автотрассу I-95 и двинулся к Балтимору.

Сейчас Джинни, как никогда, нуждается в любви и заботе. Из телефонного разговора Стив узнал, что ее ограбил родной отец, а президент университета предал. Ей нужна поддержка, и Стив не сомневался, что сможет развеселить и утешить ее.

Он вел машину и представлял себе следующую сцену: Джинни сидит на диване и говорит нечто вроде: «Я так счастлива, что ты приехал, мне

сразу стало гораздо лучше! Почему бы нам не раздеться и не лечь в постель?»

По пути он остановился у небольшого магазинчика на окраине города и купил пиццу с морепродуктами, бутылку шардонне за десять долларов, пластиковую упаковку мороженого «Бен энд Джерри» – безумно вкусного, с хрустящей шоколадной крошкой – и десять желтых гвоздик. Тут в глаза ему бросилась первая страница «Уолл-стрит джорнал» с заголовком, в котором упоминалась «Дженетико инкорпорейтед». Он вспомнил, что так называется компания, финансирующая генетические исследования Джинни. Из заголовка следовало, что «Дженетико» переходит к «Ландсманну», немецкому концерну. Стив купил газету.

Его восторженные мечты вдруг омрачила простая мысль: что, если Джинни куда-нибудь ушла? Или дома, но не захочет отвечать на звонки и открывать дверь? Или же у нее гости?...

Увидев красный «мерседес», припаркованный у дома, он обрадовался: это означало, что она у себя. Но потом подумал, что она вполне могла пойти куда-нибудь и пешком. Или уехать на такси. Или воспользоваться машиной какого-то друга.

На двери Джинни был домофон. Он надавил на кнопку и стал ждать ответа. Тишина. Затем послышался какой-то треск. Сердце у него екнуло. Раздраженный голос спросил:

– Кто там?

– Это Стив Логан. Пришел немного вас развеселить.

Долгая пауза.

– Знаешь, Стив, я не в настроении принимать гостей.

– Тогда позвольте хотя бы отдать вам цветы.

Она не ответила. Она просто боится, подумал он и горестно вздохнул. Говорила, что верит в его невиновность, но ведь это было, когда он сидел за решеткой. Теперь же, когда она дома одна и он на пороге, ей нелегко решиться отворить ему дверь.

– Вы ведь не изменили свое мнение обо мне? – спросил он. – Все еще верите, что я невиновен? Если нет, я сразу уйду.

Раздался щелчок, дверь отворилась.

Эта женщина всегда готова принять вызов, подумал он.

И шагнул в крохотную прихожую. Две двери, одна из них открыта, за ней видна лестница, ведущая наверх. Наверху, на площадке, стоит Джинни в ярко-зеленой футболке.

– Что ж, поднимайся, раз пришел.

Не слишком радушный прием, но он улыбнулся и начал подниматься

по лестнице, неся свои дары в большом бумажном пакете. Она провела его в небольшую гостиную с крохотной выгоревшей кухонькой. Он отметил, что ей нравятся черно-белые тона с вкраплениями яркого живого цвета. Диван обит черной тканью, по нему разбросаны оранжевые подушки; на белой стене ярко-синие часы; желтые абажуры настольных ламп и белый кухонный стол с красными кофейными кружками.

Стив поставил пакет на стол.

– Вот взгляните, – сказал он. – Вам не повредит немного перекусить, сразу почувствуете себя лучше. – Он достал пиццу. – А бокал вина очень помогает снять напряжение. А уже потом, на десерт, можно есть мороженое прямо из этой упаковки, не придется даже выкладывать на блюдечко. Ну а когда с едой и напитками будет покончено, у вас еще останутся цветы.

Она смотрела на него с таким видом, точно он явился с Марса.

Стив немного помялся и добавил:

– И еще, я подумал, вам будет легче, если кто-то придет и скажет, какая вы замечательная и необыкновенная.

Глаза ее наполнились слезами.

– Да ну тебя к черту! – пробормотала она. – Я ведь почти никогда не плачу!

Он положил руки ей на плечи. Первое прикосновение. Потом осторожно привлек ее к себе. Джинни не сопротивлялась. С трудом веря, что самые дерзкие его мечты готовы сбыться, он обнял ее. Они были почти одинакового роста. Она положила голову ему на плечо, и ее тело содрогнулось от рыданий. Стив нежно гладил ее волосы. Они были мягкими и тяжелыми, как шелк. Он почувствовал, что у него эрекция, и немного отодвинулся, опасаясь, что она заметит.

– Все будет хорошо, – пробормотал Стив. – Все скоро уладится...

Она оставалась в его объятиях, и ему хотелось, чтобы этот сладостный миг длился вечно. Он ощущал тепло ее тела, вдыхал запах ее духов. Поцеловать ее или нет? Он колебался, опасаясь, что, если осмелится, она его тут же оттолкнет. Но вот этот миг прошел, она отстранилась.

Джинни вытерла лицо краем зеленой футболки, он увидел на мгновение плоский загорелый живот.

– Спасибо, – сказала она. – Наверное, мне просто надо было выплакаться у кого-то на груди.

Этот жест и прозаичность ее слов повергли Стива в уныние.

– Всегда к вашим услугам, – насмешливо ответил он и тут же пожалел об этом. Уж лучше б промолчал.

Она открыла буфет и достала тарелки.

– Знаешь, мне гораздо лучше. Самое время поесть.

Он присел на табурет у кухонного стола. Она порезала пиццу, откупорила бутылку с вином. Ему нравилось, как грациозно и непринужденно двигалась она по комнате – задвинула бедром открытый ящик буфета, прищурившись, проверила, чистые ли бокалы, вытащила пробку длинными сильными пальцами. Он вспомнил свою первую любовь. Ее звали Бонни, и ей было семь лет – столько же, сколько тогда и ему. Он любовался ее золотыми, с розоватым отливом, кудряшками, зелеными глазами и думал: Господи, да это просто чудо, что подобное сказочное существо могло вдруг появиться у них в начальной школе на Спиллар-роуд. Одно время ему даже казалось, что Бонни не девочка, а ангел, спустившийся на землю.

Джинни не казалась ему ангелом, но в ее движениях было столько грации, живости и силы, что сердце замирало.

– А ты крепкий парень, – заметила девушка. – Последний раз, когда мы виделись, ты выглядел просто ужасно. Это было всего сутки назад, а теперь, смотри, полностью оправился.

– Я еще легко отделался. Шишка на голове – в том месте, где ударился о стенку после толчка детектива. Ну и еще большой синяк там, куда меня пнул Свинтус, прямо под ребрами. Но в целом я в полном порядке. Главное – не возвращаться больше в тюрьму.

«Я и не вернусь, – подумал он. – Результаты анализа ДНК снимут с меня подозрения».

Он взглянул на книжные полки. У Джинни было много научной литературы, биографии Дарвина, Эйнштейна, Фрэнсиса Бэкона. Были книги женщин-писательниц, которых он не читал: Эрики Джонг и Джойс Кэрол Оутс; стояло пять-шесть книг Эдит Вартонс, современная классика.

– О, да у вас здесь мой самый любимый роман! – воскликнул он.

– Не говори. Дай сама догадаюсь. «Убить пересмешника»^[8], да?

Он удивился.

– Откуда вы знаете?

– Ну, это ж и ослу понятно. Ведь там главный герой – адвокат, борется с социальными предрассудками, чтоб защитить невиновного. А это твоя мечта – стать таким человеком, разве нет? Не станешь же ты читать «Женскую комнату»^[9].

Стив отрицательно помотал головой.

– А вы, похоже, много обо мне знаете. Я даже разволновался.

- Ну а какая моя любимая книга, как думаешь?
- Это что, очередной тест?
- Допустим.
- Ну... тогда, наверное, «Миддлмарч»^[10].
- Это почему же?
- Потому что там сильная, независимо мыслящая героиня.
- Но ведь она ровным счетом ничего не делает! Даю вторую попытку.

Могу намекнуть. Эта книга вовсе не обязательно роман.

– Так, значит, не роман... – Тут вдруг его осенило. – Знаю! История о блистательном научном открытии, помогающем объяснить природу человека. Держу пари, что это «Двойная спираль»^[11].

– Здорово, молодец!

Они принялись за еду. Пицца была еще теплой. Какое-то время Джинни молчала, затем удрученно покачала головой.

– Знаешь, я только сейчас поняла. Можно было бы избежать скандала, если б я тогда не завелась. Надо было не возмущаться, а твердить: «Да, конечно, давайте все обсудим, не следует делать поспешных выводов». А вместо этого я наплевала на университетские законы и правила, а потом лишь усугубила все это, рассказав прессе.

– Вы производите на меня впечатление человека бескомпромиссного, – сказал он.

Джинни кивнула:

– Есть такое понятие, как бескомпромиссный, а есть – просто упрямый.

Он показал ей «Уолл-стрит джорнал».

– Возможно, это как-то объясняет, почему на вашем факультете так болезненно прореагировали на публикацию именно в этот момент. Ваш спонсор того гляди ускользнет.

Она взглянула на статью.

– Ого! Целых сто восемьдесят миллионов долларов! – И, жуя пиццу, начала читать. А закончив, покачала головой. – Да, теория у тебя, конечно, любопытная, но я ее не принимаю.

– Почему?

– Ведь на меня ополчился Морис Оубелл, а вовсе не Беррингтон. Хотя и говорят, что Беррингтон хитер и коварен, как змея, я не могу играть в этом сколько-нибудь значимой роли. Я получаю лишь крохотную толику денег «Дженетико». И даже если мои исследования привели к вторжению в чью-то частную жизнь, не думаю, что этот скандал может повредить

многомиллионной сделке.

Стив вытер пальцы бумажной салфеткой и взял со стола фотографию женщины с ребенком на руках. Женщина немного походила на Джинни, вот только волосы у нее были прямые.

– Ваша сестра?

– Да, Пэтти. У нее уже трое ребятишек. Все мальчики.

– А у меня нет ни братьев, ни сестер, – сказал он. А потом спохватился: – Не считая, конечно, вашего Денниса Пинкера. – Выражение лица Джинни сразу же изменилось, и он это заметил. – Смотрите на меня, как на подопытного кролика.

– Извини. Мороженое будешь?

– Еще бы!

Она поставила упаковку на стол, достала две ложки. Стиву это понравилось. Есть из одной упаковки – это придавало интимности. Джинни ела с удовольствием. Интересно, подумал он, занимается ли она любовью с такой же жадностью?

Он облизал ложку и сказал:

– Я рад, что вы мне поверили. А вот копы – нет.

– Если ты насильник, вся моя теория рассыпается в прах.

– И все равно далеко не каждая женщина пустила бы меня в свой дом. Особенно зная, что у меня с Деннисом Пинкером одинаковые гены.

– Я колебалась, – призналась она. – Но ты меня убедил!

– Каким образом?

Она указала на остатки трапезы.

– Когда Деннису Пинкеру нравится какая-нибудь женщина, он достает нож и приказывает ей снять трусики. А ты принес пиццу.

Стивен расхохотался.

– Может, и смешно, – заметила Джинни, – но это весьма существенная разница.

– Вы должны кое-что обо мне знать, – сказал Стив. – Одну тайну.

Она отложила ложку.

– Что именно?

– Однажды я едва не убил человека.

– Как это было?

Он рассказал о своей стычке с Типом Хендриксом.

– Вот почему меня так беспокоит вся эта история с моим происхождением, – сказал он. – Не могу передать, до чего это ужасно... вдруг узнать, что твои мать с отцом тебе не родные. Что, если мой настоящий отец – убийца?

Джинни покачала головой.

– Ты был мальчишкой и просто подрался. А потом потерял над собой контроль. Это вовсе не означает, что ты какой-нибудь психопат или убийца. Ну а что насчет того, другого парня? Как его, Тип?...

– Пару лет спустя его убили. Он занимался наркотиками. Повздорил со своим поставщиком, тот и выстрелил прямо ему в голову.

– Вот он, наверное, и есть психопат, – сказала Джинни. – С такими вечно что-то происходит. Сами нарываються на неприятности. А сильный мальчик, вроде тебя, может однажды нарушить закон, но затем все осознать и продолжить вести нормальный образ жизни. В то время как Деннис, даже если его и выпустят из тюрьмы, снова кого-то убьет.

– Сколько вам лет, Джинни?

– Не понравилось, что я назвала тебя мальчиком?

– Мне двадцать два.

– А мне двадцать девять. Значительная разница.

– Так для вас я просто мальчишка?

– Послушай, я вовсе не уверена, что взрослый мужчина лет тридцати способен проделать весь этот путь из Вашингтона, чтобы привезти мне пиццу. Это безрассудный поступок.

– Вы что же, жалеете, что я сделал это?

– О нет, что ты! – Она дотронулась до его руки. – Я рада. Это правда.

Он все еще никак не мог определить, как она к нему относится. Но она плакала у него на груди – а это говорит о многом. И мальчики для этого не годятся, подумал он.

– Когда будет известно о моих генах? – спросил Стив.

Джинни взглянула на часы.

– Сегодня утром Лиза должна была продолжить. Процесс близок к завершению.

– Так анализы готовы?

– Почти.

– А нельзя ли прямо сейчас взглянуть на результаты? Просто не терпится узнать, одинаковая у нас с Деннисом Пинкером ДНК или нет.

– Думаю, можно, – кивнула Джинни. – Мне и самой любопытно.

– Тогда чего же мы ждем?

У Беррингтона Джонса была пластиковая карточка, с помощью которой можно было открыть любую дверь в Дурдоме.

Никто об этом не знал. Все остальные профессора считали, что их личные кабинеты и все, что там находилось, недоступны для посторонних глаз. Ключи были у уборщиц, они об этом знали. Ну и, конечно, у охранников. Но им и в голову не приходило, что раздобыть дубликат не так уж и сложно.

Впрочем, Беррингтон никогда прежде не пользовался своим универсальным ключом. Шпионить – занятие недостойное, не в его стиле. Вполне возможно, что Пит Уолтинсон держит в ящике стола снимки голых мальчиков, Тед Рэнсом наверняка прячет где-нибудь пакетик с марихуаной, а Софи Чэппл хранит вибратор, помогающий скрасить унылые одинокие вечера, но он, Беррингтон, не хотел об этом знать. Он приберегал ключ на крайний случай.

И вот этот случай настал.

Университет приказал Джинни прекратить исследования с помощью компьютерной поисковой программы, было официально объявлено, что эти работы свернуты. Но как он может убедиться, что так оно и есть? Никаких электронных посланий на эту тему зафиксировано не было, но это еще ни о чем не говорит. Джинни упряма, она вполне могла послушаться. Возможно, уже роется в какой-то другой базе данных. И никто не знает, что она может там откопать.

Он вернулся к себе в кабинет и сидел за письменным столом, постукивая пластиковой карточкой по компьютерной «мышке» и готовясь сделать то, что всегда противоречило его моральным принципам.

Чувство собственного достоинства – вот что всегда было для него главным. Он вырабатывал это чувство с детства, со школьной скамьи, когда был еще маленьким мальчиком. Он рос без отца, который мог подсказать, как расправляться с обидчиками, а мать была слишком занята, сводя концы с концами, чтобы думать о том, что происходит в его душе. С тех самых пор он начал вырабатывать в себе чувство превосходства над остальными, которое стало его защитным барьером. В Гарварде он выбирал себе товарищей самым тщательным образом, предпочитая сверстников из старых богатых семей, присматривался к деталям их туалета – от кожаных ремней до льняных носовых платков, от твидовых пиджаков до

кашемировых шарфов. Учился правильно разворачивать салфетку и отодвигать стул для дамы; удивлялся их небрежно-снисходительной манере в общении с профессорами, безупречной вежливости и высокомерной холодности по отношению к тем, кто ниже по социальному статусу. И ко времени защиты диплома сам стал ощущать свою принадлежность к высшей касте.

С этим одеянием – чувством собственного достоинства – было не так-то просто расстаться. Кое-кто из преподавателей мог запросто скинуть пиджак и присоединиться к студентам, играющим в футбол. Кто угодно, но только не он, Беррингтон. Студенты никогда не рассказывали ему анекдотов, никогда не приглашали на свои вечеринки и в то же время никогда не позволяли ни одного грубого слова в его адрес, не болтали на его лекциях и не спорили по поводу оценок.

С этим чувством он прожил всю свою жизнь, даже создание «Дженетико» никак на него не повлияло. И вот теперь надо проникнуть в чужую комнату, обыскать ее, да еще и придумать приемлемое оправдание этому, мягко говоря, некрасивому поступку.

Он взглянул на часы. Лаборатория уже, должно быть, закрыта. Большая часть коллег с кафедры разошлась, кто-то отправился домой на окраину города, кто-то – в ближайший бар. Самый подходящий момент, другого может и не быть. Ведь ученые – люди непредсказуемые, могут работать всю ночь напролет, если на них найдет. И если он будет застигнут за этим неприглядным занятием – его карьере конец.

Он вышел из кабинета, спустился этажом ниже и прошел по коридору до двери Джинни. Ни души. Огляделся, сунул карточку в щель – дверь распахнулась. Он шагнул внутрь, включил свет и запер за собой дверь.

Самый маленький из всех кабинетов в здании. Вообще-то прежде здесь была кладовая, но Софи Чэппл не без доли злорадства предложила устроить здесь кабинет для Джинни – на том сомнительном основании, что для хранения коробок с печатными материалами требуется большая комната. И кабинет Джинни являл собой узенькую комнатку с одним окошком. Тем не менее Джинни умудрилась обжить ее и даже навести уют: на подоконнике мохнатая пальма в горшке, два стула, покрашенные ярко-красной краской, на стене репродукция с гравюры Пикассо в желто-оранжевых тонах, изображающая бой быков.

Он взял со стола фотографию в рамочке. Это был черно-белый снимок симпатичного мужчины с бакенбардами и в широком галстуке; рядом с ним стояла молодая женщина с решительным выражением лица. Родители Джинни, догадался Беррингтон, а снято в начале семидесятых. Кроме

снимка, на столе больше ничего не было. Аккуратная девочка.

Он сел и включил компьютер. Пока тот загружался, пошарил в ящиках стола. В верхнем лежали шариковые авторучки и блокноты. В другом он обнаружил коробку с тампонами и нераспечатанную упаковку колготок. Беррингтон ненавидел колготки. Он с тоской вспоминал о временах своего детства, когда женщины носили пояса и прозрачные чулки со швами. Колготки – это, во-первых, нездорово, да и некрасиво, как эластичные шорты в обтяжку. Если президент Пруст сделает его министром здравоохранения, он первым делом издаст указ, обязывающий производителей снабжать упаковки с колготками предупредительной надписью о том, что они вредят здоровью. В третьем ящике лежали маленькое зеркальце и щетка, в которой застряло несколько длинных темных волосков. И наконец, в последнем находились карманный словарь и книжка в бумажной обложке под названием «Тысяча акров». Никаких секретов.

На экране высветилось меню. Он щелкнул «мышкой» и открыл папку «Календарь». Все ее занятия были вполне предсказуемы: лекции и семинары, лабораторные исследования, игра в теннис, записи встреч в баре и походов в кино. В субботу она посетила Ориол-Парк в Кэмден-Ярдз, смотрела теннисный матч; в воскресенье Тед Рэнсом с женой приглашали ее на обед; профилактический ремонт «мерседеса» был назначен на понедельник. И ни единого упоминания о том, что она должна сканировать файлы с медицинскими базами данных. Список повседневных дел был столь же краток и зауряден: «Купить витамины, позвонить Гите, не забыть о подарке к дню рождения Лизы, проверить модем».

Он щелкнул по ярлыку папки «Дневник» и начал просматривать файлы. Множество статистических данных. Объем некоторых файлов был меньше: корреспонденция, схемы вопросников, набросок статьи. Он набрал слова «база данных» и запустил поисковую систему. Слова несколько раз встречались в статье и в копиях писем, но ничто не указывало на то, что Джинни собиралась использовать изобретенную ею систему еще раз.

– Давай же, – пробормотал он. – Должно что-то быть, продолжай!

У Джинни были ящики с картотекой, но и здесь он не нашел ничего особенного, что неудивительно: ведь она работала в университете всего несколько недель. Через год-другой ящики будут набиты карточками с вопросниками и данными психологических исследований. Пока же Джинни держала в картотеке входящую корреспонденцию – она умещалась в одной папке, в другой были расписания занятий и списки студентов, в третьей – фотокопии различных статей.

В практически пустом маленьком секретере он обнаружил лежавший лицевой стороной вниз снимок в рамочке. На нем Джинни была сфотографирована с высоким бородатым мужчиной, оба на велосипедах, на берегу озера. Любовная история, которой пришел конец, сделал вывод Беррингтон.

Он все больше тревожился. Это была комната человека организованного, привыкшего все планировать заранее. Она тщательно нумеровала всю входящую корреспонденцию, хранила копии всех отправленных материалов и писем. Должен же где-то быть хоть какой-то намек на то, что она собирается делать дальше. Да и повода секретничать у нее не было: вплоть до сегодняшнего дня она понятия не имела, что ей надо чего-либо стыдиться или что-то скрывать. Она должна была планировать следующий этап применения своей поисковой системы. Единственным объяснением отсутствия каких-либо следов было то, что она, вероятно, обсуждала это по телефону или лично с каким-то близким другом. А выяснить это никак невозможно, даже если перевернуть всю ее комнату вверх дном.

В коридоре слышались шаги, Беррингтон насторожился. Раздался щелчок – это карточку-ключ вставили в щель. Беррингтон беспомощно смотрел на дверь. Ему ничего не оставалось делать, его застигли врасплох, сидящим за ее столом, с включенным компьютером. Он даже не мог притвориться, что зашел сюда случайно, по ошибке.

Дверь отворилась. Он ожидал увидеть Джинни, но на пороге стоял охранник.

Этот мужчина его знал.

– Здравствуйте, профессор, – сказал он. – Вот увидел в комнате свет и решил заглянуть, проверить. Доктор Феррами обычно держит дверь открытой, когда сидит здесь.

Больше всего Беррингтон боялся покраснеть.

– Все в порядке, – сказал он. *Только не извиняться и ничего не объяснять!* – Когда буду уходить, обязательно запру дверь, не беспокойтесь.

– Хорошо.

Охранник продолжал стоять, видимо, ожидая каких-то объяснений. Но Беррингтон молчал. В конце концов охранник выдавил:

– Что ж, доброй ночи, профессор.

– Доброй ночи.

Мужчина развернулся и вышел.

Беррингтон облегченно вздохнул. *Обошлось.*

Проверил, включен ли модем, затем щелкнул «мышкой» по значку «Америка онлайн» и получил доступ к ее электронной почте. Почтовая программа была настроена таким образом, что выдавала пароль автоматически. Писем было три. Он открыл их по очереди. В первом сообщалось о повышении платы за пользование Интернетом. Второе было отправлено из Миннесотского университета и гласило:

«Буду в Балтиморе в пятницу, хотелось бы встретиться с тобой, выпить и вспомнить старые добрые времена. С любовью, Уилл».

Возможно, Уилл – это тот высокий бородатый тип на велосипеде, подумал Беррингтон. И взялся за третье послание.

Его как будто окатили ледяной водой.

«Спешу тебя успокоить и сообщить, что сегодня начинаю сканировать файлы с отпечатками пальцев. Позвони. Гита».

Письмо было из ФБР.

– Вот сучка! – прошептал Беррингтон. – Нам конец!...

Беррингтон боялся говорить по телефону о Джинни и файлах ФБР с отпечатками пальцев. Ведь многие телефоны прослушиваются спецслужбами. Относительно недавно была разработана и запущена в действие специальная компьютерная программа, выискивающая определенные ключевые слова и фразы. Стоит кому-нибудь произнести, к примеру, «плутоний», «героин» или «убить президента», как система начинает записывать весь разговор и передает специальный сигнал сидящему на прослушке агенту. И Беррингтону вовсе не хотелось, чтобы какой-нибудь парень из ЦРУ задавался вопросом: с чего это вдруг сенатора Пруста так заинтересовали файлы ФБР с отпечатками пальцев?

А потому он сел в свой серебристый «линкольн» и со скоростью девяносто миль в час помчался по автотрассе Балтимор – Вашингтон. Он не часто превышал скорость. Но сейчас ему было плевать на какие бы то ни было правила. Нет, в глубине души это ему, конечно, претило. Он ненавидел всех нарушителей порядка – участников маршей мира, наркоторговцев и их клиентов, гомосексуалистов и феминисток, рок-музыкантов и прочих нонконформистов, умудрившихся испоганить американские традиции. И одновременно ему были глубоко противны те, кто указывал, где припарковать машину, какую зарплату платить служащим или сколько именно огнетушителей должно находиться в лаборатории.

Он ехал и размышлял о контактах Джима Пруста в спецслужбах. Может, это всего лишь жалкая кучка старых вояк, которые забавляют друг друга рассказами о том, как они в свое время шантажировали активистов антивоенного движения или организовывали убийства президентов Южной Африки? Или все они еще в деле? Помогают друг другу до сих пор, как члены мафии, возвращают старые долги с почти религиозным рвением или эти дни давно миновали? Ведь Джим уже давно ушел из ЦРУ. Но кто их там разберет?...

Час был уже поздний, но Джим дожидался Беррингтона в своем кабинете в Капитолии.

– Что, черт побери, такое случилось, что ты не можешь сказать по телефону? – спросил он.

– Она собирается запустить свою компьютерную программу по файлам ФБР с отпечатками пальцев.

Джим побледнел.

- И у нее получится?
- Ну, с данными дантистов получилось, так почему не выйдет с отпечатками пальцев?
- Господи Иисусе!... – пробормотал Джим.
- Как думаешь, сколько у них может храниться этих отпечатков?
- Насколько я помню, свыше двадцати миллионов наборов. Причем далеко не все принадлежат преступникам. Ведь не думаешь же ты, что в Америке столько преступников?
- Не знаю. Возможно, у них до сих пор хранятся отпечатки умерших. Сосредоточься, Джим, умоляю! Надо ее остановить!
- Кто у нее в ФБР?

Беррингтон протянул ему распечатку, сделанную с письма Джинни. Пока Джим читал, Беррингтон осмотрелся. Стены кабинета Джим украсил снимками своей собственной персоны со всеми американскими президентами после Кеннеди. Вот капитан Пруст отдает честь Линдону Джонсону; вот майор Пруст с прямыми светлыми волосами пожимает руку Дику Никсону; вот полковник Пруст неодобрительно поглядывает на Джимми Картера; вот генерал Пруст обменивается шутками с Рональдом Рейганом, и оба они хохочут. А на этом снимке Пруст в строгом деловом костюме – он помощник директора ЦРУ и поглощен беседой с нахмурившимся Джорджем Бушем. И наконец, сенатор Пруст, уже совсем лысый и в очках, грозит пальцем Биллу Клинтону. Были и другие фотографии: он танцует с Маргарет Тэтчер, играет в гольф с Бобом Доулом, катается на лошадях с Россом Перо. У Беррингтона тоже было несколько подобных снимков, но у Джима их целая галерея. На кого он старался произвести впечатление? Скорее всего, на самого себя. Лицеизрение собственной персоны в компании сильных мира сего, должно быть, внушало Джиму мысль о том, что и сам он важная персона.

– Сроду не слыхивал об агенте по имени Гита Сумра, – сказал Джим. – Так что, наверное, не велика шишка.

– А кого ты лично знаешь в нынешнем ФБР? – нетерпеливо спросил Беррингтон.

– Когда-нибудь встречался с супругами Крин, Дэвидом и Хилари?

Беррингтон отрицательно помотал головой.

– Он помощник директора, она бывшая алкоголичка. Обоим под пятьдесят. Десять лет тому назад, когда я еще возглавлял ЦРУ, Дэвид работал на меня. Он занимался дипломатическим корпусом, собирал данные на все посольства, их сотрудников, естественно, интересовался их шпионской деятельностью. Мне нравился этот парень. Но в один

прекрасный день Хилари напилась, села в «хонду» и насмерть задавила ребенка в Спрингфилде. Это была шестилетняя девочка, негритянка. А она не остановилась, проехала дальше, притормозила у какого-то универсама и позвонила Дэйву в Лэнгли. Он, конечно, сразу примчался туда на своей машине, забрал жену и отвез домой. А потом сообщил в полицию, что у них угнали «хонду».

– Но затем что-то пошло не так?

– Да. Отыскался свидетель, видевший, что за рулем «хонды» сидела белая женщина средних лет. И еще нашелся один настырный детектив, знавший, что женщины не так часто крадут машины. Возможно, именно тот свидетель опознал Хилари, на нее надавили, и она во всем созналась.

– Ну а дальше?

– Я лично пошел к прокурору округа. Тот твердо вознамерился засадить их обоих в тюрьму. Я поклялся, что дело это непростое, что тут замешаны вопросы национальной безопасности. И убедил его снять обвинение. Хилари начала посещать Общество анонимных алкоголиков, вылечилась и с тех пор не пьет.

– А Дэйв перешел в ФБР и сделал там неплохую карьеру.

– Да, и он обязан мне по гроб жизни.

– Он может остановить эту даму по имени Гита?

– Он один из девяти помощников директора, подчиняется ему напрямую. Подразделением отпечатков пальцев он не занимается, но считается в Бюро весьма влиятельным человеком.

– Так сможет или нет?

– Да не знаю я! Спрошу, ладно? Если это можно сделать, он сделает. Исключительно для меня.

– Договорились, Джим. – Беррингтон поднялся. – Садись за этот долбаный телефон и звони своему приятелю.

Джинни включила в лаборатории свет, Стив прошел в помещение следом за ней.

– Генетический язык имеет четыре ключевые буквы, – сказала она. – А, Ц, Г и Т.

– И что же они означают?

– Аденин, цитозин, гуанин и тимин. Это химические соединения, привязанные к длинным центральным цепочкам молекулы ДНК. Они образуют слова и целые предложения, например: «Прикрепи к каждой ступне по пять пальцев».

– Но ведь в ДНК каждого человека записано, что надо прикрепить по пять пальцев к каждой ступне.

– Верно. Твоя ДНК очень схожа с моей и с ДНК всех остальных людей в мире. У нас также много общего с животными, поскольку они сделаны из тех же белков.

– Так в чем же тогда может быть разница между моей ДНК и ДНК Денниса?

– Между словами встречаются маленькие вставки, которые как бы ничего не означают, просто набор букв, бессмыслица. Они подобны пробелам между отдельными словами в предложении. Их принято называть олиго-нуклеотидами, но мы называем их просто «олиго». И вот в пространство между словами «пять» и «ступня» могут затесаться олиго, обозначаемые ТАТАГАГАЦЦЦЦ, причем повторяться это может несколько раз.

– И что же, у всех есть этот ТАТАГАГАЦЦЦЦ?

– Да, но число повторений различно. Допустим, у тебя между словами «пять» и «ступня» может быть тридцать один ТАТАГАГАЦЦЦЦ, а у меня этот пробел может быть заполнен целыми двумястами восемьдесятю семью олиго. Но это не имеет принципиального значения, поскольку эти олиго ничего не означают.

– Тогда как же сравнить мои олиго с олиго Денниса?

Она показала ему прямоугольную пластину размером с книжку средней величины.

– Мы покрываем эту пластину гелем, делаем внутри него щелевидные углубления и капаем в них образчики твоей ДНК и ДНК Денниса. А потом помещаем пластину вот сюда... – На столе стоял небольшой стеклянный

контейнер. – Пропускаем через гель электрический ток в течение двух часов. Под воздействием тока фрагменты ДНК просачиваются сквозь гель, образуя прямые линии. Но мелкие фрагменты движутся быстрее крупных. А потому твой фрагмент, состоящий из тридцати одного олиго, опередит мой из двухсот восьмидесяти семи.

– А как вы можете проследить за их движением?

– Мы используем химические вещества под названием «зонды». Они обладают способностью внедряться в определенные олиго. Допустим, у нас имеется олиго, притягивающий к себе ТАТАГАГАЦЦЦЦ. – Джинни показала ему кусочек ткани, напоминающий мочалку для мытья посуды. – Берем нейлоновую мембрану, пропитанную зондовым раствором, и накладываем ее на гель. Фрагменты, находящиеся в нем, сразу же начнут впитываться. Мало того, зонды испускают свечение, так что получается нечто вроде фотографии. – Она посмотрела на второй контейнер. – Вижу, Лиза уже наложила нейлоновую мембрану на пленку с гелем. – Она, щурясь, всмотрелась. – Думаю, рисунок уже успел образоваться. Теперь нам надо лишь зафиксировать пленку.

Джинни начала промывать пленку в каких-то химикатах – Стив все это время пытался разглядеть изображение на ней. Затем она прополоскала ее под краном с холодной водой. Вся история его жизни записана на этом кусочке пленки. Но он видел лишь невнятный, напоминающий ступеньки лестницы, рисунок на прозрачном пластике. Наконец Джинни стряхнула с пленки последние капли воды и поместила ее перед световым проектором.

Стив всмотрелся. Пленка сверху донизу была покрыта сероватыми прямыми полосами шириной примерно в четверть дюйма. Все это напоминало следы от протекторов. «Протекторы» были пронумерованы – в нижней части пленки располагались цифры от единицы до восемнадцати. Внутри серых полос виднелись аккуратные черные вкрапления, напоминавшие дефисы. Что все это означает, он не понимал.

– Черные метки показывают, насколько далеко успели продвинуться твои фрагменты, – объяснила Джинни.

– Но на каждой из полос по две такие отметины, – сказал Стив.

– Это потому, что у тебя два витка ДНК, один от отца, другой от матери.

– Ах да, конечно! Двойная спираль.

– Именно. И у твоих родителей различные олиго. – Она сверилась с какими-то записями, затем подняла на него глаза. – Уверен, что хочешь узнать все?...

– Конечно.

– Ладно. – Джинни снова внимательно посмотрела на пленку. – Полоса под номером три – это твоя кровь.

Внутри этой полосы располагались две черные отметины, примерно посередине, на расстоянии дюйма друг от друга.

– Полоса шесть – контрольная. Это, возможно, моя кровь или кровь Лизы. А потому отметины должны занимать совершенно другое положение.

– Так оно и есть.

Две отметины располагались совсем близко друг от друга и в самом низу пленки, рядом с цифрами.

– Полоса пять принадлежит Деннису Пинкеру. Теперь скажи, отметины там находятся в том же положении, что и у тебя? Или нет?

– В том же, – сказал Стив. – Полное совпадение.

Она подняла на него глаза.

– Стало быть, Стив, вы с ним близнецы.

Он все еще отказывался в это верить.

– А есть ли хоть какая-нибудь вероятность ошибки?

– Конечно, – кивнула Джинни. – Один шанс из ста, что у двоих не связанных родством индивидуумов может оказаться одинаковый фрагмент, присутствующий и в материнской, и в отцовской ДНК. Обычно мы подвергаем анализу четыре различных фрагмента с использованием различных олиго и различных зондов. Это уменьшает вероятность ошибки до одной на сто миллионов. Лиза сделает еще три анализа, на каждый уйдет примерно по полдня. Но я уже предвижу результат... А ты?

– Да, наверное, – вздохнул Стив. – Придется, видно, смириться и как-то жить с этим. Но, черт побери, откуда же я тогда взялся?

– Знаешь, у меня почему-то не выходит из головы одна твоя фраза, – задумчиво произнесла Джинни. – «У меня нет ни братьев, ни сестер». Но судя по тому, что ты рассказывал про своих родителей, они, мне кажется, хотели бы иметь полный дом детишек – трех, четырех, если не больше.

– Вы правы, – кивнул Стив. – Но у мамы не все благополучно со здоровьем. Ей было тридцать три, и они с отцом прожили в браке десять лет, когда на свет появился я. Она даже написала об этом книгу. Называется «Что делать, если ты не можешь забеременеть». Книга стала ее первым бестселлером. А на гонорар она купила летний домик в Виргинии.

– А Шарлотте Пинкер было тридцать девять, когда родился Деннис. Боюсь, у этой семьи были те же проблемы. Весь вопрос в том, может ли это иметь какое-то значение.

– Какое?

– Я и сама пока не знаю. Скажи-ка, а твоя мама проходила курс лечения?

– В книге об этом ни слова. Но могу спросить. Позвонить ей?

– А стоит ли?

– Ну, в любом случае, придется рассказать им об этой загадке.

Джинни указала на письменный стол.

– Можешь воспользоваться телефоном Лизы.

Он набрал номер. К телефону подошла мать.

– Привет, мам.

– Она была рада тебя видеть?

– Сначала не очень. Но сейчас она здесь, неподалеку.

– Стало быть, ты ей не совсем противен?

Стив покосился на Джинни.

– Нет, мам. Просто она считает, что я для нее слишком молод.

– Она слышит наш разговор?

– Да, и мне кажется, я ее смущаю. Вообще-то я звоню по делу, мам.

Мы сейчас у нее в лаборатории, и у нас тут вышла одна загадочная история. Дело в том, что моя ДНК в точности соответствует ДНК еще одного ее испытуемого, парня по имени Деннис Пинкер.

– Не может быть. Потому как в противном случае вы должны быть однойцевыми близнецами.

– Ну а если вы меня усыновили?...

– Никто тебя не усыновлял, Стив! И у тебя нет никакого близнеца. Потому как, видит Бог, я бы просто не справилась с двумя такими сорванцами!

– А перед тем, как я родился... ты, случайно, не проходила курс лечения от бесплодия?

– Проходила. Мой гинеколог рекомендовал одну клинику в Филадельфии, там лечились преимущественно жены офицеров. Называлась она «Эйвентайн». И я проходила курс лечения гормонами.

Стив пересказал слова матери Джинни, она записала их в блокнот.

Лорейн между тем продолжала:

– Лечение помогло, и появился на свет ты, плод наших общих усилий. Который торчит сейчас в Балтиморе и обхаживает красивую женщину на семь лет старше себя, вместо того, чтобы находиться в округе Колумбия и заботиться о своей старой седой матери.

Стив рассмеялся.

– Спасибо, мам.

– Послушай, Стив...

– Да, мам?

– Не задерживайся. Не забывай, на утро у тебя назначена встреча с адвокатом. Прежде чем тревожиться о своей ДНК, надо выпутаться из этой мерзкой истории.

– Не волнуйся, постараюсь приехать пораньше. Пока, мам! – И он повесил трубку.

Джинни сказала:

– Сейчас же позвоню Шарлотте Пинкер. Надеюсь, она еще не спит.

Она посмотрела номер телефона в журнале у Лизы и взяла трубку.

– Добрый вечер, миссис Пинкер. Это Джинни Феррами из университета Джонс-Фоллз... Спасибо, прекрасно, а как вы?... Надеюсь, вы не возражаете, если я задам еще один вопрос?... О, вы очень добры, огромное вам спасибо. Да... Скажите, перед тем как забеременеть Деннисом, вы проходили какой-либо курс лечения, ну, скажем, от бесплодия?... – Долгое молчание, и вдруг Джинни просияла. – В Филадельфии?... Да, я о ней слышала. Лечение гормонами? Да, это очень интересно. Спасибо вам огромное, вы мне очень помогли! – Джинни повесила трубку. – Есть! – воскликнула она. – Шарлотта лечилась в той же клинике.

– Просто фантастика! – пробормотал Стив. – И что же все это означает?

– Понятия не имею, – сказала Джинни. Снова сняла телефонную трубку и набрала 411. – Пожалуйста, справочную Филадельфии... Спасибо. – Она набрала новый номер. – Клинику «Эйвентайн», будьте добры. – Долгая пауза. Джинни взглянула на Стива. – Может, она давным-давно закрылась...

Он смотрел на нее, точно замороженный. Лицо у Джинни покраснело от возбуждения, глаза горели. Выглядела она просто потрясающе. Он был готов на все, лишь бы помочь ей.

Внезапно Джинни схватила карандаш и торопливо записала номер.

– Спасибо! – крикнула она в трубку. И обернулась к Стиву: – Клиника до сих пор существует!

Стив оживился. Тайна его генов может быть раскрыта!

– Записи, – сказал он. – В клинике наверняка велись записи. Ключ там.

– Я должна туда съездить, – сказала Джинни, озабоченно нахмурившись. – У меня есть разрешение, подписанное Шарлоттой Пинкер, мы просим его у каждого, кому задаем вопросы. Имея на руках это разрешение, можно на законных основаниях просматривать любые медицинские данные, относящиеся к данной персоне. Твоя мама может

сегодня же подписать мне такое разрешение и выслать его по факсу сюда, в университет?

– Конечно.

Джинни снова взялась за телефон. Быстро нажимая кнопки, набрала номер.

– Добрый вечер, это клиника «Эйвентайн»?... Не могли бы вы позвать дежурного ночной смены?... Благодарю вас.

В ожидании ответа Джинни нетерпеливо постукивала карандашом по блокноту. Стив откровенно любовался ею. Он готов был просидеть с ней в лаборатории хоть всю ночь.

– Добрый вечер, мистер Рингвуд. Вас беспокоит доктор Феррами с факультета психологии университета Джонс-Фоллз. Двое из моих испытуемых были пациентками вашей клиники двадцать три года тому назад. И мне бы очень хотелось взглянуть на их карты. Разрешения от пациенток я готова выслать вам факсом заранее... Да, это очень поможет в наших исследованиях. Что, если я приеду завтра?... Ну, скажем, к двум часам дня?... О, вы очень любезны... Да, непременно. Спасибо. До свидания.

– Клиника по искусственному оплодотворению, – задумчиво протянул Стив. – Послушайте, а ведь в той газете, что я принес, вроде бы говорится, что «Дженетико» владеет целой сетью таких клиник...

Джинни уставилась на него с разинутым от изумления ртом.

– О Господи, – тихо пробормотала она. – Ну да, конечно!...

– Интересно, есть ли здесь какая-то связь?

– Готова спорить, что есть, – кивнула Джинни.

– Но если так, тогда...

– Тогда получается, что Беррингтон Джонс может знать о тебе и Деннисе гораздо больше, чем все мы, вместе взятые!

Ну и денек выдался, черт бы его побрал! Слава Богу, что закончилось все более или менее благополучно. Так думал Беррингтон, выходя из душа.

Он взглянул на себя в зеркало. Что ж, для пятидесятидевятилетнего мужчины он находится просто в прекрасной форме: поджарый, спина прямая, слегка загорелая кожа, почти плоский живот. И волосы на лобке темные – правда, лишь потому, что он подкрашивал их, желая скрыть предательскую седину. Он мог раздеться перед женщиной, не выключая света, ему нечего было стыдиться.

День начался с уверенности в том, что ему удалось сломить Джинни Феррами. Но не тут-то было. Она оказалась крепким орешком, как, впрочем, он и предполагал. Недооценивать ее нельзя.

На обратном пути он заехал к Престону Барку и рассказал о самых последних событиях. И Престон, как всегда, начал нервничать и высказывать самые пессимистические предположения относительно дальнейшего развития событий. И Беррингтон теперь ехал домой в мрачном настроении. Но едва он переступил порог, как зазвонил телефон. Это был Пруст. Он дал понять, что говорил с Дэвидом Крином и тот обещал помочь. Причем собирался взяться за дело безотлагательно.

Беррингтон энергично растерся полотенцем, затем надел голубую хлопковую пижаму, а поверх нее – махровый халат в сине-белую полоску. У Марианны был сегодня выходной, но она оставила в холодильнике ужин: цыпленок по-провансальски. Так, во всяком случае, сообщалось в ее записке, написанной аккуратным детским почерком. Беррингтон сунул кастрюлю в духовку и налил себе стаканчик виски. Едва он успел отпить глоток, как снова зазвонил телефон.

Это была его бывшая жена Вивви.

– Если верить «Уолл-стрит джорнал», ты у нас скоро разбогатеешь, – сказала она.

Он живо представил ее себе: высокая подтянутая блондинка под шестьдесят, сидящая на террасе своего дома в Калифорнии, глядя, как солнце садится в океан.

– Никак собралась ко мне вернуться?

– Я думала об этом, Берри. Думала серьезно целых десять секунд. А потом поняла, что даже ста восьмидесяти миллионов долларов для этого недостаточно.

Он расхохотался.

– Нет, правда, Берри, я за тебя рада.

Он знал, что говорит она вполне искренне. У нее самой было много денег. Уйдя от него, она занялась недвижимостью в Санта-Барбаре, и бизнес шел более чем успешно.

– Спасибо.

– Но что ты будешь делать с такой кучей денег? Оставишь нашему мальчику?

Их сын учился на аудитора.

– Ему это не нужно. Он и без того скоро сколотит себе состояние. Нет, часть денег придется дать Джиму Прусту. Он собирается баллотироваться в президенты.

– А что ты получишь взамен? Хочешь стать послом США в Париже?

– Нет. Рассчитываю на должность министра здравоохранения.

– Эй, Берри, ты никак серьезно! Но наверное, по телефону об этом лучше не говорить.

– Ты права.

– Извини, мне пора. Звонят в дверь, мой кавалер явился. До свиданья, милое создание! – Это была их старая семейная шутка.

– До скорой встречи, огуречик! – ответил он в том же тоне и повесил трубку.

И вдруг он понял: его огорчает тот факт, что Вивви отправилась сегодня с кем-то на свидание, пока он сидит в одиночестве дома и пьет виски. Он понятия не имел, кто бы это мог быть. После смерти отца, уход Вивви был самым болезненным событием в его жизни. Нет, он не винил жену за это. Ушла она только потому, что он без конца изменял ей. Но Беррингтон любил ее и даже сейчас, спустя тринадцать лет после развода, не переставал скучать по ней. И тот факт, что он сам был виноват в том, что их брак распался, лишь усиливал его тоску. Разговор по телефону живо напомнил ему о том, как весело они с Вивви проводили время.

Он включил телевизор и, пока разогревался ужин, смотрел выпуск новостей. Кухню наполнили ароматы трав, которые добавила в блюдо Марианна. Повариха она, надо признать, отменная. Возможно, потому, что Мартина была французской колонией.

Он открыл духовку, но тут снова зазвонил телефон. На сей раз это был Престон Барк. Голос у него дрожал.

– Только что говорил с Диком Мински из Филадельфии, – задыхаясь, пролепетал он. – Джинни Феррами завтра едет в клинику «Эйвентайн».

Беррингтон тяжело опустился на стул.

– Матерь Божья, – пробормотал он. – Что ей там понадобилось?

– Понятия не имею. Самого Дика там сегодня не было, с ней говорил дежурный ночной смены. Но она рассказала о каких-то своих испытуемых, которые проходили там курс лечения, и спросила, можно ли взглянуть на медицинские записи. Обещала выслать разрешения от этих людей по факсу и сказала, что будет там в два часа дня. Нам еще повезло, что Дик по чистой случайности позвонил сегодня вечером в клинику и ему сообщили об этом.

Дик Мински работал в «Дженетико» со дня ее основания, с начала семидесятых. Тогда он был всего лишь рассыльным, сегодня же занимал пост главного управляющего клиникой. Правда, он никогда не входил в круг избранных – лишь Джим, Престон и Беррингтон удостоились этой чести, – но тем не менее знал, что в истории компании имелись свои тайны. И потому автоматически отреагировал на это сообщение.

– И что же советует Дик?

– Ну разумеется, постараться отменить это посещение. А если она все-таки там появится, просто не пускать ее, вот и все. Сказать, что никто не даст ей ознакомиться с этими материалами.

Беррингтон покачал головой:

– Этого недостаточно.

– Почему?

– Да потому, что это лишь подогреет ее интерес. И она попытается найти другой доступ к файлам клиники.

– Какой, например?

Беррингтон вздохнул. Нет, у старины Престона напрочь отсутствует воображение.

– Будь я на ее месте, то первым делом позвонил бы в «Ландсманн», подозвал бы к телефону секретаря Майкла Мейдигана и посоветовал бы ему поинтересоваться документами клиники «Эйвентайн» за последние двадцать три года. А уж потом решать, стоит ли заключать сделку с «Дженетико». И он сразу же станет задавать вопросы, верно?

– Ну и что же ты предлагаешь? – нервно спросил Пруст.

– Думаю, нам следует уничтожить всю картотеку, которая велась с начала семидесятых.

Пауза.

– Но, Берри, все эти записи – они просто уникальны! С чисто научной точки зрения они бесценны и...

– Думаешь, я этого не понимаю? – рявкнул в ответ Беррингтон.

– Должен быть какой-то другой выход.

Беррингтон тяжело вздохнул. Новость встревожила его не меньше, чем Престона. Ведь у него была заветная мечта. Однажды, возможно, через много-много лет, кто-нибудь напишет об их смелом эксперименте, об их уникальных научных достижениях, и мир поймет, что они были настоящими гениями. У него просто сердце разрывалось при мысли о том, что свидетельства их гениальности, блестящего ума и многолетнего труда могут быть уничтожены. Но теперь это, похоже, неизбежно.

– Пока записи существуют, они представляют для нас угрозу. Их следует уничтожить, и чем скорее, тем лучше. Прямо сейчас, немедленно!

– А что я скажу нашим сотрудникам?

– Черт!... Ну, я не знаю, Престон. Придумай что-нибудь. Сообрази, ради Бога! Скажи, что это новая стратегия в отношении корпоративной документации. Чтобы они немедленно, прямо с утра, занялись уничтожением всех этих материалов. И мне плевать, как ты им это объяснишь.

– Наверное, ты прав. Ладно. Прямо сейчас свяжусь с Диком. Будешь говорить об этом с Джимом?

– Конечно.

– Тогда пока.

Беррингтон торопливо набрал домашний номер Пруста. Трубку сняла его жена, тощая, вечно всем недовольная дама. Затем подошел Джим.

– Ну что там еще, Берри? Я уже в постели.

Похоже, трое приятелей начинали действовать друг другу на нервы.

Беррингтон рассказал о звонке Престона и о решении, которое было ими принято.

– Хороший ход, – сказал Джим. – Но только, боюсь, этого недостаточно. Ведь эта Феррами может выйти на нас и другим путем.

Беррингтон почувствовал раздражение. Джиму всегда мало, всегда что-нибудь не так. Что бы ты ему ни предлагал, он вечно требовал более жестких и кардинальных действий, более экстремальных мер. Но затем он подавил приступ раздражения. На сей раз в словах Джима была доля истины. Джинни напоминает гончую, неотступно преследующую добычу, такие никогда не сворачивают с пути. Одной меры явно недостаточно, чтобы заставить ее сдаться.

– Согласен, – сказал он Джиму. – К тому же, Стивена Логана выпустили из тюрьмы, я узнал об этом только что. Так что можно считать, она теперь не одна. И с ней придется повозиться.

– Ее следует хорошенько припугнуть.

– Но, Джим, ради Бога...

– Знаю, это вызывает у тебя отвращение, Берри, но сделать это просто необходимо.

– Даже думать не смей!...

– Послушай...

– У меня есть идея получше. Если ты, конечно, готов выслушать меня, Джим.

– Слушаю. Выкладывай.

– Я собираюсь ее уволить.

Джим призадумался.

– Ну, не знаю. Не уверен, поможет ли это.

– Еще как поможет! Она считает, что столкнулась с какой-то биологической аномалией. На таких делах молодой ученый может сделать себе неплохую карьеру. Она понятия не имеет, что стоит за всем этим. Думает, что университет просто испугался публичного скандала. И если она потеряет работу, у нее не останется средств и возможностей продолжить исследования, и она отстанет от нас. Кроме того, ей вообще будет не до этого, так как придется заняться поисками другой работы. Просто я знаю, что сейчас она крайне нуждается в деньгах.

– Может, ты и прав.

Беррингтон заподозрил неладное. Слишком уж охотно согласился с ним Джим.

– А сам ты никаких шагов предпринимать не собираешься? – спросил он Джима.

Тот ушел от ответа.

– А ты сможешь это сделать? Уволить ее?

– Конечно.

– Но ведь не далее как во вторник ты сам говорил, что университет – это не армия.

– Верно. Нельзя орать на людей и требовать, чтоб они немедленно выполнили все твои приказы. Но я проработал в мире науки последние сорок лет своей жизни. И хорошо изучил этот механизм. Когда возникает необходимость, избавиться от помощника профессора ничего не стоит.

– Ну, хорошо.

Беррингтон нахмурился.

– Так мы с тобой поняли друг друга, да, Джим?

– Само собой.

– Ладно. Спокойной тебе ночи.

– Спокойной ночи.

Беррингтон повесил трубку. Ужин давно остыл. Он вывалил

содержимое кастрюли в мусорное ведро и отправился спать.

Но заснуть никак не удавалось. Он лежал и думал о Джинни Феррами. Часа в два ночи не выдержал, принял таблетку снотворного. И только тогда, наконец, уснул.

Ночь в Филадельфии выдалась невыносимо жаркая и душная. Все окна и двери многоквартирного дома были распахнуты настежь: ни в одной из комнат не было кондиционера. Звуки улицы проникали в квартиру под номером 5А на самом верхнем этаже: гудки автомобилей, смех, музыка. Внезапно, перекрывая весь этот шум, зазвонил телефон, стоявший на дешевом письменном столе – сплошь в темных пятнах от окурков сигарет.

Он поднял трубку.

Грубым голосом пролаял мужчина:

– Это Джим.

– Привет, дядя Джим, как дела?

– Вот, беспокоюсь о тебе.

– С чего это вдруг?

– Знаю, что произошло в воскресенье вечером.

Он колебался, не зная, стоит ли отвечать на это что-нибудь или нет. Затем все же сказал:

– Так ведь кого-то уже арестовали.

– Но его подруга уверена, что он невиновен.

– И что с того?

– Да просто завтра она приезжает в Филадельфию.

– Зачем это?

– Толком еще не знаю. Но думаю, она опасна.

– Черт!...

– Может, предпримешь в ее отношении какие-то шаги?

– Например?

– Ну, это тебе решать.

– А как я ее найду?

– Знаешь клинику «Эйвентайн»? Вроде бы совсем недалеко от твоего дома.

– Ну, ясное дело, знаю. Это на Честнат. Каждый день мимо нее прохожу.

– Так вот, она будет там в два часа дня.

– А как я ее узнаю?

– Высокая, темные волосы, одна ноздря проколота. Лет под тридцать.

– Да таких баб пруд пруди!

– Возможно, будет за рулем старого красного «мерседеса».

- Уже кое-что.
 - И вот еще что. Того парня выпустили под залог.
- Он нахмурился:
- И что с того?
 - Да то, что если с ней произойдет какая-нибудь неприятность после встречи с тобой...
 - Понял. Они подумают, что это он.
 - Ты всегда отличался сообразительностью, мой мальчик.
- Он засмеялся.
- А вы всегда отличались преступным складом ума, дорогой дядюшка.
 - И вот еще что...
 - Что?
 - Она красотка. Так что заодно получишь удовольствие.
 - Спасибо, дядя Джим, понял. Спокойной ночи.

Четверг

В эту ночь Джинни снова приснился «форд-сандербёрд».

Первая часть сна адекватно отражала реальность. Самой ей тогда было девять, а сестре – шесть, и отец еще жил с ними. Денег у него было полно (в ту пору Джинни еще не знала, что он промышляет грабежами). И вот он купил и пригнал домой новенький «форд-сандербёрд» – изумительной красоты автомобиль цвета морской волны с обивкой и сиденьями в тон. Более прекрасной машины девятилетняя девочка еще никогда в жизни не видела. И все они отправились на прогулку, причем Джинни и Пэтти разрешили забраться на переднее сиденье, между родителями. А въехав на территорию Мемориального парка Джорджа Вашингтона, отец посадил Джинни на колени и разрешил ей держать руль.

В реальной жизни она свернула на соседнюю полосу и страшно испугалась, когда пытавшаяся объехать их машина громко засигналила. Отец резко вывернул руль и вернул машину в крайний правый ряд. Но во сне отца рядом не было, и она вела машину сама, без всякой помощи. А мама и Пэтти сидели рядом как ни в чем не бывало, хотя прекрасно знали, что она мала ростом и просто не видит, что происходит впереди, за ветровым стеклом. И она впивалась в руль все крепче и крепче, ожидая, что вот-вот машина врежется в какое-то препятствие, и только жала на клаксон.

Она проснулась и увидела, что пальцы ее впились в подушку. Кто-то отчаянно звонил в дверь. Было всего шесть утра. Секунду-другую она лежала неподвижно, испытывая облегчение при мысли, что это был всего лишь сон. Затем вскочила и сняла трубку домофона.

– Кто там?

– Это Гита. Просыпайся ипусти меня наконец!

Гита жила в Балтиморе, а работала в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне. Должно быть, заскочила по дороге на работу, подумала Джинни. Нажала на кнопку и отворила входную дверь.

Потом натянула футболку. Она была велика ей на несколько размеров и доходила до колен, но для Гиты такой домашний наряд вполне сойдет. Гита взбежала по ступенькам. Она являла собой образец преуспевающей женщины-чиновницы – строгий темно-синий льняной костюм, черные волосы собраны в пучок, маленькие золотые серьги, большие очки, под мышкой «Нью-Йорк таймс».

– Что, черт побери, происходит? – без всяких преамбул спросила Гита.

– Не знаю. Я только что проснулась, – ответила Джинни. Должно быть, новости плохие – ясно с первого взгляда.

– Вчера поздно вечером мне позвонил домой мой начальник и приказал прекратить с тобой всякие отношения.

– О нет! – ахнула Джинни. Ей так нужны были файлы ФБР, чтобы доказать, что ее система работает, несмотря ни на что, даже на эту загадочную историю со Стивом и Деннисом. – А он объяснил почему?

– Говорил, будто бы твои методы противоречат всем законам о невмешательстве в частную жизнь.

– Немного странно, что ФБР обеспокоено этим, тебе не кажется?

– Похоже, что и в «Нью-Йорк таймс» придерживаются той же точки зрения. – Гита протянула Джинни газету. На первой полосе красовался заголовок:

ЭТИКА ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОМНЕНИЯ, СТРАХИ И СПОРЫ

Ниже шел текст:

Джинни Феррами весьма решительная молодая женщина. Вопреки пожеланиям и предупреждениям своих коллег и даже президента университета Джонс-Фоллз (Балтимор, шт. Мэриленд) она упрямо настаивает на продолжении исследований близнецов с использованием сканированных медицинских данных.

«У меня контракт, – заявляет она. – Они не смеют отдавать мне приказы». Сомнения в отношении этичности ее методов неведомы этой молодой особе.

Джинни почувствовала тошноту.

– Господи, это просто какой-то ужас!... – пробормотала она.

Далее автор статьи, переключившись на другую тему, рассказала об исследованиях человеческих эмбрионов. На восемнадцатой странице, где был помещен конец статьи, Джинни еще раз нашла свое имя.

Новая головная боль для администрации университета – случай с доктором Джин Феррами с психологического факультета Джонс-Фоллз. Вопреки уговорам своего непосредственного начальства, президента университета доктора Мориса Оубелла и

виднейшего специалиста в области психиатрии профессора Беррингтона Джонса (оба они пришли к выводу, что работа ее неэтична), она упорствует и отказывается прекращать свои исследования. И похоже, у них нет способа воздействовать на эту особу.

Джинни прочла статью до конца, но в ней ни слова не говорилось о том, что с чисто этической точки зрения к ее работе придраться невозможно. Речь шла лишь о ее упрямстве и категорическом отказе подчиниться требованиям начальства.

Как же это больно и мерзко, когда на тебя вот так нападают! Обида и ярость – вот что испытывала она в этот момент. Точно такие же чувства она испытала много лет назад, в супермаркете в Миннеаполисе, когда вор сбил ее с ног и выхватил кошелек из ее сумочки. И еще ей почему-то было стыдно, хоть она и знала, что почти все журналисты злобны и продажны по своей натуре. Словно она действительно совершила какой-то дурной поступок. И еще ей казалось, что ее раздели догола и выставили на обозрение перед всем честным народом.

– Пожалуй, теперь я не найду ни одного человека, который позволил бы мне сканировать базы данных, – с горечью заметила она. – Хочешь кофе? Надо взбодриться. Не всякий день начинается так скверно, как этот.

– Извини, Джинни, но и у меня тоже неприятности. Тем более, что здесь почему-то замешано Бюро.

Джинни включила кофемолку, и тут вдруг ее осенило.

– Послушай, плевать на эту статью, здесь все вранье. Но как получилось, что твой босс узнал об этом еще до выхода газеты? Ведь ты говоришь, он звонил тебе вчера вечером?

– Может, он уже знал, что выходит такая статья.

– Интересно, кто ж ему рассказал?

– Конкретно он не сказал, но намекнул, что ему звонили сверху. Из Капитолия.

Джинни нахмурилась:

– Тогда здесь явно пахнет политикой. Ну, сама посуди, к чему какому-то конгрессмену или сенатору влезать в мои проблемы да потом еще запрещать ФБР иметь со мной дело?

– Может, это просто дружеское предупреждение от человека, который знал о статье?

Джинни покачала головой:

– В статье о ФБР ни слова. Никто, кроме тебя, не знает, что я

пользуюсь файлами Бюро. Даже Беррингтону не говорила.

– Что ж, попытаюсь выяснить, кто звонил моему начальнику.

Джинни заглянула в холодильник.

– Ты завтракала? У меня есть булочки с корицей.

– Нет, спасибо.

– Да и мне тоже есть не хочется. – Она закрыла дверцу холодильника.

Что же делать? Что делать? – Послушай, Гита, я полагаю, ты не сможешь дальше сканировать для меня материалы без разрешения начальника?

У нее почти не было надежды – Гита ни за что не согласится. Но, к ее удивлению, та вдруг сказала:

– А ты разве не получила вчера от меня письмо по электронной почте?

– Я рано ушла. А что там говорилось?

– Что я как раз собираюсь заняться твоими материалами. Вчера.

– И ты занималась?

– Да. Поэтому и заскочила к тебе. Сидела над ними весь вчерашний вечер, а потом позвонил он.

Тут вдруг у Джинни вновь появилась надежда.

– И каковы же результаты?

– Отправила их тебе. По электронной почте.

– Но это же замечательно! – обрадовалась Джинни. – Ты сама-то их просмотрела? Много там близнецов?

– Достаточно. Двадцать или тридцать пар.

– Здорово! Это означает, что моя система работает!

– Боссу я ничего не говорила. Просто испугалась и солгала.

Джинни нахмурилась:

– Это ставит тебя в неловкое положение. Что, если он узнает потом, позже?...

– Вообще-то, Джинни, будет лучше, если ты уничтожишь этот список.

– Что?

– Если он когда-нибудь узнает, мне конец.

– Но как же я могу его уничтожить? Ни за что! Ведь он доказывает мою правоту.

Лицо у Гиты вытянулось, стало строгим.

– Ты должна!

– Но это просто черт знает что!... – пробормотала Джинни. – Как я могу уничтожить вещь, в которой мое спасение?

– Считай, что я уже и так сделала для тебя слишком много. – Гита погрозила ей пальцем. – И избавь меня от всего остального. Я выхожу из игры.

Джинни с некоторым злорадством заметила:

– Но ведь я не заставляла тебя лгать боссу.

Гита не на шутку рассердилась.

– Я боюсь! Понимаешь, боюсь!...

– погоди минутку, – сказала Джинни. – Давай обсудим все спокойно. –

Она разлила кофе по кружкам, протянула одну Гите. – Что, если, скажем, ты придешь сегодня на работу и сообщишь своему шефу, что произошло недоразумение? Что якобы ты отдала все распоряжения прекратить сканирование, но позже обнаружила, что оно уже проведено, а результаты отправлены по электронной почте?

Гита держала кружку в руках, но к кофе не прикасалась. И Джинни показалось, что подруга вот-вот расплачется.

– Ты знаешь, что это такое – работать в ФБР? И при этом быть одной из немногих женщин среди крутых мужиков? Они только и ждут предлога, чтобы заявить, что женщина с такой работой не справится.

– Но ведь не уволят же тебя.

– Не надо на меня давить.

Джинни и сама понимала – давить на Гиту бесполезно. Однако все же заметила:

– Да ладно тебе. Как-нибудь прорвемся.

Но Гита не смягчилась.

– Другого выхода нет. Я настоятельно прошу тебя уничтожить список.

– Не могу.

– Тогда мне не о чем больше с тобой говорить! – Гита встала и направилась к двери.

– Постой! – крикнула ей вслед Джинни. – Мы с тобой так давно дружим, может, не стоит...

Но Гита ушла.

– Черт! – пробормотала Джинни. Хлопнула входная дверь.

Неужели она потеряла одного из самых старых и верных друзей? Эта мысль не давала Джинни покоя.

Гита отказала ей. Джинни понимала почему: делать карьеру в таком заведении, как Бюро, молодой женщине очень непросто. Однако пока хуже всего приходится именно ей, Джинни. Ей, а не Гите объявили войну. И их дружба не выдержала этого испытания.

Интересно, подумала она, чего в этой ситуации ждать от остальных друзей?

Чувствуя себя совершенно несчастной, Джинни приняла душ и стала торопливо одеваться. А потом вдруг спохватилась. Она же собирается в

бой, так что и одеться надо соответственно. И она сняла узкие черные джинсы и красную майку. Вымыла волосы, высушила их феном. Потом стала тщательно наносить макияж: крем, пудра, черная тушь, помада. Она выбрала черный костюм и светло-серую блузку, прозрачные чулки и дорогие кожаные лодочки. Вынула из ноздри колечко, заменила его маленькой клипсой.

И долго разглядывала себя, стоя перед высоким зеркалом. Она выглядела сногшибательно. И от нее исходила угроза.

– Вот так, Джинни, – пробормотала она. – Убей их всех наповал! – И вышла из комнаты.

Всю дорогу к университету Джонс-Фоллз Джинни думала о Стиве. Она назвала его большим мальчиком, но на самом деле он был куда более взрослым и зрелым, чем большинство мужчин. Именно поэтому она плакала у него на груди. Он вызывал у нее доверие. Она заметила, что у него в тот момент была эрекция, хотя он постарался это скрыть и тут же отстранился от нее. Ей льстило, что, обнимая ее, он так возбудился, и, снова вспомнив эту сцену, она улыбнулась. Жаль, что он так молод. Будь Стив лет на десять – пятнадцать постарше...

Стив напомнил ей ее первую любовь, Бобби Спрингфилда. Ей было тринадцать, ему – пятнадцать. Она почти ничего не знала о любви и сексе, да и он был полной невеждой в этих вопросах, и они вместе делали свои первые открытия. Она покраснела, вспомнив, что они вытворяли на заднем сиденье его автомобиля субботними вечерами. В Бобби, как и в Стиве, ее больше всего возбуждало ощущение с трудом сдерживаемой страсти. Бобби так сильно хотел ее, так распалялся, трогая ее соски и поглаживая трусики, что она чувствовала свою полную власть над ним. Поначалу она злоупотребляла этой властью, нарочно позволяя ему заводиться, просто чтобы лишний раз убедиться в своем могуществе. Но вскоре, несмотря на свой юный возраст, поняла, что это дурацкая игра. И тем не менее, ей нравилось балансировать на грани, она испытывала холодящий душу восторг, точно играла со львом, сидящим на цепи. Примерно те же ощущения она испытала со Стивом.

Сейчас он единственное светлое пятно в ее жизни. Положение у нее – хуже некуда. Теперь она уже не может уйти из университета Джонс-Фоллз, так как вряд ли сумеет найти другую приличную работу после статьи в «Нью-Йорк таймс», где ее выставили скандалисткой, не считающейся со своим начальством. Будь она сама профессором, ни за что бы не наняла человека, от которого одни неприятности.

Уже поздно предпринимать какие бы то ни было меры предосторожности или постараться спустить все на тормозах. Единственный выход – упрямо продолжать свое дело, используя данные ФБР, и выдать настолько убедительные результаты, чтобы люди сразу поняли: ее методология себя оправдала, а к вопросу этики следует относиться более серьезно.

Было девять утра, когда она въехала на автостоянку. Джинни заперла

машину и направилась к входу в Дурдом. В животе противно ныло: сказывались голод и нервное напряжение.

Едва успела она зайти к себе в кабинет, как сразу поняла: здесь кто-то побывал.

И это была не уборщица. Ей хорошо известны признаки ее посещения: стулья, сдвинутые на пару дюймов, исчезнувшие пятна от кофейных кружек, корзина для бумаг, находящаяся с другой стороны стола. Здесь было другое. Кто-то сидел за ее компьютером. Клавиатура лежала немного по-другому: видимо, побывавший здесь человек передвинул ее так, чтобы ему было удобно. «Мышка» находилась посреди стола, хотя она всегда аккуратно придвигала ее к клавиатуре. Оглядевшись, она заметила, что один из ящиков картотеки выдвинут примерно на дюйм, а из другого торчит какая-то бумага.

Ее комнату обыскивали.

Хорошо хоть это был любитель, а не профессионал. На ЦРУ не похоже. И все равно она занервничала, и боль в желудке усилилась. Она села и включила компьютер. Кто же здесь побывал? Кто-то из факультетских преподавателей? Студент? Подкупленный охранник? Совершенно посторонний человек? Кто здесь был и почему?...

Под дверь кто-то подсунул конверт. В нем было разрешение, подписанное Лорейн Логан и высланное Стивом по факсу на адрес Дурдома. Она достала из папки разрешение от Шарлотты Пинкер и сунула обе бумаги в портфель. Надо отправить их в клинику «Эйвентайн».

Затем она села за стол и заглянула в свой почтовый ящик. Там было всего одно письмо, содержащее результаты сканирования файлов ФБР.

– Ура!... – прошептала она.

И переписала список имен и адресов на дискету. Результаты потрясающие – сканирование действительно помогло найти близнецов. Ей не терпелось поскорее проверить их и посмотреть, можно ли отыскать среди них пару, похожую на Стива с Деннисом.

Но ведь вроде бы Гита говорила, что перед этим отправила ей по электронной почте еще одно сообщение, в котором написала, что собирается начать сканирование. Где же оно? Может, его перекачал на дискету, а потом уничтожил незваный ночной гость? Тогда это объясняет загадочный поздний звонок начальника Гиты.

Она начала читать список имен, но тут зазвонил телефон. Это был президент университета – Морис Оубелл.

– Здравствуйте. Полагаю, нам не мешало бы обсудить последнюю статью в «Нью-Йорк таймс». Вы не против?

В животе у Джинни заныло. Ну вот, началось, подумала она.

– Да, конечно, – бросила она в трубку. – Какое время вас устроит?

– Хорошо, если б вы зашли ко мне прямо сейчас.

– Буду через пять минут.

Она скопировала материалы ФБР на дискету, затем отключилась от Интернета. Вынула дискету из компьютера, взяла авторучку. На мгновение задумалась, затем вывела на наклейке: СПИСОК ПОКУПОК. Не велика хитрость, но хоть какие-то меры предосторожности приняты. И она сразу почувствовала себя лучше.

Затем сунула дискету в коробку и вышла из комнаты.

День только начался, а уже было жарко. Шагая через лужайку к административному зданию, она спрашивала себя, чего ей ждать от этой встречи с Оубеллом. Ей всего-то и надо, что получить от него разрешение продолжить исследования. А потому надо твердо стоять на своем и дать понять, что ее не так-то легко запугать. Но в идеале следует как-то смягчить гнев университетского начальства и загладить конфликт.

«Хорошо, что я надела этот черный костюм, – думала Джинни, – хотя в нем сегодня и жарковато. Так я выгляжу старше и официальнее». Каблучки черных туфель бодро постукивали по булыжнику. И вот она вошла в Хиллсайд-Холл, откуда ее препроводили напрямик в роскошный кабинет президента университета.

Там уже сидел Беррингтон Джонс с экземпляром «Нью-Йорк таймс» на коленях. Она улыбнулась ему – иметь союзника под рукой всегда приятно. Он довольно холодно кивнул в ответ и сказал:

– Доброе утро, Джинни.

Морис Оубелл сидел в инвалидном кресле за письменным столом. И с присущей ему бесцеремонностью тут же заявил:

– Университет не потерпит этого, доктор Феррами.

Он даже не пригласил ее сесть. Видно, ее собираются отчитать, как какую-нибудь школьницу, подумала Джинни. И, не спросив разрешения, взяла стул, развернула его, уселась и положила ногу на ногу.

– Жаль, что вы поспешили заявить прессе, что закрываете мой проект, даже не удосужившись проверить, имеете ли на это юридическое право, – холодным тоном начала она. – Полностью согласна с вами, это ставит университет в совершенно дурацкое положение.

Оубелл вспыхнул:

– Не я тому виной!

«Начало положено, – подумала она. – Я дала понять, что не позволю так с собой обращаться, теперь самое время намекнуть, что мы по одну

сторону баррикады».

– Конечно, нет, – миролюбиво заметила Джинни. – Просто мы все слишком поторопились, и пресса не преминула этим воспользоваться.

Тут вмешался Беррингтон:

– Сделанного уже не поправить. Так что нечего тут извиняться.

– Я и не извиняюсь! – резко парировала она. Потом обернулась к Оубеллу и с улыбкой добавила: – И тем не менее уверена, нам надо прекратить эти пререкания и...

Тут снова встрял Беррингтон:

– Слишком поздно.

– Уверена, что нет, – сказала Джинни.

А про себя подумала: «Ну зачем это Беррингтону? Ведь именно он должен искать согласия, не в его интересах раздувать скандал». Однако она продолжала улыбаться президенту.

– Мы же разумные, рациональные существа. И обязательно должны найти компромисс, позволяющий мне продолжить исследования, а университету – сохранить достоинство.

Оубеллу явно понравилась эта идея. Он нахмурился и сказал:

– Но я не совсем понимаю, как именно...

– Все это лишь напрасная трата времени, – резко произнес Беррингтон.

Вот уже в третий раз вмешивается, явно не желая загасить конфликт. Почему?... Может, он действительно хочет, чтобы она прекратила исследования, рассорилась с университетским начальством и была дискредитирована? Похоже, что так. Может, это как раз Беррингтон прокрался в ее кабинет, обыскал его, уничтожил сообщение и предупредил ФБР? Может, именно он науськал на нее «Нью-Йорк таймс» и стоял за всем этим с самого начала?... Ее так потрясла эта мысль, что она на какое-то время лишилась дара речи.

– Мы уже решили, как следует представителям университета вести себя в этой ситуации, – сказал Беррингтон.

Только тут Джинни поняла, что неправильно оценила расстановку сил в этом кабинете. Главный здесь Беррингтон, а вовсе не Морис Оубелл. Беррингтон распоряжается миллионами компании «Дженетико» – деньгами, которые так нужны Оубеллу. И Беррингтон ничуть не боится Оубелла, скорее наоборот. Перед ней не президент университета, а просто марионетка в руках Беррингтона.

А тот уже отбросил всякие церемонии и резко заявил:

– Мы вызвали вас сюда не для того, чтобы слушать ваши разглагольствования.

– Тогда для чего же? – спросила Джинни.

– Чтобы вас уволить, – ответил он.

Джинни была потрясена. Она ожидала чего угодно – угроз, уговоров, но только не этого. Она просто не верила своим ушам.

– Что вы имеете в виду?... – Вопрос прозвучал глупо.

– Да то, что слышали, – ответил Беррингтон. – Мы вас увольняем. – И он разгладил бровь кончиком указательного пальца – хорошо знакомый Джинни жест, означавший, что он доволен собой.

«Этого просто не может быть, – подумала Джинни. – Меня не могут уволить. Я проработала всего несколько недель. Работала много и довольно успешно. Думала, что всем нравлюсь, за исключением разве что Софи Чэпл. Как такое могло случиться, просто уму непостижимо!...»

Она попыталась собраться с мыслями.

– Вы не можете меня уволить.

– Но только что это сделали.

– Нет! – Первый шок постепенно проходил, и оторопь сменилась гневом. – Вы тут не вожди первобытного племени. Увольнение – это процедура.

В университетах сотрудников кафедр не увольняли без специального предварительного слушания. Это было обговорено в ее контракте, правда, в детали она тогда особенно не вникала. И вот вдруг стала значимой каждая мелочь.

Морис Оубелл откашлялся.

– Слушания, разумеется, состоятся, на заседании университетского дисциплинарного комитета, – пояснил он. – Как правило, об увольнении уведомляют за четыре недели, но ваш случай можно считать исключительным. Я, как президент университета, не могу не учитывать поднятой в прессе шумихи и, чтобы пресечь ее в самом начале, данной мне властью решил ускорить процедуру. И назначаю слушания на завтрашнее утро.

Как же они торопятся, подумала Джинни. Дисциплинарный комитет? Ускорить процедуру? Завтра утром? Но это уже мало походило на обсуждение, скорее на арест. Она вопросительно взглянула на Оубелла – казалось, тот должен сейчас зачитать ей ее права.

Вместо этого он передал ей через стол папку.

– Здесь описаны процессуальные правила слушаний. Если ваши интересы будет представлять адвокат, председателя комитета следует уведомить об этом заблаговременно.

Джинни все же удалось взять себя в руки и задать один разумный

вопрос:

– Кто председатель?

– Джек Баджен, – ответил Оубелл. Беррингтон насторожился.

– Почему именно он?

– Председатель назначается на год, – объяснил Оубелл. – Джек приступил к этим обязанностям в начале семестра.

– Я этого не знал, – сказал Беррингтон. Похоже, эта персона его никак не устраивала, и Джинни знала почему. Джек Баджен был ее постоянным партнером по теннису. Уже кое-что: он наверняка будет с ней справедлив. Еще не все потеряно. У нее будет шанс защитить себя и свои исследовательские методы перед комитетом, состоящим из серьезных людей, ученых. Вот там-то и развернется настоящая дискуссия, совсем непохожая на пустопорожнюю болтовню в «Нью-Йорк таймс».

И еще у нее были результаты сканирования из ФБР, и она уже начала понимать, как станет защищаться. Она покажет комитету данные ФБР. Если повезет, там окажутся одна-две пары, не знающие, что они близнецы. Это произведет впечатление. И тогда она объяснит, какие меры предосторожности предпринимала, чтобы защитить частную жизнь этих людей и...

– Думаю, это все, – сказал Морис Оубелл.

Ее выставляли вон. Джинни поднялась.

– Жаль, что дошло до этого, – произнесла она.

– Вы сами до этого довели, – поспешно вставил Беррингтон.

Ведет себя как вздорный, избалованный ребенок, подумала она. Спорить с ним бессмысленно. Джинни бросила на него укоризненный взгляд и вышла из комнаты.

Она шла по кампусу и с горечью размышляла о том, что все ее надежды и планы рухнули в одночасье. Она хотела достичь соглашения с начальством, а вместо этого получился бой гладиаторов. Впрочем, Беррингтон и Оубелл приняли решение еще до того, как она зашла к ним в кабинет. И их встреча была простой формальностью.

Она вернулась в Дурдом. Подходя к своему кабинету, с раздражением заметила, что уборщица оставила черный пластиковый мешок для мусора прямо возле двери. Надо позвонить ей и как следует отругать. Но когда она попыталась открыть дверь, та не поддавалась. Она несколько раз вставляла перфорированную карточку в щель, но дверь так и не открылась. Она уже собралась было пойти к начальнику хозяйственной части, но тут в голову ей пришла ужасная мысль.

Джинни заглянула в мусорный мешок. Вопреки ожиданиям он не был

наполнен обрывками бумаг и пластиковыми стаканчиками для кофе. Сверху она увидела свою холщовую сумку. Там же лежали коробка с салфетками «Клинекс», взятая из ящика ее стола, роман Джейн Смайли под названием «Тысяча акров», две фотографии в рамочках и щетка для волос.

Они вышвырнули из кабинета все ее вещи и заперли дверь.

Джинни была в отчаянии. Это еще почище того, что произошло в кабинете Мориса Оубелла. Там были всего лишь слова. А теперь у нее просто-напросто украли целый кусок жизни.

– Это же мой кабинет, как они посмели вышвырнуть меня оттуда вместе с вещами? Твари поганые! – произнесла она вслух.

Должно быть, это сделала охрана, пока сама она находилась у Оубелла. И разумеется, без предупреждения, в противном случае она забрала бы оттуда все, что считала нужным. Оставалось лишь удивляться такой беспардонности.

«Точно мне ампутировали ногу или руку, – подумала она. – Отобрали у меня науку, всю мою работу». Она растерялась, не знала, что делать и куда бежать. Она занималась наукой целых одиннадцать лет: сначала была студенткой университета, затем аспиранткой, потом защищала докторскую и вот, наконец, стала ассистентом профессора. А теперь она никто.

И тут вдруг Джинни вспомнила о диске с файлами ФБР, и сердце у нее заныло. Она пошарила в пластиковом мешке, но никаких гибких дисков там не оказалось. Результаты ее труда – главное средство защиты на комиссии – остались в кабинете.

Она бешено заколотила кулаком в дверь. Проходивший мимо студент, посещавший ее лекции по статистике, удивленно взглянул на нее и спросил:

– Могу я чем-нибудь помочь, профессор?

Она вспомнила его имя.

– Привет, Бен. Можешь выбить эту чертову дверь?

Парень с сомнением оглядел дверь.

– Да нет, я просто пошутила, – сказала Джинни. – Все в порядке, спасибо.

Он пожал плечами и ушел.

Что толку стоять возле запертой двери?... Джинни взяла пластиковый мешок и направилась в лабораторию. Лиза сидела за столом и заносила данные в компьютер.

– Меня уволили, – с порога заявила Джинни.

Лиза изумленно уставилась на нее:

– Что?!

– Заперли дверь в мой кабинет, вышвырнули оттуда все мои вещи.

– Быть того не может!

Джинни достала из портфеля «Нью-Йорк таймс».

– Вот из-за этого.

Лиза прочла первые два абзаца, потом заметила:

– Но это же чушь собачья!

Джинни тяжело опустилась в кресло.

– Знаю. Иначе к чему Беррингтону притворяться, что он принимает все это так близко к сердцу?

– Почему ты решила, что он притворяется?

– Уверена в этом. Он слишком умен, чтобы его могла всерьез взволновать вся эта ерунда. Его настоящие интересы лежат в какой-то другой области. – Джинни нервно постукивала каблуком по полу. – Этот человек пойдет на все, не остановится ни перед чем... Есть у него в этом деле какой-то свой, тайный интерес. – Возможно, ей удастся найти разгадку в медицинских архивах клиники «Эйвентайн» в Филадельфии. Она взглянула на часы. Она должна быть там в два часа дня, так что скоро пора ехать.

Лиза до сих пор не могла поверить в случившееся.

– Но они не могут просто так взять и уволить тебя! – возмущенно воскликнула она.

– Завтра утром состоится заседание дисциплинарного комитета.

– О Господи, значит, это серьезно?

– Уж будь уверена.

– Я могу чем-нибудь помочь?

Лиза могла, но Джинни не осмеливалась просить ее об этом. Она окинула Лизу взглядом. На девушке была блузка с воротником-стойкой, поверх которой надет свитер – и это несмотря на жару. Неосознанно прикрывает тело, реакция на насилие, подумала Джинни. И смотрит мрачно, еще не отошла от шока.

Неужели и их дружба окажется столь же непрочной, как дружба с Гитой? Джинни страшно этого боялась. Если и Лиза откажет ей, с кем тогда она останется? Кроме того, сейчас не самое лучшее время подвергать подругу такому испытанию.

– Ты могла бы попытаться проникнуть ко мне в кабинет, – нерешительно начала она. – Информация из ФБР все еще там.

Лиза медлила с ответом.

– Они что, сменили у тебя замок?

– О нет, поступили гораздо проще: изменили электронный код,

потому-то моя карточка и не сработала. А через день я и в здание наверняка не смогу пройти.

– Просто невероятно! Все это произошло так неожиданно...

Джинни не хотелось уговаривать Лизу идти на такой риск. Она лихорадочно пыталась придумать какой-то выход.

– Может, я и сама смогу пробраться. Может, уборщица впустит, хотя я уверена, что сейчас ни одной карточкой эту дверь не открыть. Раз комната не используется, значит, и убирать ее ни к чему. Но охрана должна иметь туда доступ.

– Они не станут тебе помогать. Они знают, что тебя туда не пускают по распоряжению начальства.

– Это верно, – сказала Джинни. – А вот тебя впустить могут. Ты можешь сказать, что тебе нужно что-то забрать из моего кабинета.

Лиза колебалась.

– Страшно не хочется тебя просить, – заметила Джинни.

Внезапно выражение лица у Лизы изменилось.

– Да какого черта! – воскликнула она. – Конечно, попробую.

Джинни почувствовала, что вот-вот разрыдается.

– Спасибо тебе, – сказала она. – Ты настоящий друг. – Перегнулась через стол и крепко сжала руку Лизы в своей.

Видя волнение Джинни, Лиза смутилась.

– А где именно находится этот список из ФБР? – спросила она.

– Все записано на дискетке. Я пометила ее надписью «Список покупок». Она лежит в коробке, вместе с другими дискетами, у меня в столе.

– Ясно. – Лиза нахмурилась. – Нет, просто понять не могу, с чего это они на тебя так ополчились.

– Все началось со Стива Логана, – сказала Джинни. – Стоило Беррингтону его увидеть, как сразу начались неприятности. И думаю, я скоро пойму, с чем это связано. – Она поднялась.

– Что собираешься делать? – спросила Лиза.

– Еду в Филадельфию.

Беррингтон смотрел из окна своего кабинета. Сегодня утром на теннисный корт никто не вышел. В воображении он видел на нем Джинни. Впервые он увидел ее там в первый или второй день семестра. Она бегала по корту в коротенькой белой юбочке, открывавшей длинные загорелые ноги. Она сразу ему понравилась. Он нахмурился. Непонятно, почему именно ее спортивность произвела на него такое впечатление?... Обычно он не слишком жаловал женщин, занимавшихся спортом. Он никогда не смотрел передачу «Гладиаторы Америки» в отличие, например, от профессора Гормли, специалиста-египтолога, который даже записывал все эти шоу на видеомагнитофон и, если верить слухам, смотрел их по ночам. Но когда Джинни играла в теннис... она становилась такой грациозной. Это все равно что смотреть какой-нибудь фильм о дикой природе и видеть, как лев вдруг делает решающий прыжок: мышцы так и играют под гладкой кожей, волосы развеваются на ветру, а тело то движется, то замирает, то разворачивается и снова движется с удивительной, даже какой-то неестественной быстротой. Совершенно завораживающее зрелище, и он не мог оторвать от нее глаз. Теперь же эта женщина угрожает разрушить все, над чем он работал всю свою жизнь. И все же в глубине души он надеялся увидеть ее на корте хотя бы еще раз.

Его приводил в бешенство тот факт, что уволить Джинни, оказывается, не так-то просто. Хотя он финансирует университет и фактически платит ей зарплату. Все в Джонс-Фоллз *наняты* им, компания «Дженетико» дает деньги на все исследования. И тем не менее, колледж, видите ли, не имеет права просто уволить служащего, как увольняют, например, нерадивого официанта.

– Ладно, шут с ней, – произнес он вслух и вернулся к письменному столу.

Утренняя встреча прошла гладко, не считая новости о Джеке Баджене. Беррингтон заранее обработал Мориса, учел все возможные осложнения. Но вот предположить, что кресло председателя дисциплинарного комитета занимает Джек Баджен, постоянный партнер Джинни по теннису, он никак не мог. Не проверил заранее, посчитал, что сможет повлиять на выбор председателя, но теперь получается, что это невозможно.

А вероятность того, что Джек станет на сторону Джинни, очень и очень велика.

Что же делать, как лучше поступить? Беррингтон почти не общался с коллегами вне работы, предпочитая более интересную, как ему казалось, компанию политиков и влиятельных журналистов. Правда, с биографией Джека Баджена он был знаком. Тот в возрасте тридцати лет оставил профессиональный теннис и вернулся в колледж писать докторскую диссертацию. Он был уже не очень молод и не мог рассчитывать сделать выдающуюся карьеру в области химии, а потому занялся администрированием. Руководил университетскими библиотеками, улаживал конфликты между соперничающими подразделениями, и все это, следует признать, у него хорошо получалось.

Как же поступить? Джек человек искренний, даже прямолинейный, легко сходится с людьми. И разумеется, оскорбится, если он, Беррингтон, станет открыто давить на него или попытается подкупить. Но можно попробовать повлиять на него косвенно.

Сам Беррингтон однажды брал взятку. При одном только воспоминании об этом все внутри у него похолодело. Случилось это в самом начале карьеры, до того как он стал профессором. Одна студентка, выпускница, была поймана с поличным: заплатила какому-то студенту, чтобы тот написал за нее курсовую. Звали ее Джуди Гилмор, и она была весьма умна и хитра. Ее должны были исключить из университета, но глава факультета мог наложить на нее менее строгое взыскание. И вот Джуди пришла к Беррингтону «потолковать о проблеме». Она то клала ногу на ногу, то печально и просительно заглядывала ему в глаза и так сильно наклонялась при этом вперед, что в вырезе блузки ему становился виден кружевной бюстгальтер. Он снисходительно и с «пониманием» выслушал ее и обещал помочь. Она расплакалась и пылко благодарила его, затем вдруг схватила за руку и притянула к себе. Поцеловала прямо в губы, а потом рука ее скользнула вниз и начала расстегивать ширинку на его брюках.

Она не предлагала взятку. Она даже ни о чем его не просила, он сам вызвался ей помочь. И после того, как они трахнулись прямо на полу у него в кабинете, Джуди спокойно поднялась, оделась, приладила волосы и, поцеловав его в щеку, вышла. На следующий день ему удалось убедить главу факультета вынести ей строгое предупреждение. Этим Джуди и отделалась.

Он принял эту «взятку» лишь потому, что ему удалось убедить себя, что она вовсе не является таковой. Джуди просила его помочь, он согласился. Она попала под его обаяние, и они занялись любовью. Чем больше времени проходило, тем меньше одолевали его сомнения. Она

предложила секс, потому что это было у нее в крови. Ей просто нравилось трахаться, вот и все. Он ведь первый пообещал ей уладить дело и ни о чем не просил. Ему нравилось считать себя человеком принципиальным, он старался не думать о том, что совершил постыдный поступок.

В даче взятки всегда участвуют двое, и оба виноваты. Но все равно ему надо попробовать подкупить Джека Баджена, может, и получится. При этой мысли он скривился от отвращения. Но ничего не поделаешь, положение безвыходное.

Он сделает это тем же способом, что и Джуди: даст Джеку возможность проявить инициативу.

Беррингтон размышлял еще несколько минут, затем снял трубку и позвонил Джеку.

– Спасибо, что прислал мне копию предложений по пополнению фондов библиотеки кафедры биофизики, – начал он.

В трубке повисла недоуменная пауза.

– Ах, ну да. Это было довольно давно... рад, что ты нашел время прочесть.

Тогда Беррингтон едва удостоил этот документ взглядом.

– Считаю, что твое предложение открывает массу возможностей. Просто звоню сказать, что непременно поддерживаю его, когда этот вопрос будут разбирать на совете.

– Спасибо, старина. Очень ценю.

– Вообще-то я смог бы убедить «Дженетико» оказать тебе финансовую поддержку.

Джек радостно ухватился за это обещание.

– И тогда мы назовем эту библиотеку в честь «Дженетико».

– Недурная идея. Я с ними обязательно поговорю. – Беррингтону хотелось, чтобы Джек заговорил о Джинни первым. Как навести его на этот разговор, может, через теннис? – Как провел лето? – спросил он. – Ездил на Уимблдон?

– Нет, в этом году не получилось. Слишком много дел навалилось.

– Скверно... – Разочарованный, он сделал вид, что собирается повесить трубку. – Ладно, позже об этом потолкуем.

Но тут Джек оправдал его надежды.

– Скажи, Берри, а что ты думаешь обо всей этой газетной белиберде? О Джинни?...

Беррингтон постарался, чтобы голос его звучал равнодушно:

– Да ну, подняли бурю в стакане воды.

– Попытался ей дозвониться, но в кабинете никто не берет трубку.

– О «Дженетико» не беспокойся, – сказал Беррингтон, хотя Джек не упомянул о компании ни словом. – Они не принимают это близко к сердцу. К счастью, Морис Оубелл действовал быстро и решительно.

– Ты имеешь в виду дисциплинарные слушания?

– Полагаю, это будет просто формальность. Она подвела университет, отказалась остановить исследования, настучала в прессу. Не думаю, что она будет защищаться. Я уже переговорил с людьми из «Дженетико», сказал, что мы держим ситуацию под контролем. В данный момент ничто не угрожает взаимоотношениям университета со спонсорами.

– Это хорошо.

– Нет, конечно, если комитет вдруг по какой-то причине встанет на сторону Джинни, неприятности нам гарантированы. Но думаю, этого не произойдет. А ты как считаешь? – Беррингтон затаил дыхание.

– Ты ведь знаешь, что я председатель комитета?

Джек избегает прямого ответа на вопрос. Черт бы его побрал!

– Да, конечно, и лично я страшно рад, что руководить всей этой процедурой будет хотя бы один трезвомыслящий человек. – Затем он решил упомянуть профессора философии. – Если бы это кресло занимал Малкольм Барнет, бог знает что могло бы случиться.

Джек расхохотался.

– Не думай, наш совет еще не рехнулся. Они бы никогда не выбрали Малкольма даже председателем автостоянки. Он бы наверняка попытался использовать ее в качестве инструмента социальных преобразований.

– Полагаю, что возглавляемый тобой комитет поддержит президента?...

И снова Джек ответил весьма уклончиво:

– Ну, знаешь, не все его члены предсказуемы.

Вот ублюдок! Долго ты собираешься меня мучить?

– Но председатель комитета ведь имеет какое-то влияние. Во всяком случае, я так думаю. – И Беррингтон отер выступившие на лбу капли пота.

Пауза.

– Знаешь, Берри, с моей стороны было бы неэтично высказываться заранее...

Черт!...

– Но я думаю, что могу заверить «Дженетико»... им беспокоиться не о чем.

Ну наконец-то!

– Спасибо, Джек. Я ценю это.

– Только строго между нами... ну, ты понимаешь.

– Естественно.

– Тогда до завтра?

– До встречи, Джек. – Беррингтон повесил трубку.

Господь свидетель, это было нелегко.

Неужели Джек так и не понял, что его подкупили? Или прекрасно понял, но сделал вид, что ничего подобного не произошло?

Впрочем, какое это имеет теперь значение? Главное, чтобы он направил комитет в нужное русло.

И все же это еще не конец. Решение комитета должно быть ратифицировано сенатом в полном составе. И в какой-то момент Джинни вполне может нанять себе проныру-адвоката и начнет выкачивать из университета различные компенсации. Дело может затянуться на несколько лет. Зато ее исследования будут остановлены раз и навсегда, а это самое главное.

Впрочем, еще не известно, каким будет решение комитета. Если завтра все пойдет не так, как он рассчитывает, к полудню Джинни вернется к себе в кабинет и продолжит охоту за секретами «Дженетико». Беррингтона даже передернуло: упаси Господь! Придвинул к себе блокнот и записал имена и фамилии членов комитета.

Джек Баджен – библиотеки.

Тенниэл Бидденхем – история искусств.

Милтон Пауэрс – математика.

Марк Трейдер – антропология.

Джейн Эдельсборо – физика.

Бидденхем, Пауэрс и Трейдера убедить будет проще: это профессора, вся жизнь и карьера которых неразрывно связаны с университетом Джонс-Фоллз, его престижем и процветанием. На них можно положиться, они непременно поддержат решение президента университета. А вот эта женщина, Джейн Эдельсборо – темная лошадка.

А потому он должен безотлагательно ею заняться.

Джинни мчалась по шоссе номер 95, ведущему в Филадельфию, и вдруг поймала себя на том, что снова думает о Стиве Логане.

Вчера вечером они поцеловались на прощание на стоянке кампуса Джонс-Фоллз, и теперь она жалела, что поцелуй получился таким коротким. Губы у Стива были упругие и сухие, кожа теплая. Она была не прочь повторить.

Почему она так болезненно воспринимает его молодость? Чем так уж хороши мужчины более старшего возраста? Уиллу Темплу было тридцать девять, когда он бросил ее ради какой-то пустоголовой девчонки. Так что зрелых мужчин с нее вполне достаточно.

Она включила радио и стала искать станцию, передающую какую-нибудь хорошую музыку. И поймала песню группы «Нирвана» «Сome as you are»^[12]. Нет, все же встречаться с мужчинами своего возраста или моложе не стоит. Ее пугала даже мысль об этом. То ли дело мужчины постарше, они, по крайней мере, знают, чего хотят.

«Неужели это я? – подумала вдруг она. – Джинни Феррами, женщина, которая всегда поступала по-своему, женщина, которой было плевать, что подумает о ней весь остальной мир? Неужели мне просто не хватает уверенности в себе? Да перестань, глупости все это».

Хотя все не так просто и однозначно. Наверное, она такая из-за отца. Имея такого отца, кому захочется общаться с другим безответственным мужчиной? С другой стороны, ее отец был живым доказательством того, что и пожилые мужчины могут быть столь же легкомысленны, как и молодые.

Отец, наверное, ночует в каком-нибудь дешевом мотеле, думала она. А когда пропьет и проиграет все деньги, вырученные за продажу ее телевизора и компьютера, – много времени для этого не потребуется, – придет на поклон ко второй дочери, Пэтти. «Мерзость, – подумала Джинни, – ненавижу его за это. Родной отец – и обокрал свою дочь!» Тем достойнее выглядел на его фоне Стив Логан. Просто прекрасный принц, да и только. «Какого, собственно, черта?! – решила Джинни. – Вот встретимся в следующий раз, и я снова его поцелую. И на этот раз уже как следует».

«Мерседес» пробирался через оживленный центр Филадельфии, и волнение ее усиливалось. Впереди ее ожидает настоящий прорыв. В клинике она наверняка найдет разгадку таинственной истории Стива и

Денниса.

Клиника «Эйвентайн» располагалась в университетском городке, к западу от реки Скулкилл, тесно застроенном зданиями колледжей и студенческих общежитий. Сама клиника была невысоким, утопающим в зелени строением в стиле пятидесятых. Джинни припарковалась у входа и поднялась по ступенькам.

В приемной ждали четверо: молодая пара – причем женщина выглядела подавленной, а мужчина явно нервничал – и еще две женщины примерно одного возраста с Джинни. Они сидели на низких диванчиках и листали журналы. Улыбчивая секретарша пригласила Джинни присесть. Девушка села, взяла со стола глянцевого рекламный буклет «Дженетико инкорпорейтед», но читать не стала – просто держала его раскрытым на коленях и разглядывала висевшие на стенах утешительно-бессмысленные полотна каких-то абстракционистов, нетерпеливо постукивая туфлей по ковру.

Джинни ненавидела больницы. Однажды она сама была пациенткой. В двадцать три года ей пришлось сделать аборт. Виновником был развязный и настырный кинорежиссер. Роман длился недолго, они расстались, и она перестала принимать противозачаточные таблетки. Но через несколько дней он вдруг явился, состоялось бурное примирение, и Джинни забеременела. Операция прошла без осложнений, но после нее Джинни проплакала несколько дней и потеряла всякий интерес к кинорежиссеру, хотя раньше он ей очень нравился.

Он только что снял свой первый фильм в Голливуде – картину в стиле «экшн». Джинни ходила смотреть ее одна, в кинотеатр «Чарлз» в Балтиморе. В ней без конца палили друг в друга из револьверов, и единственным трогательным моментом была сцена, где подружка главного героя сокрушается о том, что сделала аборт, и прогоняет своего возлюбленного. И герой, полицейский-детектив, остается в полной растерянности, с разбитым сердцем. Джинни снова плакала.

Ей до сих пор было больно вспоминать об этой истории. Она встала и принялась расхаживать по приемной. Через минуту отворилась боковая дверь, вошел какой-то мужчина и громко окликнул:

– Доктор Феррами! – Это был жизнерадостный господин лет пятидесяти с совершенно лысой макушкой, обрамленной рыжевато-пегими волосами. – Добрый день, страшно рад познакомиться! – радостно приветствовал он ее.

Они обменялись рукопожатием.

– Я говорила с мистером Рингвудом и...

– Да, да! Я его коллега. Позвольте представиться: Дик Мински. Как поживаете? – Дик страдал нервным тиком, каждые несколько секунд веко у него подергивалось, и казалось, что он подмигивает окружающим. Джинни даже стало жаль его.

Он повел ее наверх.

– Могу я узнать, что вынудило вас обратиться к нам?

– Одна медицинская загадка, – ответила Джинни. – Две разные женщины имеют сыновей, идентичных близнецов, но никакой родственной связи между ними не прослеживается. Этих двух женщин связывает лишь одно обстоятельство: обе они, перед тем как забеременеть, проходили курс лечения в вашей клинике.

– Вот как? – рассеянно произнес он, точно и не слышал ее вовсе.

Джинни удивилась: она полагала, что это сообщение заинтригует его.

Они вошли в угловой кабинет.

– Все наши данные хранятся в компьютере. И получить их не сложно, если знать код доступа. – Он сел и уставился на экран. – Итак, интересующие вас пациентки?...

– Шарлотта Пинкер и Лорейн Логан.

– Секундочку... – И он набрал на клавиатуре имена и фамилии.

Джинни с трудом сдерживала волнение. Что, если эти записи ничего не дадут? Она оглядела комнату. Слишком уж шикарный кабинет для простого сотрудника. Должно быть, Дик был не просто «коллегой» мистера Рингвуда, подумала она.

– А чем вы занимаетесь в клинике, Дик?

– Я главный управляющий.

Джинни удивленно приподняла брови, но он этого не увидел, так как не отрывал глаз от клавиатуры. Почему же она удостоилась чести быть принятой столь важной персоной? И в душу ее начало закрадываться беспокойство.

Он нахмурился:

– Странно. Компьютер утверждает, что у нас нет и не было пациенток с такими фамилиями.

Беспокойство Джинни усилилось. Он наверняка лжет, подумала она. Перспектива разрешить загадку снова отодвигалась на неопределенное время. Ее охватило отчаяние, она изо всех сил старалась побороть его.

Дик развернул экран так, чтобы она могла его видеть.

– Я правильно написал имена и фамилии?

– Да.

– И когда же, вы полагаете, эти пациентки у нас лечились?

– Около двадцати трех лет тому назад.

Он поднял на нее глаза.

– О Господи, дорогая моя! Боюсь, вы напрасно проделали весь этот путь.

– Почему?

– Да потому, что мы не храним записей такой давности.

Джинни сощурилась и пристально взглянула ему прямо в глаза.

– Вы избавляетесь от всех старых документов?

– Да, по прошествии двадцати лет уничтожаем все карты. За исключением тех случаев, конечно, если пациентка обращалась к нам повторно. Лишь в этом, последнем, случае данные переносятся в компьютер.

Страшное разочарование. К тому же она, Джинни, напрасно потеряла массу времени, а ведь ей надо было разработать стратегию и тактику защиты к завтрашнему заседанию комитета.

– Странно, что мистер Рингвуд не сказал мне об этом вчера вечером, когда я с ним говорила, – с горечью заметила она.

– Да, должен был сказать. Возможно, вы просто не упоминали дат.

– Нет, я совершенно уверена, что говорила ему, что эти две женщины лечились здесь двадцать три года назад.

– Тогда просто не понимаю.

Вообще-то Джинни была не слишком удивлена таким поворотом дела. Да стоило только взглянуть на этого Дика Мински с его преувеличенной любезностью и нервным подмигиванием, как сразу становилось ясно: совесть у этого человека не чиста.

Он выключил компьютер и с сожалением добавил:

– Боюсь, что ничем не могу вам помочь.

– А нельзя ли поговорить с мистером Рингвудом и поинтересоваться у него, почему он не сказал мне об уничтожении карточек?

– Боюсь, что нет. Мистеру Рингвуду сегодня нездоровится, и на работу он не вышел.

– Какое совпадение!

Он пытался соорудить оскорбленную мину, но вышла какая-то пародия.

– Надеюсь, вы не думаете, что мы хотим что-то скрыть от вас?

– С чего бы это я должна так думать?

– Ну, не знаю, мало ли... – Он поднялся. – А теперь, извините, мне пора.

Джинни тоже поднялась и направилась к двери следом за ним. Он

проводил ее вниз.

– Желаю всего хорошего, – с натянутой улыбкой произнес он.

– До свидания, – холодно ответила Джинни.

Она вышла на улицу и замешкалась на пороге. Настроена она была очень воинственно. Да с чего это они взяли, что с ней можно обращаться, как с какой-нибудь глупой куклой? И она решила немного оглядеться.

На автостоянке были припаркованы машины врачей, модные и дорогие «кадиллаки» и «БМВ». Она двинулась вдоль стены здания. Чернокожий мужчина с седой бородой подметал мусор. Здесь не было ничего стоящего внимания. Она прошла вдоль стены и вдруг замедлила шаг.

Через стеклянную входную дверь был виден Дик Мински, он разговаривал с улыбочивой секретаршей и, заметив ее, так и замер с раскрытым ртом. Джинни прошла мимо, он проводил ее встревоженным взглядом.

Она обошла здание и вышла к помойке. Трое мужчин в толстых перчатках загружали в грузовик мусор. Глупо, подумала Джинни. Она ведет себя, как какой-нибудь детектив из третьеразрядного фильма. Мужчины с легкостью поднимали огромные пластиковые мешки с мусором, словно те почти ничего не весили. Интересно, от какого же объемного, но легкого мусора избавляется клиника?...

От измельченной бумаги?...

За спиной у нее послышался испуганный голос Дика Мински:

– Почему вы не уходите, доктор Феррами?

Она обернулась. Мински выходил из-за угла здания, рядом с ним шел мужчина в форме охранника. Джинни быстро направилась к мешкам. Дик Мински закричал:

– Эй! Стойте, погодите!...

Мусорщики удивленно уставились на нее, но ей было наплевать. Она разорвала один пакет, просунула в дырку руку и вытащила пригоршню изрезанной бумаги.

Плотная, коричневого цвета, такую обычно используют для карточек. Вглядевшись, она заметила на полосках надписи, часть которых была сделана авторучкой, а часть напечатана на машинке. Да, сомнений нет: это остатки регистрационных и медицинских карточек.

Существовала лишь одна причина, по которой мешки в таком количестве могли вывозиться сегодня. Карточки уничтожили не далее, как сегодня утром или ночью, через несколько часов после ее звонка.

Она швырнула обрезки бумаги на асфальт и зашагала прочь. Один из мусорщиков что-то сердито крикнул ей вслед, но она не обратила на это

внимания.

Сомнений больше не было.

Джинни остановилась перед Диком Мински, уперев руки в бока и гневно раздувая ноздри. Этот тип ей солгал. Лгать ему было не привыкать, даром, что ли, у него нервный тик.

– Что, поспешили избавиться от постыдных тайн? – воскликнула она. – Пытаетесь замести следы, уничтожив карточки?

Мински был страшно напуган.

– Разумеется, нет, ничего подобного, – еле выдавил он. – И потом, знаете ли, такие предположения просто оскорбительны и...

– Разумеется, да! – перебила его Джинни. И ею овладел праведный гнев. Она ткнула в него свернутым в трубочку буклетом «Дженетико». – Но эти исследования, они очень важны для меня! А потому любого, кто попытается мне помешать, я сотру в порошок, так и знайте!

– Пожалуйста, уходите, – выдавил он.

Охранник взял ее под локоть.

– Уже ухожу, – сказала она. – И не смейте ко мне прикасаться!

Но тот ее не отпускал.

– Сюда, пожалуйста.

Она покосилась на охранника. Пожилой мужчина с седыми волосами и брюшком. Нет, такому с ней не справиться. Она сдавила правой рукой придерживающую ее руку. Мышцы нетренированные, дряблые.

– Пожалуйста, отпустите, – сказала она и сильнее сжала пальцы. Руки у нее были сильные, посильнее, чем у многих мужчин. Охранник продолжал держать ее за локоть, но боль стала невыносимой, и он, наконец, ее отпустил.

– Спасибо, – сказала Джинни.

Она вышла с территории клиники, чувствуя себя гораздо лучше. Да, она была права, считая, что разгадку нужно искать именно здесь. Их попытки помешать ей узнать хоть что-нибудь были лучшим доказательством того, что им было что скрывать. Ключ к тайне лежал в «Эйвентайн», но что это ей давало?

Джинни подошла к своей машине, но не стала садиться. Было около трех, а она еще не обедала. Есть не хотелось – слишком уж она была возбуждена, – но чашечка кофе не помешает. На другой стороне улицы, рядом с церковью, она увидела кафе. Дешевое, но чистенькое. Джинни перешла через дорогу и зашла в него.

Все ее угрозы в адрес Дика Мински – пустое сотрясение воздуха. Не в ее силах наказать его. И орать на него тоже не стоило. Этим она выдала

себя, показала свою заинтересованность в этом деле. Теперь они будут настороже.

Народу в кафе было немного – всего несколько студентов, сидевших за ланчем. Она заказала салат и кофе; в ожидании, пока принесут заказ, открыла буклет, взятый в приемной клиники. И прочитала следующее:

«Клиника «Эйвентайн» была основана в 1972 году компанией "Дженетико инкорпорейтед" и стала ведущим в стране центром научных исследований и искусственного оплодотворения – центром создания, как окрестили ее газеты, "младенцев из пробирки"».

И тут Джинни вдруг сразу все поняла.

Джейн Эдельсборо была вдовой лет пятидесяти. Это была величавая, но неопрятная дама, носившая в основном просторную этническую одежду и сандалии. Она обладала незаурядным интеллектом, но, глядя на нее, в это трудно было поверить. Беррингтона подобные люди всегда ставили в тупик. Если ты такая умная, думал он, то почему выставляешь себя полной идиоткой, так одеваешься? Впрочем, в университетах полно таких людей. Сам он считал себя скорее счастливым исключением: заботился о своей внешности и обладал великолепным вкусом.

Сегодня он выглядел особенно элегантно в темно-синем пиджаке, такого же цвета жилете и легких брюках из тончайшей шерсти в мелкую клеточку. Прежде чем выйти из кабинета и отправиться на поиски Джейн, он одобрительно посмотрел на себя в зеркало.

И сразу направился в студенческую столовую. Преподаватели редко там обедали – сам Беррингтон вообще ни разу там не был. Но он знал, что Джейн ходит туда на ленч – эти сведения он почерпнул от болтливой секретарши с кафедры физики.

В вестибюле было полно парней и девушек, они выстроились в длинную очередь к банкомату. Он зашел в кафетерий и огляделся. Джейн сидела в дальнем углу, читала журнал и ела картофель фри.

Заведение это напоминало те, которые Беррингтон видел в аэропортах и больших супермаркетах: здесь находились пиццерия, кафе-мороженое, отсек, где торговали гамбургерами, а также самый обычный кафетерий. Беррингтон взял поднос и прошел в кафетерий. За стеклом было выставлено несколько малопривлекательных бутербродов и весьма сомнительного вида пирожных. Он пожал плечами: если бы не обстоятельства, он скорее бы поехал обедать куда-нибудь в соседний штат, чем есть здесь.

Задача предстояла не из легких. Как женщина, Джейн была совсем не в его вкусе. А потому еще вероятнее становилась перспектива того, что на дисциплинарных слушаниях ее занесет не туда, куда ему надо. С ней необходимо подружиться, а времени для этого у него почти нет. Надо постараться обаять ее, пустить в ход все свои чары.

Он взял кусок сырного пирога и чашку кофе и направился к столику, за которым сидела Джейн. Он чувствовал себя не слишком уверенно, даже нервничал, но постарался принять самый беззаботный вид.

– О Джейн! – воскликнул он. – Какая приятная неожиданность. Не возражаете, если я присяду?

– Пожалуйста, – дружелюбно ответила она и отодвинула журнал. Потом сняла очки, и он увидел бездонные карие глаза и лучики морщинок в уголках, свидетельствующие о добродушии и смешливости. Но выглядела она все же просто чудовищно: с длинными седеющими волосами, перехваченными какой-то бесцветной резинкой, одетая в бесформенную серо-зеленую блузу с темными полукружиями от пота под мышками. – Вот уж никогда не думала, что вас можно здесь встретить.

– Я и правда прежде сюда ни разу не заглядывал. Но в нашем возрасте очень важно не выглядеть замшелым в привычках, вы согласны?

– Я моложе вас, – мягко заметила она. – Хотя, полагаю, все вокруг думают иначе.

– Ну что вы, напротив! – Он откусил кусок пирога – жесткий, как фанера, а начинка по вкусу напоминает крем для бритья с запахом лимона. Он с трудом прожевал и проглотил кусок. – Что думаете о предложении Джека Баджена расширить библиотеку по биофизике?

– Вы искали меня, чтобы задать мне этот вопрос?

– Я вас не искал, я пришел сюда поесть – попробовать здешнюю еду – и уже жалею об этом. Она просто чудовищна. Как вы только можете здесь питаться?

Она погрузила ложку в какой-то подозрительный на вид десерт.

– Я не замечаю, что ем, Берри. Думаю о своем ускорителе частиц. Расскажите, что там с библиотекой?

Вот и он, Беррингтон, тоже когда-то был целиком поглощен работой. Правда, при всем при том не позволял себе выглядеть чучелом гороховым, но жил, как и подобает молодому ученому, исключительно новыми открытиями. Впрочем, потом жизненный путь принял несколько иное направление. Его книги были, по сути, лишь популяризацией книг и идей других авторов; за последние пятнадцать – двадцать лет он не написал ни одной стоящей статьи. Интересно, вдруг подумал он, был бы он счастливее, если бы жизнь его сложилась иначе? Как у Джейн, поедающей скверную дешевую пищу и целиком сосредоточенной на проблемах ядерной физики? Она спокойна и, похоже, всем довольна, а эти ощущения Беррингтоном давно забыты.

Да, похоже, с наскока обаять ее не удастся. Слишком умна. Надо попробовать более тонкий, интеллектуальный подход. И польстить ей.

– Я думаю, что вы можете внести значительный вклад в развитие этой библиотеки. Вы известнейший физик, одна из самых выдающихся ученых

Джонс-Фоллз. Нет, вам следует заняться новой библиотекой.

– А ее действительно собираются создавать?

– Думаю, «Дженетико» возьмет финансирование на себя.

– Что ж, это хорошая новость. А каков ваш интерес во всем этом деле?

– Тридцать лет тому назад я сделал себе имя, начав задаваться одним вопросом: какие черты человека являются наследственными, а какие – приобретенными? И вот теперь благодаря мне и другим ученым мы знаем, что генетическая наследственность человека играет куда более важную роль, чем его воспитание и среда, в которой он вырос. Именно генетика определяет целый ряд психологических характеристик.

– Природа, а не воспитание?...

– Именно. Мне удалось доказать, что человек – это его ДНК, и молодое поколение интересуется, как работает этот процесс. Что определяет комбинацию химических веществ, благодаря которой у меня, например, голубые глаза? А у вас – чудесные, большие, темно-карие, если точнее – даже с каким-то шоколадным оттенком.

– Берри! – насмешливо сказала она. – Будь я тридцатилетней секретаршей с высокой грудью, я бы наверняка подумала, что вы со мной заигрываете.

А вот это уже лучше, подумал он. Наконец-то смягчилась, старая корова.

– Тридцатилетней? – усмехаясь, произнес он. И окинул ее грудь и лицо нарочито внимательным взглядом. – Я думаю, возраст не главное.

Она засмеялась, но Беррингтон никак не мог понять, довольна она его словами или нет. Ладно, хоть какая-то подвижка. И тут вдруг она заявила:

– Мне пора.

Черт! Он едва не выругался вслух. Надо как-то спасти ситуацию, причем немедленно. Он тоже поднялся.

– Возможно, придется создать специальный комитет по организации новой библиотеки, – сказал он, шагая рядом с ней к выходу. – Как считаете, кого из наших ученых следует привлечь?

– О Господи!... Знаете, мне просто некогда об этом думать. У меня сейчас лекция по антиматерии.

«Боже, – подумал Беррингтон, – я ее теряю!» И тут вдруг она спросила:

– Может, поговорим об этом позже?

Беррингтон ухватился за соломинку.

– В таком случае разрешите пригласить вас на ужин.

Она удивилась:

– Хорошо.

– Скажем, сегодня вечером.

Она улыбнулась:

– Почему бы нет?

По крайней мере, это дает ему еще один шанс. И он весело произнес:

– Тогда заеду за вами в восемь.

– Договорились. – Она продиктовала адрес, Беррингтон записал его в блокнот.

– Какую кухню предпочитаете? – спросил он. – О нет, не надо, не отвечайте, это мешает вам думать об ускорителе частиц. – Они вышли под жаркое солнце. Он слегка сжал ее руку. – Что ж, до вечера.

– Берри, – спросила она, – это ведь не потому, что вам что-то от меня нужно?

Он игриво подмигнул ей.

– С чего вы взяли? И что у вас есть такого, чего нет у меня?

Она рассмеялась и ушла.

«Младенцы из пробирки». Искусственное оплодотворение. Вот где связь. И теперь Джинни была ясна вся картина.

Шарлотту Пинкер и Лорейн Логан лечили от бесплодия в клинике «Эйвентайн». Клиника разработала свою методику искусственного оплодотворения: сперму отца и яйцеклетку матери соединяли в лабораторных условиях, затем полученный эмбрион пересаживали в матку женщины.

Идентичные близнецы получаются в том случае, если эмбрион делится надвое. Так происходит в утробе матери, но то же самое может произойти и в пробирке. И тогда близнецов из этой пробирки можно пересадить двум разным матерям. Вот так и появились у двух не связанных никаким родством матерей два идентичных близнеца.

Официантка принесла Джинни салат, но та была слишком возбуждена, чтобы есть.

В начале семидесятых «дети из пробирки» были не более чем теорией, в этом она была совершенно уверена. Но, очевидно, «Дженетико» в своих исследованиях ушла далеко вперед.

И Лорейн, и Шарлотта утверждали, что их лечили гормонами. Стало быть, клиника лгала этим двум женщинам.

Уже непорядочно с ее стороны. Но чем больше Джинни думала об этом, тем яснее ей становилось, что все обстояло еще хуже. Расщепленный эмбрион мог быть биологическим ребенком Лорейн и Чарльза или же Шарлотты и майора, но не обеих этих пар. Одной из матерей имплантировали зародыш другой пары.

Сердце Джинни наполнилось ужасом при мысли о том, что обеим этим парам могли подсунуть младенцев совершенно посторонних людей.

Так по какой причине «Дженетико» столь беспардонным образом обманывала этих несчастных? Методика была еще не апробирована, возможно, им нужны были подопытные свинки, в роли которых выступили Лорейн и Шарлотта. Возможно, они запросили разрешение, но им отказали. Могли существовать и другие причины такой секретности.

Каковы бы ни были мотивы этой лжи, теперь Джинни понимала, почему ее появление так напугало «Дженетико». Пересаживать женщине чужой эмбрион без ее ведома и согласия – ведь это противоречит всем законам этики. Неудивительно, что они с такой поспешностью бросились

избавляться от улик. Если Лорейн обнаружит, что они с ней сделали, им никаких денег не хватит, чтобы расплатиться с ней.

Она отпила глоток кофе. Поездка в Филадельфию оказалась не напрасной. У нее еще не было ответов на все вопросы, но главную загадку она разгадала. И испытывала глубочайшее удовлетворение.

Она подняла глаза от стола и вдруг... увидела Стива. Он входил в кафе.

Она просто не верила своим глазам, даже заморгала – уж не привиделось ли? – и сидела, удивленно глядя на него. На Стиве были брюки цвета хаки и синяя рубашка-батник. И, войдя, он закрыл дверь ногой.

Джинни, радостно улыбаясь, поднялась ему навстречу.

– Стив! – воскликнула она. И, помня о своем решении, обняла его за шею и крепко поцеловала в губы. Правда, пахло от него сегодня немного иначе. Он крепко стиснул ее в объятиях и поцеловал в шею. Джинни услышала голос какой-то пожилой женщины:

– Господи, я уж и забыла, когда последний раз так целовалась!

Все посетители дружно расхохотались. Она отпустила его.

– Садись. Есть хочешь? Вот, возьми мой салат. Как ты здесь оказался? Увидела – прямо глазам своим не поверила. Ты что, ехал за мной следом? Ах нет, конечно! Ты же знал название клиники, вот и решил меня встретить.

– Просто хотелось поговорить. – Он разгладил бровь кончиком указательного пальца. Почему-то этот жест насторожил ее. *У кого она видела точно такой же?*... Но она тут же постаралась выбросить это из головы.

– А ты, похоже, мастер устраивать сюрпризы.

– Разве? – настороженно спросил он.

– Ну, появляться неожиданно...

– Пожалуй.

Она улыбнулась:

– Ты сегодня какой-то странный. Что происходит?

– Послушай, ты меня так завела, – сказал он. – Может, уйдем отсюда?

– Конечно. – Джинни положила на стол пять долларов и поднялась. – Где твоя машина? – спросила она на выходе из кафе.

– Поедем на твоей.

Они сели в красный «мерседес». Джинни застегнула ремень безопасности, он этого делать не стал. Едва они успели отъехать, как Стив придвинулся к ней поближе, приподнял волосы и стал целовать ее в шею.

Джинни немного смутилась и заметила:

– Думаю, мы оба слишком взрослые, чтоб заниматься этим в машине.

– Ладно, – сказал он. Отвернулся от нее, но продолжал обнимать левой рукой за плечи. Они ехали по Честнат в восточном направлении. И когда подъехали к мосту, он сказал: – Знаешь, сверни-ка здесь на автостраду, я кое-что тебе покажу.

Джинни свернула на Скулкилл-авеню и остановилась у светофора.

Рука, обнимавшая ее за плечо, скользнула ниже и начала поглаживать грудь. Она почувствовала, как напрягся и затвердел сосок, ей было приятно, однако она испытывала какую-то неловкость. Ощущение в точности такое же, как когда кто-то лапает тебя в метро.

– Ты мне нравишься, Стив, – сказала она, – но не кажется ли тебе, что ты слишком торопишься?

Он не ответил, но пальцы его нашли сосок и сильно его сдавили.

– Ой! – воскликнула она. – Больно! Да что это на тебя нашло, а? – Она оттолкнула его. Тут зажегся зеленый, и она свернула на пандус, ведущий к скоростной автостраде Скулкилл.

– Тебя не поймешь, – недовольно проворчал он. – Сначала набрасываешься на меня, как какая-нибудь нимфоманка, потом отталкиваешь.

И я считала этого мальчишку взрослым!

– Послушай, когда девушка тебя целует, она делает это потому, что ей хочется тебя поцеловать. Но это вовсе не дает тебе права делать с ней все, что захочется. И еще: ты никогда не должен причинять ей боль. – Она выехала на двухполосное шоссе.

– А некоторым девушкам нравится, когда им делают больно, – заметил он. И положил руку ей на колено.

Она оттолкнула его руку.

– Так что ты собирался мне показать?

– Вот это... – Он притянул ее руку к себе. Мгновение спустя она ощутила его обнаженный пенис, горячий и твердый.

– Господи! – Она резко вырвала руку. – Сейчас же приведи себя в порядок, слышишь, Стив? И перестань вести себя, как какой-то прыщавый подросток!

В следующую секунду он сильно и больно ударил ее по лицу.

Она вскрикнула, машина вильнула. Раздался пронзительный гудок, и ее «мерседес» вынесло на встречную полосу прямо перед грузовиком фирмы «Мак». Лицо ныло от удара, во рту ощущался привкус крови. Стараясь не обращать внимания на боль, она выровняла машину.

И только тут до нее дошло, что Стив напал на нее. Изумлению ее не было предела. Никогда прежде ни один человек не смел с ней так обращаться.

– Ах ты, сукин сын! – воскликнула она.

– А теперь поиграй со мной, – возьми его в руку, – сказал он. – Иначе изобью до смерти.

– Да пошел ты! – крикнула она в ответ.

И уголком глаза заметила, что он готовится нанести еще один удар.

Джинни без долгих размышлений нажала на тормоза.

Его швырнуло вперед, и он промахнулся. Ударился головой о ветровое стекло. Шины яростно взвизгнули, длинный белый лимузин едва увернулся от столкновения с «мерседесом».

Стив медленно откинулся на спинку кресла, и она отпустила тормоз. Машина двинулась вперед. Стоит ей остановиться среди быстро несущегося потока машин, подумала Джинни, и он наверняка испугается и начнет умолять ее ехать дальше. Она снова нажала на тормоз, Стива, как куклу, качнуло вперед.

На сей раз он оправился быстрее. Их машина стояла, другие автомобили огибали ее, оглашая воздух громкими гудками. Джинни сжалась от страха: в любой момент кто-нибудь мог врезаться в них сзади на полной скорости. Однако план ее не сработал, Стив не выказывал ни малейших признаков страха. Протянул руку, задрал ей юбку, ухватился за пояс колготок и начал их стаскивать. Тонкая ткань с треском порвалась.

Она пыталась его оттолкнуть, но безуспешно. Неужели он собирается изнасиловать ее прямо здесь, на скоростной автомагистрали? В отчаянии она распахнула дверцу, но выскочить не смогла – удержал ремень безопасности. Она хотела расстегнуть его, но никак не могла дотянуться до пряжки – мешал Стив.

Движение слева возобновилось, машины пролетали мимо со скоростью примерно шестьдесят миль в час. Неужели никто, ни один водитель не остановится и не поможет женщине, на которую напали?

Она боролась, пытаясь оттолкнуть Стива, и вот нога ее соскользнула с тормозной педали, и машина тронулась с места. Может, все же удастся избавиться от мерзавца? Ведь она по-прежнему за рулем и контролирует машину – это сейчас единственное ее преимущество. В отчаянии она нащупала ногой акселератор и вдавила педаль в пол.

Машина рванула вперед. Взвизгнули тормоза: огромный пассажирский автобус еле увернулся от столкновения. Стива отбросило назад, и на секунду-другую он затих, но затем вновь взялся за свое. Казалось, руки его

были везде: вот они пытаются стащить с нее бюстгальтер, вот лезут ей в трусики, а она при этом старается вести машину. Джинни никогда не испытывала такого омерзения и страха. Да ему, похоже, плевать, что они оба могут разбиться. Что же, черт возьми, надо сделать, чтобы его остановить?

Она резко свернула влево, отчего его прижало к боковой дверце. Едва не врезалась в мусоровоз, и на сотую долю секунды перед ней возникло испуганное лицо водителя, пожилого мужчины с седыми усами. Затем она резко крутанула руль, и машина вильнула в противоположную сторону, благополучно избежав столкновения.

Стив снова вцепился в нее. Она тормознула, потом вдавила акселератор, но он лишь хохотал, когда его мотало по салону, как тряпичную куклу, а затем вновь набрасывался на нее.

Она ударила его левым локтем, потом – кулаком, но не смогла вложить в эти удары достаточно силы, поскольку сидела за рулем, и остановить его удалось лишь на несколько секунд.

Сколько же еще это может продолжаться? Куда в этом городе подевались все патрульные автомобили?

Посмотрев через его плечо, она увидела поворот на обычную дорогу. В нескольких ярдах позади нее тарахтел какой-то древний «кадиллак» небесно-голубого цвета. В самый последний миг она резко вывернула руль. Шины взвизгнули, «мерседес» занесло. Он проехал на двух колесах, и Стива вновь отбросило в сторону. Голубой «кадиллак» вильнул, чтобы избежать столкновения, раздался целый хор яростных гудков, затем звук столкновения автомобилей и звон разбитого стекла. Ее машина снова встала на все четыре колеса и, зацепив ограждение, свернула на съезд, ведущий к боковой дороге. Ее мотало из стороны в сторону, но в конце концов Джинни справилась с управлением и выровняла «мерседес».

Как только их перестало мотать, Стив запустил руку ей под юбку, пытаясь стянуть трусики. Джинни извивалась на сиденье, стараясь его оттолкнуть. В какой-то миг она оторвала взгляд от ветрового стекла и взглянула на Стива. На губах улыбка, глаза странно расширены, тяжело дышит и весь вспотел от сексуального возбуждения. Да он получает от всего этого удовольствие! Он ненормальный!...

Ни впереди, ни позади не было машин. Поворот на другую дорогу заканчивался светофором, сейчас там горел зеленый. По левую руку находилось кладбище. Она даже успела разглядеть стрелку дорожного указателя с надписью «Бульвар Сивик-Центр». И резко свернула туда в надежде выехать наконец в центр города, где на тротуарах толпы людей.

Но, к ее разочарованию, улица была пустынна, по обе стороны тянулись заброшенные спортивные сооружения и вымершие дворцы из стекла и бетона. На светофоре впереди загорелся красный. Если она сейчас остановится, ей конец.

Стив снова запустил пальцы ей в трусики и сказал:

– Останови машину! – Он тоже понимал: лучшего места, чтобы совершить насилие, не найти.

Он причинял ей боль, но хуже боли было понимание того, что может произойти дальше. Она прибавила скорость и понеслась на красный свет.

Откуда-то слева прямо перед ней вынырнула «скорая помощь». Джинни резко затормозила. В голове вертелась одна мысль: если произойдет столкновение, хоть помощь окажется под рукой.

Внезапно Стив убрал руки. Она облегченно вздохнула: наконец-то отстал! Но не тут-то было: он ухватился за переключатель скоростей и пытался поставить его на нейтралку. Машину затрясло, замедлив ход, она начала сворачивать с дороги. Джинни, крутанув руль, вернула ее на проезжую часть, нажала на педаль акселератора и со свистом промчалась мимо «скорой».

Сколько же это будет продолжаться? Надо как-то избавиться от неприятного соседства, но сделать это можно только там, где есть люди. Иначе они скоро разобьются насмерть. Но Филадельфия в этот час напоминала лунный пейзаж. Ни души.

Он снова попытался овладеть ситуацией. На сей раз он действовал умнее: левой рукой поставил переключатель скоростей на нейтралку, правой схватился за руль. Машина сбросила скорость и въехала на тротуар.

Джинни сняла руки с руля, уперлась Стиву в грудь и толкнула что было силы. Похоже, он не ожидал от женщины столь сильного сопротивления. Затем она съехала с тротуара и нажала на педаль газа. «Мерседес» с ревом рванул вперед, но Джинни понимала, что долго противостоять Стиву она не сможет. В любую секунду он остановит машину, и она окажется в ловушке. Она свернула влево. Стив выпрямился на сиденье, ухватился за руль, и Джинни подумала: «Все, это конец! Я больше просто не могу ему сопротивляться». Но в этот момент машина выехала из-за угла, и городской пейзаж полностью переменялся.

Они оказались на оживленной улице. Вот больница, возле которой толпятся люди, вот выстроившиеся длинной цепочкой такси, вот закуток, где торгуют китайской едой.

– Есть! – с торжеством в голосе воскликнула Джинни. И нажала на тормоза.

Стив пытался вырвать руль, она сопротивлялась. Виляя из стороны в сторону, машина мчалась к перекрестку. А затем вдруг резко затормозила посреди дороги. С полдюжины водителей припаркованных у тротуара такси обернулись на резкий визг тормозов.

Стив открыл дверцу, выскочил и бросился наутек.

– Слава Богу!... – выдохнула Джинни. Через секунду он скрылся из вида.

Джинни сидела на водительском месте и никак не могла отдышаться. Он исчез. Кошмар закончился.

Один из водителей подошел и склонился к раскрытому окну. Джинни торопливо приводила одежду в порядок.

– Все нормально, леди? – спросил водитель.

– Да, кажется, да, – пробормотала она.

– Что случилось? – спросил он.

Она удрученно покачала головой:

– Мне тоже хотелось бы знать.

Стив сидел на низком каменном парапете неподалеку от дома Джинни. Было жарко, но он укрылся в тени раскидистого клена. Джинни жила в рабочем районе, застроенном рядами одинаковых невысоких домов. Мимо прошли ребяташки из соседней школы. Они возвращались домой с криками и смехом, болтая и жуя сладости. Вот и сам он недавно был таким же, как они, – лет восемь–десять назад.

Но сейчас его снедали тревога и отчаяние. Сегодня его адвокат говорил с сержантом Делавер из криминальной полиции Балтимора, и та рассказала ему о результатах анализа ДНК. Выяснилось, что ДНК спермы, взятой из влагалища Лизы Хокстон, в точности соответствует ДНК Стива.

Он был потрясен. Он не сомневался, что анализы ДНК положат конец всему этому кошмару. И еще Стив сразу понял, что адвокат ему больше не верит. Мама с папой верили, но пребывали в полной растерянности; оба понимали, что анализы ДНК – весьма веская улика.

Иногда Стиву даже начинало казаться, что он страдает раздвоением личности. Возможно, в нем живет какой-то другой Стив, напавший на женщину и изнасиловавший ее. Он просто не представлял, что теперь делать. Ему смутно припомнилось, что во время драки с Типом Хендриком были моменты, когда он полностью терял голову и не ведал, что творил. И тогда, в камере, он был готов выколоть глаза Свинтусу. Может, все это было делом рук его второго «я»? Как-то не слишком верилось. Этому должно быть другое объяснение.

Лучиком надежды была тайна, связывающая его с Деннисом Пинкером. У них с Деннисом полностью совпадает ДНК. Что-то здесь явно не так. И единственным человеком, способным разгадать эту тайну, была Джинни Феррами.

Ребяташки разошлись по домам, солнце зашло за крыши зданий по ту сторону улицы. Около шести часов красный «мерседес» медленно въехал на стоянку перед домом, ярдах в пятидесяти от него. Из машины вышла Джинни. Вначале она не заметила Стива. Открыла багажник, достала большой пластиковый пакет для мусора. Затем заперла машину и пошла по тротуару по направлению к нему. Одета она была официально, в темный деловой костюм с юбкой, но выглядела какой-то растерзанной, да и походка выдавала усталость. С ней что-то случилось, подумал Стив, и сердце у него сжалось от сострадания и тревоги за Джинни. И все равно она прекрасна,

думал он, глядя, как девушка подходит все ближе и ближе.

Вот она уже совсем близко. Он встал и шагнул ей навстречу.

Джинни подняла глаза, взглянула на него, и тут же ее лицо исказил страх, она открыла рот и закричала.

Стив так и замер, не понимая, что происходит. А потом спросил:

– Джинни... в чем дело?

– А ну пошел прочь! – крикнула она. – Не смей ко мне прикасаться! Иначе я вызову полицию.

Стив, не веря своим ушам, выставил перед собой руки, как бы защищаясь, и, запинаясь, пробормотал:

– Конечно, как скажете. Я вас не трогаю, даже не думаю трогать, о'кей? Что это, черт возьми, с вами происходит?

Из двери дома на веранду вышел сосед Джинни. Должно быть, сообразил Стив, он жил в квартире этажом ниже. Это был чернокожий старик в клетчатой рубашке и галстуке.

– Все нормально, Джинни? – спросил он. – А то мне показалось, кто-то здесь кричал.

– Я кричала, мистер Оливер, – дрожащим голосом ответила Джинни. – Просто этот тип... он сегодня напал на меня в машине, в Филадельфии.

– Напал? – искренне изумился Стив. – Но я этого не делал!

– Нет, делал, ублюдок, ровно два часа тому назад.

Стив был потрясен до глубины души. А потом им вдруг овладело возмущение.

– Да пошла ты знаешь куда?! Я уже сто лет не был в Филадельфии!

Тут вмешался мистер Оливер:

– Вот что, Джинни. Этот молодой человек просидел здесь часа два, не меньше. Так что оказаться в Филадельфии он никак не мог.

Джинни возмутилась и уже была готова обвинить своего добродушного соседа во лжи.

Только теперь Стив заметил, что на ней нет чулок. Голые ноги в сочетании со строгим темным костюмом выглядели несколько странно. А ее правая щека немного опухла и покраснела. И гнев его тут же прошел. Кто-то действительно напал на нее. Ему хотелось заключить Джинни в объятия и утешить. И то, что она явно его боялась, лишь усиливало сострадание.

– Он бил тебя? – произнес Стив. – Вот ублюдок!

Джинни постепенно приходила в себя.

– Так он действительно пришел сюда два часа тому назад? – спросила она соседа.

Старик пожал плечами:

– Проторчал тут минимум час сорок, или пятьдесят.

– Вы уверены?

– Знаешь, Джинни, если этот парень был в Филадельфии, то, должно быть, прилетел потом сюда на «конкорде».

Она взглянула на Стива.

– Может, это был Деннис?

Стив подошел к ней. Протянул руку и бережно дотронулся до опухшей щеки. Она не стала его отталкивать.

– Бедняжка Джинни, – протянул он.

– Я... мне показалось, это был ты, – пробормотала она, и слезы выступили у нее на глазах.

Он сжал ее в объятиях. И постепенно она успокоилась, расслабилась и доверчиво прижалась к нему. Он гладил ее по голове, нежно перебирал пальцами длинные пряди темных волос. Закрыв глаза и подумал: какое хрупкое и в то же время сильное у нее тело. Наверняка у этого поганца Денниса тоже остались синяки. Ему очень хотелось в это верить.

Мистер Оливер смущенно кашлянул.

– Ну что, молодежь? Угостить вас чашечкой кофе?

Джинни отстранилась от Стива.

– Нет, спасибо, – ответила она. – Мне прежде всего надо переодеться.

Напряжение и страх исчезли с ее лица, и она стала выглядеть еще более соблазнительной. «Да я почти влюбился в эту женщину, – подумал Стив. – И дело тут не только в том, что мне страшно хочется переспать с ней, хотя и это тоже. Я хочу, чтобы она стала мне другом. Хочу смотреть вместе с ней телевизор, ходить за покупками, поить с ложечки микстурой, если она заболит. Хочу видеть, как она чистит зубы, натягивает джинсы и намазывает тосты маслом. Хочу, чтоб она спросила меня, идет ли ей оранжевая помада, не надо ли купить мне запасных лезвий для бритвы и когда я приду домой...»

Но хватит ли ему духа сказать ей обо всем этом?

Она прошла к двери. Стив колебался. Ему хотелось пойти за ней, но он ждал, когда она его пригласит.

Джинни обернулась:

– Входи.

Он поднялся следом за ней по лестнице и вошел в гостиную. Она бросила пластиковый мешок на ковер. Потом прошла в кухонный закуток, скинула туфли. А затем, к его изумлению, подняла их с пола и швырнула в мусорное ведро.

– Никогда больше не надену эту чертову одежду и туфли! – сердито пробормотала она. Сняла пиджак и отшвырнула в сторону. Стив не сводил с нее изумленного взгляда, а Джинни между тем расстегнула блузку, сняла ее и тоже бросила в ведро.

На ней остался простой черный хлопковый лифчик. «Не станет же она снимать и его в моем присутствии?» – подумал Стив. И ошибся. Она завела руки за спину, расстегнула крючок и бросила лифчик в ведро. У нее были небольшие упругие груди с сильно выступающими коричневыми сосками. На плече красная полоска – след от бретельки бюстгальтера. В горле у Стива пересохло.

Она расстегнула молнию на юбке, и та скользнула на пол. На ней остались черные трусики-бикини. Стив смотрел на Джинни, разинув рот. Ее тело было само совершенство: широкие плечи, красивые округлые груди, плоский живот, длинные стройные ноги. Она стянула трусики, скомкала их и вместе с юбкой швырнула в мусорное ведро. Ее лобок украшали мелкие завитки черных волос.

Она взглянула на Стива с таким видом, точно не понимала, что он здесь делает. Затем сказала:

– Мне надо принять душ. – И, обнаженная, прошла мимо него. Он смотрел ей вслед жадными глазами, словно стараясь запомнить все детали: плавные движения лопаток на спине, тонкую талию, соблазнительный изгиб бедер, округлые мышцы икр. Она была так хороша, что щемило сердце.

Джинни вышла из комнаты. Через секунду он услышал, как в ванной зашумела вода.

– Господи!... – выдохнул Стив. И уселся на черный диван. Что это все означает? Какой-то новый тест, специальная проверка? Что она этим хотела сказать?

Он улыбнулся. Тело у нее просто потрясающее – гибкое, сильное, безупречно пропорциональное. И что бы там ни случилось, он никогда не забудет ее. Не забудет, как выглядела Джинни в этот волнующий миг.

Мылась она долго. Только сейчас Стив сообразил, что не успел поделиться с ней неприятными новостями. И вот, наконец, шум воды стих. А минуто спустя в гостиной появилась и сама Джинни – в просторном махровом халате цвета фуксии, с прилипшими к голове мокрыми темными прядями. Она уселась на диван рядом с ним и спросила:

– Мне это приснилось или я действительно только что разделась перед тобой догола?

– Вовсе не приснилось, – сказал он. – Ты выбросила всю свою одежду

в мусорное ведро.

– Господи! Не понимаю, что на меня нашло... Прости.

– Тебе незачем извиняться. И я рад, что ты мне так доверяешь. Просто не представляешь, что это для меня значит.

– Думаешь, я выжила из ума?

– Нет. Думаю, у тебя просто шок после того, что произошло в Филадельфии.

– Возможно. Отчетливо помню лишь одно ощущение после того, как это случилось – желание срочно избавиться от одежды.

– В такой момент полезно открыть холодильник и достать оттуда бутылку водки.

Она покачала головой:

– Нет. Вот чего я действительно хочу, так это жасминового чая.

– Давай приготовим. – Он поднялся и прошел на кухню. – Зачем ты притащила сюда этот мешок?

– Меня сегодня уволили. Сложили все мои вещи в этот мешок и заперли кабинет.

– Что? – недоверчиво воскликнул Стив. – Как же это получилось?

– Сегодня утром в «Нью-Йорк таймс» вышла статья, где говорится, что моя работа с базами данных является вторжением в частную жизнь граждан. Но я думаю, что Беррингтон использовал это лишь как предлог, чтоб избавиться от меня.

Стив кипел от возмущения. Ему хотелось кричать, броситься к ней на помощь, спасти от преследования.

– Но разве они имеют право уволить тебя вот так?

– Нет. А потому завтра утром состоится заседание университетского дисциплинарного комитета.

– Да, скверная неделя выдалась для нас обоих, – заметил Стив.

И уже хотел было рассказать ей о результатах анализа ДНК, но тут Джинни схватила телефонную трубку.

– Мне нужен номер тюрьмы Гринвуд в Ричмонде, штат Виргиния. – Пока Стив наливал воду в чайник, она записала номер и снова принялась накручивать диск. – Могу я поговорить с мистером Темойном? Меня зовут Джинни Феррами... Хорошо, спасибо, я подожду... Добрый вечер, господин Темойн! Как поживаете?... Я? Прекрасно... Возможно, этот вопрос покажется вам глупым, но скажите, что, Деннис Пинкер все еще в тюрьме?... Вы уверены? Видели его собственными глазами?... Спасибо... И вы себя тоже берегите. До свидания. – Она подняла на Стива глаза. – Деннис по-прежнему в тюрьме. Начальник говорил с ним лично примерно

час тому назад.

Стив насыпал в чайник ложку жасминового чая, залил кипятком, нашел две чашки.

– Знаешь, Джинни, фараоны получили результаты моего анализа ДНК. Джинни так и застыла.

– И?...

– ДНК, взятая из влагища Лизы, в точности соответствует моей.

После недолгой паузы она шутливо спросила:

– А ну-ка догадайся с трех раз, о чем я сейчас думаю?

– О человеке, похожем на меня, с такой же, как у меня, ДНК, который изнасиловал Лизу Хокстон в воскресенье. Этот же тип напал на тебя в Филадельфии.

И он не был Деннисом Пинкером.

Глаза их встретились, и Джинни тихо заметила:

– Так вас, получается, трое...

– Боже! – в отчаянии пробормотал Стив. – Но это уж совсем невероятно. Полицейские никогда не поверят. И потом, как вообще такое возможно?

– погоди, – возбужденно начала Джинни, – ты еще не знаешь, что мне удалось обнаружить сегодня, перед нападением. И у меня имеется объяснение.

– Пусть оно окажется правдой!

Она взглянула на него, лицо ее приняло озабоченное выражение.

– Некоторые детали могут показаться тебе шокирующими.

– Это не важно. Главное – понять.

Джинни запустила руку в пластиковый пакет и извлекла оттуда холщовую папку. Достала из нее гляцевый буклет и протянула Стиву.

– Вот взгляни.

Тот прочел первый абзац:

«Клиника «Эйвентайн» была основана в 1972 году компанией "Дженетико инкорпорейтед" и стала ведущим в стране центром научных исследований и искусственного оплодотворения – центром создания, как окрестили ее газеты, "младенцев из пробирки"».

– Так ты считаешь, мы с Деннисом младенцы из пробирки? – спросил Стив.

– Да.

В животе у него заныло.

– Мерзость какая. Но что это объясняет?

– Идентичных близнецов можно создавать в лаборатории, а затем имплантировать в матки женщин.

Стива затошнило еще больше.

– Ну а сперма и яйцеклетка – они были взяты от мамы с папой или... этих Пинкеров?

– Не знаю.

– Так Пинкеры могут быть моими настоящими родителями? О Господи!...

– Есть еще одна возможность.

По выражению лица Джинни Стив понял: она боится слишком его шокировать. Но не успела Джинни и рта раскрыть, как он догадался сам.

– Может, эти сперма и яйцеклетка взяты вовсе не от моих родителей и не от Пинкеров. И я могу быть сыном совершенно неизвестных людей, верно?

Она не ответила, но по ее мрачному взгляду Стив понял, что был прав.

Он совершенно растерялся. Ощущение было как во сне – точно его сбросили с огромной высоты и он падает, падает куда-то.

– Да, просто в голове не укладывается, – пробормотал он. В кухонном отсеке пронзительно засвистел чайник. Чтобы хоть чем-то заняться и приглушить противное ощущение тошноты, Стив налил кипяток в заварочный чайник. – Вообще-то я никогда не был похож ни на маму, ни на отца, – сказал он. – А на кого-то из Пинкеров похож?

– Нет.

– Тогда, наверное, это совсем посторонние люди.

– Стив, помни, все это совершенно не отрицает того факта, что твои мама с папой любят тебя, что они о тебе заботились, вырастили и готовы пожертвовать ради тебя жизнью.

Дрожащей рукой он разлил чай по чашкам. Подал одну Джинни и присел рядом с ней на диван.

– Ну а как все это объясняет наличие третьего близнеца?

– Если вы действительно дети из пробирки, то там же, в пробирке, мог вполне быть зачат и третий. Процесс тот же самый – расщепление ядра. Это случается в природе, так что вполне могло случиться и в лаборатории.

Стиву все еще казалось, что он падает с высоты, но одновременно он начал испытывать и еще одно ощущение – невероятного облегчения. История запутанная и невероятная, но она, по крайней мере, рационально объясняла тот факт, что его обвиняют в двух жестоких преступлениях.

– Мама с папой что-нибудь об этом знают?

– Не думаю. Твоя мать и Шарлотта Пинкер говорили мне, что проходили в клинике лечение гормонами. Искусственное оплодотворение в те дни еще не практиковалось, и в этом смысле ученые «Дженетико» обогнали многих на десятилетия. Полагаю также, что они действовали, не заручившись согласием пациентов.

– Неудивительно, что в «Дженетико» так перепугались, – заметил Стив. – Теперь я понимаю, почему Беррингтону понадобилось дискредитировать тебя.

– Да. Потому что это их поведение было крайне неэтичным. Вторжение в частную жизнь налицо.

– Тут не только вопрос этики. На «Дженетико» запросто можно подать в суд, и после него они разорятся.

– Да, это многое объясняет, – оживилась Джинни. – Но вот каким образом их можно разорить?

– Да это же классический случай деликта – правонарушения. Как раз в прошлом году в колледже проходили. – Он вдруг разозлился на себя. «К чему я говорю ей все эти вещи о гражданских правонарушениях, когда на самом деле хочу сказать совсем другое? О том, что я страшно ее люблю». – Если «Дженетико» предложила женщине лечение гормонами, а затем вполне осознанно оплодотворило чужим зародышем, не уведомив ее об этом и не получив согласия на эксперимент, то это мошенничество чистой воды с отягчающими обстоятельствами.

– Но все это происходило так давно... Разве тут не действует срок давности или что-то в этом роде?

– Срок давности начинает действовать с момента обнаружения факта мошенничества.

– И все же не понимаю, как это может разорить компанию.

– Но это же классический пример возможности применения иска по ущербу. Жертва должна получить материальную компенсацию не только за моральный ущерб, но также и за воспитание, обучение и содержание чужого ребенка. Суд обязан наказать тех, кто это совершил, чтоб другим было неповадно следовать их примеру.

– И сколько же это примерно получается?

– «Дженетико» сознательно использовала тело женщины в своих тайных целях. Уверен, что приличный адвокат сможет добиться того, чтобы этот ущерб оценили в сто миллионов долларов.

– Но если верить той статье в «Уолл-стрит джорнал», стоимость всей компании составляет только сто восемьдесят миллионов долларов.

– Стало быть, они разорятся.
– Но расследование может занять годы!
– Неужели ты не понимаешь? Достаточно одной угрозы, чтоб перекрыть им весь кислород.

– Как это?

– Опасность того, что «Дженетико» придется выплатить целое состояние по решению суда, автоматически уменьшит ценность их акций. И сделка с «Ландманном» будет отсрочена по крайней мере до тех пор, пока покупатель не удостоверится в их надежности.

– Ого! Так, значит, на карту поставлена не только их репутация. Они и все деньги могут потерять.

– Именно. – И тут Стив переключился уже на свои проблемы. – Впрочем, мне все это отнюдь не поможет, – сказал он и снова помрачнел. – Необходимо доказать правоту твоей теории о существовании третьего близнеца. И сделать это можно только одним способом – найти его. – Тут вдруг его осенило: – Скажи, а можно задействовать твою компьютерную систему поиска? Ты понимаешь, о чем я?

– Конечно.

Стив сразу оживился:

– Если в первом случае она помогла найти меня с Деннисом, то во втором, возможно, найдет меня и этого третьего, или Денниса и третьего близнеца, или же всех нас троих.

– Да, верно.

Но Стив не уловил особого энтузиазма в ее голосе.

– Ты можешь это сделать?

– После всех этих скандальных публикаций будет трудно уговорить людей предоставить мне базу данных.

– Черт!

– Правда, одна возможность имеется. У меня есть данные ФБР по отпечаткам пальцев.

Стив вновь воспрял духом.

– Деннис наверняка имеется у них в файлах. А если у третьего близнеца когда-либо брали отпечатки пальцев, поисковая система определенно укажет и на него! Но это же просто здорово!

– Все эти данные записаны на дискету. А сама она находится у меня в кабинете.

– О нет! Только не это! Ведь ты не имеешь туда доступа, да?

– Да.

– Черт, да я просто вышибу эту дверь, вот и все! Чего мы ждем?

Пошли, покажешь мне, где это.

– Кончится тем, что тебя снова упекут за решетку. Есть более легкий путь.

– Ты права. Должен быть какой-то другой способ раздобыть эту дискету.

Джинни подняла трубку.

– Я просила Лизу Хокстон проникнуть ко мне в кабинет. Сейчас узнаем, удалось ей это или нет. – Она набрала номер. – Привет, Лиза, как ты?... Я? Честно говоря, не очень. Послушай, у меня просто невероятные новости... – Она вкратце пересказала Лизе все, что ей удалось узнать. – Знаю, в это трудно поверить, но я докажу, если получу ту дискету... Ты не смогла проникнуть ко мне? О черт!... – Лицо у нее разочарованно вытянулось. – Ладно. В любом случае, спасибо за то, что хотя бы попыталась. Я очень ценю твою помощь... Да. Спасибо. Пока.

Она повесила трубку и обернулась к Стиву.

– Она уговаривала охранника впустить ее, и тот почти согласился, а потом все-таки решил спросить у своего начальства и его чуть не уволили.

– Что же нам теперь делать?

– Если завтра комитет решит, что я должна остаться на работе, то я смогу попасть в свой кабинет.

– Кто твой адвокат?

– Нет у меня никакого адвоката. Да он мне и не нужен.

– А вот это ты зря. Потому что университет наверняка наймет самого дорогого адвоката в городе.

– Нет, этого я просто не могу себе позволить.

Стив собрался с духом:

– Что ж... В таком случае, чем я не адвокат?

Она удивленно уставилась на него.

– Да, знаю, я проучился всего лишь год, зато был первым в группе. – Похоже, Стив искренне обрадовался возможности выступить в защиту Джинни перед всем университетом. Но согласится ли она сама? Наверняка решит, что он еще слишком молод, что ему не хватает опыта. Он пытался прочесть ее мысли. Джинни не сводила с него глаз. Какие же они у нее огромные, глубокие, темные!... «Нет, я определенно должен сделать это», – подумал он.

И тут Джинни наклонилась и поцеловала его в губы – легко, едва коснувшись.

– Черт, Стив, а ты настоящий друг, – сказала она.

Поцелуй ее был мимолетным, но так и обжег его. На душе у него сразу

стало легко. Правда, ему не слишком понравилось, что она назвала его просто «другом», но все равно это было замечательно. И он должен во что бы то ни стало оправдать ее доверие.

– Скажи, а тебе известно, какие там существуют правила? Ты знакома с процедурой слушаний?

Она достала из портфеля картонную папку и протянула ему.

Он просмотрел бумаги. Правила являли собой причудливый гибрид университетских традиций и современного законодательства. Увольнению подлежали те сотрудники, которых обвиняли в богохульстве и содомском грехе. Для случая с Джинни, конечно, больше всего подходило традиционное обвинение в подрыве репутации университета.

Решение дисциплинарного комитета не было окончательным, оно носило рекомендательный характер и подлежало утверждению сенатом – высшим органом правления университета. А вот это очень существенные сведения. Даже если Джинни завтра проиграет, сенат послужит своего рода апелляционным судом.

– У тебя есть копия контракта? – спросил Стив.

– Да, конечно. – Джинни подошла к маленькому бюро в углу, выдвинула ящик, достала папку.

Стив быстро просмотрел бумаги. В пункте двенадцатом говорилось о том, что она согласна подчиняться всем решениям университетского сената. А потому возможность обжалования окончательного решения с юридической точки зрения была маловероятной.

Он вернулся к правилам дисциплинарного комитета.

– Тут говорится, что ты должна заранее уведомить комитет о том, что твои интересы будет представлять адвокат или какое-то другое лицо, – сказал Стив.

– Прямо сейчас позвоню Джеку Баджену. – Джинни схватила трубку. – Сколько сейчас, восемь? Он должен быть дома. – И она стала набирать номер.

– погоди, – сказал Стив. – Давай вначале решим, как лучше выстроить этот разговор.

– Ты прав. Просто ты умеешь мыслить стратегически, а я – нет.

Стив расплылся в довольной улыбке. Он дал свой первый в жизни совет в качестве адвоката, и клиент согласился, что совет правильный.

– Так, значит, твоя судьба в руках этого человека. Расскажи мне о нем.

– Ну, он главный библиотекарь университета. И мой постоянный партнер по теннису.

– Тот тип, с которым ты играла в воскресенье?

– Да. Он скорее администратор, а не ученый. Хороший игрок, с великолепной тактикой, но, на мой взгляд, в спорте ему всегда не хватало амбиций.

– Так, понятно. Стало быть, вы с ним всегда были соперниками?

– Ну, можно сказать и так.

– Ладно. Теперь подумаем о том, какое впечатление мы хотим на него произвести. – Он начал загибать пальцы. – Первое: мы должны казаться людьми не сломленными и уверенными в успехе. Ты с нетерпением ожидаешь этих слушаний. Ведь ты невиновна, а потому рада, что тебе представилась возможность доказать это. И еще ты свято веришь в то, что комитет отыщет истину под мудрым руководством Баджена.

– Согласна.

– Теперь второе. Ты неудачница. Слабая, беспомощная девушка...

– Шутишь, что ли?

Стив усмехнулся:

– Будь готова и к такой роли. Ты молодой начинающий ученый, и ты восстала против Беррингтона и Оубелла, двух коварных и хитрых старых лисов, пытающихся насадить свою политику в университете Джонс-Фоллз. Черт, да ты даже не можешь позволить себе нанять приличного адвоката! Скажи-ка, а этот Баджен еврей?

– Не знаю. Может, и еврей.

– Хорошо бы. Потому как нацменьшинства больше склонны восставать против истеблишмента. Третье. На заседании должна всплыть история о том, по какой именно причине тебя преследует Беррингтон. История, конечно, совершенно шокирующая, но ее следует предать гласности.

– Но для чего мне выкладывать все это?

– Да просто чтобы внушить им мысль о том, что Беррингтону есть что скрывать.

– Ладно, согласна. Что еще?

– Да, пожалуй, все.

Джинни набрала номер и протянула ему трубку.

Стив с трепетом взял ее. Первый в его жизни звонок, который он собирается сделать в качестве адвоката. *Господи, помоги, сделай так, чтоб я не облажался.*

Он слушал длинные гудки на том конце провода и пытался припомнить, как именно этот Джек Баджен играл в теннис. Нет, конечно, в те минуты все внимание Стива поглощала Джинни, однако он помнил подтянутого лысого мужчину лет пятидесяти, играющего размеренно и

четко. И Баджену удалось победить Джинни, пусть даже она была моложе и сильнее. Его не следует недооценивать, подумал Стив.

Наконец в трубке раздался тихий интеллигентный голос:

– Алло?

– Профессор Баджен? Говорит Стив Логан.

Пауза.

– Простите, а мы с вами знакомы, мистер Логан?

– Нет, сэр. Я вынужден обратиться к вам, как к председателю дисциплинарного комитета университета Джонс-Фоллз, чтобы заранее уведомить вас о том, что завтра буду сопровождать доктора Феррами. Она с нетерпением ждет этих слушаний, поскольку готова доказать свою невиновность и положить конец всем этим нелепым домыслам.

Тон Баджена не изменился, он по-прежнему был холоден:

– Вы что, адвокат?

Дыхание у Стива участилось, словно при быстром беге, и он сделал над собой огромное усилие, пытаясь сохранить спокойствие.

– Я учусь в юридическом колледже. Дело в том, что доктор Феррами не может позволить себе настоящего адвоката. Тем не менее, я собираюсь сделать все от меня зависящее, чтобы защитить ее интересы. Хочу, чтобы ее дело было рассмотрено со всей тщательностью, и целиком полагаюсь на ваше снисхождение и мудрость.

Тут он специально выдержал паузу, давая возможность Баджену ответить любезностью на любезность или хотя бы услышать сочувственное хмыканье, но в трубке царил холодное молчание. Стив продолжил:

– Могу я узнать, кто будет представлять интересы университета?

– Кажется, они наняли Генри Квинна из «Харви Хоррокс Квинн».

Стив был потрясен. Это была старейшая и известнейшая адвокатская контора в Вашингтоне. Но он постарался не подавать вида.

– О, весьма уважаемая и респектабельная фирма для сливок белого общества, – с усмешкой заметил он.

– Вот как?

Похоже, обаяние Стива не действовало на этого человека. Что ж, пришел момент изменить тактику.

– Видите ли, я должен упомянуть об одном обстоятельстве. Мы вынуждены, просто обязаны открыть на заседании комитета истинную причину того, почему Беррингтон Джонс так настойчиво выступает против доктора Феррами. И не примем никаких переносов или отсрочек слушаний ни при каких обстоятельствах. Пора наконец снять беспочвенные обвинения с моей подопечной. Все должны узнать правду, пусть даже кому-

то она покажется крайне нелицеприятной.

– Я что-то не слышал, чтобы слушания собирались переносить.

Конечно, нет. Такого предложения не поступало. Стив между тем упрямо продолжал гнуть свою линию:

– Но если вдруг такое предложение поступит, учтите, что для доктора Феррами это будет совершенно неприемлемо. – Тут он счел, что пора закругляться: не стоит пока раскрывать все карты. – Спасибо, профессор, за то, что любезно выслушали меня. С нетерпением жду нашей встречи.

– Всего хорошего.

Стив бросил трубку.

– Да!... Не человек, а просто айсберг какой-то.

Джинни смотрела растерянно.

– Обычно он совсем другой. Может, просто положение не позволяет?

Но Стив был уверен, что Баджен уже определился с политикой в отношении Джинни. И твердо настроен против нее. Однако он решил не говорить ей этого.

– Как бы там ни было, но программу-минимум я выполнил. А заодно узнал, что они наняли Генри Квинна.

– Что, он хороший адвокат?

Генри Квинн был легендой. Стив просто холодел при мысли о том, что ему придется сражаться с этим гением своего дела. Но он не хотел огорчать Джинни.

– Да, Квинн адвокат, конечно, талантливый, но лучшие его времена остались в прошлом.

Она поверила.

– Так, ну а теперь чем займемся?

Стив взглянул на нее. Полы розового халата слегка разошлись, и он видел верх округлой упругой груди, лежавшей в складках мягкой ткани.

– Надо проработать ответы на вопросы, которые тебе могут задать завтра, – с легким сожалением произнес он. – Так что работы у нас полно.

Выяснилось, что обнаженной Джейн Эдельсборо выглядит куда лучше, чем в платье.

Она раскинулась на бледно-розовых простынях, на которых танцевали блики ароматической свечи. Чистая, гладкая, нежная кожа была куда привлекательнее унылых и неряшливых нарядов, которые она носила. Эти просторные бесформенные хламиды скрывали замечательной красоты формы. Ее вполне можно было бы назвать амазонкой: пышная грудь, широкие соблазнительные бедра. Она была полновата, но это ему даже нравилось.

Томно улыбаясь, она наблюдала за тем, как Беррингтон, сидя на краю постели, натягивает темно-синие трусы.

– А это оказалось лучше, чем я предполагала, – заметила она.

Беррингтон подумал о том же, но говорить вслух не стал. Джейн знала такие штучки, которым ему приходилось учить более молодых женщин, оказавшихся у него в постели. Интересно, рассеянно подумал он, где и когда она успела этого нахвататься? Замужем была только один раз; муж ее, заядлый курильщик, скончался от рака легких лет десять тому назад. Должно быть, у этой парочки была замечательно насыщенная и разнообразная сексуальная жизнь.

Ему так понравилось заниматься с ней любовью, что даже не пришлось прибегать к обычным своим фантазиям, будто он лежит в постели с какой-нибудь знаменитой красавицей – Синди Кроуфорд, Бриджит Фондой или принцессой Дианой – и та, разомлев, шепчет ему на ухо: «Спасибо тебе, Берри! В жизни не испытывала ничего подобного, никогда и ни с кем мне не было так хорошо!»

– Знаешь, чувствую себя виноватой, – заметила Джейн. – Уже давным-давно не занималась развратом.

– Развратом? – удивился он и принялся завязывать шнурки. – Не понимаю почему. Ты свободная белая молодая женщина, как принято говорить... – Тут он осекся, заметив, как Джейн слегка поморщилась. Выражение «свободная белая молодая» было политически некорректным. – Во всяком случае, свободная, – быстро добавил он.

– Да нет, дело тут не в самом траханье, это еще не разврат, – задумчиво протянула она. – Думаешь, я не понимаю? Ты пошел на это лишь потому, что хотел получить мой голос на завтрашних слушаниях.

Завязывая полосатый галстук, он так и застыл. Она же между тем продолжала:

– Думаешь, я поверила в то, что ты увидел меня в студенческом кафетерии и был сражен моими чарами? – Она насмешливо улыбнулась. – Так вот, никакими такими сексуальными чарами я не обладаю, Берри. Особенно в глазах такого поверхностного человека, как ты. У тебя наверняка был какой-то другой мотив, и я разгадала его через пять секунд.

Беррингтон почувствовал себя полным идиотом. Растерялся и впервые не знал, что сказать.

– А вот ты наделен сексуальной притягательностью, Берри. У тебя есть шарм, ты подтянут, хорошо сложен, прекрасно одеваешься. И пахнет от тебя замечательно. И что самое главное – сразу чувствуется, что ты любишь женщин. Ты можешь манипулировать ими, использовать их, и в то же время тебе искренне нравится заниматься с ними любовью. Так что ты идеальный одноразовый партнер, и спасибо тебе.

С этими словами она укрылась простыней, легла на бок и закрыла глаза.

Беррингтон поспешно оделся.

Перед тем как уйти, он присел на краешек кровати. Она открыла глаза. Он спросил:

– Так ты поддержишь меня завтра?

Она села и крепко поцеловала его в губы.

– Выслушаю обе стороны, а уж потом приму решение.

Он заскрипел зубами.

– Но это очень важно для меня. Ты даже не представляешь насколько!

Она сочувственно кивнула, но ответ ее был уклончив:

– Догадываюсь, что и для Джинни Феррами это тоже крайне важно.

Он слегка сжал ее тяжелую грудь.

– Но кто важнее для тебя... я или Джинни?

– Уж кто-кто, а я хорошо знаю, как непросто приходится молодой женщине-ученому в мужском университетском окружении. Сама прошла эту школу, никогда не забуду.

– Черт! – Он убрал руку.

– Можешь остаться на ночь, если хочешь. А к утру еще раз займемся любовью.

Он поднялся.

– Мне сейчас не до этого.

Она снова закрыла глаза.

– Жаль.

Он вышел.

Его машина была припаркована у подъезда, рядом с ее «ягуаром». А этот «ягуар», подумал он, должен был послужить предупреждением, знаком того, что она непростая штучка. Да, на сей раз использовали его, но он получил удовольствие. Интересно, часто ли испытывали то же чувство женщины, которых ему удавалось соблазнить?...

Он ехал домой, и его не покидали тревожные мысли о завтрашнем заседании. Четверо членов комитета на его стороне, а вот заручиться поддержкой Джейн не удалось. Что же еще он может сделать на этой последней стадии? Пожалуй, что ничего.

Дома его ждало послание от Джима Пруста, записанное на автоответчик. «Господи, – подумал он, – если это очередные дурные новости, я просто не вынесу». Он уселся за стол и набрал домашний номер Джима.

- Это Берри.
- ФБР облажалось, – безо всяких предисловий заявил Пруст.
- Сердце у Беррингтона упало.
- Выкладывай.
- Им велели прекратить поиск данных, но приказ поступил с опозданием.
- Проклятие!
- Результаты отправили ей по электронной почте.
- Им овладел страх.
- И кто был в этом списке?
- Нам это неизвестно. Копии в ФБР не сохранилось.
- Нет, это просто невозможно!
- Мы должны знать!
- Может, тебе удастся выяснить. Список должен быть у нее в кабинете.
- Доступ в кабинет ей закрыт. – Тут вдруг в сердце Беррингтона вновь затеплилась надежда. – Она могла и не получить этого послания.
- Ну а ты сможешь?
- Конечно. – Беррингтон взглянул на золотые наручные часы. – Еду в университет прямо сейчас.
- Позвони сразу же, как только выяснишь.
- Непременно.

Он вернулся к машине и поехал к университету Джонс-Фоллз. В кампусе было темно и безлюдно. Он остановил машину у Дурдома и вошел. На сей раз он смущался куда меньше, чем во время первого обыска кабинета Джинни. Какого черта, на кону слишком большая ставка!

Он включил компьютер и просмотрел ее электронную почту. Там значилось всего одно послание. Господи, взмолился он, сделай так, чтоб это был список из ФБР! Но, к его разочарованию, это оказалось очередное письмо от ее дружка из университета Миннесоты:

Ты получила мое вчерашнее послание? Буду в Балтиморе завтра, хотел бы повидаться с тобой. Ты не могла бы уделить мне несколько минут? Пожалуйста, позвони мне. С любовью, Уилл.

Вчерашнее письмо она не получила, Беррингтон предусмотрительно стер его во время первого обыска. И это, второе, естественно, тоже, так как была лишена доступа в кабинет. Но где же список ФБР? Она могла получить его вчера утром, до того, как ей запретили вход. Может, спрятала где-нибудь? Беррингтон перебрал все ее файлы, помеченные «ФБР», «Ф.Б.Р.» (с точками) и «Федеральное бюро расследований». Ничего. Порылся в коробке с дискетами, которую обнаружил в ящике письменного стола, но это были копии компьютерных файлов.

– Эта чертова баба хранит здесь даже список покупок! – злобно пробормотал он.

Он снял трубку и позвонил Джиму.

– Ничего, – коротко бросил он.

– Но мы должны знать, кто был в этом списке! – пролаял в ответ Джим.

– Так что мне прикажешь делать, поймать ее и подвергнуть пыткам, что ли? – саркастически спросил Беррингтон.

– Список должен быть у нее, так?

– В компьютере его нет, стало быть, она переписала его и унесла с собой.

– Раз нет в офисе, значит, должен быть у нее дома.

– Логично. – Беррингтон понял, к чему клонит Джим. – В таком случае, не мог бы ты организовать... – Тут он запнулся, ему не хотелось произносить слова «обыск силами ФБР». – Не мог бы ты как-то проверить это?

– Думаю, да. Поскольку Дэвид Крин не предотвратил утечки информации, он все еще мой должник. Позвоню ему.

– Завтра утром – самое подходящее время. Слушания назначены на десять, так что она точно будет отсутствовать часа два.

– Понял. Сделаем. Но что, если она носит его с собой, в чертовой дамской сумочке? Что тогда?

– Не знаю. Доброй ночи, Джим.

Повесив трубку, Беррингтон еще какое-то время сидел в кабинете Джинни. Если завтра на слушаниях все сложится не так, как бы ему хотелось, то к обеду она, вполне возможно, вернется сюда со списком ФБР, вновь возьмется за свои исследования и погубит их всех.

«Этого нельзя допустить, – подумал он, – ни за что, ни в коем случае!»

Пятница

Джинни проснулась в своей маленькой гостиной с белыми стенами. Она лежала на черном диване в объятиях Стива. На ней был только махровый халат цвета фуксии.

Как я здесь оказалась?

Полночи они со Стивом готовились к завтрашним слушаниям. Сердце у Джинни замирало от волнения – сегодня должна решиться ее судьба.

Но как получилось, что я лежу здесь рядом с ним?

Часа в три ночи она вдруг начала зевать и на мгновение закрыла глаза.

А дальше что?...

Должно быть, она уснула.

Наверное, Стив зашел в спальню, снял с кровати одеяло в сине-красную полоску и укутал ее. Потому что сейчас она была укрыта этим одеялом.

Но ведь не Стив же придумал для нее эту позу – она лежала, уткнувшись головой ему в живот и обняв за талию. Должно быть, она приняла ее во сне, неосознанно. Джинни смутилась. Интересно, что он теперь о ней подумает? Все это время она вела себя в его присутствии просто непристойно. Разделась догола, потом уснула, уткнувшись носом ему чуть ли не в причинное место. Точно они давным-давно любовники.

Что ж, у меня есть оправдание такому безобразному поведению: вся эта неделя была просто безобразной.

Сначала ей нахамил этот полицейский Макхенти, затем ограбил родной отец, потом эти обвинения в «Нью-Йорк таймс». Ей угрожал ножом Деннис Пинкер, ее уволили с работы, на нее напали в собственной машине. Не слишком ли для одной недели?...

Она потеряла щеку в том месте, куда ее вчера ударил тот тип, двойник Стива. Опухоль немного спала. Физическая боль еще не самое страшное – она испытала сильнейшее психическое потрясение. Стоило вспомнить ту сцену в машине, и ее снова охватил гнев, захотелось собственными руками удушить подонка. Даже если забыть это нападение, выбросить его из головы, все равно оставался привкус несчастья, точно ее жизнь обесценилась после выходки этого психа.

Тем удивительнее казался тот факт, что она доверилась этому парню, Стиву. Смогла заснуть на диване рядом с тем, кто был точной копией ее обидчиков. Зато теперь она совершенно уверена в порядочности Стива. Да

ни один мужчина на свете не способен провести ночь на диване рядом с девушкой и при этом не сделать никаких попыток к сближению.

Она нахмурилась. Нет, все же Стив что-то сделал вчера, смутно припомнила она, что-то милое и приятное. Да, ей снились сильные и нежные руки, ласково поглаживающие ее волосы. Именно эти поглаживания убаюкали ее, и она заснула крепко и сладко, как кошка, ласкаемая хозяином.

Улыбнувшись при этом воспоминании, она потянулась. Стив тут же проснулся.

– Ты не спишь?

Она зевнула и снова потянулась.

– Прости, что заснула прямо на тебе. Ты как?

– Левая нога затекла, я понял это часов в пять утра, но потом ничего, приспособился, и все было нормально.

Джинни села и слегка отодвинулась, чтобы лучше его видеть. Одежда измята, волосы встрепаны, на щеках и подбородке пробивается щетина, и все равно он просто красавчик.

– А ты спал?

Он отрицательно покачал головой:

– Не до того было. Был занят твоим созерцанием.

– Только не вздумай говорить, что я храпела.

– Ты не храпела. Немножко посапывала во сне, вот и все. И еще изо рта шла слюна. – И он указал на мокрое пятно на своих брюках.

– О Господи! – Джинни вскочила. Тут ее внимание привлекли яркосиние настенные часы, они показывали восемь тридцать. – Времени у нас в обрез, – сказала она. – Слушания назначены на десять.

– Тогда иди принимай душ, а я сварю кофе.

Она изумленно уставилась на него. Нет, он так добр и благороден, что просто оторопь берет. Таких парней не бывает.

– Ты что, явился от Санта-Клауса?

Он рассмеялся.

– Согласно твоей теории, я явился из лабораторной пробирки. – Тут лицо его помрачнело. – Черт его знает, так оно или нет...

Настроение Стива передалось Джинни. Она прошла в ванную, скинула одежду, встала под душ. Густо намыливая волосы шампунем, размышляла о том, как непросто складывалась ее жизнь последние десять лет, как много она трудилась, сочетая занятия наукой со спортивными тренировками, как сложно было доказать коллегам-ученым, что она не хуже их, преодолеть все препятствия, связанные с получением степени. Она работала как

проклятая, чтобы добиться своего сегодняшнего статуса, потому что хотела стать настоящим ученым, помочь человечеству и лучше понять себя. И вот теперь Беррингтон Джонс собирается лишить ее всего этого.

После душа она почувствовала себя значительно лучше. Включила фен, чтобы высушить волосы, и тут зазвонил телефон. Она сняла трубку второго аппарата, стоявшего в спальне, у постели.

– Алло?

– Джинни? Это Пэтти.

– Привет, сестренка. Как дела?

– Отец объявился.

Джинни присела на краешек постели.

– Ну и как он?

– Без гроша, но жив и здоров.

– Он сначала пришел ко мне, – сказала Джинни. – Заявился в понедельник. Во вторник мы с ним поцапались: ему, видите ли, не понравилось, что я не готовлю ему обед. А в среду смылся, прихватив мой телевизор, компьютер и видеомагнитофон. Должно быть, уже успел пропить или проиграть все, что выручил за эти вещи.

Пэтти ахнула:

– Джинни, но это просто ужасно!

– Да уж, хорошего мало. Так что смотри, держи все свои ценности под замком.

– Красть у своих! О Господи, если Зип узнает, он просто вышвырнет его вон в ту же секунду!

– Знаешь, Пэтти, у меня еще одна проблема, более серьезная. Сегодня меня могут уволить с работы.

– Но почему, за что, Джинни?

– Сейчас просто нет времени объяснять. Позвоню тебе позже.

– Ладно.

– Скажи, ты с мамой говорила?

– Каждый день разговариваю.

– Молодец, ты меня немного успокоила. Мне удалось поговорить с ней лишь один раз. Потом я звонила, но ее отказались позвать к телефону. Сказали, что у них обед.

– Да, персонал там не очень-то вежливый. Мы должны поскорее забрать ее оттуда.

Она может пробыть там очень долго, если меня сегодня уволят.

– Ладно, поговорим об этом позже.

– Удачи тебе!

Джинни повесила трубку. И только тут заметила на столике кружку с горячим, дымящимся кофе. Изумленно покачала головой. Казалось бы, пустяк, всего лишь кружка кофе, но ведь догадался же Стив, что ей сейчас это действительно необходимо. Очевидно, это у него в натуре – помогать людям, поддерживать их. И при этом ничего не просить взамен. По своему опыту она знала: в тех редких случаях, когда мужчина ставил интересы женщины выше своих, он рассчитывал, что потом целый месяц она в знак благодарности будет исполнять любую его прихоть, как гейша.

Но Стивен совсем другой. *Если бы я раньше знала, что попадают такие мужчины, ни на кого другого и смотреть бы не стала!*

Она с детства привыкла все делать сама. Отца почти никогда не было рядом, рассчитывать на его поддержку не приходилось. Мама всегда была сильной, но к закату жизни ее сила превратилась в слабость. Она всегда очень много ждала именно от нее, Джинни. Сначала хотела, чтобы дочь стала парикмахершей, даже нашла ей работу, когда Джинни было шестнадцать. Девочка должна была мыть головы клиенткам и подметать полы в салоне «Алексис», расположенном в Адамс-Морган. Поверить в то, что дочь хочет стать ученым, мама была не в силах. «Да ты станешь модным стилистом раньше, чем все остальные девочки окончат колледж!» – говорила она тогда. И никак не могла понять, почему Джинни закатила ей по этому поводу настоящий скандал и отказалась даже заглянуть в салон.

Теперь она не одинока. У нее есть Стив, всегда готовый прийти на помощь. И ей казалось совершенно не важным, что он еще не успел получить диплом, не успел стать модным и ловким адвокатом. Он будет с ней там, на слушаниях, – и это самое главное.

Джинни накинула халат и окликнула Стива:

– Хочешь принять душ?

– Еще бы! – Он вошел в спальню. – И рубашку не мешало бы сменить.

– Мужских рубашек у меня нет... хотя погоди. Есть! – Она вспомнила о белой сорочке, которую одолжил Лизе Хокстон какой-то сердобольный студент после пожара.

Кажется, он с факультета математики. Джинни сдавала ее в прачечную, и теперь рубашка лежала в шкафу, завернутая в целлофан. Она достала ее и протянула Стиву.

– Надо же, как раз мой размер! – обрадовался он.

– Только не спрашивай, откуда она, слишком долгая история, – сказала Джинни. – Думаю, что и галстук найдется. – Она открыла ящик комода и достала синий галстук в белый горошек, который иногда носила с белой блузкой и строгим деловым костюмом. – Вот.

– Спасибо. – Стив прошел в крохотную ванную.

Она разочарованно вздохнула. Ей хотелось увидеть, как он снимет с себя рубашку. Станные все же существа эти мужчины, подумала она. Боятся раздеться в присутствии женщины, вдруг становятся стыдливы, как монахини.

– А твою бритву можно взять? – спросил он.

– Да, конечно, пожалуйста.

Займись сексом с этим парнем прежде, чем он станет тебе почти как брат.

Она начала искать свой лучший костюм и вдруг вспомнила, что не далее как вчера сама же выбросила его в мусорное ведро.

– Чертова идиотка! – пробормотала Джинни себе под нос. Нет, конечно, можно достать его оттуда, но ведь он весь измят и изгажен. У нее еще есть прямой ярко-синий жакет, его можно надеть с белой футболкой и черными брюками. Ярковат, конечно, но сойдет.

Она уселась перед зеркалом и занялась макияжем. Стив вышел из ванной. Чистый, нарядный, он выглядел вполне официально в белой рубашке с галстуком.

– В холодильнике есть булочки с корицей, – сказала она. – Можно подогреть их в микроволновке, если ты голоден.

– Как волк, – сказал он. – А ты будешь?

– Нет, слишком волнуюсь, чтобы есть. Выпью, пожалуй, еще чашечку кофе.

Он принес ей кофе. Джинни быстро выпила его и начала одеваться. Когда она вошла в гостиную, он сидел за столом.

– Булочки нашел?

– Да.

– Ну и?...

– Ты же сказала, что не голодна. И я их съел.

– Все четыре?

– Ну... вообще-то там были две упаковки.

– Ты съел целых восемь булочек с корицей?!

Он смутился.

– Просто я проголодался.

Джинни рассмеялась.

– Ладно, пошли.

И уже повернулась к двери, но тут он схватил ее за руку.

– Погоди минутку.

– Что?

– Знаешь, Джинни, очень здорово быть друзьями и все такое прочее, и мне очень хорошо с тобой, но... Но ты должна понимать, мне этого мало.

– Знаю.

– Я в тебя влюбился.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Честные, ясные глаза.

– Знаешь, я тоже очень к тебе привязалась.

– Мне хочется заняться с тобой любовью. До того хочется, что все тело болит.

Нет, этот разговор может надолго затянуться, подумала она. И решила отшутиться.

– Послушай, – сказала она, – если ты трахаешься с таким же аппетитом, как и ешь, я твоя навсегда.

Лицо у него вытянулось, Джинни поняла, что обидела его.

– Прости, – сказала она. – Я не нарочно. Шутка. Так уж получилось.

Он пожал плечами, как бы давая понять: «Ладно, чего уж там».

Она взяла его за руку.

– Послушай. Давай сначала попробуем спасти меня. А потом начнем спасать тебя. И это будет очень здорово, обещаю.

Он сжал ее пальцы.

– Договорились.

Они вышли на улицу.

– Давай поедem в моей машине. Твою заберем потом, – предложила Джинни.

Они сели в красный «мерседес», Джинни включила мотор, и тут же заработало радио. Выехав на 41-ю улицу, она краем уха услышала, что диктор упомянул «Дженетико», и прибавила громкости.

«Сенатор Джим Пруст, бывший директор ЦРУ, должен подтвердить сегодня намерение выставить свою кандидатуру от республиканской партии на президентских выборах будущего года. В ходе кампании он обещает снизить подоходный налог до десяти процентов, чего можно достичь, упразднив пособия для малоимущих. По мнению комментаторов, с финансированием предвыборной кампании проблем не будет, поскольку Джим Пруст должен выручить около шестидесяти миллионов от продажи своей медицинской исследовательской фирмы «Дженетико».

Новости спорта. В Филадельфии...»

Джинни выключила радио.

– Ну, что скажешь?

Стив с отвращением передернул плечами.

– А ставки, похоже, все растут, – заметил он. – Если мы выложим всю подноготную «Дженетико» и сделка не состоится, Джим Пруст не сможет оплатить свою предвыборную кампанию. А он парень серьезный: шпион, бывший директор ЦРУ, выступает против контроля над вооружением и все такое прочее. Ты перешла дорогу очень опасным людям, Джинни.

Она сжала зубы.

– Тем лучше. Есть против чего сражаться. Я сама выросла на пособия, Стив. И если этот Пруст станет президентом, у девушек вроде меня останется только один путь – идти в парикмахерши.

У стен Хиллсайд-Холл, административного здания университета Джонс-Фоллз, собралась небольшая группа демонстрантов. Человек тридцать – сорок студентов, в основном девушки, выстроились у ступенек, ведущих ко входу. Впрочем, протестовали они вполне дисциплинированно. Подойдя поближе, Стив прочитал надпись на плакате:

«Вернуть Феррами! Немедленно!»

Он посчитал это добрым знаком.

– А они тебя поддерживают, – сказал он Джинни.

Она пригляделась и даже слегка покраснела от смущения и радости.

– Да, правда. Бог ты мой, значит, кто-то все-таки меня любит!

Другой плакат гласил:

«Вы не смеее так поступать с доктором Феррами!»

Едва завидев Джинни, демонстранты разразились приветственными криками. Она с улыбкой подошла к ним. Стив шел следом и, судя по всему, страшно ею гордился. Не каждый профессор может рассчитывать на такую поддержку со стороны студентов. Джинни пожимала руки мужчинам, целовалась с женщинами. Стив заметил симпатичную блондинку, которая не отрывала от него глаз.

Джинни обняла какую-то немолодую женщину.

– Софи! – воскликнула она. – Ну, что скажешь?

– Желаю тебе удачи, – ответила та.

Наконец сияющая Джинни оторвалась от толпы, и они прошли в здание.

– Они действительно хотят, чтобы тебя оставили на работе, – заметил Стив.

– Ты не представляешь, как много это для меня значит! – воскликнула Джинни. – Та пожилая женщина – это Софи Чэппл, профессор с кафедры психологии. Мне всегда казалось, что она меня недолюбливает. Просто не верится, что она вдруг решила выступить на моей стороне.

– А что за хорошенькая блондинка там была?

Джинни с лукавой усмешкой покосилась на него.

– Как? Ты ее не узнал?

– Но я совершенно уверен, что никогда не видел ее прежде. А она так пиялилась на меня, прямо глаз не отрывала. – Тут он догадался. – О Господи! Это, должно быть, жертва?...

– Да. Лиза Хокстон.

– Неудивительно, что она так на меня смотрела. – Стив не выдержал и обернулся.

Очень милая девушка, невысокого роста, пухленькая. Его двойник напал на нее, бросил на пол, избил, изнасиловал. К горлу Стива подкатила тошнота – от ужаса и сочувствия. Обычная молодая женщина, и вот отныне ее всю жизнь будут преследовать кошмары.

Административное здание располагалось в красивом старинном особняке. Джинни провела его через отделанный мрамором вестибюль, и они оказались в просторном помещении, где царил приятный полумрак. Прежде здесь находилась столовая: высокие потолки, узкие готические окна, дубовая мебель на толстых изогнутых ножках. Перед выложенным крупным камнем камином стоял продолговатый стол.

По одну сторону стола сидели пятеро: четверо мужчин и средних лет женщина. Стив сразу же узнал лысоватого господина в центре – это был партнер Джинни по теннису, Джек Баджен. Так, значит, вот он, тот самый комитет, в чьих руках была сейчас судьба Джинни. От волнения у него пересохло во рту.

Наклонившись через стол, он пожал руку Джеку Баджену и сказал:

– Доброе утро, доктор Баджен. Я Стив Логан. Мы вчера говорили с вами по телефону. – Видно, сработал некий инстинкт, он чувствовал, что излучает спокойную уверенность, хотя внутри все сжималось от волнения. Стив по очереди поздоровался за руку с каждым членом комитета, они назвали свои имена.

Сбоку, в дальнем конце стола, сидели еще двое. Небольшого роста мужчину в синем костюме-тройке Стив узнал сразу: это был Беррингтон Джонс, они виделись в понедельник. А тот худощавый светловолосый человек в черном костюме в тонкую полоску, должно быть, легендарный Генри Квинн. Стив поздоровался и с ними.

Квинн окинул его скептическим взглядом и спросил:

– Позвольте узнать вашу юридическую квалификацию, молодой человек?

Стив одарил его дружелюбной улыбкой, потом наклонился к нему и тихо, чтобы никто другой не услышал, прошепел:

– А не пошел бы ты куда подальше, Генри?!

Квинн скривился, точно ему наступили на ногу, а Стив подумал: «Все.

Этот напыщенный идиот вряд ли станет теперь меня цеплять!»

Он подвинул стул Джинни, и оба они уселись.

– Что ж, начнем, пожалуй, – сказал Джек. – Наши слушания носят неформальный характер. Полагаю, каждый из вас получил копию с изложением правил и теперь знает их. Обвинение выдвинуто профессором Беррингтоном Джонсом. Он считает, что доктора Джинни Феррами следует уволить, поскольку она подрывает репутацию университета Джонс-Фоллз.

Пока Баджен говорил все это, Стив разглядывал членов комитета, пытаясь угадать по лицам их настроение. Лишь только женщина, Джейн Эдельсборо, смотрела на Джинни, остальные старательно отводили взгляд. Четверо против, одна – за, сделал он вывод. Скверно.

Джек сказал:

– Интересы Беррингтона представляет мистер Квинн.

Квинн тут же поднялся и открыл портфель. Стив заметил, что кончики пальцев у него желтые – от никотина. Квинн достал подборку ксерокопий пресловутой статьи из «Нью-Йорк таймс», вернее, тех ее отрывков, где упоминалась Джинни, и раздал присутствующим. Весь стол оказался завален листками бумаги с броским заголовком:

«ЭТИКА ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОМНЕНИЯ, СТРАХИ, СПОРЫ».

Весьма действенное визуальное напоминание о том, какую кучу неприятностей принесла университету Джинни. И Стив пожалел, что не принес вырезок из каких-то других газет, чтобы закрыть ими эти.

Столь незамысловатый ход Квинна на мгновение парализовал Стива. Разве может он тягаться с человеком, за плечами которого тридцать лет адвокатской практики? «Нет, мне ни за что не выиграть», – подумал он, и его охватила паника.

Квинн заговорил. Голос у него был сухой, четкий, без какого-либо акцента. Излагал он свои мысли неспешно и педантично. Стив от души надеялся, что в этом его ошибка, ведь перед Квинном не жюри присяжных, собранных, что называется, с миру по нитке, а группа интеллектуалов, которые не любят, чтобы им разжевывали каждое слово. Квинн вкратце изложил историю дисциплинарного комитета, пояснил, какое место он занимает в управлении университетом. Затем пояснил значение словосочетания «подрыв репутации» и извлек из портфеля копию контракта с Джинни. Он все бубнил и бубнил, и Стив немного приободрился.

Наконец он покончил с преамбулой и начал задавать вопросы Беррингтону. И первым делом спросил, когда тот впервые услышал о поисковой компьютерной программе Джинни.

– Не далее, как в понедельник днем, – ответил Беррингтон и пересказал разговор, состоявшийся у него с Джинни. История совпадала с тем, что Стив услышал от самой Джинни.

Затем Беррингтон заявил:

– Как только я понял, на чем основана ее методика, то сказал ей, что, по моему мнению, то, чем она занимается, просто незаконно.

– Что?! – так и вспыхнула Джинни.

Но Квинн проигнорировал этот ее возглас и спросил Беррингтона:

– И какова же была ее реакция?

– Она очень рассердилась и...

– Подлый лжец! – крикнула Джинни.

Беррингтон слегка покраснел. Вмешался Джек Баджен.

– Прошу не перебивать, – строго заметил он.

Стив не сводил глаз с членов комитета. Теперь все они смотрели на Джинни. Он положил руку ей на плечо.

– Но это наглая, беспардонная ложь! – не унималась Джинни.

– А ты чего ожидала? – тихо шепнул ей на ухо Стив. – Он играет свою роль.

– Извини, – шепнула она в ответ.

– Не надо извиняться, – сказал он. – Продолжай в том же духе. Они должны видеть, что возмущение твое искренне.

Беррингтон между тем продолжал:

– Она стала обидчива, раздражительна, ну, как сейчас. И заявила мне, что может делать все, что угодно, потому что так составлен ее контракт.

Один из членов комитета, Тенниэл Бидденхем, сердито нахмурился: видно, ему не понравилось, что младший научный сотрудник факультета напоминает о своем контракте профессору. А этот Беррингтон весьма умен, подумал Стив. Знает, где уязвимое место противника и как обратить его промашки себе на пользу.

Квинн спросил Беррингтона:

– Ну и как же вы поступили потом?

– Ну, я понял, что могу и ошибаться. Ведь я не юрист, вот и решил обратиться за помощью к специалисту. И если бы мои опасения не подтвердились, я был бы рад признать правоту доктора Феррами. И, убедившись, что ее действия не приносят вреда, не стал бы спорить.

– И вы получили этот квалифицированный совет?

– Так уж вышло, что обстоятельства не позволили. Был слишком занят. Как раз собирался повидаться с юристом, а тут появилась эта статья в «Нью-Йорк таймс».

– Вранье!... – прошептала Джинни.

– Ты уверена? – спросил ее Стив.

– Еще бы!

Он сделал пометку в блокноте.

– Так, теперь расскажите нам, пожалуйста, что произошло в среду, – попросил Беррингтона Квинн.

– Оправдались мои худшие опасения. Меня вызвал к себе президент университета Морис Оубелл. И попросил объяснить, почему ему без конца звонят представители средств массовой информации и в самой агрессивной форме расспрашивают об исследованиях, проводимых на моей кафедре. Мы сделали набросок пресс-релиза и вызвали доктора Феррами, чтобы согласовать его с ней.

– Господи Боже мой! – пробормотала Джинни.

– Она отказалась говорить о пресс-релизе, – продолжил Беррингтон. – Снова принялась скандалить, утверждать, что вправе делать то, что ей хочется, кричала на нас.

Стив посмотрел на Джинни. Она тихо сказала:

– До чего ж хитро врет! Они представили мне этот пресс-релиз, как свершившийся факт.

Стив кивнул. Он решил не поднимать этого вопроса на перекрестном допросе. Иначе Джинни, не дай Бог, снова заведется и будет кричать уже на членов комитета.

– Журналистка дала нам срок до полудня, – гладко, как по маслу, продолжал Беррингтон. – Доктор Оубелл считал, что университет должен выступить с решительным заявлением. Признаюсь, я был согласен с ним на все сто процентов.

– Ну и ваши заявления возымели тот эффект, на который вы рассчитывали?

– Нет. Увы, произошел полный провал. И все из-за доктора Феррами. Она, видите ли, заявила прессе, что намерена полностью игнорировать нас. И тут мы ничего не могли поделать.

– А кто-либо вне стен университета как-то комментировал эту ситуацию?

– Разумеется.

В голосе Беррингтона прозвучала такая уверенность, что Стив сразу же насторожился. И сделал еще одну пометку.

– Мне позвонил Престон Барк, президент «Дженетико». Они являются главными нашими спонсорами и взяли на себя львиную долю финансирования исследовательской программы по близнецам, – пояснил Беррингтон. – Вполне естественно, что они проявляют беспокойство по поводу того, как именно тратятся их деньги. И после прочтения этой статьи у Барка создалось впечатление, что университетское начальство просто бессильно. «Кто, черт побери, руководит этим заведением?» – спросил он меня. Прямо так и спросил. Это очень, знаете ли, неприятно.

– Ну а лично вас что больше всего тревожит? Отсутствие должного уважения со стороны младшего по положению сотрудника?

– Разумеется, нет! Главная проблема – это урон, который может нанести университету деятельность доктора Феррами.

Неплохой ход, подумал Стив. Ведь в глубине души каждый из членов комитета просто содрогается при мысли о том, что какая-то ассистентка может бросить ему вызов. В этом Беррингтон, несомненно, заручился их симпатией. И Квинн тут же поспешил обобщить проблему, поднять ее на более высокий уровень, создать у членов комитета впечатление, что, уволив Джинни, они защищают само существование университета, а не мстят молодому сотруднику.

Беррингтон сказал:

– Любой университет должен быть предельно корректен в том, что касается прав личности. Спонсоры дают нам деньги, студенты соревнуются между собой за получение места, поскольку наше заведение считается одним из самых уважаемых и перспективных в стране. И одно только предположение, что мы без должного уважения относимся к соблюдению гражданских прав, может нас погубить!

Сформулировано все это было столь безупречно, что все сидевшие за столом дружно закивали. Даже Стив кивнул, показывая тем самым, что согласен.

Квинн спросил Беррингтона:

– Итак, сколько, по-вашему, существует вариантов разрешения этой ситуации?

– Только один. Мы должны продемонстрировать, что ни в коем случае не санкционировали и никогда не будем приветствовать вторжение в частную жизнь граждан. Кроме того, мы должны показать, что администрация университета в состоянии поддержать порядок в своем заведении. Поэтому было решено уволить доктора Феррами. Альтернативы просто не существует.

– Благодарю вас, профессор, – сказал Квинн.

Беррингтон сел.

Стив пал духом. Этот Квинн действительно мастер своего дела. А Беррингтон чертовски хитер. Сумел создать впечатление разумного и озабоченного исключительно интересами университета профессора, который просто не в силах справиться с упрямой, безрассудной и вспыльчивой подчиненной. Что касается вспыльчивости, то это качество налицо, члены комитета только что в этом убедились.

И однако, все изложенное было ложью. Права Джинни, а вовсе не Беррингтон. И он, Стив, здесь для того, чтобы это доказать.

– У вас есть вопросы, мистер Логан? – спросил Джек Баджен.

– Да, есть, – ответил Стив и поднялся. И выдержал небольшую паузу, собираясь с мыслями.

Сбылась его мечта. Нет, он не в зале суда и даже еще не стал настоящим адвокатом, но он защищает человека, жертву нападок и несправедливости. Противник его очень силен, все против него, но правда на его стороне. Разве не об этом мечтал он всю свою сознательную жизнь?...

Итак, он поднялся и пристально посмотрел на Беррингтона. Если Джинни права, то Беррингтон должен чувствовать себя сейчас в несколько двусмысленном положении. Ну, как, к примеру, чувствовал бы себя Франкенштейн, допрашиваемый своим монстром. И Стиву хотелось сыграть на этом. Для начала – чтобы хоть немного сбить с этого Беррингтона спесь, чтобы лишить его уверенности в себе. А уж потом перейти к более конкретным вопросам.

– Вы ведь меня знаете, не правда ли, профессор? – спросил он.

Беррингтон сразу же занервничал.

– Э-э... а, ну да. Кажется, мы познакомились в понедельник, верно?

– И вы знаете обо мне все.

– Я... э-э... не совсем вас понимаю.

– Я проходил испытания в вашей лаборатории, так что у вас имеется обо мне самая обширная информация.

– А, в этом смысле... Да, конечно.

Но беспокойство Беррингтона не проходило.

Стив встал за спинкой стула, на котором сидела Джинни, и теперь взоры всех присутствующих были устремлены на нее. Трудно думать плохо о человеке, который отвечает тебе честным, открытым взглядом.

– Профессор, позвольте мне начать с первого заявления, которое вы только что сделали. Вы сказали, что после разговора с доктором Феррами в понедельник решили обратиться за квалифицированным советом к юристу.

Это так?

– Да.

– Но ведь вы так и не обратились ни к какому юристу.

– Нет, просто замотался. Столько всяких дел навалилось.

– И вы не назначали никакой встречи с юристом?

– Я же говорю, времени не было.

– Но между вашим разговором с доктором Феррами и разговором с мистером Оубеллом о публикации в «Нью-Йорк таймс» прошло целых два дня. Неужели не было времени попросить секретаршу договориться о встрече с юристом?

– Так получилось.

– И вы не расспрашивали знакомых или коллег, которые могли бы вам подсказать, к кому обратиться?

– Нет.

– Так что вы ничем не можете подтвердить, что собирались это сделать?

Беррингтон самоуверенно улыбнулся.

– У меня, знаете ли, репутация честного человека.

– А доктор Феррами очень хорошо помнит этот разговор.

– Ну и на здоровье.

– И утверждает, что вы тогда и не думали упоминать о каких-либо проблемах этики или вторжения в частную жизнь. Вас тогда интересовал только один вопрос: как работает ее поисковая система?

– Возможно, она забыла.

– Или вы что-то путаете. – Стив почувствовал, что в этом раунде победил он. И резко сменил тактику. – Скажите, а эта мисс Фрилэндер, репортер из «Нью-Йорк таймс», говорила, откуда она узнала о работе доктора Феррами?

– Не знаю. Если даже и говорила, доктор Оубелл об этом не упоминал.

– А вы не спрашивали?

– Нет.

– И даже не задались вопросом, откуда она все это узнала?

– Ну, полагаю, у каждого репортера есть свои источники информации.

– А поскольку доктор Феррами не опубликовала пока что ни одной работы об этом проекте, источником могло быть некое частное лицо, верно?

Беррингтон заволновался и вопросительно взглянул на Квинна. Тот поднялся.

– Сэр, – обратился он к Джеку Баджену, – свидетели не должны

заниматься пустыми домыслами и рассуждениями.

Баджен кивнул. Стив сказал:

– Но здесь у нас не формальные слушания, мы не в суде.

Тут впервые заговорила Джейн Эдельсборо:

– А лично мне эти вопросы кажутся весьма любопытными и имеющими прямое отношение к делу.

Беррингтон бросил на нее мрачный взгляд, она слегка пожала плечами, словно извиняясь за что-то. «Интересно, каковы взаимоотношения между двумя этими людьми?» – подумал Стив.

Баджен медлил с ответом в надежде, что кто-то из членов комитета поддержит его точку зрения, но все молчали.

– Ладно, – сказал он после паузы, – продолжайте, мистер Логан.

Стив просто ушам своим не верил – он выиграл первый процедурный спор. Очевидно, профессорам просто не понравился этот самоуверенный адвокат, указывающий им, о чем можно говорить и о чем нельзя. В горле у него пересохло от волнения. Дрожащей рукой он налил себе воды из графина.

Отпил глоток, потом вновь обратился к Беррингтону:

– Очевидно, мисс Фрилэндер была неплохо осведомлена о характере исследований доктора Феррами, как вам кажется?

– Наверное.

– Ей был известен поисковый механизм, применяемый доктором Феррами при исследовании пар близнецов, она знала и о сканировании данных. Это совершенно новая методика, разработанная доктором Феррами. И о ней знали только вы и еще несколько коллег с кафедры психологии.

– Ну, раз вы так утверждаете...

– Так что, похоже, журналистка получила информацию с кафедры, верно?

– Возможно.

– Ну а какой же мотив мог быть у человека, передающего эту информацию? Кроме как скомпрометировать доктора Феррами и ее работу?

– Понятия не имею.

– Не кажется ли вам, что этот поступок мог совершить человек, одержимый злобой, возможно, завистью, чувством соперничества?

– Может быть.

Стив удовлетворенно кивнул. Он чувствовал, что взял верный тон, правильное направление. Возможно, ему все же удастся выиграть.

«Не обольщайся, – тут же напомнил он себе. – Это еще только начало».

– Так. Давайте перейдем ко второму сделанному вами здесь заявлению. Когда мистер Квинн спросил вас, комментировали ли статью в «Нью-Йорк таймс» люди, не принадлежавшие к университетским кругам, вы ответили: «Да, конечно». Вы не отказываетесь от этого утверждения?

– Нет.

– И сколько же именно звонков от спонсоров вы получили, не считая Престона Барка?

– Э-э... я говорил с Эрбом Абрахамсом...

Сразу видно, что блефует, подумал Стив.

– Простите, что перебиваю, профессор. – Беррингтон удивился, но тут же умолк. – Скажите, это мистер Абрахамс звонил вам или наоборот?

– Э-э... кажется, я сам звонил Эрбу.

– Мы еще вернемся к этому. А теперь скажите, сколько именно важных спонсоров звонили вам, чтобы выразить свою озабоченность публикацией в «Нью-Йорк таймс»?

Беррингтон заметно смутился.

– Не уверен, что они звонили только по этому конкретному вопросу.

– Ну а сколько было звонков от потенциальных студентов?

– Ни одного.

– А кто-либо звонил вам лишь с целью поговорить об этой самой статье?

– Вроде бы нет.

– Тогда, может, вы получали послания по почте?

– Пока нет.

– Похоже, вы несколько преувеличили шумиху, поднятую по этому поводу.

– Не уверен, что из всего этого можно сделать такой вывод.

Весьма уязвимое заявление, и Стив не стал его комментировать. Беррингтон смущался все больше. Члены комитета наострили уши и следили за каждым словом. Стив посмотрел на Джинни. Она ожила, в глазах засветилась надежда.

– Давайте теперь поговорим об одном телефонном звонке, – продолжил Стив. – Вы сказали, что вам звонил Престон Барк, президент «Дженетико», и представили все дело так, будто бы он просто спонсор, озабоченный тем, как тратятся его деньги. Но ведь он – нечто большее для вас, верно? Скажите, когда вы с ним познакомились?

– В Гарварде, сорок лет тому назад...

– Тогда он, должно быть, один из стариннейших ваших друзей?

– Да.

– И много лет спустя вы вместе с ним основали «Дженетико»?

– Да.

– Так что его можно считать и вашим деловым партнером.

– Верно.

– И в настоящее время компания находится в процессе передачи германскому фармацевтическому концерну «Ландсманн»?

– Да.

– И несомненно, мистер Барк должен получить немалую долю от этой сделки?

– Несомненно.

– Сколько же именно?

– Это конфиденциальная информация.

Стив решил не давить на него больше. Отказ Беррингтона назвать сумму говорил сам за себя.

– А другой ваш друг выступил с сенсационным заявлением. Я имею в виду сенатора Пруста. Сегодня утром в новостях сообщили, что он собирается использовать свою долю для финансирования предвыборной президентской кампании.

– Я не смотрел сегодня утренних новостей.

– Но ведь Джим Пруст ваш близкий друг, не так ли? Очевидно, вы знали о его намерениях баллотироваться в президенты?

– Полагаю, все знали, что он подумывает об этом.

– Ну а вы должны получить долю от этой сделки?

– Да.

Стив отошел от Джинни и приблизился к Беррингтону. Глаза всех присутствующих были устремлены на них.

– Так получается, вы не просто консультант? Вы еще и держатель акций?

– Не вижу в этом ничего особенного.

– И какую же именно сумму вы собираетесь получить?

– Полагаю, это конфиденциальная информация.

На сей раз Стив решил, что Беррингтону не удастся отделаться столь уклончивым ответом.

– Если верить опубликованным в «Уолл-стрит джорнал» данным, компания оценивается в сто восемьдесят миллионов долларов.

– Да.

– Сто восемьдесят миллионов долларов, – задумчиво повторил Стив. А потом выдержал долгую, многозначительную паузу. Такая куча денег профессуре и не снилась, и Стив хотел, чтобы члены комитета

почувствовали, какая пропасть разделяет их с Беррингтоном, поняли, что он вовсе не из их команды. – Таким образом, вы трое должны поделить между собой сто восемьдесят миллионов долларов.

Беррингтон молча кивнул.

– Вот поэтому-то вы и занервничали, узнав о публикации в «Нью-Йорк таймс». Ваш друг Престон продает компанию, ваш друг Джим баллотируется в президенты, а вы получаете целое состояние. Вы до сих пор уверены в том, что думали лишь о репутации университета Джонс-Фоллз, когда решили уволить доктора Феррами? Или же вас тревожило нечто другое? Давайте честно, профессор. Вы запаниковали, потому что вам есть что терять.

– Но я со всей определенностью...

– Прочли газетную статейку с обвинениями, решили, что это может помешать сделке, и поспешили выступить против доктора Феррами. Позволили «Нью-Йорк таймс» вас запугать.

– Дело не в «Нью-Йорк таймс». Я действовал быстро и решительно, но ничуть не поспешно.

– И даже не попытались выяснить, откуда к ним просочилась эта информация?

– Нет.

– И сколько же вы потратили дней на то, чтобы узнать правду и принять решение?

– Не много.

– Скорее часов, а не дней?

– Да, но...

– А возможно, на сочинение пресс-релиза с заявлением о том, что все исследования доктора Феррами прекращаются, понадобилось даже меньше часа?

– Уверен, что больше часа.

Стив выразительно пожал плечами:

– Ладно, проявим щедрость и будем считать, что на это ушло два часа. Но достаточно ли этого? – Он обернулся и указал на Джинни. – Вам понадобилось всего два часа, чтобы наложить запрет на всю исследовательскую программу молодого ученого? – Лицо Джинни болезненно исказилось. Стива пронзила жалость к ней. Но он вынужден был сыграть на ее эмоциях для ее же блага – повернуть нож в ране. – Считаете, что через два часа вы знали достаточно, чтобы принять решение, зачеркивающее годы ее работы? Достаточно, чтоб поломать ей столь многообещающую карьеру? Достаточно, чтобы разрушить жизнь

женщины?...

– Я хотел спокойно обсудить с ней это! – возмущенно возразил Беррингтон. – Но она вспылила, раскричалась и вышла из комнаты.

Стив колебался секунду-другую, потом все же рискнул.

– Она вышла из комнаты! – театрально передразнил он Беррингтона. – Вышла из комнаты! Еще бы! Ведь вы показали ей пресс-релиз, где говорится, что ее программа закрывается. Не удосужились узнать, как просочилась в газету информация, не проверили обоснованность выдвинутых против нее обвинений. Вот так, без каких бы то ни было разумных доводов и обсуждений, просто заявили молодому ученому, что жизнь ее кончилась полным крахом! И после этого еще возмущаетесь: видите ли, *она вышла из комнаты!* – Беррингтон хотел было возразить, но Стив ему не позволил. – Когда я думаю о той несправедливости, беззаконии, да просто глупости этого вашего поступка, профессор, то не нахожу причин, по которым доктор Феррами должна была тогда проявить сдержанность. Возмущение ее вполне понятно и оправданно. – Он вернулся на прежнее место, потом поднял глаза на членов комитета и добавил: – У меня больше нет вопросов.

Джинни сжала его руку. Он наклонился к ней и шепотом спросил:

– Как ты?

– Я в порядке.

Он похлопал ее по руке. Ему хотелось сказать: «Мы обязательно победим, вот увидишь», но он не стал искушать судьбу.

Поднялся Генри Квинн. Лицо его было непроницаемо. Да, этот человек был настоящим профессионалом, умел не показывать своих чувств, как бы скверно ни оборачивалось дело для его клиента.

Квинн спросил:

– Скажите, профессор, если бы университет не стал сворачивать программу доктора Феррами, не принял бы решение ее уволить, повлияло бы это на передачу «Дженетико» «Ландсманну»?

– Никоим образом, – ответил Беррингтон.

– Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Сильный ход, с горечью подумал Стив, одним махом перечеркнул весь его перекрестный допрос. Он постарался скрыть свое разочарование от Джинни.

Настала и ее очередь. Джинни спокойно, ясно и четко изложила суть своей исследовательской программы, объяснив важность этих исследований и необходимость подбирать в качестве испытуемых пары близнецов, воспитывавшихся раздельно. Она в деталях описала все

принятые ею меры предосторожности по сохранению медицинских данных ее испытуемых в тайне.

Стив ожидал, что Квинн начнет перекрестный допрос с целью доказать существование хотя бы минимального шанса, что конфиденциальная информация все же могла, пусть даже случайно, просочиться в средства массовой информации. Они с Джинни всю ночь репетировали ответы на возможные вопросы, при этом Стив выступал в роли обвинителя. Но, к его удивлению, Квинн никаких вопросов задавать не стал. Неужели испугался, что Джинни может достойно защитить себя? Или же был уверен в решении комитета?

Первым подвел итоги Квинн. Он повторил большинство доводов Беррингтона, причем сделал это куда более тенденциозно, чем ожидал Стив. Однако завершающая часть речи оказалась на удивление краткой и выразительной.

– Мы имеем дело с кризисом, которого просто не должно было быть по определению, – сказал он. – Университетское начальство реагировало самым адекватным образом. И всему виной именно вспыльчивый, импульсивный нрав и непреклонность доктора Феррами. Да, естественно, у нее был контракт, определяющий взаимоотношения с нанимателем. Но так уж сложилось, и не мне вам объяснять, что старший по должности всегда руководит младшим и направляет его. И последний, если он наделен хоть каким-то здравым смыслом, должен прислушиваться к советам старшего, наделенного большим опытом и мудростью. Упрямство доктора Феррами превратило проблему в кризис, и выход из этого кризиса только один. Она должна покинуть стены университета. – И он сел на свое место.

Настал черед Стива. Он репетировал эту речь всю ночь.

– Какова цель существования университета Джонс-Фоллз? – поднявшись, спросил он и выдержал паузу для большего драматического эффекта. – Ответ заключается в одном слове: знания. Если кратко определить роль университета в американском обществе, можно сказать: главная его функция – получение и накопление знаний. А также – распространение знаний.

Он поднял глаза на членов комитета, как бы ища у них поддержки. Джейн Эдельсборо кивнула. Остальные сидели с непроницаемыми лицами.

– Время от времени возникает угроза осуществлению этой функции, – продолжил Стив. – Всегда находятся люди, которые по той или иной причине хотят утаить правду. Причины могут быть разными: политические мотивы, религиозные предрассудки, – тут он покосился на Беррингтона, – или же коммерческий интерес. Полагаю, каждый присутствующий здесь

согласится со мной, что репутация любого университета определяется прежде всего его интеллектуальной независимостью. Нет, разумеется, эта независимость не исключает правил и обязанностей, например, обязанности соблюдать гражданские права каждого отдельного человека. Но на первом месте всегда должно находиться право университета на получение знаний, и соблюдение этого права будет лишь способствовать укреплению его репутации среди всех мыслящих людей.

Он обвел рукой членов комитета.

– Каждому присутствующему здесь дорог университет Джонс-Фоллз. Репутация каждого ученого зависит от репутации университета, в котором он работает. И я прошу вас задуматься прежде всего вот о чем: как повлияет ваш вердикт на Джонс-Фоллз, всегда славившийся свободой и независимостью научной мысли? Поддастся ли университет на дешевую журналистскую провокацию? Будет ли столь важная программа научных исследований закрыта в угоду коммерческим интересам? Надеюсь, что нет. Надеюсь, что комитет оправдает доньше безупречную репутацию университета Джонс-Фоллз, продемонстрировав, что истина для него превыше всего.

Тут Стив выдержал паузу, давая присутствующим возможность осознать значимость этих слов. По выражению лиц членов комитета было непонятно, тронула их его речь или нет. Он сел.

– Благодарю вас, – сказал Джек Баджен. – А теперь, будьте добры, покиньте зал все, кроме членов комитета.

Стив распахнул перед Джинни дверь, и они вышли в холл, а затем на улицу, спустились вниз по ступенькам и остановились в тени деревьев. Джинни была бледной от волнения.

– Ну, что скажешь? – спросила она.

– Мы должны победить, – ответил Стив. – Правда на нашей стороне.

– А что мне делать, если мы проиграем? – спросила она. – Уехать в Небраску? Работать в школе учительницей? Стать стюардессой, как Пенни Уотермидоу?

– Кто такая Пенни Уотермидоу?

Но Джинни не успела ответить. К ним, затягиваясь сигаретой, подошел Генри Квинн.

– А вы здорово выступили, – обратился он к Стиву. – Надеюсь, что несколько не уроню своего достоинства, если скажу, что встретил достойного противника.

Джинни фыркнула и отвернулась. Стив проявил большую сдержанность. Все адвокаты таковы – не прочь полюбезничать с

оппонентами вне зала суда. Кроме того, вполне возможно, в один прекрасный день ему придется просить работу у этого Квинна.

– Благодарю вас, – вежливо ответил он.

– Очень аргументированно и убедительно, – продолжил Квинн, поражая Стива своей откровенностью. – С другой стороны, в случаях, подобных этому, людей в первую очередь заботят собственные интересы. А все члены комитета – это университетская элита, профессора. И вряд ли они захотят поддержать молоденькую ассистентку, выступившую против одного из их группы, невзирая на самые убедительные аргументы.

– Но ведь все они ученые, – возразил Стив. – А стало быть, должны мыслить рационально.

Квинн кивнул:

– Возможно, вы и правы. – А затем, сощурившись, испытующе посмотрел на Стива. – Скажите, вы догадываетесь, что происходит в действительности?

– О чем вы? – осторожно спросил Стив.

– Но ведь совершенно очевидно, что Беррингтон сильно напуган. И волнует его вовсе не репутация университета. Вот я и решил спросить, известно ли вам и доктору Феррами, чего он действительно боится?

– Полагаю, что известно, – сказал Стив. – Но пока мы еще не можем этого доказать.

– Что ж, продолжайте искать, – сказал Квинн, бросил окурок на землю и растоптал его каблуком. – И упаси нас всех Господь от президента Джима Пруста. – С этими словами он ушел.

Вон оно что, подумал Стив. Оказывается, этот Квинн в глубине души либерал.

В дверях появился Джек Баджен и поманил их к себе. Стив взял Джинни под руку, и они вернулись в зал.

Он всмотрелся в лица членов комитета. Джек Баджен спокойно выдержал его взгляд, Джейн Эдельсборо ответила еле заметной улыбкой.

Добрый знак, подумал Стив, и надежда в его душе вновь ожила.

Они сели.

Джек Баджен долго шуршал какими-то бумагами. Наконец он заговорил:

– Благодарим обе стороны за то, что данные слушания прошли достойно. – Тут он нахмурился и выдержал паузу. – Решение наше единодушно. Мы рекомендуем сенату университета уволить доктора Феррами с занимаемой должности. Спасибо всем.

Джинни обхватила голову руками.

Оставшись наконец одна, Джинни упала на кровать и разрыдалась.

Плакала она долго. Била кулаком подушку, выкрикивала самые страшные из известных ей ругательств. Затем зарылась лицом в одеяло и снова плакала. Простыни были мокрыми от слез и перепачканы черной тушью.

Потом она встала, умылась и поставила на плиту кофейник.

– Ведь не рак же у тебя, в конце-то концов! – сердито сказала она себе. – Хватит ныть, возьми себя в руки. – Но это оказалось непростой задачей. Да, смерть ей пока не грозит, но она потеряла все, ради чего жила.

Джинни вспомнила юность. Ей двадцать один, она только что с отличием окончила колледж и выиграла кубок «Мейфэр лайтс». Она видит себя на корте: вот она с торжествующим видом поднимает над головой свой трофей. Тогда казалось, что весь мир у ее ног. Теперь же она думала о той девушке с кубком, как о совершенно чужом человеке.

Она села на диван и стала пить кофе. Отец, этот старый мерзавец, украл у нее телевизор, так что даже какую-нибудь дурацкую «мыльную оперу» теперь не посмотришь, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Пожалуй, она съела бы шоколадку. А может, выпить? Но она тут же решила, что после этого станет только хуже. Что, если пойти и купить новую одежду? Нет, она еще, чего доброго, разрыдается в примерочной, так что не стоит рисковать.

Часа в два зазвонил телефон. Джинни не подошла к нему. Но звонивший был настойчив, ей надоело слушать непрерывные звонки, и она сняла трубку.

Это был Стив. Сразу же после слушаний он отправился в Вашингтон на встречу со своим адвокатом.

– Я сейчас звоню от него, – сказал он. – Мы решили, что ты должна подать на университет в суд и заставить их отдать незаконно присвоенное имущество – список из ФБР. Моя семья готова оплатить все расходы. Они считают, что для всех нас очень важно найти третьего близнеца.

– Плевала я на третьего близнеца! – огрызнулась Джинни.

Последовало молчание, затем он сказал:

– Это для меня важно.

Джинни вздохнула. *Мало мне своих забот и неприятностей, так еще надо думать о Стиве!* Но она тут же устыдилась своих мыслей. *Ведь он*

заботился обо мне!...

– Извини, Стив, – сказала она. – Просто сижу тут и упиваюсь своим несчастьем. Конечно, я тебе помогу. Что надо делать?

– Ничего. Адвокат сам составит иск и обратится в суд, если ты даешь свое согласие.

– Скажи, а тебе не кажется, что это опасно? Ведь, насколько я понимаю, придется уведомить университет. И тогда Беррингтон поймет, где находится список. И успеет завладеть им раньше, чем мы.

– Черт, ты права! Погоди минутку, я посоветуюсь с адвокатом.

Минуту спустя в трубке зазвучал незнакомый голос.

– Доктор Феррами? С вами говорит Рансиман Брюэр, адвокат Стива. Где находятся эти данные?

– В моем кабинете, в письменном столе. Записаны на дискету. Я пометила ее словами «Список покупок».

– Мы можем получить разрешение на доступ в ваш кабинет, не уточняя, что именно ищем.

– Тогда, наверное, они просто сотрут все, что есть у меня в компьютере и на дисках.

– Да, пожалуй, вы правы.

Стив взял трубку.

– Нам нужен взломщик.

– О Господи!... – пробормотала Джинни. – Что?

Отец.

– Что вы сказали, доктор Феррами? – переспросил адвокат.

– А нельзя ли отсрочить подачу этого иска?

– Можно. В любом случае, раньше понедельника нам не успеть. А почему вы спрашиваете?

– Просто пришла в голову одна мысль. Посмотрим, может, у меня и получится. А если нет, на следующей неделе начнем юридические процедуры. Стив?

– Да, я слушаю.

– Перезвони мне позже.

– Непременно.

Джинни повесила трубку.

В кабинет может пробраться отец. Сейчас он, наверное, у Пэтти. Он на мели, а потому идти ему больше некуда. И еще: он ее должник. Еще какой должник!...

Если удастся найти третьего близнеца, Стива оправдают. А если она сумеет доказать, какими темными делами занимались в семидесятых

Беррингтон и его закадычные дружки, то, возможно, ей вернут работу.

Но можно ли просить отца пойти на такое? Ведь это прямое нарушение закона. И если он попадет, дело может кончиться тюрьмой. Рисковать отцу, конечно, не привыкать, но на сей раз это будет ее вина.

Такие, как он, никогда не попадают, твердила она себе.

В дверь позвонили. Она сняла трубку домофона.

– Да?

– Джинни?

Страшно знакомый голос.

– Да, я, – ответила она. – Кто это?

– Уилл Темпл.

– Уилл?...

– Послал тебе два письма электронной почтой, разве ты не получала?

Господи, что это здесь делает Уилл Темпл? Только его не хватало.

– Входи, – сказала она и нажала на кнопку.

Она смотрела, как он поднимается по лестнице. Светло-коричневые хлопковые брюки, темно-синяя рубашка с воротником-стойкой. Волосы острижены коротко, и хотя у него по-прежнему была борода, которая всегда так нравилась ей, на сей раз она уже не топорщилась крутыми светлыми завитками, а была аккуратно подстрижена. Видно, ее преемница следила за внешностью Уилла и привела его в божеский вид.

Он потянулся было поцеловать Джинни, но та отстранилась. И вместо поцелуя протянула руку.

– Вот так сюрприз, – заметила она. – Не ждала. Последние два дня я не могла получить доступ к своей электронной почте.

– Еду на конференцию в Вашингтон, – объяснил Уилл. – Взял напрокат машину, вот и решил заскочить по дороге.

– Кофе хочешь?

– С удовольствием.

– Да ты садись. – Она налила воды, поставила кофейник на плитку.

Он огляделся.

– Славная у тебя квартирка.

– Спасибо.

– Другая.

– Хочешь сказать, отличается от прежней? – Гостиная в их прежней квартире в Миннеаполисе являла собой громадное захламленное помещение, заставленное огромными диванами и креслами, заваленное велосипедными колесами, теннисными ракетками и гитарами. Эта комната по сравнению с той – прямо-таки образец чистоты и порядка. – Наверное,

просто реакция на тот бардак, который царил тогда у нас.

– Но ведь тебе вроде бы нравилось.

– Да, тогда нравилось. Но все меняется.

Он кивнул и сменил тему разговора:

– Читал о тебе в «Нью-Йорк таймс». Полная чушь, а не статья.

– Однако эта чушь меня погубила. Сегодня меня уволили с работы.

– Быть того не может!

Она налила кофе, села напротив него за кухонный стол и рассказала, как проходили слушания. А когда закончила, Уилл спросил:

– Этот парень, Стив... У тебя с ним серьезно?

– Пока еще не знаю.

– Так вы с ним встречаетесь или нет?

– Нет. Но он не прочь, и он мне действительно нравится. Ну а ты как?

Джорджина Тинкертон-Росс все еще имеет место быть?

– Нет. – Уилл удрученно покачал головой. – Знаешь, Джинни, я приехал, чтобы сказать тебе, что лишь недавно осознал, какую ужасную ошибку совершил, расставшись с тобой.

Джинни была тронута. Он говорил так искренне, смотрел так грустно. В то же время она испытывала нечто похожее на злорадство, ей было приятно, что он сожалеет об их разрыве. Но с другой стороны, ей вовсе не хотелось видеть Уилла таким несчастным.

– Ты – самое лучшее, что было у меня в жизни, – сказал Уилл. – Ты сильная и вместе с тем такая добрая. И еще ты умная, мне нужен рядом умный человек. Мы были просто созданы друг для друга. Мы любили друг друга.

– Я тогда очень переживала, – сказала Джинни. – Но со временем это прошло.

– А у меня не прошло.

Она окинула его оценивающим взглядом. Крупный, сильный мужчина – конечно, не такой интересный, как Стив, но тоже привлекательный, только в более брутальном духе. Ей вдруг стало любопытно: какие же чувства вызывает сейчас у нее этот мужчина? Она прислушалась к себе – нет, от бывшего физического влечения, которое некогда испытывала она к Уиллу, не осталось и следа.

Теперь понятно: он пришел просить ее вернуться к нему. И она знала, каков будет ответ. Он ей больше не нужен. Он опоздал на неделю.

И будет гораздо гуманнее не подвергать его унижениям, не заставлять просить и умолять, чтобы затем отвергнуть. Она встала.

– Знаешь, Уилл, у меня есть одно важное дело, мне пора бежать. Жаль,

что я не получила твоих писем, иначе мы могли бы провести больше времени вместе.

Он все понял и сразу помрачнел.

– Жаль, – вздохнул он и тоже поднялся. Она протянула руку для рукопожатия.

– Спасибо, что заскочил. Рада была тебя видеть.

Он притянул ее к себе, чтобы поцеловать. Джинни подставила щеку. Он легонько чмокнул ее, потом отпустил.

– Хотел бы я переписать этот наш сценарий, – заметил он после паузы. – Снабдил бы его более счастливым концом.

– До свидания, Уилл.

– Прощай, Джинни.

Она смотрела, как он спустился вниз по лестнице и исчез за дверью.

В комнате зазвонил телефон. Джинни схватила трубку:

– Алло?

– Увольнение – еще не самое худшее, что может случиться с человеком.

Мужской голос, звучит слегка приглушенно, словно человек говорит, прикрыв рот платком.

– Кто это? – спросила Джинни.

– Прекрати совать свой нос в дела, которые тебя не касаются.

Да что же это такое, черт побери?...

– Какие еще дела?

– Тот, кого ты встретила в Филадельфии, должен был тебя убить.

У Джинни перехватило дыхание. Ею овладел страх. Голос между тем продолжал:

– Он увлекся и все испортил. Но может навестить тебя в один прекрасный день.

– О Господи!... – пробормотала Джинни.

– Так что я тебя предупредил.

Щелчок, частые гудки. Он повесил трубку.

Джинни сидела и тупо смотрела на телефон. Затем поднялась.

Ей еще никто никогда не угрожал. Это просто ужасно – знать, что на свете существует человек, готовый тебя убить. От страха ее словно парализовало. *Что делать, что же теперь делать?...*

Джинни уселась на диван, пытаясь собраться с мыслями, успокоиться. Она чувствовала, что готова сдаться. Она слишком устала и изнервничалась, чтобы и дальше противостоять этим могущественным, прячущимся в тени врагам. Они добились ее увольнения, организовали

покушение на ее жизнь, устроили обыск в кабинете, забрали ее электронную почту. Да эти люди способны на все! Даже на убийство.

Нет, это несправедливо! Какое они имеют право? Она хороший, серьезный ученый, а они погубили ее карьеру. Хотят упечь Стива за решетку, свалить на него изнасилование Лизы. И вот теперь открыто угрожают убить ее. Джинни почувствовала, как в ней закипает гнев. Да кто они такие и что о себе вообразили? Она не позволит этим ничтожным подлецам и трусам разрушить ее жизнь. Они привыкли манипулировать людьми, готовы на все ради собственной выгоды, им плевать на весь остальной мир. И чем больше Джинни думала об этом, тем сильнее становился ее гнев.

«Я не позволю им победить, – подумала она. – Просто не дам, и все тут! Я могу нанести ответный удар. У меня есть власть над этими подонками, должна быть, иначе они не стали бы меня запугивать, угрожать, что убьют. Это значит, что они меня боятся. И мне придется употребить эту власть, чего бы мне это ни стоило. Пусть убивают, мне плевать, но я успею спутать им все карты. Я умная, у меня хватит решимости! Я Джинни Феррами, черт побери! Так что держитесь, ублюдки, я иду!»

Отец Джинни сидел на диване в большой захлавленной гостиной Пэтти, пил кофе, жевал пирог с морковной начинкой и смотрел по телевизору какой-то сериал из жизни врачей.

Войдя и увидев его, Джинни не сдержалась.

– Как ты мог? – воскликнула она. – Как ты только мог ограбить родную дочь?!

Он вскочил, пролил кофе на брюки, уронил кусок пирога.

Следом за Джинни вошла Пэтти.

– Только без сцен, прошу вас, – сказала она. – Тем более, что Зип скоро придет.

– Прости, Джинни, – пробормотал отец. – Мне так стыдно, правда, честное слово...

Пэтти присела на корточки и принялась вытирать пятна кофе куском бумажного полотенца. На экране красивый врач в облачении хирурга целовал хорошенькую девушку.

– Ты же знаешь, что я нищая! – продолжала кричать Джинни. – Знаешь, что из последних сил надрываюсь, чтобы собрать денег и перевести маму – твою, между прочим, жену – в более приличное заведение! А ты крадешь мой долбаный телевизор!

– Не надо ругаться...

– Господи, дай мне силы!...

– Прости, дочка.

– Нет, я этого не понимаю, – уже спокойнее произнесла Джинни. – Просто в голове не укладывается!...

– Да оставь ты его в покое, Джинни, – сказала Пэтти.

– Нет, я все же хочу понять. Как может человек пойти на такое?

– Ладно. Я тебе скажу, – неожиданно серьезно произнес отец. – Скажу, почему сделал это. Да просто потому, что потерял кураж! Черт!... – На глазах его выступили слезы. – Я ограбил родную дочь, потому что стал слишком стар и побоялся ограбить кого-то другого. Вот, теперь ты знаешь правду.

Гнев Джинни тут же испарился.

– О, папа, прости! – пробормотала она. – Сядь. Погоди, я принесу щетку.

Она подобрала перевернутую чашку и отнесла на кухню. Вернулась со

щеткой и начала подбирать рассыпавшиеся крошки. Пэтти закончила оттирать пятна кофе.

– Я не заслуживаю таких дочерей, я это прекрасно знаю, – заявил отец и опустился на диван.

– Я принесу тебе еще кофе, – сказала Пэтти.

Хирург в телевизоре предложил: «Давай уедем куда-нибудь. Вдвоем, только ты и я. Туда, где нам будет хорошо». Девушка ответила: «Но как же твоя жена?» – и хирург сразу помрачнел. Джинни выключила телевизор и присела на диван рядом с отцом.

– Как это понимать – ты потерял кураж? – спросила она. – Что случилось?

Он вздохнул.

– Я вышел из тюрьмы и обчистил один дом в Джорджтауне. Так, одну небольшую контору по архитектуре и проектированию. Они только что приобрели для своих сотрудников штук пятнадцать или двадцать компьютеров. Ну и другое барахло, всякие там принтеры и факсы. А навел меня на них парень, поставлявший им это оборудование. Сам собирался перекупить у меня все по дешевке и снова перепродать той же фирме, после того, как они получают страховку. Я должен был получить десять тысяч долларов.

– Не хочу, чтобы мои мальчики слышали это, – сказала Пэтти. Проверила, нет ли ребятишек в холле, и плотно затворила дверь.

– Но что-то пошло не так? – спросила Джинни у отца.

– Я подогнал грузовик к задней двери, отключил сигнализацию и вошел внутрь. А потом вдруг подумал: что будет, если сюда забредет какой-нибудь коп? Прежде мне было плевать, я о таких вещах никогда не задумывался. На меня вдруг напал такой страх, что я начал дрожать, как осиновый лист. Вошел, отключил от сети один компьютер, вынес его на улицу, поставил в фургон и уехал. А на следующий день пришел к тебе.

– И ограбил уже меня.

– Я не хотел, правда, детка. Думал, ты поможешь мне встать на ноги, найти какую-нибудь работу. А потом, когда ты ушла, оно вдруг вернулось. Ну, прежнее состояние. Я сидел, смотрел на стереоприемник и думал, что уж пару сотен за него точно можно выручить. Ну и еще сотню за телевизор. Вот и решился. А когда продал, мне стало так мерзко, прямо хоть руки на себя накладывай, честно тебе говорю.

– Но ведь не наложил же.

– Джинни! – одернула ее Пэтти.

– Заскочил в бар, выпил, потом сел играть в покер и к утру все

спустил. Опять остался без гроша.

– А потом решил наведаться к Пэтти.

– Я бы никогда не поступил так с тобой, Пэтти! Больше никогда, ни за что, ни за какие коврижки! Я хочу исправиться.

– Никогда не поздно, – заметила Пэтти.

– Я должен. У меня просто нет другого выбора.

Джинни сказала:

– Пока что придется это отложить.

Оба они удивленно уставились на нее.

– О чем это ты, Джинни? – нервно спросила Пэтти.

– Ты должен сделать еще одну работенку, – сказала Джинни отцу. – Для меня. Ограбление со взломом. Сегодня ночью.

Ко времени, когда они оказались в кампусе Джонс-Фоллз, на улице начало смеркаться.

– Жаль, что другой машины у нас нет, – сказал отец. – Эта уж больно приметная.

Джинни оставила свой красный «мерседес» на студенческой стоянке.

– Вот «форд-таурус» или там «бьюик-регал» были бы в самый раз, – не унимался отец. – За день штук пятьдесят таких на дороге можно увидеть, никто бы и не запомнил.

Он вылез из машины с потрепанным кожаным портфелем в руке. Клетчатая рубашка, неглаженные брюки, длинные неопрятные пряди волос и старые ботинки – ну точь-в-точь какой-нибудь профессор.

У Джинни возникло странное ощущение. Она, на протяжении многих лет зная, что отец ее вор, сама ни разу в жизни не совершила ни одного противозаконного поступка, если не считать превышения скорости. И вот теперь она собирается проникнуть в здание, куда доступ ей закрыт. Этим поступком она как бы перечеркивает всю свою прежнюю жизнь. При этом она вовсе не чувствовала себя виноватой. Все же что-то в ней изменилось. Она всегда считала себя законопослушным человеком. А все преступники, в том числе и отец, казалось, принадлежали к какому-то другому виду. И вот теперь она с ними заодно.

Почти все студенты и преподаватели разошлись по домам, но люди в кампусе еще были: ученые, заработавшиеся допоздна, студенты, торопившиеся на свидания или вечеринки. Уборщики собирали мусор и запирали двери, охранники патрулировали территорию. Джинни оставалось только надеяться, что она не встретит кого-то из знакомых.

Она была напряжена до предела – точно гитарная струна, готовая лопнуть. Она боялась за отца больше, чем за себя. Если их поймают, ее ждет стыд и позор, но не более того. Ее не посадят в тюрьму за то, что она проникла в собственный кабинет и забрала оттуда дискету. А вот отца, с его прошлым, упекут за решетку на долгие годы. И выйдет он оттуда дряхлым стариком.

Загорелись уличные фонари, в нескольких окнах вспыхнул свет. Джинни с отцом прошли мимо теннисного корта, где в свете прожекторов играли две женщины. Джинни вспомнила: впервые Стив заговорил с ней именно здесь, в воскресенье, сразу после игры. Едва бросив на него взгляд,

она тут же решила отшить его: слишком уж самоуверенным и довольным собой он ей показался. Как же она заблуждалась!...

Она кивком указала на здание психологического факультета.

– Здесь, – сказала она. – Все называют его Дурдомом.

– Иди дальше, не останавливаясь, – шепнул он. – Как открывается главная входная дверь?

– С помощью пластиковой карточки, той же самой, что открывала дверь и в мой кабинет. Но теперь она не работает. Надо было взять у кого-нибудь.

– Это не обязательно. Ненавижу всякие осложнения. А как пройти к заднему входу?

– Сейчас покажу.

Дурдом огибала тропинка, ведущая к гостевой автостоянке. Джинни пошла по ней, затем резко свернула за угол, и они оказались в маленьком, вымощенном плиткой заднем двореке. Отец профессиональным взглядом окинул стену здания.

– А это что за дверь? – указал он пальцем.

– Кажется, пожарный вход.

Он кивнул:

– Наверное, на уровне груди там есть такая распорка. Если налечь всем телом, дверь откроется.

– Наверное. Так мы через нее войдем?

– Ага.

Тут Джинни вспомнила, что с обратной стороны двери висит табличка с надписью «ДВЕРЬ НА СИГНАЛИЗАЦИИ».

– Тебе придется сначала отключить сигнализацию, – сказала она отцу.

– Не придется, – ответил тот и огляделся. – Лучше скажи, тут много людей шастает?

– Нет. Особенно по ночам.

– Вот и хорошо. Ладно, давай за работу. – Он поставил портфель на землю, открыл его и достал небольшую пластиковую коробочку со шкалой. Нажал на кнопку и начал водить коробочкой вокруг двери, не отрывая при этом от шкалы глаз. Вот стрелка резко скакнула в правый верхний угол. Отец довольно хмыкнул, положил коробочку обратно в портфель, затем извлек из него какой-то другой инструмент, а также катушку с электрическим проводом. Постучал инструментом по верхнему правому углу дверной рамы и щелкнул переключателем. Коробочка издала тихий гул. – Это запутает систему сигнализации, – коротко объяснил он.

Затем он отмотал довольно длинный кусок провода, согнул его, ловко

и аккуратно скрутил и вставил изогнутый конец в щелочку в двери. Поводил им несколько секунд, затем толкнул дверь плечом.

Дверь отворилась. Сигнализация не сработала. Он подхватил портфель и шагнул внутрь.

– погоди, – сказала вдруг Джинни. – Знаешь, нехорошо это. Закрой дверь и пошли домой.

– Да перестань ты. Не надо бояться.

– Я не могу с тобой так поступить. Если тебя поймают, ты выйдешь из тюрьмы лет в семьдесят, не раньше.

– Но, Джинни, я хочу это сделать. Я всегда был плохим отцом. Вот и хочу хоть чем-то помочь своей дочке, хотя бы для разнообразия. Это для меня важно. Пошли! Прошу тебя, пожалуйста.

Джинни шагнула следом за ним. Он затворил дверь.

– Показывай дорогу.

Она провела его по пожарной лестнице на второй этаж, а потом, по коридору, к двери своего кабинета. Отец шел за ней по пятам. Она указала на дверь.

Он достал из портфеля еще какой-то электрический инструмент. На сей раз это была небольшая металлическая пластина с подведенными к ней проводками. Отец вставил пластину в щель для карты, нажал какую-то кнопку.

– Сейчас перепробует все возможные комбинации, – пояснил он.

Джинни была просто потрясена легкостью, с какой удалось проникнуть в здание, оснащенное современными средствами охраны.

– Знаешь что? – шепнул отец. – А мне ни чуточки не страшно.

– А я ужасно боюсь, – призналась Джинни.

– Нет, серьезно. И кураж вернулся. Наверное, потому, что ты со мной. – Он усмехнулся. – Из нас получилась бы неплохая команда!...

Джинни покачала головой:

– Даже думать не смей. Я просто умираю от страха.

И тут вдруг ей пришло в голову, что Беррингтон вполне мог побывать в ее кабинете и забрать компьютер и все дискеты. Тогда, выходит, они рискуют напрасно?...

– Сколько времени это займет? – спросила она.

– Секунду.

И вот дверь бесшумно приоткрылась.

– Ну, что ж ты не заходишь? – В голосе отца звучала гордость.

Она вошла и включила свет. Компьютер на своем месте, стоит на столе. Джинни выдвинула ящик. И коробочка с дискетами, слава Богу, на

месте. Она пошарила в ней, достала дискету с надписью «Список покупок».

– Слава тебе, Господи!...

Теперь, когда дискета была у нее в руках, ей не терпелось прочесть записанную на ней информацию. И хотя она понимала, что надо как можно скорее выбраться из Дурдома, искушение оказалось слишком сильным. Надо взглянуть на файл прямо здесь и сейчас. Ведь дома теперь компьютера у нее нет – отец украл и продал. И она решила воспользоваться представившейся возможностью.

Включила стоявший на столе компьютер и стала ждать, пока он загрузится.

– Ты что делаешь? – спросил отец.

– Хочу посмотреть этот файл.

– Неужели это нельзя сделать дома?

– Ты что, забыл, папа? Дома компьютера у меня больше нет. Украли.

Он пропустил этот выпад мимо ушей.

– Нам надо спешить. – Он подошел к окну и выглянул.

Экран замерцал голубоватым светом. Джинни вставила дискету в дисковод и включила принтер. И сразу же заверещала сигнализация.

Сердце у Джинни остановилось. Звук показался оглушительным.

– Что случилось? – вскрикнула она.

Отец побелел от страха.

– Должно быть, этот чертов излучатель подвел или кто-то снял его с двери! – крикнул он. – Нам конец, Джинни! Бежим!

Джинни уже собралась было выхватить дискету из компьютера и последовать совету отца, но что-то ее остановило. Она пыталась рассуждать спокойно. Если их сейчас схватят, а дискету отберут, она потеряет все. Надо воспользоваться моментом и взглянуть на список. Она схватила отца за руку.

– Сейчас! Еще несколько секунд!

Он снова выглянул из окна.

– Черт!... Похоже, охранники!

– Мне надо сделать распечатку! Подожди!...

Он дрожал, как осиновый лист.

– Не могу, Джинни! Не могу. Ты уж прости! – С этими словами отец схватил свой портфель и убежал из комнаты.

Джинни почувствовала к нему жалость, но руки продолжали делать свое дело. Она выделила «мышкой» файл ФБР, затем дала команду «Печать».

Ничего не произошло. Видно, принтер еще только разогревался. Она тихо чертыхнулась и подошла к окну. Двое охранников входили в здание. Она заперла дверь в свой кабинет и опять вернулась к принтеру.

– Давай! Ну давай же!...

Мигнула лампочка, принтер тихо заурчал и начал всасывать первый лист бумаги. Она выхватила дискету из дисководов и сунула ее в карман своего ярко-синего жакета. Принтер заглотил четыре листа бумаги, затем остановился. С бешено бьющимся сердцем Джинни выхватила странички из держателя и пробежала их глазами.

Там было тридцать или сорок пар имен и фамилий. По большей части мужчины, что неудивительно: ведь почти все преступления совершаются мужчинами. Кое-где вместо домашнего указан адрес тюрьмы. Именно такой список мечтала она получить для своих исследований. Но сейчас ей нужно было нечто большее. Она вновь пробежала глазами страницы в поисках имен «Стивен Логан» или «Деннис Пинкер».

Оба были в списке. И от них шла стрелочка к третьему: «Уэйн Стэттнер».

– Есть! – возбужденно воскликнула Джинни.

И адрес тоже имелся: этот человек проживал в Нью-Йорке. И телефон был указан, и начинался он с кода «212».

Она не сводила глаз с этих двух слов. *Уэйн Стэттнер*. Тот самый парень, который изнасиловал Лизу в спортивном зале, который напал на Джинни в Филадельфии.

– Ах ты, ублюдок! – злобно прошептала она. – Ничего, мы тебя из-под земли достанем!

Но прежде надо было убежать и унести с собой полученную информацию. Она сунула бумаги в карман, выключила свет и отперла дверь.

В коридоре слышались чьи-то голоса, сирена продолжала завывать. Слишком поздно!...

Джинни осторожно притворила дверь. Колени у нее дрожали, она привалилась к косяку и прислушалась.

И различила мужской голос:

– Уверен, что видел свет в одном из них!

Ему ответил другой голос:

– Тогда будем проверять все по очереди.

Джинни в панике оглядела кабинет. Спрятаться было негде. Осторожно приоткрыла дверь. Никого не видно и не слышно. Она выглянула. В дальнем конце коридора из распахнутой двери падал свет.

Она выжидала. Увидела, как охранники оттуда вышли, выключили свет, закрыли дверь и двинулись к следующей. Это была дверь в лабораторию. Помещение просторное, так что на обыск уйдет минуты две, не меньше. Может, ей удастся за это время проскользнуть мимо незамеченной?

Джинни шагнула в коридор и дрожащей рукой затворила за собой дверь.

И пошла по коридору, стараясь ступать как можно тише и сдерживаясь изо всех сил, чтобы не побежать.

А вот и лаборатория. Не в силах преодолеть искушения, она заглянула в приоткрытую дверь. Оба охранника стояли к ней спиной, один заглядывал в вытяжной шкаф, другой рассматривал ряды пробирок в штативах на столе с подсветкой. Они ее не заметили.

Ну вот, почти дошла.

Она достигла конца коридора и открыла дверь. Но не успела она сделать и шага, как ее окликнул чей-то голос:

– Эй, вы! Стойте!

Она подавила желание бежать сломя голову, притворила дверь и обернулась, изобразив на лице улыбку.

С другого конца коридора к ней бежали два охранника. Пожилые, обоим под шестьдесят, видно, из отставных полицейских.

В горле у Джинни стоял ком, во рту пересохло, но она сделала над собой усилие.

– Добрый вечер, – сказала она. – Чем могу помочь, джентльмены? – Дрожи в ее голосе они не слышали, все перекрывал вой сирены.

– Да сигнализация в здании сработала, – сказал один из охранников.

– Думаете, сюда забрался кто-то из посторонних? – Глупо, но лучшего она не смогла придумать.

– Наверное. Скажите, профессор, вы не видели или не слышали ничего подозрительного?

Стало быть, охранники признали в ней свою. Уже хорошо.

– Вообще-то слышала. Показалось, что где-то разбили стекло. Но вроде бы шум был этажом выше, хотя точно не скажу, не уверена.

Охранники переглянулись.

– Пошли проверим, – сказал один из них. Другой оказался более бдительным.

– Могу я спросить, что у вас в карманах, мэм?

– Бумаги.

– Ну, это понятно. Нельзя ли взглянуть на них?

Джинни не собиралась отдавать эти листки кому бы то ни было,

слишком уж дорогой ценой достались они ей и слишком много значили. И она сделала вид, что не против, а затем будто бы передумала.

– Да, конечно, – сказала она и достала распечатку из кармана. Потом сложила пополам и снова убрала в карман. – Хотя, пожалуй, нет... Знаете ли, здесь сугубо личная информация.

– Но я настаиваю. На инструктаже нам говорили, что бумаги в таком месте, как это, могут представлять огромную ценность.

– К сожалению, я не могу позволить вам заглядывать в мою частную корреспонденцию на том лишь основании, что в здании, видите ли, сработала сигнализация.

– В таком случае я вынужден просить вас пройти с нами в офис нашего начальства, там и разберемся.

– Хорошо, – сказала Джинни. – Буду ждать вас на выходе. – И, скользнув за дверь, начала спускаться по ступенькам.

Охранники бросились следом.

– Стойте! Погодите!

Они догнали ее только в вестибюле первого этажа. Один взял ее под руку, другой открыл дверь. Они вышли на улицу.

– Незачем меня держать, – сказала Джинни.

– Уж лучше подержу, – ответил охранник. Он тяжело дышал, совсем запыхался, пока догонял ее.

Видали мы такое и прежде, подумала Джинни. Впилась в его руку пальцами, крепко сдавила. Охранник тихо ойкнул и отпустил ее.

И Джинни побежала.

– Эй! Ах ты, сучка, а ну стой!

Но шансов у них не было. Джинни была на двадцать пять лет моложе и бегала, как скаковая лошадь. Она убегала от охранников все дальше, и страх постепенно отпускал ее. Она мчалась как ветер и громко хохотала. Они пробежали за ней еще несколько ярдов, потом, окончательно отстав, махнули рукой. Джинни обернулась: ее преследователи стояли посреди дорожки и пытались отдышаться.

А вот и автостоянка. Отец ждал ее рядом с машиной. Она отперла дверцу, они оба уселись. Джинни выехала со стоянки с выключенными фарами.

– Ты уж извини, Джинни, – сказал отец. – Я думал, раз могу делать это для себя, почему бы не сделать и для родной дочки. Но, видно, проку от меня больше нет. Утратил мастерство. Больше никогда не пойду на грабеж.

– Что ж, хорошая новость! – весело ответила она. – И я получила то, что хотела!

– Жаль, что я не был для тебя хорошим отцом. Теперь, видно, уже поздно начинать.

Она выехала с территории кампуса на улицу и включила фары.

– Начинать никогда не поздно, папа. Правда.

– Ну, не знаю. Может быть. Но я очень старался, ты уж поверь.

– Еще как! И у тебя получилось. Без тебя я ни за что бы не справилась!

– Да, вот тут ты точно права.

Она ехала быстро, спешила домой. Ей не терпелось проверить тот телефонный номер в распечатке. Что, если он старый? Тогда будут проблемы. Ей до смерти хотелось услышать голос Уэйна Стэттнера.

Они вошли в квартиру, и она тут же бросилась к телефону. Набрала номер.

Долгие гудки. Потом ответил мужской голос.

– Алло?

От волнения Джинни не могла вымолвить ни слова. Потом взяла себя в руки.

– Нельзя ли поговорить с Уэйном Стэттнером?

– Я слушаю. Кто это?

Да, голос похож на голос Стива. *Ах ты, тварь эдакая, мерзавец!* Она подавила отвращение и гнев.

– Мистер Стэттнер, я представляю маркетинговую компанию. Ваш телефон был выбран компьютером, и мы хотим сделать вам одно весьма заманчивое предложение...

– Да пошла ты к черту! – рявкнул он и повесил трубку.

– Это он, – сказала Джинни отцу. – Голос в точности как у Стива, только Стив гораздо воспитаннее.

И она вкратце рассказала отцу о событиях этой недели. Тот слушал, разинув рот, на лице его отражалось замешательство.

– Ну и что ты будешь теперь делать? – спросил он, когда Джинни закончила.

– Позвоню в полицию. – Она набрала номер и попросила позвать сержанта Делавер.

Отец сокрушенно покачал головой:

– Это ж надо, до чего докатился! Работаю с полицией. Остается надеяться, что этот сержант Делавер все же отличается от копов, с которыми мне доводилось сталкиваться.

– Отличается, я почти уверена, – поспешила успокоить его Джинни.

Она не рассчитывала застать Миш на работе, было уже девять вечера. Думала, что придется оставить ей послание на автоответчике. Но, к

счастью, та оказалась на месте.

– Вожусь тут с разными бумагами, – сказала она. – Что случилось?

– Стив Логан и Деннис Пинкер не двойняшки.

– Но как же в таком...

– Они тройняшки.

В трубке повисла тишина. Затем Миш заговорила снова:

– С чего вы это взяли?

– Помните, я рассказывала вам, как нашла Стива и Денниса? С использованием базы данных дантистов...

– Да.

– На этой неделе я получила данные ФБР по отпечаткам пальцев. Поиск был направлен на выявление схожих отпечатков. И вот программа выдала Стива, Денниса и еще одного мужчину.

– И у них одинаковые отпечатки пальцев?

– Не одинаковые, но схожие. Я только что позвонила этому человеку. Голос в точности, как у Стива. Готова спорить на что угодно, Миш, внешне они похожи, как две капли воды, можете мне поверить.

– Адрес у вас есть?

– Да. Он живет в Нью-Йорке.

– Диктуйте.

– Есть одно условие.

– Это полиция, Джинни! – В голосе Миш зазвучали жесткие нотки. – И вы не вправе ставить какие-либо условия, вы просто должны отвечать на вопросы. Диктуйте адрес.

– Я хочу, чтобы мы поехали к нему вместе. Завтра.

– Вы, наверное, хотите совсем другого. Отправиться в тюрьму за отказ сотрудничать с полицией. Давайте адрес!

– Только при условии, что мы едем туда завтра и вместе.

Снова пауза.

– Нет, ей-богу, я должна была бы отправить вас за решетку и...

– Мы можем вылететь в Нью-Йорк первым же самолетом.

– Ладно, договорились.

Суббота

Они вылетели в Нью-Йорк в 6.40 утра. Джинни была преисполнена надежд. Кошмарная история со Стивом может скоро закончиться. Она позвонила ему прошлой ночью, поделилась последними новостями, и он страшно обрадовался и возбудился. Даже хотел лететь в Нью-Йорк вместе с ними, но Джинни понимала, что Миш не позволит. И обещала перезвонить, как только появятся другие новости.

Миш отнеслась ко всей этой затее несколько скептически. В историю, рассказанную Джинни, верилось с трудом, но проверить ее она была просто обязана.

В данных, полученных Джинни, ни словом не упоминалось о том, как и почему отпечатки пальцев Уэйна оказались в файле ФБР, но Миш не поленилась проверить. И рассказала Джинни эту историю по дороге в международный аэропорт Балтимора. Три года тому назад родители пропавшей четырнадцатилетней девочки проследили за Стэттнером и нашли свою дочь в его нью-йоркской квартире. Они обвинили его в похищении. Стэттнер все отрицал, говорил, что ни к чему ее не принуждал. Да и сама девочка сказала, что влюблена в него. В ту пору Уэйну было всего девятнадцать, и до суда дело не дошло.

Говорили, что Стэттнер склонен доминировать над женщинами, но, согласно теории Джинни, это не совсем соответствовало психологическому портрету насильника. Впрочем, Миш уверяла, что строгих закономерностей тут не существует.

Джинни не стала рассказывать Миш о парне, напавшем на нее в Филадельфии. Она понимала: та не поверит ее уверениям в том, что это был вовсе не Стив. Миш захотела бы сама допросить Стива, а ему это сейчас совершенно ни к чему. Кроме того, Джинни умолчала о человеке, звонившем ей вчера вечером и угрожавшем ее убить. Она вообще никому не стала говорить об этом, даже Стиву. У того достаточно и своих неприятностей.

Миш нравилась Джинни, но в ее обществе она чувствовала себя напряженно. Будучи полицейским, та считала, что люди должны делать то, что она им говорит, а для Джинни это было неприемлемо. Чтобы как-то разрядить обстановку, Джинни спросила Миш, как та оказалась в полиции.

– Я была секретаршей, получила место в ФБР, – ответила Миш. – Проработала там лет десять и вдруг поняла, что могу делать дело куда

лучше, нежели офицер, у которого была секретарем. И поступила в полицейскую академию. Окончив ее, работала сначала патрульным, потом напросилась в подразделение, занимающееся наркотиками. Меня внедрили в банду наркоманов. Трудно, конечно, было, но я доказала, что чего-то стою.

На секунду Джинни испытала неприязнь к своей попутчице. Она и сама время от времени баловалась травкой и ненавидела людей, готовых засадить ее за это за решетку.

– Ну а потом перешла в подразделение по борьбе с насилием над малолетними, – продолжала между тем Миш. – Но долго продержаться там не удалось. Никому не удастся. Работа эта очень нужная, но люди порой просто не в силах вынести все это. Постепенно сходишь с ума. И вот наконец я оказалась в отделе по борьбе с преступлениями на сексуальной почве.

– Тоже, наверное, не велика радость.

– Ну, хоть, по крайней мере, жертвы – взрослые люди. И через пару лет мне присвоили звание сержанта и поставили во главе подразделения.

– Мне кажется, что там должны работать только женщины, – заметила Джинни.

– Не могу с тобой согласиться.

Джинни удивилась.

– Но ведь жертвам наверняка легче разговаривать с женщиной, разве не так?

– Да. Пожилым женщинам, пожалуй. Тем, кому, скажем, за семьдесят.

Джинни передернуло при мысли о том, что жертвами насилия могут стать беспомощные, слабые старухи.

– Но если честно, жертвы чаще всего предпочитают рассказывать об этом фонарному столбу, – сказала Миш.

– А мужчины всегда думают, что женщина сама на это напросилась.

– Знаешь, когда доходит до допроса, порой выясняется, что женщины могут быть куда более жестокими, особенно в отношении других женщин.

Джинни с трудом верилось в это. И она подумала: может, Миш просто защищает своих коллег-мужчин, пытается выставить их в более выгодном свете?

Темы для беседы были исчерпаны, и Джинни погрузилась в размышления, пытаясь угадать, какое же будущее ее ждет. Она никак не могла смириться с мыслью, что научная работа отныне для нее невозможна. Думая о своей старости, она представляла себя плохо видящей и седой, но знаменитой на весь мир пожилой профессоршей. Одной из тех, к кому с

почтением прислушиваются и о ком говорят студентам на лекциях: «Мы не понимали природы криминального поведения личности, пока в 2000 году не была опубликована знаменитая и революционная книга профессора Джинни Феррами». А теперь этого не случится – никогда. Ей надо придумывать себе новую мечту.

Они приземлились в международном аэропорту Ла-Гуардиа в начале девятого, сразу же взяли такси и поехали в город. Желтый автомобиль, подпрыгивая на выбоинах и тарахтя, долго ехал через Квинс, затем они миновали туннель Мидтаун и оказались на Манхэттене. Но Джинни было бы неуютно даже в «кадиллаке»: скоро она увидит напавшего на нее парня, и при одной мысли об этом в желудке у нее холодело.

Уэйн Стэттнер жил в многоквартирном доме в самом конце Хьюстон-стрит. Было солнечное субботнее утро, но улицы уже заполнили молодые люди. Они покупали пакетики с чипсами, пили капучино в открытых кафе и заглядывали в витрины многочисленных художественных галерей.

Неподалеку от дома Уэйна их уже поджидал детектив из участка, стоявший рядом со светло-коричневым «фордом-эскортом». Он поздоровался с каждой за руку и представился:

– Эрб Рейц.

Вид у него был кислый, сразу становилось ясно, что человека оторвали в выходной день от семьи и детей.

– Спасибо, что не поленились приехать в субботу помочь нам, – сказала Миш и одарила детектива кокетливой улыбкой. – Мы это очень ценим.

Эрб немного оттаял.

– Какие проблемы!

– Если вам понадобится помощь в Балтиморе, звоните мне лично в любое время.

– Так и сделаю.

Джинни сгорала от нетерпения. Ей хотелось крикнуть: «Ну сколько можно! Давайте же наконец займемся делом!»

Они вошли в здание и начали подниматься на лифте.

– По одной квартире на каждом этаже, – сказал Эрб. – Подозреваемых тут у нас полно. В чем обвиняется этот парень?

– В изнасиловании, – ответила Миш.

Лифт остановился. Сразу за дверью была дверь в квартиру, так что они не могли выйти до тех пор, пока там не откроют. Миш нажала на кнопку звонка. Никто не подошел. Эрб придерживал дверь лифта. Джинни про себя молилась о том, чтобы Уэйн оказался дома. Что, если он уехал куда-

нибудь на уик-энд? Нет, она просто не вынесет этого напряжения. Миш не снимала пальца со звонка.

Наконец изнутри послышался голос.

– Кого там черт принес?

Он!... Его голос. Джинни похолодела от страха. Эрб сказал:

– Полицию, вот кого, мать твою! Давай открывай!

Тон сразу изменился:

– Пожалуйста, поднесите ваше удостоверение к глазку, чтобы я мог убедиться.

Эрб поднес полицейский жетон к глазку.

– О'кей. Секундочку.

Вот оно, подумала Джинни. Сейчас я его увижу.

Дверь otvorил растрепанный молодой человек. Босой, в черном линиялом махровом халате.

Джинни не сводила с него глаз. Просто двойник Стива, если не считать черных волос.

– Уэйн Стэттнер? – спросил Эрб.

– Да.

Должно быть, просто покрасил волосы. И сделал он это или вчера, или в четверг вечером.

– Я детектив Эрб Рейц из первого участка.

– Всегда рад оказать услугу полиции, Эрб, – сказал Уэйн и взглянул на Миш с Джинни. Выражение лица непроницаемое, словно он ее не узнает. – Ну, чего стоите? Может, зайдете?

Они вошли и оказались в прихожей с черными стенами и тремя красными дверьми. В углу стоял человеческий скелет наподобие тех, что используют в медицинских институтах. Только на шее у этого был алый шерстяной шарф, а на запястьях – стальные наручники.

Уэйн otvorил одну из красных дверей, и они оказались в просторной гостиной с высоким потолком. Черные бархатные шторы задернуты, помещение освещается настольной лампой. Одну из стен украшает нацистский флаг со свастикой. В подставке для зонтов – целый набор хлыстов, в углу – мольберт с подрамником. В подрамнике большая картина маслом с изображением распятия. Присмотревшись, Джинни заметила, что распят там вовсе не Христос, а женщина с роскошными формами и длинными белокурыми волосами. Она почувствовала отвращение.

Настоящее логово садиста. Разве что вывески на дверях не хватает.

Эрб изумленно озирался по сторонам.

– Чем зарабатываете на жизнь, мистер Стэттнер?

– Владею двумя ночными клубами. Здесь, в Нью-Йорке. Честно говоря, именно поэтому привык сотрудничать с полицией. Руки должны быть безупречно чистыми, это необходимое условие для подобного бизнеса.

Эрб прищелкнул пальцами.

– Ах, ну конечно же, Уэйн Стэттнер! Читал о вас в журнале. Статья называлась «Молодые миллионеры Манхэттена». То-то, смотрю, знакомое имя...

– Не присядете?

Джинни направилась было к креслу, но вдруг увидела, что это электрический стул с подведенными к нему проводами – такие используются для казни. Она недовольно поморщилась и села на диван.

Эрб сказал:

– А это сержант Мишель Делавер из управления полиции Балтимора.

– Балтимора? – Уэйн удивленно округлил глаза. Джинни пыталась разглядеть на его лице страх, но напрасно. Похоже, этот Уэйн – талантливый актер. – Оказывается, и в Балтиморе существует преступность? – с иронией произнес он.

– А волосы у вас крашенные, верно? – спросила Джинни.

Миш метнула в ее сторону раздраженный взгляд: Джинни было позволено наблюдать, но не допрашивать подозреваемого.

Но похоже, этот вопрос ничуть не смутил Уэйна.

– Надо же, заметили! Глаз-алмаз!...

«Я права, – с замиранием сердца подумала Джинни. – Это он. Точно он!...» Она смотрела на его руки и вспоминала, как они разрывали на ней одежду. «Ну ничего, сейчас ты у меня получишь, ублюдок!» – с торжеством подумала она.

– И когда вы их перекрасили? – спросила Джинни.

– Лет в пятнадцать, кажется, – ответил он.

Ложь!...

– Черный, знаете ли, всегда в моде.

А в четверг, когда ты запускал свои грязные лапы мне под юбку, они были светлыми. И в понедельник, когда ты насилдовал мою подругу Лизу в спортивном зале, – тоже.

Но почему он лжет? Стало быть, знает, что у них есть светловолосый подозреваемый?

– Может, объясните, в чем дело? – сказал Уэйн. – И при чем здесь мои волосы? Я, знаете ли, просто обожаю тайны!

– Мы не отнимем у вас много времени, – сказала Миш. – Нам надо

знать, где вы были в прошлое воскресенье около восьми часов вечера.

Интересно, есть ли у него алиби, подумала Джинни. Например, он может сказать, что играл в карты с какими-нибудь темными личностями. Естественно, предварительно подкупив их. Или же заявить, что весь вечер провалялся в постели со шлюхой, которая за деньги наговорит что угодно. Но его ответ ее удивил.

– О, все очень просто, – ответил он. – Я был в Калифорнии.

– Кто-то может это подтвердить?

Он расхохотался.

– Сто миллионов человек, по моим скромным подсчетам.

Джинни овладело беспокойство. Но у этого типа просто не может быть настоящего алиби! Ведь это он насильник.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила Миш.

– Я был на церемонии вручения «Эмми».

Тут Джинни вспомнила, что, когда она была в больнице у Лизы, как раз показывали торжественный обед в честь лауреатов премии «Эмми». Как мог оказаться там Уэйн?

– Нет, сам я ничего, конечно, там не получил, – добавил он. – Это не мой бизнес. А вот Салина Джонс получила. Она моя старая приятельница.

Он покосился на картину в подрамнике, и только тут Джинни заметила, что изображенная на ней женщина страшно похожа на актрису, сыгравшую роль Бейб в популярной музыкальной комедии «Слишком много поваров». Должно быть, это она позировала художнику.

Уэйн сказал:

– Салина получила приз как лучшая комедийная актриса года. И когда сошла со сцены с трофеем в руке, я расцеловал ее в обе щеки. Этот прекрасный момент зафиксировали все телевизионные камеры. Кстати, у меня есть видеозапись. И еще фотография в журнале «Пипл» за эту неделю. – И он показал на журнал, валявшийся на полу на ковре.

Джинни подняла его с замиранием сердца. Да, в нем действительно красовался снимок Уэйна, выглядевшего весьма импозантно в черном смокинге и целующего Салину со статуэткой «Эмми» в руке.

И волосы у него были черные.

Заголовок гласил:

«Нью-йоркский импресарио и владелец ночных клубов Уэйн Стэттнер поздравляет свою давнюю пассию Салину Джонс с получением премии «Эмми» за лучшую комедийную роль в фильме «Слишком много поваров». Церемония состоялась в

воскресенье вечером в Голливуде».

Да, это было поистине железное алиби. Но как такое возможно?...

Миш сказала:

– Что ж, мистер Стэттнер, в таком случае не смеем вас больше задерживать.

– А в чем, собственно, я подозревался?

– Мы расследуем изнасилование в Балтиморе. Оно произошло в воскресенье вечером.

– Это не я, – сказал Уэйн.

Миш взглянула на распятие, и это не укрылось от взгляда Уэйна.

– Все мои жертвы – исключительно добровольцы, – с усмешкой заметил он и посмотрел на Миш многозначительно и вызывающе.

Та покраснела и отвернулась.

Джинни была в отчаянии. Все ее надежды рухнули. Они поднялись и направились к выходу. Уже на пороге она остановилась и спросила:

– Могу я задать вам один вопрос?

– Конечно, – любезно откликнулся Уэйн.

– У вас есть сестры или братья?

– Нет. Я единственный ребенок в семье.

– А когда вы родились, ваш отец был военным, верно?

– Да. Служил в Форт-Брэгге инструктором по пилотированию вертолетов. А вы откуда знаете?

– Скажите, вы, случайно, не знаете, у вашей матери имелись проблемы с зачатием?

– Странный вопрос для копа, вы не находите?

Миш сказала:

– Доктор Феррами является научным сотрудником университета Джонс-Фоллз. И ее исследования тесно связаны с делом, над которым мы работаем.

– Ну, быть может, ваша мама лечилась когда-нибудь от бесплодия? – спросила Джинни.

– Понятия не имею.

– Не возражаете, если я задам ей этот вопрос?

– Она умерла.

– Прискорбно слышать. Ну а отец?

Он пожал плечами:

– Можете ему позвонить...

– Очень хотелось бы.

– Он живет в Майами. Сейчас дам номер телефона.

Джинни протянула ему ручку. Уэйн записал номер на уголке страницы журнала «Пипл», оторвал клочок и протянул Джинни.

Они снова направились к двери. Эрб сказал:

– Спасибо за сотрудничество, мистер Стэттнер.

– Да ради Бога. Всегда пожалуйста.

Когда они спускались в лифте, Джинни спросила:

– Вы верите в его алиби?

– Я обязательно проверю, – ответила Миш. – Но похоже, алиби твердое.

Джинни покачала головой:

– Хоть убейте, не верю в его невиновность!

– Он много в чем виноват, милая, но только не в этом преступлении.

Стив ждал у телефона. Он сидел на кухне в доме родителей в Джорджтауне и смотрел, как мама делает мясной пирог. И ждал звонка от Джинни. Ему не терпелось узнать, имеется ли у него второй двойник в лице Уэйна Стэттнера и нашли ли его Джинни и сержант Делавер по нью-йоркскому адресу. И главное: признается ли Уэйн, что изнасиловал Лизу Хокстон?...

Мама резала лук. Она была совершенно ошеломлена известием о том, что сделали с ней в 1972 году в клинике «Эйвентайн». Она просто не могла поверить в это, но решила не спорить, когда они говорили с адвокатом Стива. Прошлым вечером Стив допоздна сидел с родителями, обсуждая с ними странную историю своего появления на свет. Мама была вне себя от ярости. Одна мысль о том, что врачи могли экспериментировать на пациентках, не заручившись даже их согласием, приводила ее в бешенство. В своей новой статье она рассуждала о праве женщины распоряжаться собственным телом.

К удивлению Стива, отец воспринял эту новость более спокойно. Стив ожидал от него совсем другой реакции. Но отец подошел к проблеме рационально, хоть и подверг некоторому сомнению выводы Джинни. Он долго рассуждал о других возможных объяснениях феномена появления на свет тройняшек и в заключение признал, что, возможно, Джинни все же права. Реагировать на все спокойно было в характере отца, однако это вовсе не означало, что в глубине души он не переживает. Сейчас он вышел во двор, поливает цветочную клумбу, а внутри весь наверняка так и кипит от возмущения.

Мама начала обжаривать лук, от запаха у Стива потекли слюнки.

– Мясной пирог с картофельным пюре и кетчупом... – мечтательно произнес он. – Вот это я понимаю!

Мама улыбнулась:

– Когда тебе было лет пять, ты каждый день требовал этот пирог.

– Помню. Даже нашу маленькую кухню помню в Гувер-тауэр.

– Неужели помнишь?

– Конечно! А еще помню, как мы переехали и какое это странное ощущение было – жить в собственном доме, а не в квартире.

– Да. Как раз тогда я начала прилично зарабатывать, опубликовала свою первую книгу – «Что делать, если ты не можешь забеременеть». – Она

вздыхнула. – Если вдруг откроется правда о том, как я забеременела в действительности, книга будет выглядеть совершенно по-дурацки.

– Остается надеяться, что люди, купившие ее, не потребуют деньги назад.

Мама выложила мясной фарш в сковороду, добавила лук, потом вытерла руки.

– Я думала об этом всю ночь, и знаешь, к какому выводу пришла? Я рада, что они сделали это со мной в клинике «Эйвентайн».

– Как это? Ведь вчера ты так возмущалась...

– И продолжаю возмущаться, потому что они обошлись со мной, как с лабораторной крысой. Но знаешь, я поняла одну очень простую вещь: если бы они не сделали этого, у меня бы не было тебя. А все остальное совершенно не важно.

– И тебе все равно, что я не твой родной сын?

Она обняла его.

– Ты мой родной, Стив. Ты мой мальчик, и ничто и никто не в силах этого изменить.

Тут зазвонил телефон. Стив нетерпеливо схватил трубку.

– Алло?

– Это Джинни.

– Ну что? – затаив дыхание, спросил Стив. – Вы его видели?

– Да. И он твой двойник, за тем исключением, что волосы выкрашены в черный цвет.

– О Господи! Так, значит, нас все-таки трое!...

– Да. Мать Уэйна умерла. Но я говорила с его отцом, он живет во Флориде. И он подтвердил, что она тоже лечилась в клинике «Эйвентайн».

Это были хорошие новости, но голос Джинни звучал удрученно, и Стив заволновался.

– Ты вроде бы совсем не рада тому, что нашла его.

– У него твердое алиби. На то воскресенье.

– Черт!... – Все его надежды рухнули в одночасье. – Но как такое могло случиться? И что это за алиби?

– Он был на присуждении «Эмми» в Лос-Анджелесе. Есть фотографии.

– Он что, в кинобизнесе?

– Нет, владелец ночных клубов. Местная знаменитость.

Стив понимал, почему так расстроена Джинни. Методика поиска Уэйна оправдала себя просто блестяще. Но это ни к чему не привело. Он тоже был расстроен, загадка не давала ему покоя.

– Но кто же тогда изнасиловал Лизу?

– Помнишь, как говорил Шерлок Холмс? «Отбросьте все невозможное, и тогда то, что останется, сколь бы невероятным оно ни казалось, и есть правда». Или это слова Эркюля Пуаро?...

Сердце его сжалось. Нет, разумеется, Джинни не верила, что это он изнасиловал Лизу.

– И что же тогда, по-твоему, правда?

– Близнецов четверо.

– Четверо? Джинни, но это просто безумие какое-то!

– Я и сама не слишком верю в то, что яйцо могло случайноделиться на четыре части. Это сделано преднамеренно, это часть эксперимента.

– Скажи, а такое вообще возможно?

– В наши дни – да. Ты ведь наверняка слышал о клонировании. Но в семидесятые это было не более чем теорией. Идеей. Хотя похоже, что «Дженетико» на много лет опередила в этом смысле весь остальной мир. Возможно, именно потому, что они работали втайне и могли экспериментировать на людях.

– Так ты хочешь сказать, что я клон?

– Иначе не объяснишь. Извини, Стив, новости для тебя неприятные. Одно утешение, что у тебя такие замечательные родители.

– Да. А какой он, этот Уэйн?

– Ужасно противный. У него дома висит картина, где изображена голая Салина Джонс. Она распята. Мерзость!... Просто не терпелось выбраться из его квартиры.

Стив молчал. *Так, значит, один из моих клонов убийца, второй – садист, а гипотетический третий – насильник. В хорошей же компании я оказался!*

– Эта идея с клонированием также объясняет, почему у всех вас разные даты рождения, – сказала Джинни. – Эмбрионы хранились в лаборатории на протяжении разных отрезков времени, прежде чем их пересадили женщинам.

Почему это случилось именно со мной? Почему я не могу быть таким, как все?...

– Посадка заканчивается. Мне пора идти.

– Хотелось бы повидаться с тобой. Давай я приеду в Балтимор?

– О'кей. Жду тебя. Пока.

Стив повесил трубку.

– Ты все слышала? – обратился он к матери.

– Да. Вы с ним похожи, как две капли воды, но только у него есть алиби. И потому она считает, что вас четверо. И что ты – клон.

– Если мы клоны, я ничем от них не отличаюсь.

– Нет, отличаешься, потому что ты мой сын.

– Но я не сын! – Он спохватился, заметив, как болезненно исказилось ее лицо, но было уже поздно. Он и сам испытывал такую же боль. – Я дитя двух совершенно незнакомых людей, выбранных учеными из «Дженетико». Они и есть мои предки.

– Но ты должен отличаться от тех, других! Ведь ты ведешь себя совершенно иначе.

– Разве это доказывает, что я другой по своей природе? Просто меня натаскали, выучили, как домашнего пса! Ты сделала меня таким, каков я есть? Ты или «Дженетико»?

– Не знаю, сынок, – ответила мама. – Просто не знаю.

Джинни приняла душ, вымыла голову, затем тщательно накрашила глаза. Она решила не пользоваться помадой и румянами. Надела лиловый свитер с V-образным вырезом и плотно облегающие серые леггинсы. Ни туфель, ни нижнего белья надевать не стала. Вставила в ноздрю свою любимое украшение – маленький сапфирчик в серебряной оправе. Посмотрела в зеркало: да, она выглядит потрясающе сексуально.

– Уж не в церковь ли собралась, молодая леди? – спросила она себя вслух. Состроила смешную гримасу и пошла в гостиную.

Отца дома не было. Теперь он предпочитал проводить время у Пэтти, где его веселили трое внуков. Пэтти заехала и забрала его к себе, пока Джинни была в Нью-Йорке.

Делать ей было нечего, оставалось лишь ждать Стива. Она старалась не думать о постигшем ее сегодня разочаровании. С нее хватит. И еще она была страшно голодна – весь день продержалась на одном кофе. Поест сейчас или подождать Стива? Она улыбнулась, вспомнив, как он съел на завтрак целых восемь булочек с корицей. Неужели это было только вчера? Казалось, что с тех пор прошла неделя, если не больше.

И только тут она спохватилась, что в доме у нее нет ни крошки. А вдруг он придет голодным и ей просто нечем будет его накормить? Она торопливо надела спортивные ботинки на шнуровке и выбежала из дома. Села в машину и поехала в магазин «С семи до одиннадцати», что на углу Фолз-роуд и 36-й улицы. Купила там яйца, канадский бекон, молоко, батон из семи злаков, салат, пиво, упаковку мороженого «Бен и Джерри» с хрустящей шоколадной крошкой и четыре пакета булочек с корицей.

Она стояла в очереди в кассу и вдруг подумала: что, если он приехал в ее отсутствие? Возьмет и сразу же уедет, увидев, что ее нет. Быстро расплатившись, она опрометью выскочила из магазина с пакетами в обеих руках, а потом мчалась домой, как сумасшедшая, представляя, как он, несчастный, стоит на ступеньках у запертой двери.

Но у дома никого не было, и его старенького «датсуна» тоже не было видно. Она вошла и открыла холодильник. Достала яйца из картонной коробки, положила в специальное отделение. Разорвала пластиковую упаковку с шестью банками пива, налила в кофейник воды. И вот ей снова нечего было делать.

Только тут до нее дошло, что ведет она себя как-то странно. Раньше

она никогда не беспокоилась о том, голоден мужчина или нет. Если, к примеру, Уилл Темпл хотел есть, он мог сам себе что-нибудь приготовить. А если холодильник был пуст, шел в магазин. А когда тот оказывался уже закрыт, ехал на машине в какой-нибудь дежурный магазин и там покупал все, что надо. С чего это вдруг у нее такой приступ хозяйственности? Наверное, Стив значит для нее больше, чем все другие мужчины, хоть и знакомы они всего несколько дней.

Звонок! Она вздрогнула.

Поднялась с дивана и с бешено бьющимся сердцем сняла трубку домофона.

– Да?

– Джинни? Это Стив.

Она нажала на кнопку. Стояла в дверях и ждала, пока он поднимется, и вдруг ощутила себя полной дурой. Ведет себя как какая-нибудь школьница! Она смотрела, как Стив поднимается по лестнице в простой серой футболке и мешковатых джинсах. На его лице отражались боль и разочарование от пережитого за последние сутки. Она протянула руки и обняла его – сильное мускулистое тело юноши казалось скованным и напряженным.

Джинни провела Стива в гостиную. Он уселся на диван, она включила кофеварку. Они были так близки друг другу, хотя не встречались каждый вечер, не ходили в рестораны, не смотрели вместе кино – словом, не занимались всем тем, чем привыкла заниматься Джинни с другими своими мужчинами. Нет, вместо этого они сражались бок о бок за свою жизнь и достоинство, решали головоломку, спасались от преследования тайных и явных врагов. И наверное, поэтому так быстро сдружились.

– Кофе хочешь?

Он покачал головой:

– Предпочитаю просто подержаться за руки.

Она присела рядом с ним на диван и взяла его за руку. Он подался к ней всем телом. И тут Джинни поцеловала его. Это был их первый настоящий поцелуй. Вкус его губ почему-то напомнил Джинни горьковатый запах лесного дыма. На секунду она напряглась, пытаясь сообразить, почистила ли зубы, но потом вспомнила, что почистила, и снова расслабилась. Сквозь тонкую ткань свитера он дотронулся до ее груди, прикосновение крупных сильных рук показалось на удивление нежным. И Джинни в ответ погладила его по груди – через футболку.

И все преобразилось. Он немного отстранился и взглянул на нее. Он смотрел пристально, слово пытаясь навеки запомнить ее черты.

Дотрагивался кончиками пальцев до ее бровей, щек, носа, губ. И делал это так нежно, точно боялся что-то сломать или испортить. И легонько качал при этом головой, словно глазам своим не верил.

В его взгляде она прочла желание. Этот молодой человек жаждал ее всем своим существом. Его страсть передалась Джинни, охватила ее с бешеной силой, точно внезапно долетевший с юга порыв ветра – жаркого и иссушающего. Внутри у нее точно таяло что-то под этим напором, – такого ощущения она не испытывала уже полтора года. Ей захотелось всего сразу: чтобы он навалился на нее всем телом, чтобы во рту она ощущала его язык, чтобы эти сильные руки были везде – обнимали, сжимали, ласкали все ее тело.

Она притянула его к себе и снова поцеловала – на этот раз приоткрыв губы. Потом откинулась на спину, не разжимая объятий. Теперь он был сверху, давил на ее грудь всем весом. А потом она вдруг резко оттолкнула его и хрипло прошептала:

– Пойдем в спальню...

Встала и направилась туда первой, на ходу стягивая через голову свитер. Бросила его на пол. Он вошел следом за ней и закрыл дверь ногой. И, видя, что она раздевается, одним движением сорвал с себя футболку.

Они все так делают, подумала Джинни, закрывают за собой дверь ногой.

Он скинул туфли, расстегнул пряжку ремня и снял джинсы. Тело его было безупречным – широкие плечи, выпуклая мускулистая грудь, узкие бедра, обтянутые белыми плавками.

Но кто он?

Он подошел, она отступила на два шага.

Тот человек сказал по телефону: он может навестить тебя снова.

Стив нахмурился:

– Что такое?

Внезапно Джинни охватил страх.

– Знаешь, я не могу, – пробормотала она.

Он глубоко вздохнул.

– Ничего себе, – сказал он. – Вот это номер!

Она скрестила руки, прикрывая груди.

– Я... я просто не знаю, кто ты.

Только тут до него дошло.

– О Господи!... – Он сел на кровать спиной к ней, широкие плечи уныло сгорбились. Но ведь он мог и играть, притворяться. – Так ты решила, что я тот парень, который напал на тебя в Филадельфии?

- Тогда я приняла его за Стива.
- Но зачем ему выдавать себя за меня?
- Не знаю.

– Он бы не стал действовать так, если бы ему надо было просто потрахаться, – сказал он. – У моих двойников, конечно, весьма оригинальные способы получать наслаждение, но это не тот случай. Ведь если он хотел трахнуть тебя, то просто приставил бы нож к горлу, или начал рвать на тебе чулки, или поджег бы дом. Разве не так?

– Мне позвонили, – дрожащим голосом произнесла Джинни. – Этот человек не назвался. Он сказал: тот, кого ты встретила в Филадельфии, должен был тебя убить, но слишком увлекся и все испортил. Но он может навестить тебя снова. Вот почему тебе придется уйти прямо сейчас. – Она схватила лежавший на полу свитер и торопливо натянула его на голое тело. Однако ощущение угрозы осталось.

Во взгляде его читалось сострадание.

– Бедная Джинни, – тихо протянул он, – эти мерзавцы до смерти тебя напугали. Мне страшно жаль. – С этими словами он поднялся и стал натягивать джинсы.

И тут Джинни поняла, что совершила ужасную ошибку. Тот клон из Филадельфии, насильник, ни за что бы не стал одеваться в подобной ситуации. Он швырнул бы ее на постель, сорвал с нее одежду и попытался бы взять ее силой. А этот совсем другой. Это Стив. Она ощутила едва преодолимое желание обнять его, снова притянуть к себе, заняться с ним любовью.

– Стив...

Он улыбнулся:

– Да, это я.

Но может, он с самого начала именно так все и спланировал? Решил завоевать ее доверие, а потом, когда они оба оказались бы в постели, обнаженные, вдруг отбросил бы притворство и снова стал самим собой, проявил бы свою истинную сущность? Сущность мужчины, которому доставляет наслаждение видеть боль и страх женщины... При этой мысли она похолодела. Нет, ничего у них не получится. Она отвела глаза.

- Тебе лучше уйти.
- Можешь устроить мне проверку, – предложил он.
- Хорошо. Где я познакомилась со Стивом?
- На теннисном корте.

Ответ верный. Но ведь в тот день оба они, и Стив и насильник, были на территории университета.

– Спроси о чем-нибудь еще.

– Сколько булочек с корицей съел Стив в пятницу утром?

Он усмехнулся:

– Целых восемь штук. И ничуть этого не стыжусь.

Джинни отчаянно затрясла головой.

– Но моя квартира может прослушиваться! Обыскали же они мой кабинет, уничтожили все данные в компьютере, так почему бы не наставить здесь «жучков»? Нет, ничего у нас не получится! Я недостаточно хорошо знаю Стива Логана, а то, что знаю, могут использовать другие.

– Наверное, ты права, – сказал он и надел футболку.

Потом присел на краешек кровати и начал надевать туфли. Джинни вышла в гостиную. У нее просто не было сил стоять и смотреть, как он одевается. Неужели она совершила роковую ошибку? Или, напротив, гениально разгадала намерения преступника? Она изнывала от желания заняться любовью со Стивом и, однако же, при одной только мысли о том, что может оказаться в постели с человеком, подобным Уэйну, содрогалась от страха и омерзения.

Он вышел из спальни полностью одетым. Она заглянула ему в глаза, надеясь, что он сможет развеять терзающие ее сомнения, но ничего не сумела в них прочесть. *Я не знаю, кто ты на самом деле! Просто не знаю, и все!*

Он прочел ее мысли.

– Бесполезно. Доверие есть доверие, но если его нет, ничем уже не поможешь. – Лишь на секунду он позволил себе высказать досаду: – Неудачник! Неудачник хренов, вот ты кто!

Гнев, прозвучавший в этих словах, испугал Джинни. Она сильная, но он еще сильнее. Нет, надо, чтобы он убрался отсюда как можно скорее.

Он почувствовал это.

– Ладно, я уйду, – сказал он. И направился к двери. – Надеюсь, ты понимаешь, что он бы не ушел?

Джинни кивнула. Он снова прочел ее мысли.

– Но пока я не уйду совсем, ты ведь не можешь быть уверена, правда? А если уйду и потом вернусь, тоже не считается. А потому я действительно уйду, хотя бы ради того, чтоб ты наконец поверила: я – это я.

– Да. – Теперь она снова была уверена, что перед ней Стив. Но если он не уйдет, сомнения вернутся.

– Нам нужен пароль. Чтобы ты знала, что это я.

– Да, пожалуй.

– Постараюсь придумать.

– Хорошо.

– До свидания, – сказал он. – Целоваться на прощание не стоит.

Уже сбегая по ступенькам, он поднял голову и крикнул:

– Позвони мне!

Джинни застыла на площадке и очнулась, только когда услышала, как хлопнула входная дверь.

Она прикусила губу. Ужасно хотелось плакать. Она пошла на кухню, налила себе кофе. Поднесла кружку к губам, но тут вдруг кружка выскользнула из рук, упала на пол и разбилась.

– Черт!

Она ощутила слабость и прилегла на диван.

Только что ей угрожала страшная опасность. Теперь Джинни понимала, что опасность была мнимой, и все равно радовалась тому, что она миновала. Все тело болело и ныло от неудовлетворенного желания.

– Скоро, – тихо выдохнула Джинни. – Скоро. – И вообразила себе их новую встречу, представила, как обнимет его и поцелует, а потом извинится. И конечно, он ее простит и будет очень нежен и ласков. И она представила, как у них все будет, трогая себя пальцами, и через несколько секунд содрогнулась от наслаждения.

А потом уснула.

Именно унижение казалось Беррингтону невыносимым. Пока что он одерживал верх над Джинни Феррами, но почему-то это его ничуть не радовало. Это она вынудила его вести себя, подобно жалкому подлецу и вору. Сначала он слил информацию этой сучке-журналистке, затем прокрался в кабинет Джинни и устроил там настоящий обыск. И вот теперь совсем докатился – следит за ее домом. Его вынуждал страх. Весь мир вокруг рушился. Он был в полном отчаянии.

Раньше он ни за что бы не поверил, что способен на такое, причем в весьма почтенном возрасте – через несколько недель ему исполнится шестьдесят. Сидеть в машине, припаркованной у чужого дома на темной улице, и не сводить глаз с запертой двери. Что бы подумала его матушка? Она все еще жива, хрупкая, хорошо одевающаяся дама восьмидесяти четырех лет. Живет себе в маленьком городишке, в штате Мэн, строчит остроумные письма в местные газеты и из последних сил цепляется за свою общественную работу аранжировщика-цветовода Епископальной церкви. Да она бы ужаснулась, узнав, до чего докатился ее сын.

И еще, не дай Бог, он встретит здесь кого-нибудь из знакомых! Завидя на улице прохожего, он старательно отводил глаза. Его машина вполне может вызвать подозрения. Автомобиль этот очень нравился Беррингтону, казался ему чрезвычайно элегантным, но на этой улице не так уж часто попадаются серебряные «линкольны». Фаворитами местной публики были старенькие японские малолитражки да с любовью сохраняемые старые «понтиаки». Впрочем, и самого Беррингтона, с красивой седой шевелюрой, трудно было не заметить в толпе. Сначала он делал вид, что рассматривает карту города, но местные жители были людьми доброжелательными, и вот уже двое мужчин постучали в стекло и вызвались показать ему дорогу, поэтому карту пришлось отложить. Он утешался одной мыслью: обитатели этого непрестижного района для него не представляют никакой опасности.

Он понятия не имел о том, чем занимается сейчас Джинни. Обыск в ее квартире, проведенный ФБР, ничего не дал – список найден не был. Беррингтону оставалось предположить худшее: список навел ее еще на одного клона. Если это так, то катастрофа неотвратима. Беррингтона, Джима и Престона ждут позор, публичное осуждение и полное разорение.

Именно Джим предложил ему понаблюдать за домом Джинни. «Мы должны знать, что она затевает, кто к ней ходит, кто уходит», – сказал

Джим, и Беррингтон нехотя с ним согласился. Приехал он сюда ранним утром, и до полудня ровным счетом ничего не происходило. И вот в начале первого появилась Джинни – ее высадила из машины темнокожая женщина. В последней он узнал детектива, расследующего дело об изнасиловании. В понедельник она допрашивала и его, впрочем, совсем недолго. Он даже нашел ее весьма привлекательной. И имя запомнил: сержант Делавер.

Он позвонил Прусту из телефона-автомата в кафе «Макдоналдс», и тот обещал связаться со своим приятелем из ФБР и выяснить, куда они ездили. Беррингтон живо представил, как этот тип из ФБР говорит: «Сержант Делавер имела сегодня контакт с подозреваемым, которого мы держим под наблюдением. Из соображений безопасности не могу сказать большего, но нам очень хотелось бы знать, чем она занималась этим утром и над каким делом работает».

Примерно через час из дома выскочила Джинни. Она очень торопилась и выглядела потрясающе сексуальной в лиловом свитере. Беррингтон за ней не поехал, посчитав это ниже своего достоинства. Через несколько минут она вернулась с двумя пакетами продуктов. А затем появился один из клонов – по всей видимости, Стив Логан.

Впрочем, пробыл он у Джинни недолго. «Будь я на его месте, – подумал Беррингтон, – то провел бы с ней всю ночь и большую часть воскресенья».

Он в двадцатый раз взглянул на часы на приборной доске и решил еще раз позвонить Джиму. Может, тот уже получил какую-то информацию от своего агента.

Беррингтон вышел из машины и двинулся к «Макдоналдсу». Уловил запах картофеля фри и только сейчас понял, что проголодался. Но идея жевать гамбургеры в этом заведении его ничуть не привлекала. Он взял стаканчик черного кофе и направился к телефону.

– Они ездили в Нью-Йорк, – сказал ему Джим. Этого-то Беррингтон и опасался.

– К Уэйну Стэттнеру? – спросил он.

– Ага.

– Черт!... И что они там делали?

– Интересовались, чем он занимался в прошлое воскресенье, ну и все такое прочее. Он был на вручении «Эмми». В журнале «Пипл» даже есть его фотография. Так что вопрос закрыт.

– Есть какие-либо соображения насчет того, что Джинни собирается делать дальше?

– Нет. Ну а у тебя что?

– Да ничего особенного. Отсюда видна ее дверь. Она ездила за покупками. Потом к ней явился Стив Логан, но вскоре ушел. Вот и все. Может, просто идеи у них иссякли.

– А может, и нет. Единственное, что мы знаем наверняка, – это то, что твоя история с увольнением ее не остановила.

– Ладно, Джим, не будем об этом. Ой, погоди, она, кажется, выходит!

Джинни переоделась, теперь на ней были белые джинсы и темно-синяя майка без рукавов, открывавшая сильные загорелые руки.

– Следуй за ней, – приказал Джим.

– Не получится. Она знает мою машину.

– А мы должны знать, куда она едет.

– Но я же не коп какой-нибудь, черт побери!

Маленькая девочка, направлявшаяся с мамой к дамскому туалету, спросила:

– Мам, а чего это вон тот дядя так громко кричит?

– Не обращай внимания, дорогая, – сказала женщина.

Беррингтон понизил голос:

– Она отъезжает.

– Садись в машину!

– Да пошел ты, Джим!

– В машину – и за ней! – рявкнул Джим и повесил трубку.

Беррингтон осторожно обернулся. Красный «мерседес» Джинни проехал мимо и свернул на юг, на Фоллз-Роуд.

Беррингтон бросился к «линкольну».

Джинни изучающе смотрела на отца Стива. Подтянутый темноволосый мужчина с густой короткой черной бородой, выражение лица мрачное, движения четкие, экономящие. Несмотря на субботний день и на то, что он работал в саду, одет чрезвычайно аккуратно: тщательно выглаженные темные брюки и светлая рубашка с короткими рукавами. Они со Стивом совсем не похожи. Пожалуй, единственное, что унаследовал от него Стив, – это консервативную манеру одеваться. Его сверстники, студенты Джинни, предпочитали рваные джинсы и черные кожаные куртки, Стив же ходил в брюках со стрелками и застегнутых на все пуговицы рубашках.

Сам Стив еще не вернулся домой, и Чарльз Логан предположил, что он заскочил в библиотеку своего колледжа, чтобы почитать материалы судебных заседаний по делам, связанным с изнасилованием. Мать Стива прилегла отдохнуть. Чарльз приготовил свежий лимонад, и они с Джинни пошли в патио и уселись в шезлонги.

Перед тем, как поехать к Логанам, Джинни ненадолго задремала. А проснулась оттого, что ей пришла в голову замечательная идея. Она поняла, как можно найти четвертого клона. Но для этого ей понадобится помощь Чарльза. А вот согласится ли он?... Уверенности в этом у нее не было.

Чарльз протянул ей высокий бокал с холодным напитком.

– Могу ли я называть вас просто по имени? – спросил он.

– Пожалуйста.

– Надеюсь, что и вы ответите тем же.

– Конечно.

Они отпили по глотку лимонада, потом Чарльз спросил:

– Скажите, Джинни, а что стоит за всем этим?...

Она поставила стакан на столик.

– Думаю, что в самом начале это был эксперимент. Незадолго до основания «Дженетико» Беррингтон с Прустом служили в армии. Полагаю, что изначально компанию эту создавали для прикрытия какого-то секретного военного проекта.

– Я был военным всю свою сознательную жизнь и готов признать, что в армии порой творятся совершенно безумные вещи. Но какое дело армейским до проблемы женского бесплодия?

– Стив и его двойники – высокие, сильные и красивые парни. Кроме

того, они весьма умны и сообразительны, хотя иногда верх над разумом у них берет неосознанная страсть к насилию. У Стива с Деннисом показатели «ай-кью» просто зашкаливают, полагаю, что и остальные двое обладают столь же высоким коэффициентом умственного развития. Ну, посудите сами: Уэйн в возрасте двадцати двух лет уже успел стать миллионером, а четвертый клон настолько хитер и изворотлив, что поймать его пока что не удалось.

– И что же из этого следует?

– Пока не знаю. Но есть одно подозрение. Военные пытались вывести породу идеального солдата.

Высказывание это было простым предположением, но оно произвело на Чарльза необыкновенное впечатление.

– О Бог мой! – пробормотал он. И даже побледнел от волнения. – Мне кажется, я об этом слышал.

– О чем вы?

– В семидесятые среди военных прошел слух, что у русских якобы появилась программа создания идеального солдата. Будто бы они сумели вывести совершенно новую породу идеальных спортсменов, воинов, гениальных шахматистов и так далее. И кое-кто из наших поговаривал, что и нам неплохо бы заняться тем же самым. А другие уверяли, что такие сверхчеловеки у нас уже имеются.

– Ах вот оно что! – воскликнула Джинни. Она наконец начала понимать. – Они подбирали здоровых, агрессивных, умных мужчин и женщин, предпочтительно блондинов и блондинок, заставляли их сдавать сперму и яйцеклетки и получали пробирочный эмбрион. Но по-настоящему они были заинтересованы совсем в другом – в методике дублирования созданного ими идеального солдата. И суть эксперимента сводилась к делению эмбриона и переносу зародышей в матки донорским матерям. И это у них получилось. – Она нахмурилась. – И что же случилось дальше?...

– Могу вам подсказать, – ответил Чарльз. – Дальше случился Уотергейт. После чего все эти безумные тайные эксперименты были запрещены.

– А компания «Дженетико» продолжала существовать уже совершенно легально, как мафия, – подхватила Джинни. – И даже приносила весьма приличный доход. И эти деньги шли на финансирование исследований по генной инженерии, которыми они с тех пор занимались. Полагаю, что и мой проект был частью этой грандиозной программы.

– И в чем же она заключается?

– В выведении новой породы американцев: умных, агрессивных,

белокурых. Расы господ. – Джинни пожала плечами. – Идея старая, но стала реальностью сейчас, в наши дни, с развитием современной генетики.

– Тогда зачем им продавать компанию? Не вижу смысла.

– Может, и есть смысл, – ответила Джинни. – Возможно, получив такую крупную сумму, они рассчитывали поднять исследования на новый, более высокий уровень. К тому же им нужны деньги для финансирования предвыборной кампании Пруста. Стоит ему оказаться в Белом доме, и руки у них будут развязаны. И они смогут наконец воплотить свои идеи в реальность.

Чарльз кивнул:

– В сегодняшнем номере «Вашингтон пост» напечатана статья об идеях этого Пруста. И знаете, мне бы не хотелось жить в таком обществе. Если все мы станем вдруг агрессивными и послушными солдатами, кто будет писать стихи, играть блюзы, участвовать в антивоенных маршах?

Джинни удивилась. Странно было слышать все это от профессионального военного.

– Дело не только в этом, – сказала она. – Люди не зря такие разные и многогранные, этим преследовалась определенная цель. И родившийся на свет ребенок недаром отличается от своих родителей. Эволюция – это метод проб и ошибок. Природе нельзя указывать, она решает сама. У нее есть неудавшиеся эксперименты, но их с лихвой окупают удачные.

Чарльз вздохнул:

– И все это означает, что я Стиву не отец.

– Не надо так говорить.

Он достал бумажник, вытащил из него снимок.

– Должен сказать вам кое-что, Джинни. Я слыхом не слыхивал об этих клонах, не подозревал, что здесь замешано нечто такое, но часто смотрел на фотографию Стива и пытался увидеть в нем мои черты.

– И вы их не находили? – спросила она.

– Вы имеете в виду внешнее сходство?

– Нет, я не о нем. У Стива обостренное чувство долга. Все остальные клоны плевать на него хотели, а у Стива оно есть. И это от вас!

Но Чарльз по-прежнему смотрел мрачно.

– В нем и дурное есть. Я знаю это.

Джинни взяла его за руку.

– Послушайте, Чарльз. Стив был, что называется, трудным ребенком. Непослушным, импульсивным, бесстрашным. Эдакий сгусток энергии, не так ли?

Чарльз печально улыбнулся:

– Да, это так.

– И Деннис Пинкер, и Уэйн Стэттнер были такими же. Как правило, такие дети с трудом поддаются воспитанию. Вот почему Деннис стал убийцей, а Уэйн – садистом. Но Стив резко отличается от них, и вы знаете почему. Только терпение, преданность, понимание со стороны родителей могут превратить трудного ребенка в нормального человека. А ведь Стив нормальный, вы согласны?

– Дай Бог, чтоб это было именно так. – Чарльз открыл бумажник, собираясь убрать в него снимок Стива.

Тут Джинни его остановила:

– Можно мне взглянуть?

– Конечно.

Джинни разглядывала фотографию. Она была сделана совсем недавно. На Стиве синяя рубашка в клеточку, волосы длинные. Он, смущенно улыбаясь, смотрел в камеру.

– А у меня нет ни одной его фотографии, – сказала Джинни и протянула снимок Чарльзу.

– Возьмите эту.

– Не могу. Ведь вы носите ее у самого сердца.

– Да у нас дома целый миллион снимков Стива. Просто заменю его другим, вот и все.

– Спасибо, я вам страшно признательна.

– Похоже, вы к нему равнодушны.

– Я люблю его, Чарльз.

– Seriously?

Джинни кивнула.

– Когда думаю, что его могут засадить в тюрьму за изнасилование, готова предложить пойти туда вместо него.

Чарльз криво усмехнулся:

– Я тоже.

– Это ведь любовь, да?

– Уверен, что любовь.

Джинни смутилась. Она вовсе не собиралась говорить все это отцу Стива. До этого момента она даже не была уверена в своих чувствах и только теперь, когда слова вырвались, поняла, что так оно и есть.

Чарльз спросил:

– Ну а он как к вам относится?

Джинни улыбнулась:

– Не хотелось бы показаться нескромной...

– Не стесняйтесь.
– Он просто без ума от меня.
– Что ж, это меня ничуть не удивляет. И дело тут вовсе не в том, что вы настоящая красавица. Вы сильный человек, это очевидно. Ему нужен рядом сильный человек, особенно в такие трудные для него дни.

Джинни испытующе взглянула на Чарльза. Пришло время попросить его и об этом.

– А знаете, вы можете мне кое в чем помочь.

– Говорите.

Всю дорогу до Вашингтона Джинни репетировала эту речь.

– Если бы я могла найти еще одну базу данных, то наверняка нашла бы и насильника. Но после публикации в «Нью-Йорк таймс» ни одно правительственное агентство, ни одна страховая компания не захотят со мной связываться. Так что...

– Что?

Джинни всем телом подалась вперед.

– В «Дженетико» экспериментировали на женах военных, они попадали в руки этих негодяев через военные госпитали. А потому, мне кажется, большая часть клонов появилась на свет именно в военных госпиталях.

Он кивнул.

– Можно поискать медицинские записи об этих младенцах, родившихся двадцать два года назад. Уверена, записи эти сохранились.

– Я тоже думаю, что сохранились. В армии никто никогда ничего не выбрасывает.

Надежды Джинни могли сбыться, она это чувствовала. Но существовала еще одна проблема.

– Это было давно, в ту пору все регистрировалось на бумаге. Могли они затем перенести все записи в компьютер?

– Уверен, что перенесли. Это самый оптимальный способ сохранить большие объемы информации.

– Тогда это возможно, – с трудом справляясь с возбуждением, сказала Джинни.

И она снова испытующе взглянула на отца Стива.

– Скажите, Чарльз, вы могли бы обеспечить мне доступ к этим записям?

– А как именно вы собираетесь это осуществить?

– Загружу свою программу в компьютер, затем включу систему поиска.

– И сколько времени это может занять?

– Трудно сказать. Зависит от объема базы данных, от мощности компьютера.

– Это может как-то помешать рутинной работе с данными?

– Ну разве что замедлит процесс.

Он задумчиво нахмурился.

– Так вы можете это сделать? – нетерпеливо спросила Джинни.

– Если нас поймают, с моей карьерой покончено.

– Так да или нет?

– Да, черт возьми!

Стив был просто потрясен, увидев в патио Джинни. Они с отцом попивали лимонад и шушукались о чем-то, точно закадычные друзья. «Именно этого я и хочу, – подумал он. – Хочу, чтобы Джинни стала частью моей жизни. Тогда со всем можно справиться».

Он с улыбкой подошел к ней и нежно поцеловал в губы.

– Вы с отцом похожи на заговорщиков.

Джинни изложила ему все, что они задумали, и в Стиве вновь ожила надежда.

Чарльз сказал, обращаясь к Джинни:

– Знаете, я не очень-то смыслю в компьютерах. Мне нужна помощь, чтобы загрузить программу.

– Я пойду с вами, – ответила она.

– Но кто вас туда пустит? Ведь паспорта при вас нет?

– Нет.

– А без документа я не смогу сделать вам пропуск.

– Съезжу домой и возьму его.

– Я пойду с тобой, – сказал отцу Стив. – Мой паспорт наверху. Уверен, что смогу загрузить программу.

Чарльз вопросительно посмотрел на Джинни. Она кивнула:

– Это совсем не сложно. А потом ты можешь позвонить мне из центра, и я подскажу, как и что надо делать.

– Идет.

Отец пошел на кухню и вернулся с телефоном. Набрал какой-то номер.

– Дон? Это Чарльз. Кто выиграл в гольф?... Я никогда в тебе не сомневался, старина. Но погоди, на следующей неделе обыграю тебя, вот увидишь. Послушай, хочу попросить тебя об одном одолжении. Несколько необычном. Хочу взглянуть на медицинские данные моего сына... с момента его рождения. Да, у него выявлены кое-какие осложнения... нет, ничего серьезного, жизни они не угрожают. Но эти данные могут иметь отношение к его нынешнему состоянию, а это важно, это ключ ко всей проблеме. Не мог бы ты обеспечить мне доступ в главный информационный центр?

Наступила долгая пауза. По выражению лица Чарльза нельзя было догадаться, что говорил ему Дон. И вот наконец он сказал:

– Спасибо тебе, старина. Очень ценю твою помощь.

– Есть! – торжествующе воскликнул Стив и вскинул вверх сжатую в кулак руку.

Отец прижал палец к губам, и сказал в трубку:

– Стив будет со мной. Мы подъедем минут через пятнадцать – двадцать, если это возможно... Еще раз спасибо. – Он повесил трубку.

Стив бросился наверх за паспортом и вернулся через несколько секунд.

Джинни держала дискеты в маленькой пластиковой коробочке. Она протянула ее Стиву.

– Вставишь в дисковод дискету под номером один, и на экране появятся инструкции.

Стив взглянул на отца.

– Ты готов?

– Едем, – ответил тот.

– Удачи вам, – прошептала Джинни.

Они уселись в «линкольн» и поехали к зданию Пентагона. Припарковались на самой большой в мире автомобильной стоянке – на Среднем Западе есть городки, уступающие по площади этой автостоянке, – затем поднялись по лестнице на второй этаж.

Когда Стиву было тринадцать, его водили в Пентагон на экскурсию. Он до сих пор помнил экскурсовода – высокого молодого человека со слишком короткой стрижкой. Здание состояло из пяти концентрических колец, связанных между собой десятью коридорами, которые расходились в разные стороны, напоминая спицы колеса. Этажей было пять, а вот лифтов не было. Пробыв в этом здании несколько секунд, он потерял представление о том, где находится. Но особенно запомнилось Стиву, что во дворе находилось еще одно здание, под названием «Граунд-зиро», и там торговали хот-догами.

Отец провел его мимо закрытых на ночь закусочных, ресторана и парикмахерской, и они подошли к первому контрольно-пропускному пункту. Стив показал свой паспорт, расписался в журнале посетителей, ему выдали пропуск – пластиковую карточку, которую он прикрепил к нагрудному карману рубашки.

В субботу вечером народу в здании было совсем немного, лишь изредка в пустынных коридорах встречались заработавшиеся допоздна сотрудники, по большей части в военной форме. Пару раз попались люди, толкавшие перед собой тележки для гольфа – здесь их использовали для транспортировки тяжелых предметов. На Стива еще во время первого посещения произвели огромное впечатление монолитность и мощь этого

здания. «Все это создано для того, чтобы защитить меня», – думал он тогда. Но теперь он считал по-другому. Где-то в паутине этих бесконечных коридоров возник заговор. Заговор, благодаря которому появились на свет он и его клоны. Этот гигантский каменный стог был создан для сокрытия самых страшных тайн, правды и справедливости, которой он добивался. И все попадавшие ему навстречу мужчины и женщины в форме разных родов войск – военно-морской, пехотной и летной – казались ему врагами.

Они долго шли по коридору, потом поднялись по лестнице, вышли в другой коридор и оказались перед вторым контрольно-пропускным пунктом. На сей раз проверка заняла больше времени. В компьютер занесли полное имя Стива, а также его адрес. Потом они ждали еще минуту или две, пока компьютер проверит эти данные. Он впервые подвергся проверке на таком уровне и отчего-то занервничал и почувствовал себя виноватым, хотя и знал, что ничего плохого не сделал. Отвратительное ощущение. Должно быть, именно так чувствуют себя преступники, подумал он. А еще шпионы, всякого рода мошенники и неверные мужья.

Их пропустили, они снова двинулись по коридору, несколько раз сворачивали за угол и наконец подошли к стеклянным дверям. В просторном помещении перед светящимися мониторами сидели с десятков молодых людей в военной форме. Одни заносили данные в компьютеры, другие пропускали бумажную документацию через какие-то специальные оптические приборы. Охранник у двери снова проверил у Стива паспорт, и их впустили.

В помещении было тихо, на полу лежал толстый ковер. Комната мягко освещалась электрическим светом, окон не было. Работой молодых людей руководил седой мужчина в полковничьей форме и с тоненькими усиками над верхней губой. С отцом Стива он знаком не был, но его предупредили о визите. Он холодно и коротко переговорил с Чарльзом и указал на свободный столик с компьютером, которым они могли воспользоваться. Судя по всему, он был далеко не в восторге от непрошенных гостей.

Отец сказал ему:

– Нам необходимо найти медицинские данные по младенцам, родившимся в военных госпиталях двадцать два года тому назад.

– Этих данных здесь нет.

Сердце у Стива упало. Он не ожидал такого удара.

– Где же они находятся? – спросил отец.

– В Сент-Луисе.

– А отсюда можно получить доступ?

– Для получения такого доступа необходимо специальное разрешение.

У вас его нет.

– Я не мог предвидеть, что возникнет такая проблема, полковник, – сухо сказал Чарльз Логан. – Вы хотите, чтобы я снова беспокоил генерала Кронера? Он вряд ли будет в восторге от того, что ему не дают отдохнуть субботним вечером. Но если вы настаиваете, то, конечно, придется позвонить.

Полковник задумался: с одной стороны, незначительное нарушение инструкции, с другой – реальная возможность привести генерала в бешенство. Вывод напрашивался один.

– Так и быть, сделаю для вас исключение. Но этой линией давно не пользовались, так что сначала ее надо проверить.

– Благодарю вас.

Полковник подозвал женщину в форме лейтенанта и представил ее. Кэролайн Гэмбол было уже под пятьдесят – полная, даже толстая, затянутая в корсет дама с начальственными манерами. Чарльз объяснил ей суть дела.

– Сэр, вы отдаете себе отчет в том, что эти записи представляют собой государственную тайну? – спросила она его.

– Да, и у нас есть разрешение на доступ.

Она уселась за стол, включила компьютер, набрала несколько слов на клавиатуре. А затем спросила:

– Какую систему поиска вы собираетесь применить?

– У нас есть своя собственная поисковая программа.

– Хорошо, сэр. Тогда позвольте я ее загружу.

Отец покосился на Стива. Тот пожал плечами и протянул лейтенанту дискеты.

Загружая программу, она вдруг с любопытством взглянула на Стива.

– Кто разработал эту методику?

– Один профессор. Из университета Джонс-Фоллз.

– Очень остроумно, – заметила Гэмбол. – Прежде ни разу не видела ничего подобного. – И обернулась к полковнику, стоявшему у нее за спиной. – А вы, сэр?

Он отрицательно покачал головой.

– Ну все, загрузка окончена. Могу я начать поиск?

– Прошу вас.

Лейтенант Гэмбол нажала на клавишу «Ввод».

Из ворот дома Логанов в Джорджтауне выехал черный «линкольн», и Беррингтон, руководимый дурным предчувствием, последовал за ним. Он вовсе не был уверен, что Джинни в машине, впереди сидели лишь полковник и Стив, но она вполне могла находиться сзади.

Он обрадовался возможности действовать. Наверное, просто устал от ожидания и растущей тревоги. Голова прямо-таки раскалывалась от боли, ноги затекли. Вот бы бросить все это к чертовой бабушке! И поехать в ресторан, посидеть за бутылочкой хорошего вина. Или же отправиться домой, послушать диск с записью Девятой симфонии Малера. А еще лучше – пригласить Пиппу Харпенден и заняться с ней любовью. Но тогда он рискует потерять очень многое. Прежде всего шестьдесят миллионов долларов – свою долю. Затем – возможность получить политическую власть. Если Джим Пруст попадет в Белый дом, он непременно обеспечит ему пост министра здравоохранения. И наконец, если у них все получится, появится шанс увидеть новую, совершенно другую Америку двадцать первого века. Такую, какой и должна быть эта страна, – сильную, отважную, чистую. И он скрепя сердце продолжил столь ненавистное ему занятие.

Вначале следить за Логанами не составляло труда: машин на улицах Вашингтона было в этот час немного, и двигались они с небольшой скоростью. Беррингтон держался позади «линкольна», пропустив вперед две машины, как в боевиках и шпионских фильмах. Элегантная все же модель «Марк-VIII», подумал он. Может, стоит купить? Седан, конечно, выглядит представительно, но все же немного старомоден. Купе куда как шикарнее. Интересно, сколько может стоить «линкольн»-купе? Тут он вспомнил, что вечером в понедельник станет богачом. Господи, да он и «феррари» запросто сможет себе купить, если уж так хочется шикарную машину!

Но тут «линкольн» Логанов проехал перекресток, свернул за угол, и в этот момент загорелся красный. Едущая перед Беррингтоном машина резко затормозила, и он потерял Логанов из вида. Он чертыхнулся и надавил на клаксон. Размечтался, старый дурак, и вот тебе результат! Но ничего, исправить ситуацию еще можно. Как только загорелся зеленый, он резко рванул с места, свернул за угол и помчался вперед на бешеной скорости.

И через несколько секунд увидел впереди черный «линкольн» – тот

остановился перед очередным светофором. От сердца сразу отлегло.

Они проехали Мемориал Линкольна, затем по Арлингтонскому мосту пересекли Потомак. Куда это они направляются, в аэропорт, что ли? Но затем «линкольн» выехал на Вашингтон-бульвар, и Беррингтон понял, что они едут в Пентагон.

Он проследовал за ними до огромной автостоянки перед зданием Пентагона. Нашел свободное место в соседнем ряду, выключил мотор и стал наблюдать. Стив с отцом вышли из машины и направились к входу в здание.

Беррингтон осторожно приблизился к «линкольну». Присмотрелся. В машине никого. Стало быть, Джинни осталась у них дома, в Джорджтауне. Но что делают здесь Стив и Чарльз Логаны? Что опять придумала эта маленькая сучка?

Он прошел следом за ними ярдов двадцать – тридцать. Шел и дрожал от страха. Что, если они обернутся и узнают его? Какой будет позор, если его застукают за таким неблагоприятным занятием...

Но, к счастью, ни один из них не обернулся. Они поднялись по ступенькам и вошли в здание. Он видел, как они проходили через пост охраны. Торчать здесь не имело смысла.

Беррингтон нашел телефон-автомат и позвонил Джиму Прусту.

– Я у Пентагона. Следовал за Джинни до дома Логанов, потом отец с сыном сели в машину и приехали сюда. Я очень волнуюсь, Джим.

– Ведь этот полковник работает в Пентагоне?

– Да.

– Ну, тогда цель визита может быть вполне невинной.

– Но с чего это вдруг ему понадобилось ехать в Пентагон в субботу вечером?

– Сыграть в покер с генералом. Помню свои армейские денечки, мы не раз резались в карты на работе.

– К чему таскать с собой мальчишку, сколько бы лет ему ни было?

– Что такого есть в Пентагоне, что может причинить нам вред?

– Записи.

– Нет, – сказал Джим. – У армейских нет никаких документов о наших разработках. Уверен в этом.

– И все же нам надо выяснить, чем они там занимаются. Сможешь?

– Постараюсь. Правда, друзей в Пентагоне у меня сейчас нет. Но попробую поговорить кое с кем. Перезвони мне попозже.

Беррингтон повесил трубку и несколько секунд стоял в полной прострации. Нет, он не выдержит этого напряжения, никаких сил не хватит.

Все, чему он посвятил большую часть своей жизни, может в одночасье рухнуть, а чем он занимается? Занимается слежкой, как какая-нибудь полицейская ищейка. С другой стороны, что еще остается? И он, беспомощно выругавшись, направился к своей машине и стал ждать.

Стив сгорал от нетерпения. Если у них получится, то совсем скоро он узнает, кто изнасиловал Лизу Хокстон. И тогда у него появится шанс доказать свою невиновность. А если не получится?... Ведь поисковая система может и не сработать, а медицинские записи могут потеряться... или их нарочно стерли из базы данных. Ведь компьютеры постоянно выдают категоричные и тупые сообщения вроде: «Не найдено», «Не сохранено в памяти» или «Ошибка системы».

В компьютере что-то щелкнуло, Стив впился глазами в экран. Поиск окончен. На экране появился список разбитых на две колонки имен и адресов. Программа Джинни сработала! Но где же в нем клоны?

Он подавил нетерпение. Прежде всего надо сделать копию.

Он нашел в ящике стола коробку с новыми дискетками, вставил одну в дисковод. Переписал список на дискету, вынул ее, сунул в задний карман джинсов.

И только после этого стал изучать имена.

Ни одно из них не было ему знакомо. Список занимал несколько страниц. Проще было бы, если бы он был на бумаге. Стив подозревал лейтенанта Гэмбол.

– Могу я сделать распечатку с этого файла?

– Конечно, – сказала она. – Можете использовать вон тот лазерный принтер. – И она подошла и показала ему, как его включить.

Стив стоял перед принтером, наблюдая за тем, как из него выползают листы бумаги. Он так надеялся увидеть свое имя в одном ряду с тремя другими: Денниса Пинкера, Уэйна Стэттнера и того парня, изнасиловавшего Лизу Хокстон. Отец молча стоял у него за спиной и тоже смотрел.

На первой странице были только пары, групп из трех или четырех имен не было.

Имя «Стивен Логан» появилось в середине второй страницы. Они с отцом увидели его одновременно.

– А вот и ты! – возбужденно прошептал отец.

Нет, тут явно было что-то не так. Слишком много имен в одной группе. Помимо Стивена Логана, Денниса Пинкера, Уэйна Стэттнера, здесь значились также Генри Ирвин Кинг, Пер Эриксон, Мюррей Клод, Харви Джон Джонс и Джордж Дассолт. Стив был в замешательстве.

Отец нахмурился.

– А это кто такие?

Стив быстро подсчитал.

– Всего восемь имен.

– Восемь? – переспросил отец. – Восемь?...

И тут до Стива дошло.

– Именно столько и сделала «Дженетико», – сказал он. – Нас восемь человек.

– Восемь клонов?! – изумился отец. – Черт побери, о чем только они думали...

– Интересно, по какому принципу подобрала их поисковая программа? – задумчиво произнес Стив.

И взглянул на последнюю выполняющую из принтера страницу. Внизу было примечание: «Общая характеристика: электрокардиограмма».

– Да, все правильно, – сказал отец. – Тебе делали электрокардиограмму в недельном возрасте. Помню, я еще удивился, зачем это.

– Нам всем делали. У идентичных близнецов одинаковые сердца.

– Знаешь, я до сих пор не верю! – воскликнул отец. – Просто не верю, что в мире существует целых восемь таких же, как ты, ребят.

– Взгляни на адреса, – сказал Стив. – Все родились на военных базах.

– Но большинство из этих людей наверняка живут сейчас по другим адресам. Нельзя ли выкачать еще какую-то информацию с помощью этой программы?

– Нет. Это означало бы вторжение в частную жизнь граждан.

– Так как же теперь она будет их искать?

– Я задал ей тот же вопрос. В университете есть телефонный справочник на диске. Если и он не поможет, имеются данные регистрации водительских прав, агентств, выдающих кредитные карточки, другие источники.

– К черту частную жизнь граждан! – заявил отец. – Я хочу получить полные медицинские карты по всем этим людям. А там видно будет.

– А я не отказался бы от чашки кофе, – сказал Стив. – Где тут можно раздобыть кофе?

– В информационный центр не разрешают проносить напитки. Достаточно капли жидкости, чтобы вывести из строя компьютерную систему. Рядом есть небольшой кафетерий с автоматами по продаже кофе и кока-колы.

– Сейчас вернусь, – сказал Стив. Кивнул охраннику у дверей и

направился в кафетерий. Там стояли лишь два столика со стульями да автоматы с кофе, содовой, конфетами и пирожными. Стив съел два «сникерса», выпил чашку кофе и пошел обратно в центр.

Но у стеклянных дверей остановился. За ними творилось что-то неладное. Появились новые люди, генерал и двое вооруженных военных. Генерал спорил о чем-то с отцом, полковник с тоненькими усиками тоже что-то говорил. Плохи дела, подумал Стив, и сердце его тревожно сжалось. Он зашел в комнату и остановился у двери, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания.

Он слышал, как генерал сказал:

– У меня есть приказ, полковник Логан. Вы арестованы!

Стив похолодел.

Как такое могло случиться? Ведь у отца было разрешение на доступ к медицинским данным. И Стив понял, что без людей из «Дженетико» тут не обошлось.

И что теперь делать?

Отец сердито говорил:

– Вы не имеете права!

Генерал, повысив голос, рявкнул в ответ:

– Нечего тут читать мне лекции о моих же правах, полковник!

Стив понял, что вмешиваться в этот спор бесполезно. Ведь в кармане у него диск со списком имен. Отец попал в неприятную ситуацию, но он выкрутится. Стив же должен выбраться отсюда вместе с полученной информацией.

Он развернулся, вышел в коридор и торопливо направился к выходу, стараясь выглядеть как можно увереннее. Лишь бы не заблудиться в этом лабиринте коридоров. Пару раз свернув за угол, он оказался возле контрольно-пропускного пункта.

– Минутку, сэр, – сказал охранник.

Стив остановился. Сердце его бешено билось.

– Да? – спросил он тоном человека, которого отрывают от важных дел.

– Мне нужно проверить ваши данные по компьютеру. Позвольте взглянуть на ваши документы?

– Да, конечно. – Стив протянул ему паспорт.

Охранник взглянул на фотографию, затем ввел фамилию Стива в компьютер.

– Благодарю вас, сэр, – сказал он и отдал Стиву паспорт.

Тот торопливо зашагал по коридору. Еще одна проверка на выходе – и он на свободе.

Внезапно за спиной послышался голос Кэролайн Гэмбол:

– Мистер Логан! Подождите минуточку!

Он обернулся через плечо. Лейтенант Гэмбол, толстая, красная, запыхавшаяся, мчалась за ним по коридору.

– О черт!... – выругался Стив.

Метнулся за угол, нашел лестницу. Сбежал по ступенькам на нижний этаж. При нем важнейший документ – список, содержащий имя насильника, только это и поможет ему оправдаться в суде. И он вовсе не собирался добровольно отдавать этот документ кому бы то ни было, даже представителям армии США.

Чтобы выйти из здания, надо было добраться до кольца «Е». Он бежал по соединяющему уровни коридору, миновал кольцо «С». Навстречу провезли тележку для гольфа, нагруженную швабрами, щетками и прочими приспособлениями для уборки помещений. Он был уже на полпути к кольцу «D», когда снова услышал за спиной голос лейтенанта Гэмбол:

– Мистер Логан! – Она не отставала и кричала на весь длинный коридор: – Генерал хочет с вами поговорить!

Какой-то мужчина в форме ВВС с любопытством выглянул из двери офиса. К счастью, субботним вечером людей в здании было немного. Стив нашел лестницу и помчался наверх в надежде, что уж здесь-то толстуха точно отстанет.

Оказавшись этажом выше, он снова побежал по коридору к кольцу «D», два раза свернул за угол, затем опять спустился этажом ниже. Лейтенанта Гэмбол не было видно. Слава тебе Господи, с облегчением подумал он, избавился наконец от хвоста.

Стив был уверен, что находится на уровне, ведущем к выходу. И двинулся по часовой стрелке по кольцу «D» к следующему коридору, показавшемуся знакомым: наверное, где-то здесь они и вошли в здание. И вот наконец впереди показался контрольно-пропускной пункт. Он почти на свободе.

И вдруг он увидел там лейтенанта Гэмбол.

Она сидела за стойкой рядом с охранником, покрасневшая и потная.

Стив чертыхнулся. Избавиться от преследования не удалось. Толстуха лучше его знала здание и прибыла к выходу первой.

Придется рискнуть – попробовать прорваться силой.

Он подошел к охраннику и, отцепив пропуск от рубашки, протянул ему.

– Можете пока оставить его себе, – сказала лейтенант Гэмбол. – С вами хочет поговорить генерал.

Стив положил пропуск на стойку. И, стараясь не выдать свой страх, твердым и самоуверенным тоном произнес:

– Боюсь, у меня просто нет времени на разговоры. До свидания, лейтенант, и огромное вам спасибо за помощь.

– Но я настаиваю, – сказала толстуха.

Стив еле сдерживал нетерпение.

– Вы никак не можете настаивать, – сказал он. – Я гражданское лицо, и вы мне не командир. Ничего противозаконного я не совершал, а потому и арестовать меня вы не имеете права. При мне, как видите, нет никакой армейской собственности. – Он от души надеялся, что дискета, спрятанная в задний карман, им не видна. – И если вы задержите меня силой, это будет противозаконно.

Она обратилась к охраннику, мужчине лет тридцати, ростом на три-четыре дюйма ниже Стива:

– Не дайте ему уйти.

Стив улыбнулся охраннику:

– Если только дотронетесь до меня, солдат, это будет расценено, как нападение. И если я при этом окажу вам сопротивление – а уж будьте уверены, я это сделаю, – меня оправдает любой суд.

Лейтенант Гэмбол озиралась в поисках поддержки, но единственными находящимися неподалеку людьми были две уборщицы и электрик, возившийся с проводкой.

Стив направился к выходу.

Лейтенант Гэмбол крикнула:

– Остановите его!

За спиной раздался возглас охранника:

– Стой, или буду стрелять!

Стив обернулся. Охранник вытащил пистолет и целился в него. Уборщицы и электрик застыли, наблюдая за этой сценой. Руки у охранника дрожали, и ствол так и прыгал из стороны в сторону.

Стив тоже словно окаменел. Тело просто отказывалось слушаться – так иногда бывает во сне. Он сделал над собой огромное усилие и стряхнул оцепенение. Охранник из Пентагона не будет стрелять в гражданское лицо, он был в этом уверен.

– Ты не выстрелишь, – сказал он. – Иначе это будет убийство.

Отвернувшись и снова пошел к двери.

До нее оставалось всего три или четыре метра, но путь этот показался ему вечностью. Лопатки свело, по спине побежали мурашки.

Едва он дотронулся до дверной ручки, как грянул выстрел. Кто-то

вскрикнул.

«Он выстрелил поверх моей головы», – мелькнула у Стива мысль, но оборачиваться он не стал. Рывком распахнул дверь и опрометью бросился вниз по ступенькам. На улице уже совсем стемнело, автостоянка освещалась уличными фонарями. Он услышал за спиной крики, потом грохнул еще один выстрел. Сбежав с лестницы, Стив резко метнулся в сторону, в кусты.

Нашел узенькую тропинку и бежал по ней до тех пор, пока она не вывела его на дорогу. Он все еще продолжал бежать, но вот впереди показалась автобусная остановка. Он перешел на шаг. К остановке подкатил автобус, из него вышли двое солдат, зашла женщина в гражданском, Стив вскочил следом за ней.

Автобус отъехал. Вот он миновал автостоянку, выехал на шоссе. Пентагон остался позади.

Джинни понадобилось всего часа два, чтобы полюбить Лорейн Логан всей душой.

Лорейн оказалась куда полнее, чем на снимке, который украшал ее газетную колонку «одиноких сердец». Она часто улыбалась, отчего на круглом лице появлялись мелкие морщинки. Чтобы как-то отвлечь Джинни от тревожных мыслей, она заговорила о проблемах, которыми делились с ней читательницы: властных свекровях, драчливых мужьях, любовниках-импотентах, похотливых начальниках, дочерях, принимающих наркотики. На какую бы тему ни заговорила Лорейн, Джинни тут же спохватывалась: «Ну конечно, как же я не видела и не понимала этого раньше?»

Они сидели в патио, где становилось все прохладнее, и с нетерпением ждали возвращения Стива с отцом. Джинни рассказала Лорейн об изнасиловании Лизы.

– О, ей понадобится много времени, чтобы научиться вести себя так, словно этого не было, – заметила Лорейн.

– Да. Именно так она сейчас себя и ведет.

– Обычно эта фаза занимает примерно полгода. Но рано или поздно настанет время, когда она поймет: глупо отрицать все это, надо научиться с этим жить. Чаще всего эта стадия наступает, когда женщина пытается возобновить нормальные сексуальные отношения и вдруг обнаруживает, что не может этого сделать. Вот тогда-то женщины и начинают мне писать.

– И что вы им советуете?

– Что тут можно посоветовать? Однозначного решения нет. Изнасилование ранит душу женщины, душе необходимо излечиться.

– Примерно тот же совет мы слышали от детектива.

Лорейн удивленно подняла брови.

– Вот как? Что ж, следует признать, он очень умен, этот полицейский.

Джинни улыбнулась:

– Это она.

Лорейн рассмеялась.

– Тогда понятно. Женщина всегда поймет другую женщину. Знаете, я хочу вам кое-что сказать. Только обещайте не выдавать меня.

– Обещаю.

После паузы Лорейн сказала:

– Стив любит вас.

Джинни кивнула:

– Да, мне кажется, любит.

– Матери всегда это замечают.

– Стало быть, он влюблялся и прежде?

– А вам, как я погляжу, палец в рот не клади, – улыбнулась Лорейн. – Да, влюблялся. Но только один раз.

– Расскажите мне о ней. Если, конечно, считаете, что он бы не был против.

– Ладно. Ее звали Фанни Галахер. У нее были зеленые глаза и выющиеся темно-рыжие волосы. Очень живая и веселая девочка, к тому же единственная в классе, которую Стив совсем не интересовал. Несколько месяцев он ходил за ней по пятам, а она не обращала на него внимания. Но в конце концов настойчивость победила. И они встречались. Примерно год.

– Думаете, они занимались любовью?

– Не думаю, просто знаю. Ночи они проводили здесь, в нашем доме. Мне, знаете ли, всегда претила мысль о том, что юнцы должны совокупляться исключительно в машине или темном закоулке.

– Ну а ее родители?

– Я говорила с матерью Фанни. Она разделяла мои взгляды.

– А я потеряла девственность в темном закоулке, за панк-рок-клубом, в возрасте четырнадцати лет. И этот опыт был столь ужасен, что после этого я не вступала в сексуальные отношения до двадцати одного года. Моя мама была в этом смысле совсем не похожа на вас. Жаль.

– А мне кажется, не важно, строгие у человека родители или нет. Главное, чтобы они были последовательными. Ведь дети могут приспособиться к любым правилам. Непредсказуемость – вот что сбивает их с толку.

– Почему Стив и Фанни расстались?

– У него была одна проблема... Возможно, он расскажет вам о ней.

– Вы имеете в виду драку с Типом Хендриксом?

Лорейн удивилась.

– Так он вам сказал! Бог мой, похоже, он действительно вам доверяет.

Тут они услышали шум подъехавшего автомобиля. Лорейн выглянула на улицу.

– Стив приехал. Почему-то в такси, – растерянно произнесла она.

Джинни встала.

– Как он?

Но не успела Лорейн ответить, как Стив вбежал в патио.

– Где папа? – спросила Лорейн.

– Папу арестовали.
– О Господи!... – простонала Джинни. – За что?
– Толком не знаю. Наверное, люди из «Дженетико» что-то узнали или почуяли опасность, ну и воспользовались своими связями. Прислали военную полицию, отца арестовали. А мне удалось смыться.
– Ты что-то утаиваешь от меня, Стив, – с подозрением глядя на него, произнесла Лорейн. – Ну-ка рассказывай все, как было!
– Охранник выстрелил. Два раза.
Лорейн тихо ахнула.
– Уверен, он целился поверх головы. Во всяком случае, я цел и невредим.

Во рту у Джинни пересохло. При мысли о том, что в Стива стреляли, ее охватил ужас. Ведь он мог погибнуть!...

– Но тем не менее, наш план сработал, – сказал Стив и вытащил из кармана дискету. – Список здесь. Но сначала я расскажу тебе, что там. Это просто невероятно!

– Что? – спросила Джинни с замиранием сердца.

– Клонов вовсе не четыре.

– Как это?

– Их целых восемь.

Джинни так и застыла с разинутым ртом.

– Восемь двойников?!

– Мы нашли восемь идентичных электрокардиограмм.

Стало быть, эти изуверы из «Дженетико» подвергли эмбрион семикратному расщеплению, а затем пересадили полученные части восьми женщинам. Нет, в это просто невозможно поверить!

Но подозрения Джинни полностью подтвердились. Именно это так отчаянно пытался утаить Беррингтон. Теперь же, когда факты будут преданы гласности, «Дженетико» придет конец, а Джинни полностью восстановят в правах.

И Стива оправдают!

– Ты сделал это! – воскликнула Джинни и обняла его. Но тут вдруг в голову ей пришла простая мысль. – А кто же из этих восьмерых совершил изнасилование?

– Мы должны выяснить, – сказал Стив. – И это будет совсем не просто. Там указаны адреса их родителей на тот момент. И разумеется, они устарели.

– Попробуем найти. Это по Лизиной части. – Джинни встала. – Пора возвращаться в Балтимор. Дорога не близкая, приеду только к ночи.

– Я с тобой.

– А как же твой отец? Надо как-то попытаться его освободить.

– Ты нужен здесь, Стив, – сказала Лорейн. – Прямо сейчас позвоню нашему адвокату – у меня есть его домашний номер. Но рассказывать ему о том, что случилось, будешь ты.

– Ладно, – нехотя произнес Стив.

– А я, перед тем как выехать, должна позвонить Лизе. Пусть готовится, – сказала Джинни. – Можно воспользоваться телефоном в патио?

– Конечно.

Она набрала номер Лизы. Четыре гудка, затем характерная пауза – перед тем, как включился автоответчик.

– Черт, – пробормотала Джинни, слушая оставленное Лизой послание. И, когда оно закончилось, произнесла в трубку: – Лиза, пожалуйста, позвони мне. Я выезжаю из Вашингтона. Буду дома около десяти. У меня очень важные новости...

– Я провожу тебя до машины, – сказал Стив.

Джинни попрощалась с Лорейн, та прижала ее к себе.

Уже на улице Стив протянул ей дискету.

– Смотри береги ее, – сказал он. – Копии нет, другого шанса получить информацию у нас уже не будет.

Джинни сунула дискету в сумочку.

– Не волнуйся. В ней и мое будущее тоже. – И она крепко его поцеловала.

– О Господи, – задыхаясь, пробормотал он. – Неужели настанет время, когда мы будем заниматься этим сколько угодно?

– Да, обязательно настанет. Но ты должен беречь себя, Стив. Я не хочу тебя потерять. Пожалуйста, будь осторожен.

Он улыбнулся:

– Как это приятно, когда кто-то о тебе беспокоится. Особенно такая женщина, как ты.

Она снова поцеловала его, на этот раз нежнее и мягче.

– Я тебе позвоню.

А потом села в машину и уехала.

Ехала она быстро и была дома уже через час с небольшим.

Никакого послания от Лизы на автоответчике не оказалось. Джинни забеспокоилась. Может, Лиза уснула? Или смотрит телевизор? *Не смей паниковать. Думай, думай!* Она выбежала на улицу, села в машину и поехала к дому Лизы в Чарлз-Виллидж. Позвонила снизу по домофону, но

никто не ответил. Куда же, черт подери, подевалась Лиза? Приятеля у нее не было, так что вряд ли она отправилась на свидание. *Господи, пожалуйста, сделай так, чтоб она не уехала к своей матери в Питсбург!*

Лиза жила в квартире под номером 12В. Джинни нажала на кнопку звонка квартиры 12А. Здесь тоже никто не ответил. Может, этот чертов домофон вообще не работает? И она попробовала позвонить в 12С.

Ответил ворчливый мужской голос:

– Кто там?

– Извините за беспокойство, я подруга Лизы Хокстон, вашей соседки. Мне она очень нужна. Вы, случайно, не знаете, где она может быть?

– Вы что, леди, думаете, у нас тут деревня на пять домов? Понятия не имею, где она, даже не знаю, как она выглядит, эта моя соседка! – Щелчок – он отключился.

Джинни сердито повернулась на каблуках, села в машину и поехала домой. Снова набрала номер Лизы.

– Лиза, пожалуйста, позвони мне тотчас же, как придешь, сколько бы времени ни было. Это очень важно и срочно! Жду!

Джинни не знала, чем теперь заняться. Без Лизы она не могла даже попасть в Дурдом.

Она приняла душ, закуталась в розовый махровый халат. Потом поняла, что голодна, и разогрела в микроволновке булочку с корицей. Но есть не стала, ее подташнивало от волнения, и она выбросила булочку и ограничилась чашкой кофе с молоком. Жаль, что телевизора нет, он бы отвлек ее от тревожных мыслей.

Она достала из сумочки снимок Стива, который подарил ей Чарльз. Надо подобрать для него рамочку. С помощью магнита она прикрепила снимок к дверце холодильника.

А потом стала рассматривать альбом с семейными фотографиями. Улыбнулась, увидев отца в рубашке в коричнево-белую полоску и мешковатых брюках на широких подтяжках – улыбаясь, он стоял рядом с ультрамариновым новеньким «фордом». Было в альбоме и несколько снимков Джинни в белой теннисной форме, она торжествующе сжимала в руках серебряные кубки и чаши. А вот мама катит перед собой старомодную коляску с малышкой Пэтти. А вот и Уилл Темпл в ковбойской шляпе – улыбается во весь рот, а она, Джинни, так и покатывается со смеху...

Зазвонил телефон.

Она вскочила, уронила альбом на пол, схватила трубку.

– Лиза?

– Привет, Джинни! Что за срочность?

Джинни тяжело опустилась на диван, испытывая невероятное облегчение.

– Слава тебе, Господи! Звонила сто раз, где ты ходишь?

– Ходила в кино с Кэтрин и Биллом. Это что, преступление?

– Извини. Я не имею никакого права устраивать тебе допрос и...

– Все в порядке. Мы же подруги. Так что можешь на меня немного позлиться. И как-нибудь я отвечу тебе тем же.

Джинни засмеялась.

– Спасибо. Послушай, Лиза, у меня есть список двойников Стива. И мне нужно узнать их адреса, желательно сегодня же. Поможешь?

Пауза.

– Но, Джинни, я и без того едва не нарвалась на крупные неприятности, пытаюсь проникнуть к тебе в кабинет. Меня запросто могли уволить, да и охранника тоже. Я вовсе не против тебе помочь, но не могу потерять работу.

Джинни растерянно замерла с трубкой в руках. *Нет, прошу тебя, не подводи меня, особенно теперь, когда я подобралась так близко.*

– Ну пожалуйста!...

– Я боюсь.

На смену растерянности пришел гнев. *Э, нет, голубушка, я не позволю тебе отвернуться!*

– Уже почти воскресенье, Лиза. – *Страшно противно делать это, но придется.* – Ровно неделю назад я вошла в горящее здание, пытаюсь найти тебя.

– Знаю, знаю...

– Я тоже боялась.

Долгая пауза.

– Ты права, – выдавила наконец Лиза. – Ладно, хорошо, я все сделаю.

Джинни с трудом подавила торжествующий возглас.

– Когда ты сможешь туда подъехать?

– Через пятнадцать минут.

– Встречу тебя на улице.

Джинни повесила трубку. Потом метнулась в спальню, сбросила халат, натянула черные джинсы и бирюзовую майку. Накинула сверху черную джинсовую куртку и сбежала вниз по лестнице.

Она вышла из дома ровно в полночь.

Воскресенье

Джинни приехала в университет раньше Лизы. Припарковалась на стоянке для гостей, не захотев оставлять свою приметную машину возле Дурдома, и прошла пешком через безлюдный темный кампус. Остановилась возле здания и стала ждать. Вдруг пожалела, что не заскочила по дороге в ночной магазин купить чего-нибудь перекусить. Она мечтала о чизбургере с жареным картофелем, толстом куске пиццы с перцем, яблочном пироге, ванильном мороженом... на худой конец, можно было бы обойтись и салатом с чесночной приправой. И вот, наконец подъехала Лиза в маленькой белой «хонде». Она вышла из машины, взяла Джинни за руки.

– Мне стыдно, – сказала она. – Ты не должна была напоминать о том, как поступают настоящие друзья.

– Я все понимаю, – ответила Джинни.

– Прости.

Они прошли в здание, включили в лаборатории свет. Джинни насыпала кофе в кофейник, Лиза включила компьютер. Странно было находиться в лаборатории среди ночи. Белые стены и двери, беспощадно яркий свет, машины и аппараты – все это напомнило Джинни морг.

Наверняка охранники рано или поздно сюда нагрянут, подумала она. После вылазки Джинни они держат Дурдом под наблюдением. Увидят в окнах свет – и сразу прибегут. С другой стороны, ученые часто засиживаются на работе по ночам, и неприятностей ожидать не следует – если, конечно, не явится тот вчерашний охранник, который непременно узнает ее, Джинни.

– Если вдруг кто-то придет, – сказала она Лизе, – я спрячусь вон в том вытяжном шкафу. Вдруг это будет охранник, знающий, что я лишена доступа в эти помещения.

– Надеюсь, мы услышим его приближение, – нервно заметила Лиза.

– Надо как-то обезопаситься. – Джинни не терпелось заняться поиском клонов, но она сдерживала себя: меры предосторожности принять стоит. Она оглядела лабораторию, взгляд ее упал на небольшой букет у Лизы на столе. – Скажи, тебе очень дорога эта стеклянная ваза? – спросила она подругу.

Лиза пожала плечами:

– Да нет. Такую в любом универмаге можно купить.

Джинни вынула цветы, вылила воду в раковину. Потом сняла с полки книгу Сьюзан Л. Фабер «Идентичные близнецы, воспитывавшиеся раздельно». Вышла в коридор, дошла до дверей, ведущих на лестницу. Потянув двери к себе, слегка приоткрыла их и вставила между ними книгу. Затем сверху, над щелью, установила стеклянную вазу. Теперь ни один человек не мог войти в коридор, не уронив вазу, которая с грохотом разлетелась бы на мелкие осколки.

Лиза спросила:

– А что мне сказать, если нас все-таки застукают?

– Скажешь, что терпеть не можешь, когда за тобой шпионят, – ответила Джинни.

Лиза удовлетворенно кивнула:

– Еще немного, и я стану настоящим параноиком.

– Ладно, давай за дело, – сказала Джинни.

Они вернулись в лабораторию и оставили ее двери открытыми, чтобы услышать, если вдруг ваза разобьется. Джинни вставила драгоценную дискету в компьютер и сделала распечатку. Там были имена восьми младенцев мужского пола, чьи электрокардиограммы были так схожи, словно принадлежали одному человеку. Восемь крохотных сердец бились совершенно одинаково. Каким-то образом Беррингтону удалось уговорить персонал армейских госпиталей провести этот тест. И копии этих документов, вне всякого сомнения, были отправлены в клинику «Эйвентайн», где и хранились вплоть до четверга, пока их не уничтожили. Но Беррингтон забыл или не учел, что оригиналы могли остаться в армейских госпиталях.

– Давай начнем с Генри Кинга, – предложила Джинни. – Полное имя – Генри Ирвин Кинг.

Лиза достала два диска, вставила их в дисководы.

– На этих двух дисках записаны домашние телефоны всех граждан США, – сказала она. – И наша поисковая система позволяет работать одновременно с двумя дисками.

Экран монитора ожил.

– К сожалению, люди далеко не всегда вносят в телефонный справочник свое полное имя, – пояснила Лиза. – Давай посмотрим, сколько всего в Америке Г. Кингов.

Она набрала: «Г. Кинг» – и щелкнула по ярлыку «Счет». Через секунду в окошке появилась цифра: 1129. Джинни разочарованно вздохнула:

– Но чтоб проверить столько имен, понадобится вся ночь!

– Погоди, сейчас попробуем иначе, – сказала Лиза. И напечатала:

«Генри И. Кинг или Генри Ирвин Кинг», щелкнула какой-то клавишей, и через секунду на экране возник список. – У нас имеются три Генри И. Кинга и семнадцать Генри Ирвин Кингов. Какой последний адрес там указан?

Джинни сверилась с распечаткой.

– Форт-Дивенс, Массачусетс.

– Ясно. У нас есть один Генри Ирвин Кинг, живущий в Амхерсте. И четыре Генри И. Кинга в Бостоне.

– Давай им позвоним.

– Ты знаешь, сколько сейчас времени? Почти час ночи.

– Но я не могу ждать до утра.

– Никто с тобой ночью разговаривать не будет.

– Нет, будут, – уверенно произнесла Джинни. Она, конечно, понимала, что людей среди ночи беспокоить нельзя, что они этого не любят. Но ее сжигало нетерпение. – Скажу, что я из полиции. Что мы разыскиваем серийного убийцу.

– Но ведь это противозаконно!

– Дай мне номер в Амхерсте.

Лиза нажала на клавишу F2, раздался звонок модема. Джинни сняла трубку.

Семь долгих гудков, затем сонный голос произнес:

– Алло?

– Говорит детектив Сьюзан Фабер из департамента полиции Амхерста, – сказала Джинни. Она ожидала, что человек ответит нечто вроде «Да пошли вы все к дьяволу». Но в трубке царило молчание. И она бойко продолжила: – Извините, что беспокоим вас в такой поздний час, но дело очень важное и срочное. Простите, я говорю с Генри Ирвином Кингом?

– Да... А что случилось?

Голос мужчины средних лет, но Джинни хотелось быть уверенной до конца.

– Ничего особенного. Просто обычная проверка.

Это была ошибка.

– Обычная? – взвился мужчина. – В такое время ночи?

Чтобы спасти ситуацию, Джинни торопливо добавила:

– Просто мы расследуем одно очень серьезное преступление, и хотелось бы исключить вас из числа подозреваемых. Простите, сэр, вы не могли бы назвать мне дату и место своего рождения?

– Я родился четвертого мая 1946 года в Гринфилде, штат Массачусетс.

Вы довольны?

– Скажите, а у вас нет сына с тем же именем?

– Нет, у меня три дочери. Могу я снова лечь спать?

– Простите за беспокойство. И большое вам спасибо за то, что согласились ответить на мои вопросы. Доброй вам ночи! – С этими словами Джинни повесила трубку и торжествующе взглянула на Лизу. – Ну, видишь, получилось! Он говорил со мной. Нет, конечно, он был далеко не в восторге, но все же говорил!

Лиза рассмеялась.

– Да, доктор Феррами, у вас настоящий талант по части запудривания мозгов!

Джинни усмехнулась.

– Нужны лишь напор и нахальство. Ладно, переходим к Генри И. Кингам. Я позвоню двум первым, а ты – последним.

Только одна из них могла пользоваться автоматическим набором. Джинни нашла блокнот и шариковую ручку и переписала два первых номера, затем села за телефон и стала набирать. Ответил мужской голос, и она снова завела свою песню:

– Это детектив Сьюзан Фабер из бостонского управления полиции...

– Какого хрена названиваешь среди ночи? – сердито рявкнул мужчина в ответ. – Неужели не знаешь, кто я такой?

– Я полагаю, вы Генри Кинг...

– Полагаю, тебя вышибут с твоей долбаной работы, сучка паршивая! – с яростью выкрикнул он. – Сьюзан... как тебя там дальше?

– Мне просто нужно проверить дату вашего рождения, мистер Кинг.

– Соедини меня с лейтенантом из вашего участка, слышишь? Немедленно!

– Но, мистер Кинг...

– Делай, что тебе говорят!

– Чертова горилла! – буркнула Джинни и повесила трубку. Руки у нее дрожали. – Не дай Бог еще раз нарваться на такого хама!

Лиза к этому времени тоже повесила трубку.

– Мой оказался ямайцем. Акцент это подтверждает, – сказала она. – А тебе, судя по всему, попался крепкий орешек?

– О да.

– Можем сделать перерыв. И продолжить утром.

Но Джинни не согласилась.

– Нет, не стоит, – твердо заявила она. – Еще один скандал я как-нибудь переживу.

– Ну как знаешь.

– В любом случае, голос у него не был похож на голос двадцатидвухлетнего парня. Так что забудем об этом придурке. Давай попробуем еще раз.

И она набрала очередной номер.

Третий ее Генри Кинг спать еще не ложился; на фоне его голоса слышались звуки музыки и приглушенный шум других голосов.

– Да! Кто это? – спросил он.

Голос примерно такой, какой она ожидала услышать. И Джинни немного воспрянула духом. Она снова представилась детективом Фабер, но он тут же заявил:

– А откуда мне знать, что вы и вправду из полиции?

Голос как у Стива, и у Джинни замерло сердце. Он вполне мог быть одним из клонов. Но что сделать, чтобы он ей поверил? Придется как-то выкручиваться.

– Может, хотите перезвонить мне в полицейское управление? – спросила она.

Пауза.

– Да ладно, – буркнул он в трубку.

Джинни с облегчением вздохнула.

– Я Генри Кинг, – сказал он. – Но обычно меня называют Хэнк. Чего вы хотите?

– Прежде всего хотелось бы проверить вашу дату и место рождения.

– Я родился в Форт-Дивенсе ровно двадцать два года тому назад. Вообще-то у меня сегодня день рождения. Вернее, вчера был, в субботу.

Он, точно он! Одного клона она нашла. Теперь надо выяснить, был ли он в Балтиморе в прошлое воскресенье. Еле сдерживая возбуждение, Джинни спросила:

– Не могли бы вы припомнить, когда последний раз выезжали за пределы штата?

– Так, дайте сообразить... Это было в августе. Я ездил в Нью-Йорк.

Чутье подсказывало Джинни, что он говорит правду, но она продолжала задавать вопросы:

– А чем вы занимались в прошлое воскресенье?

– Работал.

– В чем состоит ваша работа?

– Вообще-то я студент Массачусетского университета, но по воскресеньям подрабатываю барменом в кафе «Голубая нота» в Кембридже.

Джинни записала название кафе.

– И именно там вы и находились в прошлое воскресенье?

– Ага. Обслужил, как минимум, сотню людей.

– Благодарю вас, мистер Кинг. – Если это правда, то вовсе не он изнасиловал Лизу Хокстон. – Не могли бы вы дать мне телефон этого бара, чтобы я могла проверить ваше алиби?

– Номера не помню, он записан в книжке. А в чем меня подозревают?

– Мы расследуем дело о поджоге.

– Что ж, рад, что у меня имеется алиби.

Странно было слышать голос Стива и знать при этом, что говоришь с совершенно незнакомым человеком. Джинни страшно хотелось увидеть этого Генри Кинга, убедиться в том, что и внешне он копия Стивена Логана.

– Еще раз спасибо вам, сэр, – наконец произнесла она. – Доброй ночи! – Она повесила трубку и в полном изнеможении воскликнула: – Уф!...

Лиза слушала разговор.

– Ну, ты нашла его?

– Да. Родился в Форт-Дивенсе ровно двадцать два года тому назад. Он тот самый Генри Кинг, которого мы ищем, я в этом уверена.

– Здорово!

– Но у него вроде бы есть алиби. Говорит, что весь тот день проработал в баре в Кембридже. – Она заглянула в блокнот. – Бар называется «Голубая нота».

– А мы можем это проверить? – спросила Лиза. Она уже позабыла о своих страхах, ею двигал азарт охотника.

Джинни кивнула.

– Сейчас поздно, но, я думаю, в воскресную ночь бар еще должен быть открыт. На твоих дисках есть телефоны баров?

– Нет, здесь только домашние телефоны. Для заведений существует другой справочник.

Джинни позвонила в справочную службу, получила номер, набрала его. На том конце провода почти сразу же сняли трубку.

– Я детектив Сьюзан Фабер из бостонской полиции. Нельзя ли поговорить с управляющим?

– Я управляющий, в чем дело? – Мужчина говорил с испанским акцентом, голос его звучал встревоженно.

– У вас есть сотрудник по имени Генри Кинг?

– Хэнк? Да, есть. Что он там опять натворил?

Похоже, у этого Генри Кинга и прежде возникали проблемы с законом.

– Может, и ничего. Скажите, когда вы видели его последний раз?

– Сегодня. Вернее, уже вчера. В субботу он работал в дневную смену.

– А до этого?

– Так, дайте подумать... В прошлое воскресенье. Он работал с четырех до полуночи.

– Вы готовы поклясться в этом перед судом присяжных, если возникнет такая необходимость?

– Конечно, почему нет? Кого бы там ни прихлопнули, но Хэнк в ту ночь этого не делал, точно вам говорю.

– Спасибо за помощь, сэр.

– Нет проблем! – В голосе управляющего явно слышалось облегчение. Будь она настоящим полицейским, подумала Джинни, приняла бы это за косвенное доказательство чувства вины. – Звоните, всегда рад помочь, – сказал он и повесил трубку.

– Алиби подтверждается, – разочарованно протянула Джинни.

– Не расстраивайся, – сказала Лиза. – Мы сделали правильно, что удалили его из списка подозреваемых в самом начале. Ведь это имя очень распространенное. Давай теперь попробуем Перов Эриксонов. Их должно быть не так уж много.

Судя по данным Пентагона, Пер Эриксон родился в Форт-Рукере. Но теперь, двадцать два года спустя, человека под таким именем в Алабаме не значилось. Лиза попробовала набрать по-другому: П. Эрикссон – на тот случай, если фамилия пишется с двумя «с», потом попробовала еще несколько вариантов написания, в том числе «Эриксен» и «Эриксан», но компьютер ничего не выдал в ответ.

– Попробуй Филадельфию, – сказала Джинни. – Ведь он напал на меня именно там.

В Филадельфии Эриксонов оказалось трое. Первый оказался Педером, а не Пером, голос второго был совсем старческий. А третьей была женщина по имени Петра. Тогда Джинни с Лизой переключились на поиски всех П. Эриксонов, которых в США оказалось тридцать три человека.

Второй П. Эриксон, которому звонила Лиза, был человеком вспыльчивым и ничуть не стеснялся в выражениях. Вешая трубку, Лиза была бледна, как полотно, но выпив чашку кофе, немного успокоилась.

Каждый звонок был настоящим испытанием. Джинни из последних сил изображала полицейского детектива и всякий раз, ожидая, когда снимут трубку, боялась услышать грубый мужской голос, который скажет нечто вроде: «Может, поиграем с тобой, малышка? А не захочешь, вышибу тебе

мозги!» Ох, как непросто было, притворяясь детективом, выслушивать грубости и насмешки людей, подходивших к телефону. Ни один звонок пока что ничего не дал.

Джинни положила трубку после шестой уже по счету бесплодной попытки, и в этот момент услышала, как Лиза говорит:

– О, простите ради Бога! Наша информация, должно быть, устарела. Пожалуйста, извините за неурочный звонок и за то, что невольно расстроила вас, миссис Эриксон. До свидания. – Лиза повесила трубку. Смотрела она виновато. – Это был один из наших клонов, – мрачно сказала она, – но прошлой зимой он умер. Я говорила с его матерью. Бедняжка расплакалась, когда я спросила о нем.

Интересно, подумала Джинни, что за человек был этот Пер Эриксон? Психопатом вроде Денниса или же славным парнем, как Стив?

– Отчего он умер? – спросила она.

– Он был чемпионом по горным лыжам и сломал шею, исполняя какой-то рискованный трюк.

Бесстрашие – одна из характерных черт.

– Да, похоже, это был действительно один из них.

Только теперь Джинни поняла, что далеко не все восемь клонов могут быть живы. И еще она поняла, что их могло быть и больше. Даже теперь, когда наука шагнула далеко вперед, не все эмбрионы приживаются. Возможно, у некоторых матерей случились выкидыши. По всей видимости, в качестве подопытных «Дженетико» использовала пятнадцать или двадцать женщин, а может, и больше.

– Тяжело звонить всем этим людям, – заметила Лиза.

– Хочешь устроить перерыв?

– Нет. – Лиза покачала головой. – Продвигаемся мы нормально. Уже исключили две фамилии из пяти, а сейчас нет еще и трех. Кто там у нас следующий?

– Джордж Дассолт.

Джинни уже поверила, что они непременно найдут насильника, но со следующим именем им не повезло. В США оказалось всего семь Джорджей Дассолтов, но трое из них к телефону не подошли. Причем ни один не был связан ни с Балтимором, ни с Филадельфией. Первый проживал в Буффало, второй – в Сакраменто, а третий – в Хьюстоне, что, впрочем, еще ничего не доказывало. Они ведь могли и переехать. Лиза сделала распечатку с указанием номеров телефонов – на тот случай, если придется звонить повторно.

Здесь крылся еще один подвох.

– Знаешь, я вдруг подумала, – осторожно начала Джинни, – ведь нет никакой гарантии, что телефон разыскиваемого нами парня есть в этом справочнике.

– Да, верно. Может, у него вообще нет телефона. Или он отказался вносить его в справочник.

– Он может быть зарегистрирован и под другим именем, допустим, Спайк Дассолт или Флип Джонс.

Лиза хихикнула.

– Он мог стать рэппером и придумать себе псевдоним, например, Аиси Кремо Кримо.

– Или стать чемпионом по армрестлингу и назваться Железным Биллом.

– Или увлекся порнографией. И зовут его Хейди Хлыст.

– Или Шустрый Член.

– Или Киска Генриетта.

Они захохотали, и вдруг из коридора донесся звон разбитого стекла. Джинни вскочила и бросилась к шкафу. Нырнула в него и плотно закрыла за собой дверцу. Стояла в темноте и прислушивалась.

Она слышала, как Лиза нервно спросила:

– Кто там?

– Охрана, – ответил мужской голос. – Это вы поставили там стеклянную банку?

– Да.

– Могу узнать зачем?

– Чтобы никто не мог подкрасться незаметно. Я, знаете ли, немного нервничаю, когда засиживаюсь на работе в столь поздний час.

– Имейте в виду, я там убирать не стану. Я не уборщица.

– Ладно. Оставьте как есть.

– А вы здесь одна, мисс?

– Да.

– Могу я удостовериться?

– Ради Бога.

Джинни придерживала дверцу изнутри обеими руками. На тот случай, если он попытается ее открыть.

Она слышала, как охранник расхаживает по лаборатории.

– И что это за работа такая срочная? – Он подозрительно покосился на Лизу.

– Я бы с удовольствием поболтала с вами, – ответила та, – но времени нет. Я действительно очень занята.

Если б не была так занята, придурок ты эдакий, стала бы она торчать здесь ночью? Так что проваливай подобру-поздорову, оставь человека в покое!

– Ладно, какие проблемы... – Теперь голос его звучал совсем близко. – А здесь у вас что?

Джинни затаила дыхание и еще крепче вцепилась в дверную ручку.

– Здесь мы держим радиоактивные вирусные хромосомы, – ответила Лиза. – Да нет, ничего такого страшного, в подобном состоянии они почти безопасны, так что можете открыть и проверить.

Джинни с трудом сдержала смех. Такой вещи, как радиоактивные вирусные хромосомы, в природе не существовало.

– Загляну на всякий случай. – Джинни почувствовала, как он дергает дверь снаружи, впрочем, не очень сильно. – Заперто.

Повисла пауза. Затем снова послышался его голос – уже издалека. И Джинни расслабилась.

– Станет скучно, заходите к нам в дежурку. Угощу вас кофе.

– Спасибо, – сказала Лиза.

Джинни просидела в шкафу еще пару минут, просто чтобы удостовериться, что опасность миновала. Затем Лиза отворила дверцу.

– Вылезай, он ушел, – сказала она. – Я видела, как он выходит из здания.

Они вернулись к телефонам.

Мюррей Клод – еще одно необычное имя, и нашли они его довольно быстро. Звонила Джинни. Мужчина, снявший трубку, назвался Мюрреем Клодом-старшим и с горечью в голосе сообщил, что его сын угодил в афинскую тюрьму три года тому назад. Срок он получил за драку в кафе и выйдет самое раннее в январе.

– Этот парень мог стать кем угодно, – сказал он, – астронавтом, лауреатом Нобелевской премии, кинозвездой, президентом Соединенных Штатов. Все было: и внешность, и ум, и обаяние! Все пошло псу под хвост! Просто бросил все псу под хвост.

Джинни понимала, как больно и обидно Клоду-старшему. Он считает, что раз он отец, то несет ответственность за то, что произошло. Ей очень хотелось утешить его, сказать всю правду, но она пока была не готова к этому, да и время поджимало. Джинни поклялась себе, что непременно потом позвонит этому человеку и постарается его утешить, и молча повесила трубку.

Всех Харви Джонсов они оставили напоследок. Потому что понимали – с ними будет сложнее всего.

Джинни предполагала, что в Америке проживает не меньше миллиона Джонсов, с буквы «Х» также начиналось очень много имен. Второе имя у него было Джон. Родился он в госпитале Уолтера Рида в Вашингтоне, округ Колумбия. И Джинни с Лизой начали обзванивать каждого Харви Джонса, каждого Х. Дж. Джонса и каждого Х. Джонса, числящихся в вашингтонском телефонном справочнике. Но не нашли ни одного, который бы родился приблизительно двадцать два года тому назад в госпитале Уолтера Рида. Мало того, вопросов лишь прибавилось, поскольку во многих случаях к телефону никто не подходил.

И Джинни снова начала сомневаться, что их затея увенчается успехом. У них набралось три неопознанных Джорджа Дассолта и вот теперь еще целых двадцать или тридцать Х. Джонсов. Чисто теоретически подход был правильным, но если люди не подходят к телефонам, как прикажете их допрашивать? Глаза начали болеть и слезиться, к горлу подкатывала тошнота от голода и усталости.

В четыре часа утра они с Лизой принялись за Джонсов из Филадельфии. В четыре тридцать Джинни его нашла.

Сначала ей показалось, что и здесь прокол. После четвертого гудка в трубке послышался характерный щелчок – включился автоответчик. И в этом не было бы ничего удивительного, если бы не голос, записанный на автоответчике. Он показался Джинни страшно знакомым.

– Привет, вы позвонили Харви Джонсу, – произнес он, и по спине у нее побежали мурашки. Показалось, что с ней говорит Стив: тембр голоса, интонация, построение фразы – все в точности как у Стива. – В данный момент я не могу подойти к телефону, прошу оставить сообщение после сигнала.

Джинни повесила трубку и проверила адрес. Проживал он в университетском городке на Спрус-стрит, совсем недалеко от клиники «Эйвентайн». Только теперь она заметила, как дрожат у нее руки. Наверное, потому, что ей хотелось удушить этого мерзавца.

– Я нашла его, – сказала она Лизе.

– О Господи!

– Там автоответчик, но голос его. И живет он в Филадельфии, неподалеку от того места, где на меня напали.

– Дай послушать. – Лиза набрала номер. И едва услышала голос на автоответчике, как ее розовые щеки побелели, как полотно. – Это он! – сказала она и повесила трубку. – Так и слышу, как он говорит: «Давай-ка снимай свои хорошенькие трусики!» Так он тогда сказал. О Боже мой!...

Джинни сняла трубку и позвонила в полицейское управление.

В ту воскресную ночь Беррингтон Джонс не спал ни минуты. До полуночи он проторчал на автостоянке перед Пентагоном, не сводя глаз с «линкольна» полковника Логана, затем позвонил Прусту и узнал, что Логан арестован, но Стиву удалось удрать. Очевидно, мальчишка воспользовался автобусом или метро, потому что машина отца оставалась на месте.

– Что они делали в Пентагоне? – спросил он Джима.

– Посещали главный информационный центр. Сейчас я как раз пытаюсь выяснить, чем именно они там занимались. Может, попробуешь проследить за мальчишкой и этой девицей Феррами?

Беррингтон уже не возражал. Ситуация становилась критической. Времени думать о чувстве собственного достоинства не было. Если ему не удастся остановить Джинни, достоинству в любом случае конец.

Он вернулся к дому Логанов и увидел, что в окнах темно, а красный «мерседес» Джинни исчез. Он прождал около часа, но никто так и не появился. Полагая, что Джинни вернулась домой, Беррингтон поехал в Балтимор. Добрался до ее дома, несколько раз проехал мимо него, но «мерседеса» так и не увидел.

Уже светало, когда он остановил машину возле своего дома в Роланд-Парке. Вошел и позвонил Джиму, но ни дома, ни в кабинете у того никто не отвечал. Беррингтон улегся на постель, не снимая одежды, закрыл глаза, но заснуть не удавалось, хоть и вымотался он за этот день ужасно.

В семь часов он поднялся и позвонил снова, но Джима так и не застал. Принял душ, побрился, надел черные хлопковые брюки и легкий свитер в полоску. Налил себе стакан апельсинового сока и выпил его прямо на кухне, стоя. Взглянул на воскресный выпуск «Балтимор сан», но заголовки ему ничего не говорили, точно были написано по-фински.

Пруст позвонил ровно в восемь.

Всю вторую половину ночи Джим провел в Пентагоне вместе с одним своим приятелем, генералом. Они допросили персонал центра, сказав, что расследуют дело об утечке информации. Генерал, знавший Джима еще со времен службы в ЦРУ, понял лишь одно: Логан пытался докопаться до тайной операции, которую спецслужбы проводили еще в семидесятых, а Джим хотел его остановить.

Полковник Логан, находившийся под арестом, никаких объяснений не давал, твердил только: «Мне нужен адвокат». Но результаты взлома

сохранились в компьютере, а потому Джиму все же удалось выяснить, что они пытались обнаружить.

– Насколько я понял, ты тогда распорядился снять электрокардиограммы у всех новорожденных младенцев, – сказал он Беррингтону.

Беррингтон уже успел забыть об этом, но теперь вспомнил.

– Да, было дело.

– Так вот, Логан их нашел.

– Все?

– Все восемь.

Хуже новостей быть просто не могло. Электрокардиограммы идентичных близнецов были так похожи, точно их снимали у одного человека. Теперь Логаны и, возможно, Джинни знают, что Стив является одним из восьми клонов.

– Черт, – пробормотал Беррингтон. – Мы хранили эту тайну почти двадцать три года, и вот теперь эта чертова девчонка все узнала!

– Я же говорил тебе, надо было сделать так, чтоб она исчезла.

Прозвучал этот упрек достаточно грубо, что, впрочем, можно было понять – сказывалось нервное напряжение. Но и Беррингтон был на пределе.

– Только попробуй еще раз сказать это «я же тебе говорил»! Клянусь Богом, снесу твою чертову башку!

– Ну ладно, ладно, не кипятись.

– Престон знает?

– Да. Говорит, что всем нам конец. Но он всегда так говорит.

– На этот раз может оказаться прав.

– Может, ты и готов сдаться, Берри, но лично я – нет! – Тон у Джима был самый воинственный. – Нам всего-то и надо, чтобы эта информация не выплыла наружу до завтрашней пресс-конференции. Если получится, сделка у нас в кармане. Так что надо просто продержаться до завтра.

– А что потом?

– А потом мы получим сто восемьдесят миллионов долларов. И уж за эти-то денежки купим молчание.

Беррингтону очень хотелось в это верить.

– Если ты у нас такой умник, скажи, что нам теперь делать?

– Прежде всего надо выяснить, как много они успели узнать. Ни один из этих людей из Пентагона не уверен, что у Стива Логана есть копия со списком имен и адресов. Женщина-лейтенант из центра клянется и божится, что, когда он уходил, никакого списка при нем не было. Но это

просто слова, это еще ничего не означает. К тому же адреса, указанные в списках, устарели на двадцать два года. И я хочу задать тебе один вопрос. Имея на руках только эти имена и фамилии, Джинни Феррами может их найти?

– Ответом будет «да», – сказал Беррингтон. – Сотрудники психологического факультета – настоящие эксперты в этой области. Мы все время только этим и занимались, выявляя идентичных близнецов. Если она получила копию этого списка вчера вечером, то сейчас уже вполне может иметь информацию о некоторых из них.

– Этого-то я и боялся. Скажи, мы можем проверить, так это или нет?

– Наверное, надо просто обзвонить их всех и узнать, не интересовалась ли ими эта женщина.

– Но только смотри, действуй осторожно.

– Ты меня просто бесишь, Джим! Иногда ты ведешь себя так, точно во всей Америке у одного тебя имеются мозги! Конечно, я буду действовать осторожно. Ладно, перезвоню позже. – И Беррингтон повесил трубку.

Имена клонов с их адресами находились у него на дискете. Он достал ее из ящика стола и включил компьютер.

Все двадцать два года он следил за этими людьми. Он испытывал к ним почти отеческие чувства. В самом начале он даже иногда писал им письма, указывая обратный адрес клиники «Эйвентайн», под тем предлогом, что им надо следить за состоянием здоровья людей, проходивших курс лечения гормонами. Позже он счел эту тактику рискованной и действовал по-другому. Например, представлялся агентом по недвижимости и спрашивал, не желает ли семья продать свой дом. Или коммивояжером и предлагал родителям близнецов приобрести справочник, где были перечислены все льготы и пособия, которые могут получать дети бывших военных. И порой с растущим отчаянием наблюдал за тем, как большинство этих умных, но непослушных детей превращаются в отчаянных хулиганов-подростков, а затем и во взрослых преступников. Но он склонен был расценивать все это, как неудачные побочные результаты безусловно блистательного исторического эксперимента. Он никогда не сожалел, что провел его, но порой испытывал чувство вины перед этими мальчишками. Он даже расплакался, узнав, что Пер Эриксон погиб во время спуска по горному склону где-то в Альпах.

Он смотрел на список и выдумывал предлог для сегодняшних звонков. Затем снял трубку и набрал номер отца Мюррея Клода. Телефон звонил и звонил, но никто к нему не подходил. Очевидно, решил Беррингтон, отец отправился в тюрьму навестить сына.

Затем он попробовал позвонить Джорджу Дассолту. На этот раз ему повезло больше. Ответил бодрый юношеский голос.

– Слушаю, кто говорит?

Беррингтон сказал:

– Вас беспокоят из телефонной компании «Белл», сэр, мы проверяем все случаи мошеннических телефонных звонков. Скажите, вам за последние двадцать четыре часа не поступали какие-либо подозрительные или странные звонки?

– Не могу сказать точно, не знаю. Дело в том, что меня не было в городе с пятницы, и к телефону никто не подходил.

– Спасибо и извините за беспокойство, сэр. Всего доброго.

Джинни могла знать имя и фамилию Джорджа, но она ему не дозвонилась. Так что он до сих пор под вопросом.

Следующим Беррингтон набрал номер Хэнка Кинга в Бостоне.

– Да, кто говорит?

Просто удивительно, подумал Беррингтон, до чего одинаковая манера у всех этих ребят. Даже отвечают одинаково. Но гена общения по телефону пока что не выявлено. Впрочем, исследование близнецов могло бы заполнить и этот пробел.

– Это из телефонной службы «АТ», – сказал он. – Мы выявляем случаи мошеннического использования телефонных линий. Нам хотелось бы знать, поступали ли вам за последние двадцать четыре часа какие-нибудь подозрительные и необычные звонки?

Язык у Хэнка немного заплетался:

– Да у нас тут была такая гулянка, что я, ей-богу, не помню. – Беррингтон закатил глаза. Ну да, конечно же, вчера у Хэнка был день рождения. Наверняка напился или накурился до одури. – Хотя нет, погодите минутку! Вроде бы припоминаю. Звонили как раз посреди этой гребаной ночи. Она сказала, что из бостонской полиции.

– Она? – Это могла быть Джинни. У Беррингтона тут же возникли самые дурные предчувствия.

– Да, звонила женщина.

– А она как-то представилась? Если б вы назвали ее имя, это бы очень нам помогло.

– Вроде бы представилась, а вот как, хоть убейте, не помню! То ли Сара, то ли Маргарет. А может, Кэрол. Или нет, постойте, Сьюзан! Да, точно, Сьюзан. Детектив Сьюзан Фабер.

Точно, она!... Сьюзан Фабер – автор книги «Идентичные близнецы, воспитывавшиеся раздельно». Джинни просто назвала первое имя, которое

пришло ей в голову. Это означало, что список клонов у нее. Беррингтон был потрясен до глубины души. Он с трудом взял себя в руки и продолжил задавать вопросы:

– А что именно она вам сказала, сэр?

– Спрашивала о дате и месте моего рождения.

Стало быть, она узнала, что говорит с нужным ей Генри Кингом.

– Я тоже подумал, что это как-то немного странно, – заметил Хэнк. – А что это за мошенничество?

Беррингтону пришлось импровизировать:

– Она выискивает потенциальных клиентов для страховой компании. Поступать таким образом противозаконно, но тем не менее страховщики часто пользуются этим приемом. Наша телефонная компания извиняется перед вами, мистер Кинг. И большое спасибо за то, что помогли нам в расследовании.

– Не за что.

Беррингтон повесил трубку. Он пребывал в полном отчаянии. Список имен у Джинни. Она найдет их всех, это лишь вопрос времени. Таких неприятностей у него еще никогда не было.

Миш Делавер категорически отказалась ехать в Филадельфию допрашивать Харви Джонса.

– Мы уже делали это не далее как вчера, милочка, – сухо сказала она, когда Джинни наконец дозвонилась до нее в половине восьмого утра. – Тем более, что сегодня моей внучке исполняется год. У меня тоже есть своя жизнь, неужели это непонятно?

– Но ведь вы знаете, что я права! – возразила Джинни. – Насчет Уэйна Стэттнера я оказалась права, он двойник Стива Логана, вы в этом убедились!

– Если не считать цвета волос. К тому же у него было алиби.

– И что же нам теперь делать?

– Я позвоню в полицию Филадельфии, выясню, кто там занимается преступлениями на сексуальной почве, и попрошу этого человека съездить к подозреваемому. Пошлю им по факсу фоторобот и попрошу проверить, похож ли Харви Джонс на изображенного там человека и может ли он отчитаться за свои действия в прошлое воскресенье. Если ответами будут «да» и «нет», это он.

Джинни раздраженно бросила трубку. Выслушивать все это после того, как она рисковала своей жизнью! После того, как проторчала в лаборатории всю ночь, разыскивая клонов!

Она была просто не в силах сидеть и ждать, когда полиция что-то предпримет, и решила сама поехать в Филадельфию и взглянуть на этого Харви. Нет, ни заходить к нему, ни заговаривать с ним она не будет. Просто остановит машину возле его дома и будет ждать, когда он выйдет. А если так и не увидит его, то пойдет к соседям и покажет фотокарточку Стива, которую подарил ей Чарльз, – короче, тем или иным способом узнает, является ли он клоном.

Она приехала в Филадельфию в половине одиннадцатого. Улицы университетского городка заполняли нарядно одетые чернокожие мужчины, женщины и дети, целыми семьями возвращавшиеся из церкви. Бездельники-подростки покуривали на крылечках старых домов, а вот студентов видно не было. Наверное, просто отсыпались в выходной. Но об их присутствии свидетельствовали старенькие поржавевшие «тойоты» и «шевроле», облепленные наклейками с названиями студенческих спортивных команд и популярных местных радиостанций.

Дом Харви Джонса оказался огромным обшарпанным зданием в викторианском стиле. Видно, квартиры здесь сдавались внаем. Джинни нашла автостоянку на противоположной стороне улицы и какое-то время наблюдала за входной дверью из машины.

А ровно в одиннадцать вошла в дом.

Хозяин дома отчаянно пытался придать ему респектабельный вид. Здесь еще сохранились кованые железные перила, а в дешевых вазах на подоконниках стояли запылившиеся пластиковые цветы. На стенах красовались объявления, выведенные старческой рукой: жильцов просили не хлопать дверью, выносить мусор в плотно закрытых пластиковых пакетах и не разрешать детям бегать и играть в коридорах и холлах.

Он здесь живет, подумала Джинни, и по спине ее пробежали мурашки. Но вот дома он сейчас или нет?...

Харви занимал квартиру под номером 5В, на самом верхнем этаже. Джинни постучала в квартиру на первом этаже. Дверь отворилась, из нее вышел босой мужчина с мутными глазами, длинными волосами и растрепанной бородой. Джинни показала ему фотографию. Он отрицательно помотал головой и захлопнул дверь. Она вспомнила, как сосед Лизы сказал ей: «Вы что, леди, вообразили, что тут у нас деревня на пять домов? Да я понятия не имею, как выглядят мои соседи».

Стиснув зубы, Джинни поднялась по лестнице на самый верхний этаж. К двери под номером 5В была прикреплена небольшая металлическая табличка в рамке, на ней было всего одно лишь слово: «Джонс».

Она стояла возле двери и прислушивалась. Но слышала лишь стук собственного сердца. Изнутри не доносилось ни звука. Возможно, его просто нет дома.

Джинни тихонько постучала в дверь под номером 5А. Секунду спустя дверь отворилась, и на пороге показался пожилой белый мужчина в старенькой рубашке в щегольскую полоску, с неестественно рыжими, явно крашеными волосами.

– Привет! – дружелюбно сказал он.

– Привет. Ваш сосед дома?

– Нет.

Джинни испытала одновременно облегчение и разочарование. Достала снимок Стива и показала ему.

– Скажите, он похож на этого человека?

Сосед взял снимок из ее рук, взглянул, сощурился.

– Да. Это он.

Я была права! Я еще раз сумела доказать свою правоту. Моя

поисковая система прекрасно работает!

– Шикарный мальчик, не правда ли?

А сосед-то голубой, догадалась Джинни. Элегантный пожилой гей. Она улыбнулась:

– Да, согласна с вами. А вы, случайно, не знаете, где его можно найти?

– По воскресеньям он, как правило, уезжает. Уходит около десяти, возвращается уже после ужина.

– А в прошлое воскресенье тоже уезжал?

– Да, леди. Кажется, уезжал.

Он, точно он!

– А вы, случайно, не знаете, куда он ездит?

– Нет.

Зато я, кажется, догадываюсь. В Балтимор, вот куда.

– Он вообще-то не из разговорчивых, – заметил мужчина. – Вернее, совсем с нами не говорит. А вы детектив, да?

– Нет. Хотя в данный момент чувствую себя детективом.

– Что он натворил?

Джинни колебалась. Затем подумала: почему бы не сказать ему правду?

– Я думаю, он насильник.

Мужчина ничуть не удивился.

– Охотно верю. Он со странностями. Сам видел, как от него выходили девушки и плакали. Прямо рыдали. Два раза точно видел.

– Очень хотелось бы заглянуть к нему. – Джинни надеялась отыскать улики, связывающие Харви с насилием.

Сосед заговорщически подмигнул ей.

– Ключ у меня имеется.

– Правда?

– Прежний жилец дал. Мы с ним дружили. Потом он съехал, а ключ так у меня и остался. А этот парень, как поселился, замки менять не стал. Наверное, воображает себя слишком сильным, не боится грабителей.

– Вы позволите мне войти?

Сосед колебался.

– Мне и самому любопытно заглянуть. Но что, если он вдруг вернется и застанет нас там? Парень он здоровый, спортивный, как-то не хочется, чтобы дело дошло до драки. Чтобы он на меня набросился и все такое...

Джинни и сама боялась этого, но любопытство пересилило.

– Я рискну, если вы позволите, – сказала она.

– Тогда подождите. Сейчас вернусь.

Что она увидит там, в квартире? Логово садиста, как у Уэйна Стэттнера? Беспорядок, разбросанные как попало вещи, недоеденные блюда из ближайшей закусочной и горы грязного белья? Или же, напротив, безупречный порядок, характерный для людей, страдающих навязчивыми идеями?

Сосед вернулся.

– Кстати, позвольте представиться. Я Молдвин.

– А я Джинни.

– Вообще-то мое настоящее имя Берт, но оно такое невыразительное, вы согласны? Я всегда называл себя Молдвином. – В руках он держал ключ. Вставил его в замочную скважину и вошел в квартиру над номером 5В.

Джинни последовала за ним.

Это была типичная квартира студента: гостиная объединена со спальней, маленький закуток вместо кухни, крошечная ванная. Обставлена она была всякой рухлядью: туалетный столик из сосны, пластиковый обеденный стол, три разнокалиберных кресла, провалившийся диван и большой старый телевизор. В квартире давно не убрали, постель была не застлана. Словом, ничего представляющего хоть какой-то интерес.

Джинни затворила за собой входную дверь.

Молдвин сказал:

– Только, пожалуйста, не трогайте ничего. Не хочу, чтобы он заподозрил, что я сюда заходил.

Джинни задавалась вопросом: что именно она хочет здесь обнаружить? План здания спортзала или котельной с табличкой «Насиловать здесь»? Он даже не прихватил с собой в качестве сувенира нижнее белье Лизы. Может, он перед этим выслеживал ее на протяжении нескольких недель и делал снимки? Тоже вряд ли. Или собирал небольшую коллекцию уличающих его предметов, например, губную помаду, счет из ресторана, обертку от шоколадки, какой-нибудь конверт или листок бумаги с ее адресом?

Она осмотрелась и постепенно начала понимать, что представляет собой этот Харви Джонс. На одной стене висел плакат, вырванный из какого-то журнала для мужчин: голая женщина с выбритым лобком и колечком в срамной губе. Джинни поежилась и стала рассматривать предметы на полках: книга «Сто дней Содома» маркиза де Сада, коллекция порнокассет с названиями типа «Боль» и «Экстрим». Было здесь и несколько учебников по экономике и бизнесу.

– Могу я взглянуть на его одежду? – спросила она Молдвина.

– Конечно, почему нет? – ответил тот.

Она стала открывать шкафы и ящики. Одевался Харви, как и Стив, немного консервативно для своего возраста. Хлопковые брюки, свитера и кардиганы, твидовые пиджаки, рубашки-батники, кожаные туфли на шнуровке и мокасины.

Холодильник был пуст, если не считать двух упаковок пива в банках и пакета молока. Очевидно, Харви дома не ел. Под кроватью валялась спортивная сумка, в ней – ракетка для тенниса и грязное полотенце.

Джинни была разочарована. Место, где проживал этот монстр, ничем не отличалось от обиталищ большинства других, вполне нормальных молодых людей. Не считая, разумеется, этой чудовищной порнографической картинки на стене.

– Ну вот и все, – сказала она Молдвину. – Не уверена, что нашла то, что искала.

И тут вдруг она увидела это. На крючке рядом с входной дверью висела красная бейсболка.

Джинни тут же воспрянула духом. *Я была права, я нашла этого ублюдка! И вот доказательство!* Она присмотрелась. Спереди белыми буквами было написано: «Охрана». Она с трудом подавила желание пуститься в пляс перед удивленным Молдвином.

– Что-то нашли, да?

– На подонке была эта кепочка, когда он насиловал мою подругу. Ладно, пошли отсюда.

Они вышли из квартиры, Молдвин запер дверь. Джинни крепко пожала ему руку.

– Просто слов не хватает, чтобы сказать, насколько я вам благодарна. Это очень важно, поверьте.

– Что собираетесь теперь делать? – спросил он.

– Вернусь в Балтимор и позвоню в полицию.

Она мчалась по шоссе и размышляла о Харви Джонсе. Зачем он ездит в Балтимор по воскресеньям? Повидаться с девушкой? Возможно. Или же, скорее всего, у него там родители. Многие студенты уезжают на уикэнды к родителям, отвозят грязное белье. Возможно, он и сейчас торчит в Балтиморе, поедает мясное рагу, приготовленное матерью, или смотрит с отцом футбольный матч по телевизору. Может, на пути домой он выберет себе очередную жертву?...

Интересно, сколько Джонсов проживает в Балтиморе? Тысячи?... Одного она, разумеется, знает, это ее бывший босс. Профессор Беррингтон Джонс...

О Боже мой! Джонс! Она была так потрясена этой мыслью, что пропустила поворот. Харви Джонс может быть сыном Беррингтона Джонса.

Ей вспомнился жест Харви, когда он зашел в кафе в Филадельфии. Он разгладил бровь кончиком указательного пальца. Ее все время беспокоила эта деталь, она знала, что уже видела это где-то, вот только никак не могла припомнить, где именно. И потом еще подумала, что, должно быть, замечала тот же жест у Стива или Денниса. Но теперь она вспомнила. *В точности так же делал Беррингтон.* Он разглаживал бровь кончиком указательного пальца. И Джинни всегда почему-то раздражал этот жест. Но другим клонам он был несвойствен, хотя все они, например, закрывали дверь ногой. А вот Харви перенял эту привычку у отца.

Возможно, он сейчас в доме у Беррингтона.

Престон Барк и Джим Пруст приехали к Беррингтону примерно в полдень. Сидели у него в кабинете и пили пиво. Этой ночью никто из них почти не спал, а потому выглядели они измотанными. Марианна готовила ленч, с кухни доносились аппетитные запахи, но даже это не могло поднять настроение у пресловутой троицы.

– Джинни говорила с Хэнком Кингом и матерью Пера Эриксона, – сказал Беррингтон. – Других проверить просто не успел, но смею вас уверить, она очень скоро доберется и до них.

– Давайте будем реалистами, – заметил Джим. – Что конкретно она успеет сделать к завтрашнему утру?

Настроение у Престона Барка было такое, что впору вешаться.

– А я вам скажу, что бы я сделал на ее месте к завтрашнему утру, – вставил он. – Раззвонил бы повсюду о своем открытии, привез бы, если бы получилось, двух или трех мальчишек в Нью-Йорк и заявился бы с ними на телепередачу «С добрым утром, Америка». На телевидении просто обожают близнецов.

– Боже упаси!... – пробормотал Беррингтон.

К дому подкатила машина. Джим выглянул из окна и сказал:

– Старый, ржавый «датсун».

– Знаете, мне начинает нравиться первоначальная идея Джима, – заметил Престон. – Надо, чтобы все они исчезли.

– Никаких убийств! – взвизгнул Беррингтон.

– Да не ори ты, Берри, – добродушно произнес Джим. – Если честно, я всегда несколько бравирую, когда говорю, что те или иные люди должны исчезнуть. Было в моей жизни время, когда я мог отдать приказ убить, но оно давно прошло. За последние несколько дней мне пришлось просить своих старых друзей об услуге, и хотя все они откликнулись на мою просьбу, всему есть предел.

И то слава Богу, подумал Беррингтон.

– Но у меня есть другая идея, – продолжил Джим.

Двое друзей уставились на него.

– Мы должны подобраться к каждой из восьми семей, но только тихо. Мы признаемся в своих прошлых ошибках. Скажем, что тогда, в клиниках, вреда никому не причинили, а умолчали об эксперименте лишь потому, что хотели избежать ненужной огласки. И предоставим каждой семье

компенсацию в один миллион долларов. Будем выплачивать эту сумму на протяжении десяти лет, но только при условии, что они будут держать язык за зубами. А если станут болтать, выплаты тут же прекратятся. Чтоб и слова не смели говорить. Никому – ни прессе, ни Джинни Феррами, ни другим ученым.

Беррингтон задумчиво кивнул:

– А знаешь, похоже, это может сработать. Кто же откажется от миллиона долларов?

– Лорейн Логан, вот кто, – сказал Престон. – Ей нужно доказать невиновность сына.

– Ты прав. Она бы и от десяти миллионов отказалась.

– У каждого своя цена, – сказал Джим. Похоже, он вновь обрел прежнюю самоуверенность и наглость. – Да и потом, что она сделает одна, не вступив в союз с двумя-тремя другими родителями?

Престон закивал. Беррингтон немного воспрянул духом. Должен быть способ заткнуть рот этим Логанам. Однако одна опасность все же существовала.

– Что, если Джинни сделает это достоянием гласности в ближайшие сутки? – заметил он. – Тогда «Ландсманн» наверняка отложит оформление сделки до выяснения всех обстоятельств. Да и потом, где у нас несколько миллионов долларов?

Джим откашлялся.

– Мы должны знать, каковы ее намерения, как много ей удалось узнать и как она планирует поступить.

– Легко сказать, – вздохнул Беррингтон. – Как это сделать?

– А я знаю как, – сказал Джим. – У нас есть один человек, которому ничего не стоит завоевать доверие этой девки, а потом выяснить, что у нее на уме.

Беррингтон почувствовал, как в нем закипает гнев.

– Знаю, о ком ты думаешь.

– А вот как раз и он! – воскликнул Джим.

В холле послышались шаги. И через секунду в кабинет вошел сын Беррингтона.

– Привет, пап! – сказал он. – О, кого я вижу! Дядя Джим, дядя Престон, как поживаете?

Беррингтон смотрел на него со смешанным чувством печали и гордости. Молодой человек выглядел великолепно в темно-синих вельветовых джинсах и небесно-голубом хлопковом свитере. «Вкус он унаследовал от меня», – подумал Беррингтон. И сказал:

– Нам надо поговорить, Харви.

Джим поднялся.

– Пивка хочешь, малыш?

– Само собой, – кивнул Харви.

Вечно этот Джим пытается сбить Харви с пути истинного, потворствует всем его дурным привычкам, с раздражением подумал Беррингтон.

– Забудь про пиво! – рявкнул он. – Джим, почему бы тебе с Престоном не пройти в гостиную? Нам надо посекретничать.

Гостиная у Беррингтона была неудобная, сам он редко ею пользовался. Престон и Джим вышли. Беррингтон поднялся и обнял Харви.

– Я люблю тебя, сынок, – сказал он. – Пусть даже ты у меня и гадкий мальчишка.

– Это почему же я гадкий?

– То, что ты сделал с той бедной девушкой в спортзале, – это подлость и мерзость, иначе не назовешь.

Харви пожал плечами.

«Господи, – подумал Беррингтон, – мне не удалось внушить собственному сыну, что есть добро, а что – зло. Но теперь, в любом случае поздно для подобных сожалений».

– Присядь и выслушай меня, – сказал он.

Харви сел.

– Мы с твоей мамой на протяжении многих лет мечтали о ребенке, но были кое-какие проблемы, – начал Беррингтон. – Престон в то время работал над искусственным оплодотворением – это когда сперма и яйцеклетка соединяются в лабораторных условиях, а уже потом полученный эмбрион пересаживают в матку женщине.

– Ты что, хочешь сказать, что я получился из пробирки?

– Это тайна. Ты не должен никому говорить. Никогда. Даже маме.

– Так она не знает?! – изумленно произнес Харви.

– погоди, дай договорить. Дело в том, что Престон взял один живой эмбрион и расщепил его. И получились близнецы.

– Так тот парень, которого арестовали за изнасилование, он, выходит, мой брат?

– Эмбрион расщепили на несколько частей.

Харви кивнул. Все они были необычайно сообразительными ребятами.

– Сколько нас? – спросил он.

– Восемь.

– Ого! И, как я понимаю, сперма была не твоя?

– Нет.
– Чья же?
– Одного армейского лейтенанта из Форт-Брэгга. Это был высокий, сильный, умный, храбрый и агрессивный мужчина.
– А мать?
– Она гражданское лицо. Машинистка из Вест-Пойнта. Но наделена теми же замечательными качествами.

Кривая усмешка исказила красивое лицо Харви.
– Мои настоящие родители... – протянул он.
Беррингтон поморщился.
– Не совсем так, – сказал он. – Мать выносила тебя в своей утробе. Она родила тебя и, поверь, сильно при этом страдала. Мы с ней видели твои первые неуверенные шаги, смотрели, как ты учишься есть ложкой, слышали твои самые первые слова.

По выражению на лице Харви Беррингтон никак не мог понять, верит ему сын или нет.

– С каждым годом мы любили тебя все больше и больше, и это несмотря на то, что сам ты становился все хуже и хуже. С тобой просто сладу не было. Каждый год мы получали из школы одну и ту же характеристику: «Крайне агрессивен, бьет и обижает других детей, не может быть членом команды, подрывает дисциплину в классе, должен научиться уважать лиц противоположного пола». Всякий раз, когда тебя исключали из школы, мы шли в другую и слезно умоляли принять тебя. А там все начиналось сначала. Мы пытались воздействовать уговорами, били тебя, лишали сладкого и игрушек, обращались к детским психологам. Ничего не помогало. Ты превратил нашу жизнь в сплошное несчастье.

– Хочешь сказать, я разрушил твой брак?
– Нет, сынок, я сам его разрушил. Просто я хочу сказать, что все равно любил тебя, что бы ты ни вытворял. Любил, как и положено нормальному отцу.

Харви снова передернул плечами.
– Ну и зачем ты мне все это говоришь?
– Стив Логан, один из твоих двойников, стал объектом исследований в нашем институте. Я испытал настоящий шок, увидев его. Ну, можешь себе представить... А потом полиция арестовала его за изнасилование Лизы Хокстон. Но один из наших профессоров, Джинни Феррами, заподозрила неладное. Короче говоря, она тебя выследила. Она хочет доказать невиновность Стива Логана. А возможно, также обнародовать всю эту историю с двойниками и тем самым погубить меня.

– Так она та женщина, с которой я встречался в Филадельфии?

Беррингтон был поражен.

– Ты с ней встречался?

– Ну да. Дядя Джим позвонил и велел, чтоб я ее хорошенько припугнул.

Беррингтон был в ярости.

– Вот сукин сын! Да я ему башку оторву за это, я...

– Да ладно тебе, пап, чего кипятиться? Ничего такого особенного не произошло. Просто прокатился вместе с ней в ее машине. Крутая штучка, ничего не скажешь. Своеобразная.

Беррингтон с трудом подавил ярость.

– Дядя Джим всегда был безответственным человеком. Ему по душе твоя дикость и необузданность, наверное, потому, что он и сам такой же.

– А мне он нравится.

– Ладно, давай теперь поговорим о том, что надо сделать. Нам нужно знать о намерениях и планах Джинни Феррами, особенно на ближайшие сутки. Тебе нужно узнать, есть ли у нее какие-либо свидетельства, связывающие тебя с Лизой Хокстон. У нас просто нет другого способа подобраться к ней.

Харви кивнул:

– Хочешь, чтобы я потолковал с ней, притворившись Стивеном Логаном?

– Да.

Он ухмыльнулся:

– А что, это будет забавно!

Беррингтон застонал.

– Только прошу тебя, пожалуйста, без глупостей. Просто поговори с ней, и все.

– Хочешь, чтоб я отправился прямо сейчас?

– Да, пожалуйста. Мне страшно неприятно просить тебя об этом, но другого выхода просто нет. К тому же это и в твоих интересах тоже.

– Да расслабься ты, пап! Все нормально.

– Может, я и правда слишком разволновался. Что тут опасного – зайти к девушке в квартиру?

– А что, если Стив окажется там?

– Сперва посмотри на машины перед домом. Он ездит на «датсуне», похожем на твой. Еще одна причина, по которой его заподозрила полиция.

– Что, серьезно?

– Вы же с ним идентичные близнецы, и вкусы у вас одинаковые. Если

машина там, не входи. Позвони мне, попробуем его оттуда выманить.

– А если он придет к ней пешком?

– Он живет в Вашингтоне.

– Ясно. – Харви поднялся. – Давай адрес.

– Она живет в Хэмпдсоне. – Беррингтон написал на карточке адрес, протянул Харви. – Будь осторожен, ладно?

– Ладно. До свиданья, милое создание!

Беррингтон с трудом выдавил улыбку.

– До скорой встречи, огуречик.

Харви несколько раз проехал по улице мимо дома Джинни, высматривая старенький «датсун». Там было полно старых автомобилей, но светлого «датсуна» среди них не было.

Он остановился у обочины напротив ее дома, выключил мотор. Какое-то время сидел неподвижно, размышляя, как все повернуть. Ему понадобятся вся его сообразительность и изворотливость. Хорошо, что он не выпил пива, которое предлагал ему дядя Джим.

Харви знал, что она примет его за Стива, потому что однажды такое уже произошло в Филадельфии. Внешне они с ним похожи, как две капли воды. А вот с разговором сложнее. Она может упомянуть о вещах, которые известны только ей и Стиву. И он должен отвечать так, чтобы она ничего не заподозрила. Причем общение это может оказаться достаточно долгим, поскольку ему надо узнать о ее намерениях и о том, есть ли у нее против него какие-то свидетельства и улики. Вот тут очень легко допустить промашку и выдать себя.

Его не слишком грела идея притворяться Стивом, и одновременно не терпелось увидеть ее снова. Тогда, в машине, он испытал сильнейшее сексуальное возбуждение. Это было куда лучше, чем смотреть на голых баб, в панике выбегающих из раздевалки. Он возбуждался всякий раз при одном только воспоминании о том, как срывал с нее одежду, а машина мчалась, виляя из стороны в сторону, по оживленной автомагистрали.

И вот, наконец, он почувствовал, что сможет сосредоточиться на задании. Он просто не должен вспоминать о ее искаженном страхом лице, о длинных голых ногах, о том, как она сопротивлялась. Он должен получить от нее информацию и уйти. Но на протяжении всей своей жизни ему еще ни разу не удавалось сделать так, чтобы разум взял верх над эмоциями.

Придя домой, Джинни сразу же набрала номер полиции. Она знала, что Миш на работе не будет, и оставила ей сообщение с просьбой немедленно перезвонить.

– Вы вроде бы уже оставляли такое сообщение сегодня, только чуть раньше? – спросил ее дежурный.

– Да. Но у меня появилась новая информация. Очень важная.

– Что ж, сделаю все возможное, – сухо ответил голос на том конце линии.

Затем она позвонила Логанам, но там никто не ответил. Наверное, Стив с Лорейн сейчас у адвоката, пытаются добиться освобождения Чарльза. Стив обязательно позвонит ей сам, как только у него будет время.

Жаль, что его нет. Ей не терпелось сообщить ему приятные новости.

Но вскоре Джинни почувствовала, как хорошее настроение улетучивается. Она вновь задумалась о будущем, которое не сулило ей ничего хорошего. Как она будет жить без работы, без денег? Как помочь маме?

Чтобы немного отвлечься от печальных мыслей, она решила сделать яичницу. Разбила три яйца, поджарила на сковородке мелко нарезанный бекон, который купила еще вчера для Стива. Когда яичница была готова, с аппетитом стала есть ее с тостами, запивая кофе. Она уже складывала тарелки в посудомоечную машину, когда в дверь позвонили.

Джинни сняла трубку домофона:

– Алло?

– Джинни? Это Стив.

– Входи! – обрадованно воскликнула она.

На нем был хлопковый голубой свитер под цвет глаз, и весь он был такой хорошенький и чистенький, что хотелось его расцеловать. И она поцеловала его в губы и крепко обняла, прильнув к нему всем телом. Его рука скользнула ниже, ухватила ее за ягодицу, еще плотнее прижала к себе. Сегодня от него пахло иначе: наверное, использовал лосьон после бритья с запахом трав. И губы на вкус показались другими, немного горьковатыми, точно он пил крепкий чай.

Наконец Джинни высвободилась из его объятий.

– Давай не будем спешить, – задыхаясь, пробормотала она. – Входи, садись. Мне надо так много тебе рассказать!

Он сел на диван, Джинни пошла к холодильнику.

– Вино, пиво, кофе?

– Пожалуй, вино.

– Думаешь, оно еще ничего?

Что, черт возьми, она хотела этим сказать? *Думаешь, оно еще ничего?*

– Не знаю, – ответил он.

– Погоди, сколько прошло времени с тех пор, как мы его открыли?

Ага, теперь ясно. Они открыли бутылку, но не допили до конца. Она заткнула ее пробкой и убрала в холодильник и вот теперь думает, что оно прокисло. Я должен что-то ответить.

– Так, дай-ка вспомнить... Когда мы ее откупорили?

– В среду. Четыре дня прошло.

Он даже не видел, красное это вино или белое. Черт...

– Ну, плесни немного, давай попробуем.

– Это мысль. – Она налила немного вина в бокал, протянула ему.

Он попробовал.

– Вполне нормальное.

Она присела рядом и откинулась на спинку дивана.

– Дай и я попробую. – Она поцеловала его в губы. – А ну-ка открой рот. Хочу как следует распробовать, что это за вино. – Он хихикнул и повиновался. Она сунула ему в рот кончик языка. *О Боже, до чего же сексуальная бабенка!*

– Ты был прав, – сказала она. – Вино очень даже ничего. – И Джинни, смеясь, наполнила его бокал, а потом налила себе.

Ему начинало все это нравиться.

– Может, поставишь музыку? – спросил он.

– Интересно – как?

Что это она такое несет? *О Боже, а вот тут я оплошал.* Он оглядел комнату: проигрывателя не было. *Тупица!...* Она сказала:

– Отец украл у меня проигрыватель, разве не помнишь? Так что музыку слушать не на чем. Хотя погоди минутку. – Она вышла в соседнюю комнату и тут же вернулась с маленьким приемником в водонепроницаемом корпусе – такие обычно вешают в ванной. – Дурацкая игрушка. Мама подарила мне его на Рождество еще до того, как сошла с ума.

Отец украл у нее проигрыватель. Мать сумасшедшая. Ничего себе семейка!

– Звук, конечно, ужасный, но это все, что у меня есть. – Она включила приемник. – Я обычно слушаю волну 92Q.

– Двадцать хитов подряд, – заметил он.

– А ты откуда знаешь?

Снова оплошность. Стив никак не мог знать местных балтиморских радиостанций.

– Случайно наткнулся на нее в машине по дороге сюда.

– А какая музыка тебе нравится?

Понятия не имею, что может нравиться Стиву. Но ведь и она не знает, раз спрашивает.

– Вообще-то я поклонник крутого рэпа, ну, таких групп, как «Снуп-догги-дог», «Айс-кьюб», в этом духе.

– О черт! Слушаю тебя и чувствую себя старухой.

– А тебе что нравится?

– «Рамонес», «Секс-пистолз», «Проклятые». Вернее, нравилось, когда

я была девчонкой. Я была панком. Мама вечно слушала эти слащавые мелодии шестидесятых, а мне музыка вообще была безразлична. А потом, когда стукнуло одиннадцать, я вдруг увлеклась всякими там «говорящими головами» и прочим. Помнишь «Психокиллер»?

– О Господи, конечно, нет!

– Твоя мама права. Я слишком стара для тебя. – Джинни присела рядом на диван, положила голову ему на плечо, просунула руку под голубой свитер и начала нежно поглаживать его грудь, прикасаясь к соскам. Какая гладкая, чудесная у него кожа. – Я рада, что ты здесь, – прошептала она.

Ему тоже хотелось потрогать ее соски, но дело превыше всего. Огромным усилием воли он подавил желание и сказал:

– Нам надо серьезно поговорить.

– Ты прав. – Она выпрямилась и отпила глоток вина. – Начинай. Отец все еще под арестом?

Господи, что же ответить?

– Нет, сначала лучше ты, – сказал он. – Сама говорила, что у тебя очень важные новости.

– Ладно. Первое. Я точно знаю, кто изнасиловал Лизу. Имя этого парня Харви Джонс, он проживает в Филадельфии.

Боже милостивый! Харви с трудом сохранял на лице невозмутимое выражение. Вовремя я сюда пришел, ох, вовремя!

– И есть какие-то доказательства, что это сделал именно он?

– Я была у него в квартире. Меня впустил сосед, у него был запасной ключ.

Вот сукин сын, гомик проклятый! Вернусь, шею ему сверну!

– Я нашла там бейсболку, которая была на нем в то воскресенье. Висела на крючке возле двери.

Дурак! Я должен был ее выбросить. Просто в голову не пришло, что эта сучка способна меня выследить!

– А ты молодец, – одобрительно произнес он. *Стив наверняка был бы в восторге от новости, ведь это снимает с него подозрения,* – Прямо не знаю, как тебя и благодарить.

– Ничего, на этот счет я что-нибудь придумаю, – с улыбкой заметила она.

Надо вернуться в Филадельфию и избавиться от улики до того, как туда примчится полиция.

– И ты, конечно, сообщила об этом в полицию? – спросил он.

– Нет. Просто оставила сообщение для Миш. Жду, когда она

перезвонит.

Ура! Шанс еще есть! Джинни продолжала:

– Не волнуйся. Он понятия не имеет, что мы напали на его след. Но ты не слышал самого главного. Скажи, кто еще из наших знакомых носит фамилию Джонс?

Должен ли я сказать: «Беррингтон»? Придет ли это Стиву в голову?

– Ну, фамилия довольно распространенная... – протянул Харви.

– Это Беррингтон! И сдается мне, он вырастил Харви, как своего собственного сына!

А вот тут мне следует изумиться.

– Невероятно!... – *Что же, черт побери, делать дальше? Может, отец что-то придумает? Надо срочно рассказать ему обо всем этом. Мне нужен предлог, чтобы отлучиться и позвонить ему.*

Она взяла его за руку.

– Эй, ты только посмотри на свои ногти!

Черт, а это еще что?

– Ногти?

– Они у тебя так быстро растут. Когда ты вышел из тюрьмы, они были обкусанные, сломанные. А теперь выглядят просто потрясающе!

– Да на мне вообще все заживает, как на собаке.

Она перевернула его руку и лизнула ладонь.

– Ты сегодня такая страстная, – заметил он.

– О Господи! И правда, что это со мной? Слишком напориста, да? – Сколько раз она слышала эти слова от других мужчин. Стив сегодня держался скованно, теперь она поняла почему. – Знаю, что ты сейчас думаешь. Всю неделю я тебя отталкивала, а сегодня прямо так бы и съела вместо ужина.

Он кивнул:

– Ну, вроде того.

– Так уж я устроена. – Девушка вскочила с дивана. – Ладно, больше не буду. – Она пошла на кухню, сняла с плиты сковороду. Сковорода была тяжелая, она удерживала ее двумя руками. – Еще вчера купила тебе поесть. Ты голоден? Хочешь омлет?

– Да нет, спасибо. Ты лучше скажи, ты и правда была панком?

Она поставила сковороду на стол.

– Да, какое-то время. Дранные шмотки, зеленые волосы.

– Травка?

– Немного покуривала, когда деньги водились, еще в школе.

– А какие еще части тела успела проколоть?

Джинни почему-то вспомнился разворот из журнала на стене в квартире Харви Джонса. Женщина с выбритым лобком и колечком в срамной губе. Она брезгливо передернула плечами.

– Только нос. В пятнадцать перестала быть панком и увлеклась теннисом.

– А я знал одну девушку, у которой был проколот сосок.

Джинни почувствовала укол ревности.

– Ты с ней спал?

– Конечно.

– Негодник.

– А ты что, думала, я девственник?

– Не смей так говорить! Я ревную!

Харви шутливо поднял руки вверх.

– Сдаюсь, сдаюсь, больше не буду!

– Ты так и не рассказал мне, что с отцом. Удалось его освободить или нет?

– Сейчас позвоню домой и узнаю самые последние новости.

Если она услышит, что он набрал семь цифр, то поймет, что он звонит по местному городскому телефону. А отец говорил, что Стив с родителями живет в Вашингтоне. Он придержал рычаг, набрал наугад три цифры, точно это код междугородной, затем отпустил рычаг и позвонил отцу.

Подошел сам Беррингтон, и Харви сказал:

– Привет, мам! – и прикрыл ладонью трубку, что бы Джинни не услышала, как отец ответит: «Кто говорит? Вы, должно быть, ошиблись номером».

Но отец тут же все понял.

– Ты с Джинни?

Молодец, папуля.

– Да. Звоню узнать, выпустили ли отца из тюрьмы.

– Полковник Логан все еще под арестом, но не в тюрьме. Его забрала военная полиция.

– Плохи дела. А я надеялся, что его уже освободили.

Отец неуверенно спросил:

– У тебя есть... информация?

Харви с трудом преодолевал желание обернуться и посмотреть, не заподозрила ли чего Джинни. Но он понимал, что этот взгляд может его выдать, а потому усилием воли заставил себя смотреть на стенку.

– У Джинни чудесные новости, мам. Она молодец. Ей удалось найти настоящего насильника. – Он изо всех сил старался, чтобы голос звучал

радостно. – Его имя Харви Джонс. И мы как раз ждем, когда ей перезвонит детектив, чтоб она сообщила ему все детали и подробности.

– Боже! Но это просто ужасно!

– Правда здорово, да?

Ну зачем ты сказал это с такой иронией, идиот несчастный!

– По крайней мере, мы предупреждены. Есть возможность не допустить ее разговора с полицией?

– Постараюсь.

– А что насчет «Дженетико»? Она планирует обнародовать эти свои открытия?

– Пока еще не знаю.

Ну сколько можно болтать, я ведь могу случайно проговориться!

– Попробуй выяснить. Это тоже очень важно.

– Ладно. Ты не расстраивайся, мам, отца наверняка скоро выпустят. И позвони, как только будут новости, о'кей?

– А это не опасно?

– Просто попроси Стива. – Он засмеялся, точно это была шутка.

– Но Джинни может узнать мой голос. Хотя... попрошу Престона, он позвонит.

– Правильно.

– Договорились.

– Пока! – И Харви повесил трубку.

Джинни сказала:

– Думаю, мне надо еще раз позвонить в полицию. Наверное, они не поняли, насколько это срочно. – Она потянулась к телефону.

Харви понял: он должен убить ее.

– Только сначала поцелуй меня, – сказал он.

Она скользнула ему в объятия. Приоткрыла губы в ожидании поцелуя. Харви погладил ее по плечу.

– Славный свитерок, – пробормотал он. И положил крупную ладонь ей на грудь.

Сосок у Джинни напрягся и затвердел, но почему-то вопреки ожиданию она чувствовала себя немного не в своей тарелке. Пыталась расслабиться и насладиться моментом, которого так ждала. Вот уже обе его руки нырнули под свитер и нащупали ее груди, она слегка откинулась и изогнула спину. И, как это с ней бывало и прежде в такие минуты, немного смутилась, боясь, что он будет разочарован. Всем мужчинам, с которыми она спала, нравилась ее грудь, но сама Джинни до сих пор страдала оттого, что она у нее маленькая. Похоже, Стив, подобно другим, вовсе не был

разочарован. Задрал свитер, прижался лицом к груди и начал нежно посасывать ее соски.

Она смотрела на него. Когда один паренек впервые сделал с ней то же самое, Джинни это показалось каким-то абсурдом, детской глупостью. Но постепенно ей начали все больше и больше нравиться эти ласки, нравилось доставлять мужчине удовольствие. Впрочем, сегодня с ней явно творилось что-то неладное. Тело отвечало, а вот в глубине души засело какое-то сомнение, и она не могла сосредоточиться на наслаждении. Поняв это, она рассердилась на саму себя. *Вчера я все испортила своей подозрительностью. Не собираюсь еще раз повторять эту ошибку.*

Он почувствовал ее беспокойство. Выпрямился и сказал:

– Тебе неудобно? Давай присядем на диван! – и сел.

Джинни последовала за ним. Он разгладил бровь кончиком указательного пальца и потянулся к ней.

Она резко отпрянула.

– Что такое? – спросил он.

Нет! Этого просто быть не может!

– Ты... ты сделал это... со своей бровью.

– Что сделал?

Джинни вскочила с дивана.

– Мразь! – вскрикнула она. – Да как ты посмел?

– Что, черт подери, происходит? – спросил он с плохо разыгрываемым удивлением.

И она тут же догадалась по его лицу, что он притворяется.

– А ну пошел вон отсюда!

Он не сдавался. Продолжал изображать недоумение.

– Сначала набрасываешься, потом вдруг гонишь...

– Я знаю, кто ты, ублюдок! Ты Харви!

Он отбросил притворство.

– Как ты догадалась?

– Ты потер бровь кончиком указательного пальца. В точности как Беррингтон.

– Ну и что с того? – Он поднялся. – Раз мы со Стивом так похожи, какая тебе разница?

– Пошел отсюда к чертовой матери!

Он прикоснулся к ширинке на брюках, показывая, что у него эрекция.

– Ну уж нет. Раз мы зашли так далеко, то я не собираюсь уходить отсюда, пока не кину тебе палку-другую.

О Господи! Что же делать, во что я вляпалась? Этот парень –

просто животное.

– Не подходи!

Но он шагнул к ней, на губах его играла улыбка.

– Хочу стянуть с тебя эти узенькие джинсы и посмотреть, что под ними.

Джинни вспомнила слова Миш о том, что насильники наслаждаются страхом жертвы.

– Я тебя не боюсь, – сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее. – Но если только тронешь... клянусь, убью, скотина!

Движения его были молниеносны. Он схватил ее, приподнял и швырнул на пол. Зазвонил телефон.

– Помогите! – закричала Джинни. – Мистер Оливер, сюда, на помощь!

Харви схватил со стола кухонное полотенце и начал грубо запихивать его Джинни в рот. Она давилась, кашляла. Он придерживал ее руки за запястья, чтобы она не могла вытащить кляп изо рта. Джинни попыталась вытолкнуть кляп языком, но не получилось, слишком он был большой. Слышал ли мистер Оливер ее крик? Он стар, со слухом у него неважно, поэтому всегда включает телевизор на полную громкость.

Телефон продолжал звонить.

Харви ухватил ее за пояс джинсов. Она извивалась, вырывалась. Тогда он ударил ее по лицу – с такой силой, что искры из глаз посыпались. И пока она приходила в себя, он успел стянуть с нее джинсы вместе с трусиками.

– Ой! До чего ж волосатая у тебя киска!

Тут Джинни вырвала кляп изо рта и снова закричала:

– Спасите! Помогите!

Харви закрыл ей рот широкой ладонью, приглушив крики, и Джинни стала задыхаться. Несколько секунд она беспомощно извивалась на полу, пытаясь вдохнуть хотя бы глоток воздуха. Свободной рукой Харви растегнул молнию на ширинке и навалился на нее всем телом. Она бешено извивалась, стараясь сбросить его, но силы были явно не равны.

Телефон все звонил. И вдруг раздался еще один звонок – в дверь. Но Харви это не остановило.

Джинни открыла рот. Пальцы Харви скользнули по зубам. И тогда она изо всех сил укусила его. Почувствовала во рту солоноватый привкус крови, услышала, как он вскрикнул, выдергивая руку у нее изо рта.

В дверь продолжали настойчиво звонить.

Джинни выплюнула изо рта кровь и вновь закричала:

– На помощь! Спасите, помогите!...

Внизу послышался какой-то грохот, потом треск расщепленного

дерева. Харви вскочил, прижимая к груди окровавленную руку. Джинни перекатилась на бок, встала и отбежала от него шага на три. Дверь распахнулась. Харви резко развернулся всем телом и оказался спиной к Джинни.

В комнату ворвался Стив.

Секунду Харви со Стивом изумленно смотрели друг на друга. Они были похожи, как две капли воды. Кто победит, если они попробуют помериться силой? Они одного роста и веса, одинаково развиты физически. Эта драка может длиться вечность.

И тут Джинни схватила с плиты сковороду. Она держала ее обеими руками, настолько та была тяжелая. Держала, как ракетку перед нанесением своего коронного теннисного удара – весь вес перенесен на выдвинутую вперед ногу, запястья напряжены до предела. Затем размахнулась и ударила Харви по голове.

Ноги у него подогнулись, он опустился на колени, недоуменно мотая головой. Джинни подскочила, переложила сковороду в правую руку и нанесла еще один удар. Глаза его закатились, и он безжизненно распростерся на полу.

– Остается только радоваться, что этот удар достался не мне, а двойнику, – сказал Стив.

Тут Джинни задрожала всем телом. Уронила сковородку и тяжело опустилась на кухонный табурет. Стив нежно обнял ее.

– Все кончено, все позади, – пробормотал он.

– Нет, не все, – глухо ответила она. – Все только начинается.

А телефон продолжал звонить.

– Ты здорово вырубил этого ублюдка, – заметил Стив. – Кто он?

– Харви Джонс, – ответила Джинни. – Сын Беррингтона Джонса.

Стив был поражен.

– Так Беррингтон воспитывал одного из восьмерки, как собственного сына? Черт, вот это номер!

Джинни смотрела на распростертое на полу бесчувственное тело.

– Что же нам теперь делать?

– Прежде всего, мне кажется, надо подойти к телефону.

Джинни сняла трубку. Звонила Лиза.

– Знаешь, он чуть не изнасиловал меня, – безо всяких преамбул и объяснений пролепетала Джинни.

– О нет!...

– Это тот самый парень.

– Ушам своим не верю! Хочешь, я сейчас же приеду?

– Спасибо. Буду рада.

Джинни повесила трубку. Все тело у нее болело и ныло, губы были разбиты – с такой силой он запихивал ей в рот полотенце. Во рту до сих пор оставался привкус крови Харви. Она налила стакан воды, прополоскала рот, сплюнула в кухонную раковину. А потом сказала:

– Здесь оставаться опасно, Стив. У людей, с которыми мы воюем, очень влиятельные друзья.

– Знаю.

– Они могут попытаться убить нас.

– Ну-ка расскажи поподробней.

Но Джинни была поглощена сейчас совсем другими мыслями. Страх парализовал ее.

– Как считаешь, если я дам обещание никогда никому об этом не рассказывать, они оставят нас в покое?

Стив задумался на секунду, потом ответил:

– Вряд ли.

– Я тоже так думаю. Так что у нас нет иного выхода, кроме как продолжить эту войну.

На лестничной площадке послышались шаги, и в комнату заглянул мистер Оливер.

– Что, черт побери, у тебя тут происходит? – Он увидел лежащего на

полу Харви, потом перевел взгляд на Стива, затем снова уставился на Харви. – Вот это номер!...

Стив поднял с пола черные джинсы, протянул их Джинни. Та поспешно надела их. Впрочем, если даже мистер Оливер что-то и заметил, он проявил достаточно такта и не стал комментировать. Вместо этого он указал на Харви и спросил:

– Так это, должно быть, тот самый парень из Филадельфии? Неудивительно, что ты приняла его за своего дружка. Похожи, как близнецы!

– Надо связать его, прежде чем он придет в себя, – заметил Стив. – У тебя найдется какая-нибудь веревка, Джинни?

– У меня дома есть электрический шнур, – сказал мистер Оливер. – Пойду принесу. – И он вышел.

Преисполненная благодарности, Джинни нежно обняла Стива. Чувствовала она себя так, точно проснулась после ночного кошмара.

– Я думала, это ты, – пробормотала она. – Примерно та же ситуация, что и вчера, но на сей раз это были не просто подозрения. Я поняла, что это он!

– Помнишь, мы хотели придумать какой-нибудь пароль или условную фразу? Но так ничего и не придумали.

– Давай придумаем сейчас. В прошлое воскресенье ты подошел ко мне и сказал: «Я тоже немного играю в теннис».

– А ты скромно ответила: «Если вы *немного* играете в теннис, то боюсь, мы с вами в разных весовых категориях».

– Вот это и будет нашим паролем. Если один из нас произносит первую фразу, другой должен сказать вторую.

– Договорились.

Вернулся мистер Оливер с чемоданчиком инструментов, извлек из него шнур, перевернул Харви на спину и связал ему руки спереди, ладонь к ладони, оставив свободными пальцы.

– Почему бы не связать ему руки за спиной? – спросил Стив.

Мистер Оливер немного смутился.

– Вы уж извините за грубость, но так он сможет придерживать свой член, когда будет писать. Узнал об этом способе в Европе во время войны. – Он принялся связывать Харви ноги. – Никаких неприятностей вам этот парень больше не доставит. Так, теперь скажите, что собираетесь делать с входной дверью?

Джинни покосилась на Стива. Тот сказал:

– Я разнес ее в пух и прах.

– Позвоню и вызову плотника, – заявила Джинни.
– У меня во дворе есть кое-какой материал. Деревянные планки и все такое, – сказал мистер Оливер. – Так что могу и сам починить, чтоб можно было запереть на ночь. А уж завтра вызовем кого-нибудь, чтобы сделал все как следует.

Джинни была страшно признательна этому славному человеку.

– Огромное вам спасибо за все!

– Да ладно, чего там. То, что случилось сегодня, для меня самое интересное событие со времен Второй мировой войны.

– Я вам помогу, – предложил Стив.

Мистер Оливер покачал головой:

– У вас, у молодых, есть более важные дела. Так что не стоит, я и сам прекрасно справлюсь. Кстати, вы должны решить, нужно ли сообщать в полицию о парне, которого вы приложили сковородкой. – Он усмехнулся, подхватил свой чемоданчик с инструментами и спустился вниз.

Джинни попыталась собраться с мыслями.

– Если завтра «Дженетико» будет продана за сто восемьдесят миллионов долларов, Джим Пруст получит реальный шанс баллотироваться в президенты. А я потеряла место, и репутация моя погублена. Я никогда уже не смогу заняться научной работой. Но мы можем попробовать изменить эту ситуацию.

– И как же именно ты собираешься это сделать?

– Ну, допустим, опубликовать пресс-релиз о противозаконных экспериментах.

– Но разве для этого не потребуются привести веские доказательства?

– Ты и Харви – весьма наглядное и веское доказательство. Особенно если появитесь на телевидении вместе.

– Да, особенно в передаче «Шестьдесят минут». Все это очень мило. – Глаза его смотрели печально. – Но есть одна загвоздка. Харви ни за что не согласится.

– Они могут снять его со связанными руками. Потом мы вызовем полицию, и они это тоже покажут.

Стив кивнул.

– Проблема в том, что ты должна опередить сделку между «Дженетико» и «Ландсманном». Стоит им получить деньги, как они подкупят всех и вся и журналисты опровергнут нашу информацию. Но я не вижу способа попасть на телевидение в ближайшие несколько часов. А их пресс-конференция, если верить «Уолл-стрит джорнал», должна состояться завтра утром.

– Значит, мы должны провести свою пресс-конференцию.
Стив щелкнул пальцами.
– Есть, знаю! Мы должны проникнуть на их пресс-конференцию!
– Черт, правильно! И тогда люди из «Ландсманна» наверняка решат, что не стоит подписывать бумаги, и сделка будет отложена.
– И Беррингтон не получит свои миллионы долларов.
– И Джим Пруст уже не будет баллотироваться в президенты.
– Мы, должно быть, сошли с ума, – вздохнул Стив. – Они самые влиятельные и могущественные люди в Америке, а мы собираемся испортить им праздник.

Снизу раздался стук молотка: мистер Оливер начал чинить дверь. Джинни сказала:

– Знаешь, они ненавидят чернокожих. И вся эта болтовня о хороших генах и второсортных американцах – лишь прикрытие. Они самые настоящие нацисты, прикидывающиеся великими учеными. Они хотят сделать мистера Оливера второсортным гражданином. Да пошли они к дьяволу! Не собираюсь молча наблюдать за всем этим!

– Нам нужен план, – заметил Стив.
– Верно. Сейчас разработаем, – сказала Джинни. – Прежде всего надо выяснить, где будет проводиться пресс-конференция «Дженетико».
– Возможно, в отеле «Балтимор»?
– Позвоним и узнаем.
– Может, нам стоит снять номер в этом отеле?
– Неплохая идея. Тогда я попробую пробраться в зал, где будет проходить пресс-конференция, и произнесу речь в присутствии СМИ.
– Они могут быстро заткнуть тебе рот.
– Нужно заранее подготовить заявление для прессы и раздать публике, а потом появиться вы с Харви. Близнецы всегда привлекают внимание, так что все камеры будут нацелены на вас.

Стив озабоченно нахмурился.

– Ну и что ты докажешь моим с Харви появлением?
– Вы идентичные близнецы, всем станет любопытно, журналисты начнут задавать вопросы. И им не понадобится много времени, чтобы узнать, что у вас разные матери. А узнав это, они поймут, что тут кроется какая-то тайна. Ну а уж как они интересуются кандидатами в президенты, не мне тебе рассказывать.

– Трое лучше, чем двое, – заметил Стив. – Как думаешь, сможем мы притащить на эту встречу еще одного?

– Попробуем. Можно пригласить их всех, тогда есть надежда, что хотя

бы один появится.

Лежавший на полу Харви открыл глаза и застонал.

Джинни почти забыла о нем. Взглянув на него, она испытала нечто похожее на жалость. Наверняка голова у парня раскалывается от боли.

– Знаешь, я так крепко ему врезала. Наверное, ему нужен врач.

Тут Харви окончательно пришел в себя.

– Развяжи меня, сучка поганая! Слышишь? Кому говорю... – злобно пробормотал он.

– Врач ему не нужен, – сказала Джинни.

– Развяжи, или, клянусь, отрежу тебе сиськи бритвой, как только освобожусь!

Джинни заткнула ему рот полотенцем.

– Ты бы помолчал, Харви.

Стив скептически заметил:

– Интересно, как мы проведем его в отель связанным?

Снизу донесся голос Лизы, она поздоровалась с мистером Оливером. И вот через несколько секунд она вошла в гостиную в джинсах и высоких ботинках на шнуровке. Взглянула на Стива и Харви и пробормотала:

– О Господи!... Так это правда.

Стив поднялся.

– Я тот, на кого вы указали на опознании, – сказал он. – Но я не тот, кто на вас напал.

– Харви пытался сделать со мной то же самое, что и с тобой, Лиза, – объяснила Джинни. – Хорошо, что Стив подоспел вовремя.

Лиза подошла к лежавшему на полу Харви. Долго смотрела на него, потом изо всей силы пнула в ребро носком тяжелого ботинка. Тот застонал от боли.

Она снова пнула его.

– Надо же! – заметила Лиза, качая головой. – Вот уж не знала, что это может быть так приятно.

Джинни кратко пересказала Лизе последние события.

– Сколько же всего успело случиться, пока я спала, – заметила та.

– Я одного не понимаю, Лиза, – сказал Стив. – Вы проработали в университете Джонс-Фоллз целый год и ни разу за это время не видели сына Беррингтона.

– Но Беррингтон не поддерживал близких отношений с коллегами, – ответила она. – Слишком уж большая знаменитость. Думаю, никто из сотрудников университета ни разу не видел Харви.

Джинни рассказала ей о намерении сорвать пресс-конференцию.

– Конечно, для нас было бы лучше, если б там присутствовал еще один клон.

– Так... Пер Эриксон умер, Деннис Пинкер и Мюррей Клод сидят в тюрьме. У нас осталось трое: Генри Кинг в Бостоне, Уэйн Стэттнер в Нью-Йорке и Джордж Дассолт. Последний может оказаться в Буффало, Сакраменто или Хьюстоне, мы точно не знаем где, но попробуем выяснить. Все номера телефонов у меня.

– Я тоже их записала, – сказала Джинни.

– А они успеют добраться сюда? – спросил Стив.

– Проверим расписание рейсов по справочному файлу, – сказала Лиза. – Где твой компьютер, Джинни?

– Украли.

– Ничего. Сейчас принесу свой ноутбук, он у меня в машине.

Лиза ушла, и Джинни заметила:

– Нам следует хорошенько подумать, как убедить этих парней сорваться с места и прилететь в Балтимор. И еще мы обязаны оплатить им перелет. Не уверена, что денег на моей кредитной карте хватит.

– У меня есть карта «Америкэн экспресс». Мама подарила, на случай непредвиденных расходов. Уверен, это как раз тот самый случай.

– Знаешь, у тебя просто замечательная мама, Стив! – воскликнула Джинни.

– Что правда, то правда.

Лиза вернулась и включила ноутбук.

– погоди минутку, – сказала Джинни. – Давайте распределим обязанности.

Джинни села писать текст пресс-релиза, Лиза занялась расписанием авиарейсов, Стив, вооружившись справочником «Желтые страницы», начал обзванивать все крупные отели. И везде он задавал один и тот же вопрос: «Скажите, не у вас назначена на завтра пресс-конференция с участием «Дженстико» и "Ландсманна"?»

Получив шесть отрицательных ответов, он вдруг подумал, что пресс-конференция вовсе не обязательно должна проходить в отеле. Она может состояться в ресторане, на борту какой-нибудь роскошной яхты, на худой конец – даже в штаб-квартире компании «Дженетико» в северной части города, если у них есть просторный зал. Но седьмой звонок оказался удачным.

– Да, сэр, в зале «Ридженси» ровно в полдень.

– Замечательно! – радостно воскликнул Стив. Джинни вопросительно взглянула на него, Стив усмехнулся и показал ей два растопыренных пальца. – Скажите, а нельзя ли забронировать в вашем отеле номер? Да, сегодня. Будьте любезны...

– Сейчас свяжу вас с менеджером. Пожалуйста, подождите секундочку.

Стив забронировал номер, продиктовав реквизиты своей кредитной карты. Едва он успел повесить трубку, как Лиза сказала:

– Есть три рейса, которыми может прибыть сюда Генри Кинг. Вылет в шесть двадцать, семь сорок и девять сорок пять. На все рейсы есть свободные места.

– Забронируй билет на девять сорок пять, – сказала ей Джинни.

Стив передал Лизе кредитную карту.

– Я все же так до сих пор и не придумала, как уговорить его приехать.

– Ты вроде бы говорила, что он студент и подрабатывает в баре? – спросил Стив.

– Да.

– Стало быть, нуждается в деньгах. Дай я попробую. Диктуй номер телефона.

Джинни назвала ему номер и добавила:

– Все зовут его Хэнком.

Стив набрал номер. Никто не подходил. Он разочарованно покачал головой:

– Нет дома.

Джинни смотрела растерянно, потом вдруг прищелкнула пальцами.

– Может, он как раз в баре? – Она продиктовала ему номер.

Ответил мужской голос с сильным испанским акцентом:

– Бар «Голубая нота»!

– Нельзя ли поговорить с Хэнком?

– Вообще-то он у нас здесь работой занят, а не прохлаждаться пришел! – раздраженно бросил мужчина.

Стив усмехнулся и кивнул Джинни, как бы давая понять: *он здесь!*

– Я не задержу его надолго. Я по очень важному делу, сэр.

Минуту спустя в трубке послышался голос, похожий на голос Стива:

– Да? Кто это?

– Привет, Хэнк. Меня зовут Стивен Логан, и у нас с тобой много общего.

– Хочешь продать что-нибудь?

– Нет-нет. Дело в том, что наши с тобой матери проходили лечение в клинике «Эйвентайн», еще до того как мы с тобой родились. Можешь спросить у своей, если не веришь.

– И что дальше?

– Короче говоря, я собираюсь подать против этой клиники иск на десять миллионов долларов. И хочу, чтобы ты присоединился ко мне и подал такой же иск.

Пауза.

– Не знаю, реально ли это для тебя, приятель, но лично у меня нет бабок платить за всякие там иски.

– Я сам оплачу все расходы. Мне твои деньги не нужны.

– Тогда зачем я тебе понадобился?

– Потому что своим появлением в суде ты укрепишь мои позиции.

– Знаешь, ты лучше напиши мне поподробнее...

– Дело в том, что ты нужен мне здесь, в Балтиморе, завтра в полдень. До заседания суда я решил провести пресс-конференцию в отеле «Стоффер». Очень хотелось бы, чтоб и ты там был.

– Да кому охота пилить в этот самый Балтимор? Это ж тебе не Гонолулу.

Тож же мне шутник выискался.

– Тебе зарезервировано место на фамилию Логан на рейс в девять сорок пять. Билет оплачен, можешь позвонить и проверить. Тебе остается лишь доехать до аэропорта.

– Ты хочешь разделить со мной десять миллионов долларов?

– Да нет, зачем? Ты получишь свои десять.
– А за что ты собираешься с ними судиться?
– За мошенничество.
– Вообще-то я студент, учусь в бизнес-колледже. И сдается мне, в судебной практике существует такое понятие, как срок давности. Ведь все это произошло двадцать три года тому назад и...

– Срок давности существует, но он отсчитывается от того момента, когда обнаружен факт мошенничества. А это произошло на прошлой неделе.

В трубке послышался голос с испанским акцентом:

– Эй, Хэнк! Кончай трепаться, у тебя клиентов человек сто!
– Я начинаю тебе верить, приятель, – заметил Хэнк.
– Так ты приедешь, да?
– Черт, не знаю. Сейчас как-то плохо соображаю. Вот закончу работу и подумаю об этом всерьез. А теперь мне надо разносить напитки.

– Тогда позвони мне в отель, – сказал Стив, но было уже поздно: Хэнк повесил трубку.

Джинни с Лизой выжидательно смотрели на него. Стив пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Не уверен, что мне удалось его убедить.
– Так что, прикажешь сидеть и ждать, явится он или нет? – спросила Лиза.

– А чем зарабатывает на жизнь Уэйн Стэттнер?
– Он владелец ночных клубов. Уже, наверное, успел заработать десять миллионов долларов.

– В таком случае он может согласиться только из чистого любопытства. Телефон есть?

– Да.

Стив набрал номер. В трубке послышался голос автоответчика. Стив сказал:

– Привет, Уэйн. Меня зовут Стивен Логан, голоса у нас похожи, можешь сам убедиться. А все потому, что мы с тобой идентичные близнецы, хочешь верь, хочешь нет. Мой рост шесть футов два дюйма, вес – сто девяносто фунтов. И внешне я точная твоя копия, не считая разве что цвета волос. Возможно, у нас есть и другие общие черты. У меня аллергия на арахис, нет ногтей на мизинцах ног, и когда я задумываюсь, то имею привычку почесывать тыльную сторону ладони левой руки пальцами правой. Теперь самое интересное: мы с тобой не двойняшки. Таких, как мы, несколько. Один в прошлое воскресенье совершил преступление в

университете Джонс-Фоллз, именно поэтому, кстати, к тебе и пожаловала вчера полиция Балтимора. А завтра в Балтиморе, в отеле «Стоффер», у нас состоится встреча. Ровно в полдень. Тебе покажется это абсурдом, Уэйн, но клянусь: все, что я говорю, чистая правда. Позвони мне или доктору Джинни Феррами в гостиницу. Или лучше просто приезжай. Обещаю, тебе будет очень интересно! – Стив повесил трубку и взглянул на Джинни. – Ну, что скажешь?

Она пожала плечами:

– Этот человек может позволить себе любые прихоти. Возможно, тебе удалось его заинтриговать. Да и потом у владельца ночного клуба нет каких-то особенных занятий в понедельник утром. С другой стороны, после единственного телефонного звонка я бы не очень рассчитывала на его появление.

Зазвонил телефон. Стив машинально поднял трубку.

– Алло?

– Нельзя ли поговорить со Стивом? – спросил незнакомый мужской голос.

– Это я.

– Это дядя Престон. Сейчас соединю тебя с отцом.

Стив не припоминал, чтобы у него был родственник по имени Престон, и растерянно нахмурился. Затем в трубке раздался уже другой голос:

– С тобой рядом есть кто-нибудь? Она слушает наш разговор?

И Стив все понял. Надо было собраться с мыслями, чтобы не испортить дело.

– Подождите минутку, – сказал он. Прикрыл ладонью трубку и обернулся к Джинни. – Кажется, это Беррингтон Джонс! – возбужденно шепнул он. – Принял меня за Харви. Что делать?

Джинни растерянно развела руками.

– Импровизируй! – сказала она.

– Ясно. – Стив снова поднес трубку к уху. – Да, слушаю, это Стив.

– Что происходит? Куда ты, черт подери, запропастился?

– Ну, я это...

– Выяснил, какие у нее планы?

– Ну... в общем, да.

– Тогда срочно сюда! И все нам расскажешь.

– Ладно.

– А ты, случайно, не угодил в ловушку?

– Нет.

– Небось трахаешь ее?
– Можно сказать и так.
– Напяливай штаны, кретин, и быстро домой! Мы в большой, беде, ясно?

– Ясно.
– Теперь слушай. Когда повесишь трубку, скажешь ей, что звонил адвокат родителей и что они требуют, чтобы ты срочно приехал в Вашингтон. Тогда столь поспешный уход не вызовет подозрений. Понял?

– Усек. Приеду, как только смогу.
Беррингтон повесил трубку, Стив сделал то же самое. И облегченно вздохнул.

– Вроде бы удалось его провести.
– Что он сказал? – спросила Джинни.
– Чем дальше, тем становится интересней. Я так понял, они послали сюда Харви, чтобы тот узнал о твоих намерениях. Хотят выяснить, что ты можешь предпринять, узнав их главную тайну.

– Они? Но кто именно?
– Беррингтон и еще какой-то дядя Престон.
– Престон Барк, президент «Дженетико». Но зачем они звонили?
– Просто сгорают от нетерпения. Беррингтон совсем извелся, не может больше ждать. Не терпится узнать о твоих планах, чтобы сделать какой-то встречный ход. Велел мне притвориться, что я срочно должен ехать в Вашингтон и повидаться с адвокатом. Просили явиться как можно скорей.

Джинни заволновалась:
– Плохо. Харви не появится, и Беррингтон поймет, что что-то не так. Предупредит людей из «Дженетико». И трудно, невозможно предугадать, что они предпримут дальше. Могут перенести пресс-конференцию в другое место, усилить охрану, чтобы не пропустить нас. Могут вообще отменить всю эту церемонию и подписать бумаги в офисе адвоката.

Стив хмуро уставился в пол. Одна идея у него была, но он не осмеливался ее высказать. И вот наконец решился:

– Пусть тогда Харви едет к ним.
Джинни покачала головой:
– Ну что ты говоришь! Он лежит здесь на полу и все слышит. И как только приедет, тут же доложит им.

– Я поеду вместо него.
Джинни с Лизой так и ахнули.
А Стив продолжал размышлять вслух:
– Поеду домой к Беррингтону, притворюсь Харви. И попытаюсь их

разубедить.

– Стив, но это очень опасно! Ты же ничего не знаешь об их жизни. Не знаешь даже, где находится ванная.

– Уж если Харви удалось тебя обмануть, я как-нибудь тоже справлюсь. Сумею навешать лапши на уши этому Беррингтону. – Стив подбадривал сам себя.

– Харви не удалось меня обмануть. Я догадалась.

– Но не сразу же.

– Меньше чем через час. А тебе придется пробыть там гораздо дольше.

– Ненамного. Ведь по вечерам в воскресенье Харви обычно возвращается в Филадельфию. Ну и я тоже вернусь примерно к полуночи.

– Но Беррингтон – отец Харви! Или ты забыл? Нет, это невозможно!

Он знал, что Джинни права.

– У тебя есть идея получше?

Джинни задумалась, помолчала секунду-другую, потом ответила:

– Нет.

Стив переоделся в синие джинсы и голубой свитер Харви, сел за руль «датсуна» и поехал в Роланд-Парк. Ко времени, когда он оказался у дома Беррингтона, на улице уже совсем стемнело. Он припарковался рядом с серебристым «линкольном» и какое-то время сидел неподвижно, собираясь с духом.

Нельзя допустить ни единой промашки. Если они его раскусят, Джинни конец. Но у него не было ничего, никакой информации, на которую можно было бы опереться. Ему нужно следить за каждым жестом, намеком, соответствовать ожиданиям, вести себя раскованно и естественно. Жаль, что он учился не на актера.

Он размышлял о том, в каком настроении должен быть Харви. Отец оторвал его от любовных утех с Джинни, так что настроение у него должно быть скверное.

Стив вздохнул. Тянуть больше нельзя. Он вылез из машины и направился к входной двери.

На кольце, найденном у Харви, было несколько ключей. Щурясь, он рассматривал замок на двери Беррингтона. Кажется, «Йель» с двумя бороздками. Он принялся перебирать ключи, но не успел найти нужный. Беррингтон отворил дверь.

– Чего торчишь на пороге? – раздраженно прошипел он. – Входи.

Стив вошел.

– Иди в гостиную, – сказал Беррингтон.

Где, черт возьми, тут гостиная? Стив подавил приступ паники. Дом был построен в семидесятые – стандартное двухэтажное здание типа ранчо. Слева за аркой виднелась гостиная, обставленная самой заурядной мебелью. Там ни души. Прямо перед ним тянулся коридор, в нем несколько дверей. Все они вели в спальни, догадался он. Справа еще две двери, одна из них может открываться в гостиную. Вот только какая именно?...

– Ступай в гостиную, – повторил Беррингтон.

Стив наугад толкнул одну из дверей. Он выбрал не ту. Там находилась ванная. Беррингтон, раздраженно хмурясь, смотрел на него.

Тут Стив вспомнил, что и сам должен испытывать раздражение.

– Неужели нельзя сперва пописать? – рявкнул он.

И, не дожидаясь ответа, вошел и захлопнул за собой дверь.

Это была ванная комната для гостей, с туалетом и раковиной. Стив

присел на край ванны и взглянул в зеркало.

– Ты, должно быть, совсем с ума сошел, – произнес он вслух. Спустил в туалете воду, сполоснул руки и вышел.

Откуда-то из глубины дома доносились мужские голоса. Стив отворил вторую дверь, это оказался кабинет. Он шагнул в комнату, затворил за собой дверь и быстро огляделся. Письменный стол, деревянное бюро со множеством выдвижных ящичков, книжные полки, большой телевизор, диван и несколько кресел. На столе снимок весьма привлекательной белокурой женщины лет сорока. Одежда старомодная, такую носили лет двадцать тому назад. На руках женщина держала ребенка. *Бывшая жена Беррингтона? Моя «мама»?...* Он один за другим выдвинул ящички стола, затем заглянул в ящички бюро. В нижнем обнаружил бутылку дорогого виски «Спрингбэнк» и несколько хрустальных стаканов, точно их прятали здесь, чтобы никто не нашел. Возможно, Беррингтон скрывает от кого-то, что пьет? Едва он успел задвинуть ящик, как дверь распахнулась и вошел Беррингтон. А за ним – еще двое. Стив сразу узнал сенатора Пруста с лысой головой и крупным носом – его часто показывали в телевизионных новостях. А тот тихий черноволосый мужчина, очевидно, и есть Престон Барк, президент «Дженетико».

Тут Стив вспомнил, что должен находиться в скверном настроении.

– На хрен понадобилось тащить меня сюда? К чему такая спешка?

– Мы только что поужинали, – примирительно сказал Беррингтон. – Хочешь чего-нибудь? Марианна может подать прямо сюда, на подносе.

Стиву было не до еды, но он сделал над собой усилие. Ведь Харви наверняка должен быть голоден, как волк. И он сделал вид, что немного смягчился, и небрежно бросил:

– Ясное дело, хочу.

– Марианна! – крикнул Беррингтон. Через несколько секунд в дверях появилась миловидная черноволосая девушка. – Принеси сюда Харви ужин на подносе, – распорядился Беррингтон.

– Слушаюсь, месье, сию минуту, – пролепетала служанка.

Стив проводил ее взглядом и заметил, что в кухню она прошла через гостиную. Очевидно, где-то там же находится и столовая. Хотя они могли поужинать и на кухне.

Пруст подался вперед и спросил:

– Ну, мой мальчик, что тебе удалось выяснить?

По дороге Стив уже составил приблизительный план ответов на вопросы.

– Можете не волноваться, по крайней мере пока, – сказал он. – Джинни

Феррами собирается подать в суд на университет Джонс-Фоллз за незаконное увольнение. Считает, что во время процесса сможет доказать наличие клонов. А пока что о своих открытиях оповещать никого не собирается. На среду у нее назначена встреча с адвокатом.

На лицах всей троицы отразилось явное облегчение. Пруст сказал:

– Ни черта у нее не выйдет. Такие процессы тянутся годами. Так что у нас будет достаточно времени осуществить задуманное.

Обвел вас вокруг пальца, старые дураки!

– А что насчет дела Лизы Хокстон? – спросил Беррингтон.

– Она знает, кто я, считает, что преступление совершил я, но никаких доказательств у нее нет. Возможно, выступит на суде с обвинениями в мой адрес. Но все это воспримут, как месть со стороны уволенного сотрудника.

Беррингтон кивнул:

– Что ж, хорошо. Но тебе все равно понадобится адвокат. Поступим так. Ты останешься ночевать здесь, в любом случае уже слишком поздно ехать в Филадельфию.

А вот это мне совсем ни к чему!

– Ну, не знаю...

– Завтра утром поедешь со мной на пресс-конференцию. А сразу же после нее вместе отправимся к Генри Квинну.

Слишком рискованно! Не паникуй, думай! Если останусь здесь, узнаю все их планы. Так что рискнуть, конечно, стоит. Да и потом, что может произойти, пока я сплю? Можно попробовать позвонить Джинни, сообщить ей, что происходит. Он принял решение в считанные секунды.

– Что ж, ладно.

Пруст сказал:

– Вот видите? Сидели здесь и тряслись от страха, а ничего страшного не произошло.

Но Барк воспринял новости с изрядной долей скептицизма и подозрительно спросил:

– Неужели этой девице и в голову не пришло попытаться помешать передаче «Дженетико»?

– Она, конечно, умная, но не настолько, – небрежно заметил Стив. – В бизнесе мало что смыслит.

Пруст игриво подмигнул и спросил:

– Ну а как она в смысле секса, а?

– Ненасытная, прямо ужас до чего! – с ухмылкой ответил Стив, и Пруст так и покатылся со смеху.

Вошла Марианна с подносом: жареный цыпленок, салат с луком, хлеб,

бутылка «Будвайзера». Стив улыбнулся девушке.

– Спасибо, – сказал он. – Выглядит очень аппетитно.

Она удивленно взглянула на него, и Стив понял, что допустил промашку. Наверняка Харви не слишком часто говорил служанке «спасибо». И еще он тут же поймал на себе подозрительный взгляд Престона Барка. *Осторожней, осторожней! Иначе все испортишь, и это будет особенно обидно теперь, когда удалось доказать им, что ничего страшного не происходит. Надо протянуть еще хотя бы час, а потом – в постель, спать.*

Он принялся за еду. Барк спросил:

– Помнишь, как я водил тебя на ленч в ресторан отеля «Плаза» в Нью-Йорке? Тебе тогда было всего десять лет.

Стив уже хотел было сказать «да», но заметил удивление на лице Беррингтона. *Неужели проверка? Неужели Барк подозревает неладное?...*

– В «Плазу»? – хмурясь, переспросил он. – Нет, дядя Престон, что-то не припомню.

– Наверное, перепутал, – заметил Барк. – Это был сынишка сестры.

Уф, кажется, пронесло! Беррингтон поднялся.

– Пиво, конечно, – штука хорошая, но после него только и знаешь, что бегать в туалет, – сказал он и вышел из комнаты.

– Предпочитаю виски, – заявил Пруст.

– Посмотрите в нижнем ящике бюро, – предложил ему Стив. – Обычно папа держит там бутылку виски.

Пруст подошел к бюро, выдвинул ящик.

– И правда. Молодец, малыш! – Он достал бутылку и хрустальные стаканы.

– Узнал об этой заначке в двенадцать лет, – с ухмылкой заметил Стив. – Тогда и начал потихоньку попивать.

Пруст расхохотался. Стив украдкой покосился на Барка. Тот улыбался, выражение озабоченности исчезло.

Мистер Оливер извлек на свет божий огромный пистолет, который хранил еще со времен Второй мировой войны.

– Отнял у немецкого пленного, – пояснил он. – Цветным солдатам не разрешалось в те дни носить при себе оружие. – Он присел рядом с Джинни на диван и сделал вид, что целится в Харви.

Лиза висела на телефоне, пытаясь дозвониться Джорджу Дассолту.

Джинни сказала:

– Поеду в отель, зарегистрируюсь и произведу разведку.

Бросив в чемодан кое-что из одежды, она села в машину и поехала в отель «Стоффер», обдумывая по дороге, как, не привлекая внимания охраны, затащить связанного Харви в номер.

У отеля был подземный гараж. Что ж, уже неплохо. Она оставила там машину и поднялась на лифте. Двери этого лифта открывались в вестибюль на первом этаже, выше он не шел; чтобы добраться до номера, надо было пересаживаться в другой лифт. А вот все остальные лифты располагались внизу, в фойе, и не были видны администратору. Для того, чтобы перейти из того лифта в обычный, требовалось всего несколько секунд. Весь вопрос в том, как поведет себя Харви. От этого будет зависеть, понесут ли они его на руках, потащат ли за собой или он пойдет сам. Предвидеть это было невозможно.

Она зарегистрировалась, поднялась к себе в номер, оставила там чемодан и немедленно поехала обратно домой.

– Я дозвонилась Джорджу Дассолту! – радостно сообщила ей Лиза.

– Здорово! Где он?

– Сначала я нашла его мать в Буффало, она дала мне его телефон в Нью-Йорке. Он актер, занят в какой-то пьесе, но не на Бродвее.

– Он приедет?

– Да. «Ради рекламы готов на все», – так он мне сказал. Я забронировала ему билет и сказала, что встречу в аэропорту.

– Здорово! Просто чудесно!

– У нас будет трое близнецов, на экране телевизора они будут смотреться просто сногшибательно.

– Это если удастся затащить Харви в отель, – немного охладила ее пыл Джинни. И обратилась к мистеру Оливеру: – Гараж там подземный, так что со швейцаром у входа сталкиваться не придется. Лифт останавливается на

первом этаже. Надо выйти из него и перебраться в другой лифт, чтобы подняться к номерам. Расстояние между ними небольшое.

Мистер Оливер был настроен скептически.

– Все равно придется заткнуть ему пасть минут на пять. А то, может, и на десять, пока доведем от машины к номеру. И потом, что, если кто-то из постояльцев заметит связанного человека? Начнут задавать вопросы, могут вызвать охранников.

Джинни покосилась на Харви. Тот по-прежнему лежал на полу с кляпом во рту. Но глаза у него были открыты, и он смотрел на нее. Смотрел и слушал.

– Я думала об этом, кое-какие идеи есть, – сказала Джинни. – Сможете связать ему ноги так, чтобы он мог идти, но не очень быстро?

– Конечно.

Мистер Оливер занялся Харви, а Джинни прошла в спальню. Достала из шкафа пестрый саронг, который купила для пляжа, широкую шаль из тонкой ткани, платок и маску Нэнси Рейган, которую ей подарили на какой-то вечеринке.

Мистер Оливер поднял Харви на ноги. Едва успев выпрямиться, Харви нанес своему «тюремщику» удар связанными руками. Лиза вскрикнула, Джинни ахнула. Но мистер Оливер, похоже, был не промах. Он этого ожидал, увернулся от удара и врезал Харви под дых дулом пистолета. Тот застонал и, согнувшись пополам, опустился на колени. Мистер Оливер снова поднял его за шиворот. Похоже, только теперь парень немного утихомирился.

– Хочу его нарядить, – сказала Джинни.

– Валяйте, – кивнул мистер Оливер. – А я постою рядом и врежу ему еще, если только посмеет брыкаться.

Джинни обернула саронг вокруг талии Харви, завязала концы узлом – получилось подобие юбки. Руки у нее дрожали от волнения, ей было неприятно находиться так близко от этого мерзавца. Юбка получилась длинной, доходила Харви до пят, скрывая шнур, которым были связаны его ноги. Затем она накинула ему на плечи шаль и заколола английской булавкой. После этого она сложила платок в несколько раз, прикрыла им нижнюю часть лица и рот Харви, завязав сзади узлом на шее. И вот, наконец, надела на него маску Нэнси Рейган.

– Он был на маскараде, одетый Нэнси Рейган, и напился там до чертиков, – пояснила она присутствующим.

– А что, очень здорово получилось, – заметил мистер Оливер.

Зазвонил телефон. Джинни схватила трубку.

– Алло?

– Это Миш Делавер.

Джинни успела забыть о ней. Слишком уж много событий произошло за последние несколько часов.

– Привет, – сказала она.

– Вы были правы. Преступление совершил Харви Джонс.

– С чего вы решили?

– Связалась с полицией в Филадельфии. Они поехали к нему на квартиру. Дома его не оказалось, но сосед их впустил. Они нашли красную бейсболку, она соответствует описанию.

– Что ж, прекрасно!

– И я готова арестовать его, вот только не знаю, где он сейчас находится. А вы, случайно, не знаете?

Джинни покосилась на «Нэнси Рейган» шести футов ростом.

– Понятия не имею, – ответила она. – Но точно знаю, где он будет завтра.

– Где?

– Отель «Стоффер», зал «Ридженси». Там будет проходить пресс-конференция.

– Спасибо.

– Послушайте, Миш, могу я попросить вас об одном одолжении?

– Да?

– Не арестовывайте его до конца пресс-конференции. Для меня это крайне важно, поверьте.

Миш помолчала, потом нехотя выдавила:

– О'кей.

– Спасибо, я страшно вам признательна! – Джинни повесила трубку. – Ну все, друзья мои. Теперь давайте попробуем запихнуть его в машину.

– Идите вперед и откройте двери, – сказал мистер Оливер. – Я его приведу.

Джинни схватила ключи и сбежала по лестнице. На дворе была ночь, но звезды на небе сияли так ярко, что могли поспорить с тусклым светом уличных фонарей. Джинни внимательно оглядела улицу. Молодая парочка – оба в рваных джинсах – брела рука об руку, удаляясь от ее дома. На противоположной стороне улицы мужчина в соломенной шляпе выгуливал лабрадора. Все они, разумеется, увидят, что происходит. Но будет ли им до этого дело?

Джинни отперла дверцу машины и распахнула входную дверь. Из дома вышли Харви с мистером Оливером. Последний шел прямо за спиной у

Харви, слегка подталкивая его в спину. Харви спотыкался. Завершавшая процессию Лиза затворила за собой входную дверь.

На какую-то долю секунды вся эта сцена показалась Джинни совершенно абсурдной. Ее разобрал смех. Она даже прижала ладонь ко рту, чтобы не расхохотаться во весь голос.

Вот Харви добрел до машины, и мистер Оливер наградил его еще одним пинком. Харви почти упал на заднее сиденье.

Приступ веселости прошел, и Джинни снова оглядела улицу. Мужчина в соломенной шляпе наблюдал за тем, как его пес, задрав лапу, писает на выброшенную кем-то резиновую крышку. Молодая парочка даже не обернулась.

Что ж, пока все идет по плану.

– Я сяду сзади, с ним, – сказал мистер Оливер.

– Хорошо.

Лиза уселась рядом с Джинни, машина отъехала.

Движения на улицах ночного города было совсем немного. Они очень быстро доехали до отеля, и Джинни оставила машину в подземном гараже, поближе к лифту. Но в гараже они оказались не одни. Пришлось подождать, пока из новенького «форда-лексус» не выйдет разнаряженная пара и не пройдет в лифт. Наконец, оставшись одни, они выбрались из машины.

Джинни достала из багажника гаечный ключ, выразительно продемонстрировала его Харви, затем положила в карман джинсов. Пистолет мистера Оливера тоже был наготове – он сунул его за пояс брюк и прикрыл выбившимся краем рубашки. Они выволокли Харви из машины. Джинни ожидала, что тот сразу же окажет сопротивление, начнет вырываться, но ничего подобного не произошло. Харви покорно дошел до лифта.

Ждать его пришлось долго, каждая секунда казалась вечностью. И вот, наконец, лифт пришел. Войдя в него, Джинни нажала на кнопку первого этажа. Они поднимались, и мистер Оливер еще раз пнул Харви в живот – для верности. Джинни удивилась, ведь их пленный вел себя тихо. Харви застонал и согнулся, и в этот момент двери лифта раздвинулись. Двое мужчин в изумлении уставились на Харви. Мистер Оливер вывел Харви из лифта и извиняющимся тоном пробормотал:

– Прошу прощения, джентльмены, но молодой человек сильно перебрал. Умница, молодец!...

Второй лифт оказался рядом. Они вошли, Джинни нажала на кнопку восьмого этажа. Двери закрылись, Джинни вздохнула с облегчением.

Они без всяких происшествий поднялись на восьмой этаж. Харви успел оправиться от последнего тычка мистера Оливера, но они были уже у цели. Джинни повела их по коридору к номеру и вдруг с ужасом увидела, что дверь в него распахнута настежь, а на ручке висит табличка с надписью «Уборка помещения». Должно быть, горничная застилает свежее белье. Джинни едва не застонала от отчаяния.

И тут Харви начал вырываться, издавая приглушенные крики, бешено задергал связанными руками. Мистер Оливер пытался его утихомирить, но Харви сумел вырваться и пройти несколько шагов по коридору.

Джинни догнала его, нагнулась, обеими руками ухватила за шнур, связывающий его ноги, и потянула. Харви споткнулся, но не упал. Он продолжал сопротивляться, тянул в другую сторону. Джинни попробовала снова. *Господи, ну и здоровенный же он!* Вот он приподнял руки, собираясь ее ударить. Джинни толкнула его изо всех сил, ноги у Харви подогнулись, и он тяжело рухнул на пол.

– О Боже, что это здесь происходит? – раздался чей-то строгий голос. Из номера вышла горничная – темнокожая женщина лет шестидесяти в аккуратном форменном платье.

Мистер Оливер присел рядом с Харви на корточки, приподнял его за плечи.

– Молодой человек здорово перебрал на вечеринке, – сказал он. – До сих пор гуляет, никак не уймется! Весь лимузин мне облевал.

Ага, теперь ясно. Он исполняет роль шофера.

– Гуляет? – сказала горничная. – А мне показалось, у вас тут драка.

Мистер Оливер обернулся к Джинни:

– Не могли бы вы приподнять его за ноги, мэм?

Джинни повиновалась.

Они подняли Харви. Тот продолжал дергаться и биться. Тогда мистер Оливер, притворившись, что уронил его, успел подставить колено, и Харви рухнул прямо на него.

– Осторожней, вы же делаете ему больно! – воскликнула горничная.

– Давайте попробуем еще раз, мэм, – сказал мистер Оливер.

И вот наконец они занесли его в номер и уложили на ближнюю из двух кроватей.

Горничная вошла следом за ними.

– Надеюсь, тут он не будет блевать? – строго спросила она.

Мистер Оливер одарил ее обаятельнейшей из улыбок.

– Как же это получилось, что мы с вами прежде никогда не встречались? Потому как на хорошеньких женщин глаз у меня наметанный,

я бы такую красотку ни за что не пропустил!

– Да будет вам! – отмахнулась горничная, но в голосе ее звучали довольные нотки, она улыбнулась. – Тоже мне, нашел девчонку.

– Лично мне семьдесят один, ну а вам без малого сорок пять, верно?

– Да мне уже пятьдесят девять стукнуло! Слишком стара, чтоб выслушивать всякие там глупости.

Мистер Оливер подхватил ее под руку и галантно вывел из номера, не переставая болтать:

– Ну вот, слава Богу, с этими ребятами почти разделался. Хотите, прокачу в лимузине?

– После того, как он его облевал? Ну уж нет! – Горничная захихикала.

– Да я там почищу, приберу быстренько.

– Вот что, мистер Лимузин, дома меня ждет муж. И если б он услышал, что вы тут сейчас говорите, вам бы не поздоровилось, нет, честное слово!

– Ой-ой-ой! Спасите, помогите! – Мистер Оливер шутливо поднял руки вверх. – Я же не хотел вас обидеть, красавица вы моя. – И, изображая испуг, он попятился обратно в номер и притворил дверь.

Джинни рухнула в кресло.

– Слава Богу, получилось!

Покончив с едой, Стив поднялся и сказал:

– Что-то я устал. Пора и на боковую. – Ему не терпелось уйти в комнату Харви, остаться наконец одному – тогда вероятность разоблачения сведется к минимуму.

Пруст допил остатки виски. Беррингтон вышел проводить своих друзей к машине.

Стив сразу же понял: выдалась возможность позвонить Джинни и сообщить ей новости. Схватил телефонную трубку и набрал номер справочной. Там довольно долго никто не подходил. *Ну, давайте же, давайте побыстрей!* Наконец ему ответили, и он узнал номер отеля. Он так волновался, что первый раз набрал неправильно и попал в ресторан. Быстро набрал еще раз, ему ответил дежурный.

– Я хотел бы поговорить с доктором Джинни Феррами, – сказал он.

Стив услышал в трубке знакомый голос, и как раз в этот момент в кабинет вошел Беррингтон.

– Привет, Линда, это Харви, – сказал Стив.

– Стив, ты?

– Да. Решил остаться ночевать у папы. Уже слишком поздно, да и ехать далеко.

– Ради Бога, Стив, у тебя все в порядке?

– Есть одно дельце, но и с ним справимся. Как прошел день, дорогая?

– Удалось затащить его в номер. Было не просто, но у нас получилось.

Лиза связалась с Джорджем Дассолтом. Он обещал прилететь, так что завтра вас будет трое.

– Здорово! Ну ладно, мне пора. Хочу пораньше лечь спать. Надеюсь, мы встретимся завтра? Ты как, не против, детка?

– Удачи тебе.

– Тебе тоже. Спокойной ночи.

Беррингтон игриво подмигнул.

– Горячая малышка?

– Тепленькая.

Беррингтон достал из коробочки несколько пилюль, проглотил, запил виски. Заметив, как покосился на него Стив, объяснил:

– Мягкое снотворное. Иначе просто не заснуть после всей этой нервотрепки.

– Доброй ночи, отец.

Беррингтон обнял Стива за плечи.

– Доброй ночи, сынок, – сказал он. – Не волнуйся, мы с тобой прорвемся.

Похоже, этот Беррингтон действительно любит своего поганца-сына, подумал Стив. И на секунду даже почувствовал себя виноватым – за то, что обманывает столь любящего папашу. А потом вдруг понял: он не знает, где находится его спальня.

Он вышел из кабинета и прошел по коридору несколько шагов – туда, где видел ряд дверей, ведущих, как ему показалось, в спальни. Но вот попробуй угадай, которая из них Харви? Он оглянулся и понял, что Беррингтон из кабинета его сейчас не видит. И осторожно, быстро, стараясь не шуметь, открыл ближайшую к нему дверь. Там была просторная ванная с душем, раковиной и биде. Он тихо прикрыл дверь. Рядом находился чулан с полотенцами и постельным бельем. Стив попробовал дверь напротив. Она открывалась в большую спальню с двуспальной кроватью и множеством встроенных шкафов. На вешалке висел темный костюм в мелкую полоску, окутанный полиэтиленом. Видно, только что получен из химчистки. Вряд ли Харви носит такие строгие костюмы в полоску. Он уже собирался было бесшумно затворить и эту дверь, как вдруг, к ужасу своему, услышал за спиной голос Беррингтона:

– Что это тебе понадобилось в моей комнате?

Стив отдернул руку и состроил виноватую мину. *Что же ему ответить, черт побери?* Слова пришли сами:

– Мне не в чем спать.

– С каких это пор ты стал спать в пижаме?

Стив никак не мог разобраться, звучало ли в голосе Беррингтона подозрение или просто удивление. И он ответил:

– Какая, к черту, пижама? Просто подумал, может, у тебя найдется просторная майка?

– Ну, на такие широкие плечи, как у моего мальчика, вряд ли. – И Беррингтон, к облегчению Стива, рассмеялся.

Он пожал плечами:

– Ладно, обойдусь. – И двинулся дальше по коридору.

В самом конце его по обе стороны были две двери. За одной из них и есть, наверное, спальня Харви. За другой, судя по всему, комната служанки.

Но вот какая из них чья?

Стив замедлил шаг в надежде, что Беррингтон скроется в своей комнате прежде, чем он сделает выбор. Дойдя до конца коридора, он

осторожно обернулся. Беррингтон все еще маячил там.

– Спокойной ночи, пап.

– Спокойной ночи.

Левая или правая? Бог ее знает. Придется действовать наугад.

Стив отворил дверь справа. Майка для игры в регби на спинке кресла, на кровати магнитофон, на письменном столе номер «Плейбоя». *Комната Харви. Слава Богу!...*

Он вошел и закрыл за собой дверь каблуком ботинка. И привалился к ней спиной, испытывая слабость и невероятное облегчение.

Через минуту он разделся и лег в кровать. Ему было противно находиться в постели Харви, в комнате Харви, в доме отца Харви. Он выключил свет и лежал без сна, прислушиваясь к звукам незнакомого ему дома. Он слышал чьи-то шаги, слышал, как открывались и закрывались двери, шумела вода в ванной. Потом наконец все стихло.

Он задремал, но вскоре неожиданно проснулся. *В комнате был кто-то еще!...*

Он почувствовал аромат каких-то цветочных духов с примесью запаха чеснока и специй. А потом увидел на фоне окна очертания фигуры. Марианна, служанка.

Не успел он сказать ни слова, как она оказалась в постели рядом с ним.

– Привет! – шепнул Стив.

– Я все сделаю, как ты любишь, – шепнула в ответ девушка, и в голосе ее он уловил страх.

– Нет, – сказал он и оттолкнул ее, когда она, подняв простыню, прильнула к его телу. Он почувствовал, что она голая.

– Только не бей меня сегодня, пожалуйста, Харви!... – говорила она с сильным французским акцентом.

Стив тут же все понял. Марианна иммигрантка, и Харви, очевидно, так запугал ее, что бедняжка готова на что угодно, лишь бы ему угодить. Интересно все же, как ему сходили с рук побои и издевательства над несчастной, если учесть, что в соседней комнате спал его отец? Неужели она не кричала, не плакала? И тут Стив вспомнил о снотворном. Беррингтон спал так крепко, что крики девушки не могли его разбудить.

– Я не собираюсь обижать тебя, Марианна, – сказал он. – Успокойся.

Она начала покрывать поцелуями его лицо.

– Пожалуйста, будь со мной добрым. Сделаю все, что ты хочешь, только не бей меня!

– Марианна, – строго произнес он, – немедленно успокойся! Лежи тихо.

Она испуганно застыла. Стив обнял ее за худенькие плечи. Кожа у нее была нежная, теплая.

– Полежи вот так, тихо, и успокойся, – произнес он, поглаживая ее по спине. – Никто больше не будет тебя бить, обещаю.

Она вся напряглась в ожидании удара, но затем постепенно расслабилась. И придвинулась поближе к нему.

Стив почувствовал, что у него эрекция. Она была непроизвольной, он ничего не мог с этим поделать. Он понимал, что вполне может заняться с ней любовью. Господи, какое же это искушение – лежать вот так, сжимая в объятиях ее маленькое дрожащее тело. И никто ни о чем не узнает. К тому же она ждет от него именно этого. И будет немало удивлена его страсти и нежности. Да, с ней можно провести так всю ночь, до утра.

Он вздохнул. Этого делать нельзя. Она пришла к нему не добровольно. В постель к нему ее толкнул страх, а не желание. *Да, Стив, ты можешь ее трахнуть, можешь использовать эту несчастную, запуганную девушку, которая считает, что у нее просто нет выбора. И это будет низким поступком. Ты бы сам презирал мужчину, который пошел бы на это.*

– Ну, тебе лучше? – спросил он.

– Да...

– Тогда иди к себе и ложись спать.

Она прикоснулась к его лицу, потом легко и нежно поцеловала в губы. Он крепко прижался к ним и дружески погладил ее по голове.

Она смотрела на него в полутьме...

– Ты не он, да? – еле слышно прошептала она.

– Да, – сказал Стив. – Я не он.

Через секунду она ушла.

Почему я не он? Потому что воспитан по-другому? Черт побери, нет! Я мог бы ее трахнуть. Я мог бы притвориться Харви. Но я не он, потому что не хочу им быть. И в данный момент мои родители совершенно ни при чем, я сам принял такое решение. Спасибо вам за помощь, мама и папа, но это я отправил ее отсюда, а не вы. Меня создал не Беррингтон. И не вы тоже. Я сам себя таким сделал.

Понедельник

Стив проснулся, словно от толчка.

Где я?

Кто-то тряс его за плечо. Какой-то мужчина в полосатой пижаме. Это был Беррингтон Джонс. И тут Стив все вспомнил.

– Только, пожалуйста, оденься на пресс-конференцию поприличнее, – сказал Беррингтон. – В шкафу есть рубашка, ты оставил ее недели две тому назад. Марианна постирала ее и погладила. Потом зайди ко мне, выберем тебе галстук. – С этими словами Беррингтон вышел.

Он говорит с сыном, как с непослушным, своенравным ребенком, подумал Стив, поднимаясь с постели. За каждой фразой угадывалась еще одна, недоговоренная: «И не смей со мной спорить!» Что ж, такая манера вполне его устраивала. Можно отделяться односложными ответами, не боясь себя выдать.

Было восемь утра. Стив прошел через коридор в ванную. Принял душ, побрился бритвой, обнаруженной в шкафчике. Делал он все не спеша, оттягивая момент появления в комнате Беррингтона.

Но медлить больше было нельзя. Овернув вокруг талии полотенце, он направился в спальню Беррингтона. Там его не оказалось. Стив открыл шкаф. Все галстуки у Беррингтона были какие-то слишком классические: из блестящего шелка, в мелкую полоску, крапинку, с растительным узором. Ничего современного. Наконец Стив выбрал один, с широкими горизонтальными полосками. Белье тоже нужно. Трусы были сложены аккуратной стопкой. Ростом он значительно выше Беррингтона, но объем талии у них примерно одинаковый. И Стив взял простые синие трусы.

Он одевался и готовился к очередному испытанию. Ничего, твердил он про себя, еще несколько часов – и все кончится. Подозрения Беррингтона придется усыплять часов до двенадцати с небольшим, до того момента, когда Джинни вмешается в ход пресс-конференции. Стив глубоко вздохнул и вышел в коридор.

Он уловил доносившийся с кухни аромат жареного бекона и двинулся туда. Марианна, стоявшая у плиты, уставилась на Стива широко раскрытыми глазами. На секунду его охватила паника: ведь Беррингтон может заметить это ее выражение. Заметит и спросит, что случилось, а бедняжка настолько запугана, что тут же выложит ему всю правду. Но Беррингтон смотрел новости Си-эн-эн по маленькому телевизору, да и не

такой он был человек, чтобы обращать внимание на настроение служанки.

Стив сел за стол, Марианна налила ему кофе и сока. Он ободряюще улыбнулся ей. Беррингтон поднял руку, призывая присутствующих к молчанию – диктор начал зачитывать блок новостей о «Дженетико»:

«Майкл Мейдиган, исполнительный директор североамериканского отделения компании «Ландсманн», сообщил вчера, что заключительная стадия переговоров по передаче компании успешно завершена. Подписание сделки состоится сегодня на пресс-конференции в Балтиморе. Сегодня с раннего утра стоимость акций «Ландсманна» на Франкфуртской финансово-промышленной бирже выросла на пятьдесят пфеннигов. Объемы торгов «Дженерал моторс» составляют...»

В дверь позвонили, и Беррингтон приглушил звук. Выглянул из окна и сказал:

– Там полицейский автомобиль.

Стив так и похолодел от страха. Что, если Джинни все-таки дозвонилась до Миш Делавер? Дозвонилась и рассказала все, что узнала о Харви, и полиция решила его арестовать... И теперь Стиву придется отрицать, что он Харви Джонс, – и это несмотря на то, что он, одетый в одежду Харви, сидит на кухне в доме у отца Харви и поедает булочки с черничным джемом, которые подала ему на завтрак служанка Харви.

Меньше всего ему хотелось обратно в тюрьму.

Но это еще не самое худшее. Если его сейчас арестуют, он не сможет присутствовать на пресс-конференции. Если больше никто из клонов там не появится, у Джинни будет один Харви. А один близнец сам по себе еще ничего не доказывает.

Беррингтон встал и направился к двери.

– Что, если они за мной? – спросил Стив.

На Марианну было страшно смотреть – так она испугалась.

– Скажу, что тебя здесь нет, – бросил Беррингтон и вышел из комнаты.

Стив не слышал, о чем они говорили. Сидел, как приклеенный к стулу, не ел и не пил. Марианна тоже застыла у плиты.

Наконец Беррингтон вернулся.

– Вчера у нас ограбили троих соседей, – сказал он. – Так что, можно считать, нам здорово повезло.

Всю ночь Джинни и мистер Оливер дежурили посменно, один охранял

Харви, другой спал. А потому ни один толком не выспался. Зато Харви отоспался всласть – всю ночь прохрапел с кляпом во рту.

Утром они по очереди помылись в ванной. Джинни переоделась в белую блузку и черную юбку, чтобы ее можно было принять за официантку, – эту одежду она захватила из дома.

Завтрак они заказали в номер. Официанта решили в комнату не впускать, чтобы он не увидел на кровати связанного Харви. И мистер Оливер подписал чек у двери со словами:

– Моя жена раздета, поднос возьму сам.

Мистер Оливер напоил Харви апельсиновым соком, поднося стакан к его рту. Джинни в это время стояла у него за спиной, готовая врезать гаечным ключом Харви по голове, если он будет капризничать.

Джинни с нетерпением ждала звонка Стива. Что с ним происходит? Ночь ему пришлось провести в доме Беррингтона. Не выдал ли он себя?...

В девять приехала Лиза, привезла распечатку заявления для прессы. И тут же отправилась в аэропорт встречать Джорджа Дассолта и других клонов, которые могли появиться. Ни один из троих им не позвонил.

Зато в девять тридцать позвонил Стив.

– Долго говорить не могу, – торопливо бросил он в трубку. – Беррингтон в ванной. У меня все в порядке. Еду на конференцию вместе с ним.

– Он ничего не заподозрил?

– Нет, хотя несколько напряженных моментов было. Как мой двойник?

– Тише воды, ниже травы.

– Все, мне пора.

– Стив?

– Что? Быстрее!

– Я люблю тебя. – Она повесила трубку. *Не стоило этого говорить. Девушка не должна первой признаваться в любви. Да черт с ними, с условностями!*

В десять она отправилась на разведку, посмотреть, где находится зал «Ридженси». Выяснилось, что это угловая комната с небольшим вестибюлем и дверью, ведущей в приемную. Какой-то фоторепортер уже вертелся там, подбирая подходящий ракурс для съемок на фоне логотипа «Дженетико».

Джинни огляделась, потом вернулась в номер.

Позвонила Лиза из аэропорта.

– Плохие новости, – сказала она. – Рейс из Нью-Йорка запаздывает.

– О Господи! – воскликнула Джинни. – Ну а другие? Хэнк или Уэйн?

- Их нет.
- На сколько опаздывает самолет Джорджа?
- Ожидают в одиннадцать тридцать.
- Еще сможете сюда успеть.
- Будем мчаться, как ветер.

В одиннадцать Беррингтон вышел из спальни, поправляя лацканы пиджака. На нем был черный костюм-тройка в еле заметную светлую полоску, белая рубашка с широкими французскими манжетами – немного старомодная, но очень эффектная.

– Пора ехать, – сказал он.

Стив надел спортивный твидовый пиджак Харви. Сидел он на нем, разумеется, превосходно.

Они вышли на улицу. Пожалуй, слишком тепло для таких нарядов. Уселись в серебристый «линкольн» и тут же включили кондиционер. Беррингтон ехал быстро, направляясь к центру города. К радости и облегчению Стива, он был слишком поглощен вождением и почти не говорил. И вот они въехали в подземный гараж.

– Для освещения этого торжественного события «Дженетико» пришлось нанять специальную фирму по связям с общественностью, – сказал он Стиву, когда они поднимались в лифте. – Нашему отделу с этой задачей не справиться.

Они направились к залу «Ридженси», где их встретила красиво причесанная дама в черном костюме.

– Я Карен Бимиш из «Тотал комьюникейшнс», – представилась она. – Не желаете ли пройти в приемную для VIP-персон? – И она проводила их в небольшое помещение, где на столах были расставлены закуски и напитки.

Стиву начинало все это надоедать. Хотелось заглянуть в конференц-зал, но и там тоже, наверное, нет ничего интересного. Придется набраться терпения. Главное, что пока все в порядке: Беррингтон верит в то, что он – Харви.

В приемной уже собралось человек шесть-семь, в том числе Пруст и Барк. Рядом с Прустом маячил мускулистый молодой человек в черном костюме, по всей видимости, его телохранитель. Беррингтон представил Стива Майклу Мейдигану, главе североамериканского отделения компании «Ландсманн».

Беррингтон, явно нервничая, отпил глоток белого вина. Самому Стиву страшно хотелось martinis – причин нервничать у него было куда больше, чем у Беррингтона. Но он решил воздержаться: алкоголь расслабляет. Он не

мог позволить себе расслабиться ни на секунду. Взглянул на часы, которые снял с руки Харви. Без пяти двенадцать. *Еще несколько минут, и все это закончится. И вот тогда я смогу позволить себе мартини.*

Карен Бимиш похлопала в ладоши, призывая собравшихся к вниманию, и спросила:

– Вы готовы, джентльмены? – Ответом были одобрительные возгласы и кивки. – Тогда, пожалуйста, идите и рассаживайтесь. Все, кроме тех, кто будет выступать.

Ну все! Я справился. Все закончилось.

Беррингтон обернулся к Стиву и сказал:

– До свиданья, милое создание! – И выжидательно уставился на него.

– Ага, – буркнул в ответ Стив.

Беррингтон усмехнулся:

– Что это значит – «ага»? А ну-ка, отвечай, как положено!

Стив похолодел. Он понятия не имел, что имеет в виду Беррингтон. Очевидно, это какая-то условная фраза, игра слов, знакомая только близким. Каков же ответ? Стив чертыхнулся про себя. Пресс-конференция сейчас начнется, ему надо продержаться всего несколько секунд.

Беррингтон, недоуменно хмурясь, не сводил с него глаз. Стив почувствовал, что на лбу у него выступили капельки пота.

– Ты ведь не мог забыть... – протянул Беррингтон, и Стив заметил, как подозрительно блеснули у него глаза.

– Конечно, нет! – с деланной веселостью воскликнул Стив. Он слишком быстро ответил, слишком быстро, сейчас он себя выдаст.

Теперь к их разговору прислушивался и сенатор Пруст.

– Ну так давай говори, как там дальше, – сказал Беррингтон. И Стив заметил, как он выразительно покосился на охранника Пруста, а тот заметно напрягся.

– Увидимся снова, сеньор Казанова! – отчаянно выпалил Стив.

На секунду в приемной настала полная тишина. Затем Беррингтон бросил:

– А что, очень даже недурно! – И рассмеялся.

Стив тут же успокоился. Должно быть, это у них такая игра, всякий раз надо придумывать новый ответ. На лице его отразилось облегчение, и, чтобы скрыть его, он поспешно отвернулся.

– Пора, господа, мы начинаем! – подгоняла присутствующих Карен Бимиш.

– Сюда, – сказал Пруст Стиву. – Ты ведь не будешь выходить на сцену. – Он отворил какую-то дверь, и Стив шагнул туда.

И оказался в ванной комнате. Овернулся и удивленно произнес:

– Но это же не...

Следом за ним в ванную вошел телохранитель Пруста. И не успел Стив понять, что происходит, как верзила нанес ему болезненный удар в солнечное сплетение.

– Поднимешь шум, руки-ноги пообрываю! – пригрозил здоровяк.

Следом за телохранителем в ванную шагнул Беррингтон, за ним скользнул Пруст и затворил за собой дверь. Телохранитель крепко держал Стива.

Беррингтон просто кипел от негодования.

– Ты, чучело гороховое! – злобно прошипел он. – Ты который из них? Наверное, Стив Логан, да?

Юноша пытался сохранить присутствие духа.

– Что происходит, отец?

– Заткнись! Игра окончена! Где мой сын?

Стив не ответил.

Джим спросил:

– Берри, что, черт возьми, происходит?

Беррингтон пытался взять себя в руки.

– Это не Харви, – сказал он Джиму. – Это один из других клонов, по всей вероятности – Логан. Изображает из себя Харви со вчерашнего вечера. А Харви они захватили и, должно быть, держат где-то под замком.

Джим поблел.

– Но это значит... все, что он рассказал нам о намерениях Джинни Феррами, вранье, да?

Беррингтон мрачно кивнул:

– Наверное, она решила провести на пресс-конференции нечто вроде акции протеста.

– Но не перед камерами же! – воскликнул Пруст.

– Я бы на ее месте поступил именно так. А ты разве нет?

Пруст на секунду задумался.

– Теперь все зависит от Мейдигана. Сумеет ли он сохранить спокойствие?

Беррингтон покачал головой:

– Трудно сказать. Если отложит подписание в последнюю минуту, будет выглядеть просто глупо. С другой стороны, еще большей глупостью будет выплата ста восьмидесяти миллионов долларов компании, которую того и гляди привлекут к суду. Так что не знаю.

– В таком случае нам надо быстро найти эту Феррами и остановить ее!

– Она могла поселиться в этом отеле. – Беррингтон схватил телефон, стоявший возле туалета. – Это профессор Джонс. Я прибыл на пресс-конференцию в зале «Ридженси», – повелительным тоном произнес он. – Мы ждем доктора Феррами. В каком она номере?

– Извините, но нам не разрешено сообщать номера комнат, сэр. – Беррингтон уже был готов взорваться, когда девушка добавила: – Хотите, чтобы я соединила вас с ней?

– Да, разумеется. – В трубке послышались гудки. Ответил мужчина, судя по голосу – пожилой. Беррингтон с ходу сымпровизировал: – Вас беспокоят из прачечной. Ваше белье готово, мистер Бленкинсоп.

– Я не отдавал в стирку никакого белья.

– О, простите, сэр, должно быть, я не туда попал. Это какой номер? – Он затаил дыхание.

– Восемьсот двадцать первый.

– А мне нужен восемьсот двенадцатый. Прошу прощения.

– Ничего.

Беррингтон повесил трубку.

– Номер восемьсот двадцать первый, – возбужденно произнес он. – Харви наверняка там.

– Но пресс-конференция уже начинается, – сказал Пруст. – Мы можем опоздать.

Беррингтон колебался, не зная, как лучше поступить. Ему не хотелось откладывать встречу ни на секунду, но прежде надо было выяснить намерения Джинни. Затем он сказал Джиму:

– Почему бы тебе не побыть на сцене с Мейдиганом и Престоном? А я попробую разыскать Харви и остановить Джинни Феррами.

– Ладно.

Беррингтон покосился на Стива.

– Неплохо было бы взять с собой охранника. Но и этого негодяя нельзя оставлять одного.

– Нет проблем, сэр, – сказал телохранитель. – Прикую его наручниками к трубе, и все дела.

– Прекрасно. Действуйте!

Беррингтон с Прустом вернулись в зал приемов. Мейдиган подозрительно уставился на них.

– Что-то случилось, джентльмены?

– Небольшая проблема, связанная с безопасностью, Майк. Беррингтон все утрясет, а мы пока что начнем.

Мейдиган еще больше насторожился.

– С безопасностью?

– Джинни Феррами, женщина, которую я на прошлой неделе уволил с работы, находится в отеле, – сказал Беррингтон. – Может затеять скандал. Просто хочу позаботиться о том, чтобы доступ в зал ей был перекрыт.

Мейдигана, похоже, удовлетворило это объяснение.

– Что ж, идемте, – сказал он. И вместе с Барком и Прустом прошел в зал «Ридженси».

Телохранитель появился из ванной, они с Беррингтоном поспешно вышли в коридор и вызвали лифт. Беррингтон сгорал от нетерпения и беспокойства. Он никогда не был человеком действия. Он привык к другого рода сражениям – на советах директоров и университетских комитетах. И он от души надеялся, что дело не дойдет до рукоприкладства.

Они поднялись на восьмой этаж и нашли номер восемьсот двадцать один. Беррингтон постучал в дверь.

– Кто там? – спросил мужской голос.

– Техническое обслуживание, – ответил Беррингтон.

– У нас все в порядке.

– Мы хотели бы проверить ванну, сэр.

– Зайдите попозже.

– Но возникла одна проблема, сэр.

– Я сейчас занят. Зайдите через час.

Беррингтон взглянул на телохранителя.

– Сумеете выбить эту дверь?

Тот кивнул. Затем вдруг глянул через плечо Беррингтона, и на лице его отразилось сомнение. Проследив за направлением его взгляда, Беррингтон увидел, что из лифта вышла пожилая пара с сумками для покупок. Они медленно направились по коридору к номеру восемьсот двадцать первому. Пришлось подождать, пока они пройдут. Пара остановилась у двери в номер восемьсот тридцатый. Муж поставил сумку на пол, долго искал ключ, потом вставил его в замок и открыл дверь. Через секунду они исчезли в своем номере.

Телохранитель навалился на дверь. Деревянная рама треснула, но дверь держалась. Внутри слышалась какая-то возня, шаги. Телохранитель изо всей силы пнул дверь – и вот она распахнулась. Здоровяк ворвался внутрь, за ним последовал Беррингтон.

Перед ними стоял пожилой темнокожий мужчина и целился в них из пистолета со странно длинным стволом.

– Руки вверх! Закрывать дверь! Оба два шага вперед и лечь лицом вниз! Лежать, иначе пристрелю на месте! – грозно скомандовал мужчина. –

После того, как вы посмели ворваться сюда таким беспардонным образом, ни один суд в Балтиморе не признает меня виновным в убийстве!

Беррингтон покорно поднял руки. Внезапно с кровати сорвалась какая-то бесформенная фигура. Беррингтону удалось разглядеть в ней Харви. Руки и ноги у него были связаны, во рту кляп. Мужчина тут же прицелился в него. Беррингтон испугался, что сейчас тот выстрелит в его сына.

– Нет! – отчаянно воскликнул он.

Чернокожий старик замешкался всего на долю секунды, и Харви выбил у него пистолет связанными руками. Телохранитель рванулся вперед, подхватил оружие и прицелился в старика. Беррингтон перевел дух.

Старик медленно поднял руки вверх. Телохранитель подскочил к телефону.

– Службу охраны отеля в номер восемьсот двадцать один! – бросил он в трубку. – Здесь вооруженный человек, он опасен!

Беррингтон огляделся. Джинни в номере не было.

Джинни в белой блузке и черной юбке вышла из лифта с подносом в руках. На подносе был чай, который она заранее заказала в номер. Сердце у нее бешено колотилось. Быстрой походкой официантки она вошла в зал «Ридженси».

В маленьком вестибюле сидели за столиками две девушки с какими-то списками. У двери в зал стоял охранник и болтал с ними. По всей видимости, его задачей было не пускать в зал без приглашений. Но вряд ли это распространяется на официантку с подносом, решила Джинни. Она изобразила на лице улыбку и решительно направилась к двери в зал.

– Эй! – окликнул ее охранник. Она обернулась.

– Там и без того хватает кофе и разных напитков.

– Но это жасминный чай, по специальному заказу.

– Для кого?

– Для сенатора Пруста! – выпалила Джинни. Оставалось лишь надеяться, что Пруст там.

– Ладно, проходите.

Она еще раз улыбнулась, открыла дверь и вошла.

В дальнем конце зала сидели за столом на возвышении трое мужчин в строгих костюмах. На столе лежали папки с документами. Один из мужчин произносил речь. Слушателей было человек сорок, среди них люди с блокнотами, миниатюрными магнитофонами и телевизионными камерами.

Джинни двинулась к столу. Рядом с возвышением стояла женщина в черном костюме и красивых очках, к лацкану ее пиджака была пришпилена

пластиковая карточка:

«Карен Бимиш
"Тотал комьюникейшнс"».

Джинни где-то видела ее раньше. Эта дама – специалист по связям с общественностью. Она покосилась на Джинни, но останавливать ее не стала, очевидно, подумала, что та выполняет персональный заказ кого-то из гостей.

Перед мужчинами, сидящими за столом, стояли таблички с именами. Джинни узнала сенатора Пруста – он сидел справа. Тот, что слева, – Престон Барк. А выступавшего сейчас мужчину звали Майкл Мейдиган.

– «Дженетико» – это не просто уникальная компания по разработке биотехнологий... – монотонно бубнил он.

Джинни улыбнулась и поставила перед ним поднос. Он удивленно приподнял брови и на секунду умолк. Джинни обернулась к присутствующим.

– Я должна сделать одно очень важное заявление, – сказала она.

Стив сидел на полу в ванной, его левая рука была прикована наручниками к трубе, отходящей от раковины. Он был в ярости и отчаянии. Беррингтон раскусил его за несколько секунд до начала пресс-конференции. Теперь, наверное, ищет Джинни, и, если найдет, весь их план пойдет к чертям собачьим. Он, Стив, должен предупредить ее!...

В своей верхней части труба прилегала к стоку из раковины, затем изгибалась в форме буквы «S» и исчезала в стене. Изогнувшись всем телом, Стив примерился и резко пнул трубу ногой. Труба, а вместе с ней и все сооружение содрогнулись. Он пнул еще раз. Известковый раствор в том месте, где труба исчезала в стене, начал крошиться и осыпаться. Стив ударил по трубе еще несколько раз. Штукатурка осыпалась, но сама труба выдержала.

Выдохшийся и разочарованный, Стив взгляделся в то место, где труба соединялась с раковиной. Может, это место окажется слабее? Он ухватился за трубу обеими руками и бешено ее затряс.

Потом всмотрелся в S-образный изгиб. Непосредственно над ним трубу обвивал воротничок с насечкой. Слесари-сантехники снимали его, если им надо было прочистить водосток в месте изгиба, но делали они это с помощью специального инструмента. Стив подтянул руку к воротничку, плотно обхватил его пальцами и попытался отвернуть. Пальцы скользили,

рука покрылась ссадинами.

Тогда он постучал по раковине снизу. Сделана она была из искусственного мрамора – довольно крепкое сооружение. Он снова всмотрелся в то место, где труба соединялась со стоком. Если разбить раковину в этом месте, то трубу можно выдернуть, а уж затем снять с нее наручники и освободиться.

Он пристроился поудобнее и снова стал наносить удары ногой.

Джинни сказала:

– Двадцать три года назад «Дженетико» провела незаконные и безответственные эксперименты на восьми ничего не подозревающих американках. Все эти женщины были женами армейских офицеров. – Она оглядела зал, надеясь увидеть Стива, но его не было. Черт, куда же он подевался? Он должен быть здесь, ведь он – доказательство!

Карен Бимиш неуверенным, дрожащим голосом заметила:

– Это сугубо частное мероприятие. Прошу вас немедленно уйти.

Джинни не обратила на ее слова ни малейшего внимания.

– Все эти женщины проходили курс лечения в одной из клиник «Дженетико» в Филадельфии. Им объяснили, что их будут лечить гормонами от бесплодия. – Джинни сделала паузу, потом гневно продолжила: – Но этих женщин без их ведома оплодотворили эмбрионами совершенно посторонних людей.

Эти слова вызвали заметное оживление в группе журналистов и телевизионщиков. Они заинтересовались, подумала Джинни.

И, повысив голос, продолжила:

– Престон Барк, ученый, ответственный за все это, так увлекся своими изысканиями в клонировании, что поделил эмбрион не один, а целых семь раз, получив, таким образом, восемь идентичных эмбрионов, которые и пересадил ничего не подозревающим женщинам.

Внезапно Джинни заметила Миш Делавер – та сидела в самом заднем ряду и наблюдала за происходящим с насмешливым недоумением. А вот Беррингтона в зале не было. Странно, подумала Джинни, и под ложечкой у нее заныло от дурного предчувствия.

Престон Барк поднялся со своего места.

– Леди и джентльмены, прошу прощения за это недоразумение. Нас предупреждали, что эта женщина может устроить скандал, попытаться сорвать нашу встречу.

Но Джинни не растерялась.

– Этот преступник хранил свою постыдную тайну на протяжении

двадцати трех лет. Вообще-то соучастников было трое – Престон Барк, сенатор Пруст и профессор Беррингтон Джонс. Именно последние двое делали все, что в их силах, чтобы сохранить тайну, я знаю это по собственному горькому опыту.

Карен Бимиш говорила с кем-то по внутреннему телефону. Джинни расслышала обрывок фразы:

– Немедленно пришлите сюда охранников из отдела безопасности!...

Под подносом Джинни прятала пачку заявлений для прессы, написанных ею и размноженных потом Лизой на ксероксе.

– Все подробности и детали здесь, – сказала она и начала раздавать листки, продолжая свою обличительную речь. – Итак, на свет появились восемь клонов, семеро из них живы до сих пор. Их сразу можно узнать, потому что они похожи, как две капли воды.

По выражению лиц журналистов она поняла, что достигла своей цели. Она покосилась на троицу за столом. Физиономия у Пруста была мрачнее тучи, при взгляде на Престона Барка можно было подумать, что его того гляди хватит удар.

По плану как раз в этот момент в зал должен был войти мистер Оливер с Харви, чтобы все видели, как последний похож на Стива. Ну и еще Джордж Дассолт. Но никто из них так и не появился. *О Боже, ну почему их нет, почему?...*

Джинни продолжала говорить:

– Вы бы приняли их за идентичных близнецов. И действительно, у всей этой восьмерки идентичные ДНК, но родились они от восьми разных матерей. Я изучаю близнецов, и расследование всей этой позорной истории началось с загадки: как могли появиться близнецы у разных матерей?

Дверь в дальней части зала распахнулась, Джинни подняла глаза в надежде увидеть одного из клонов. Но это был Беррингтон, он ворвался в зал, запыхавшийся и донельзя возбужденный.

– Леди и джентльмены, эта дама страдает нервным расстройством, к тому же ее совсем недавно уволили с работы. Она работала над проектом, который субсидировала компания «Дженетико», и после увольнения решила мстить. Только что здесь, в отеле, охрана арестовала одного из ее сообщников. Прошу у вас немного терпения. Сейчас эту смутьянку выведут из зала, и тогда мы продолжим пресс-конференцию.

Джинни была потрясена. Где же мистер Оливер и Харви? И что случилось со Стивом? Ведь слова ее, не подкрепленные свидетельствами, ничего не значили. У нее осталось каких-то несколько секунд. Неким непостижимым образом Беррингтону удалось провалить ее план.

В зал вбежал охранник в униформе и заговорил с Беррингтоном. Джинни в отчаянии обернулась к Майклу Мейдигану. Тот сидел с непроницаемым выражением лица. И она поняла: этот человек из тех, кому претит любое вмешательство в хорошо отлаженный процесс. И все равно надо попытаться.

– Я вижу перед вами бумаги, мистер Мейдиган, – сказала она. – Очевидно, это контракт. Не считаете ли вы нужным проверить всю эту историю прежде, чем его подписать? Ну, предположите всего на секунду, что я права. Вы представляете, какого размера иски могут предъявить вам эти восемь пострадавших женщин?

Мистер Мейдиган ответил мягко и тихо:

– Я, знаете ли, не имею привычки принимать деловые решения, основываясь на высказываниях сумасшедших.

Журналисты дружно расхохотались, Беррингтон заметно приободрился. Охранник двинулся к Джинни. Она вновь обратилась к собравшимся:

– Я надеялась показать вам двух или трех клонов, как доказательство. Но они... они не пришли.

Журналисты снова засмеялись.

«Все кончено, – с горечью подумала Джинни. – Я проиграла».

Охранник крепко взял ее под руку и начал подталкивать к двери. Она могла бы, конечно, оказать ему сопротивление, но не было смысла.

Она прошла мимо Беррингтона и увидела на его лице улыбку. На глазах Джинни выступили слезы, но она поборола приступ слабости и направилась к двери с высоко поднятой головой. «Ну и черт с вами со всеми! – подумала она. – Придет день, и вы поймете, что правда на моей стороне».

За спиной она услышала голос Карен Бимиш:

– Мистер Мейдиган, желаете взять слово прямо сейчас?

Джинни с охранником подошли к двери, и вдруг она распахнулась. В зал вошла Лиза. Джинни тихо ахнула – следом за ней шел один из клонов!

Должно быть, это Джордж Дессолт. Он все-таки приехал! Но одного недостаточно, их должно быть как минимум двое. Если б только Стив мог оказаться здесь или мистер Оливер с Харви...

И тут сердце ее бешено застучало. В зал вошел второй клон. Наверное, это Генри Кинг. Джинни стряхнула руку охранника.

– Смотрите! – закричала она. – Смотрите! Вы их видите?

Едва успела она произнести эти слова, как вошел третий клон. Черные волосы свидетельствовали, что это Уэйн Стэттнер.

– Видите?! – кричала Джинни. – Вот они! Это идентичные близнецы!

Все камеры дружно нацелились на вновь прибывших. Замигали вспышки, фотографы спешили запечатлеть на пленку эффектное зрелище.

– Я же вам говорила! – с торжеством воскликнула Джинни. – А теперь спросите, кто их родители? Они не тройняшки, нет, их матери даже ни разу не встречались. Спросите их сами. Ну же, спрашивайте!...

Только тут она поняла, что слишком возбуждена, и сделала над собой усилие, стараясь успокоиться, но это оказалось непросто. И еще она чувствовала себя на вершине счастья. К трем клонам подскочили несколько репортеров, им не терпелось задать вопросы. Охранник снова взял Джинни под руку, но теперь их со всех сторон обступила толпа.

Среди гула голосов слышался голос Беррингтона – он пытался перекрычать собравшихся:

– Леди и джентльмены, минуту внимания! – Начал он сердито, но потом немного сник. – Нам все же хотелось бы продолжить пресс-конференцию!...

Но все было без толку. На него никто не обращал внимания. Профессиональный интерес пересилил, и журналисты обступили Джинни и клонов.

Уголком глаза Джинни заметила, как сенатор Пруст тихонько выскользнул из комнаты.

Какой-то молодой человек сунул ей в лицо микрофон и спросил:

– Как вам удалось узнать об этих преступных экспериментах?

Джинни откашлялась и сказала:

– Я доктор Джин Феррами, я ученый и до недавнего времени работала в университете Джонс-Фоллз на кафедре психологии. В ходе исследований я наткнулась на группу людей, которые обладали всеми характеристиками и признаками идентичных близнецов, но не являлись родственниками. Меня это заинтересовало. И я начала выяснять, как такое могло случиться. Беррингтон Джонс испугался, что раскроется правда, и добился моего увольнения из университета. Но несмотря на его попытки помешать мне, я все же обнаружила, что появление клонов стало результатом экспериментов, проведенных «Дженетико». – Она оглядела зал.

Где же Стив?...

Стив пнул трубу еще раз, и она вывалилась из отверстия в раковине вместе с мелкими осколками искусственного мрамора. Он подналег, отвел ее от раковины, наручники соскользнули. Освободившись, он поднялся на ноги.

Потом сунул левую руку в карман, чтобы никто не видел болтавшихся на запястье наручников, и вышел из ванной. В приемной не было ни души.

Не совсем уверенный в том, где располагается конференц-зал, он вышел в коридор. Рядом с комнатой для приемов находилась дверь с табличкой «Зал "Ридженси"». А чуть дальше в коридоре стоял и ждал лифта его двойник. Кто он? Парень потирал запястья, точно они у него болели, на щеках и в уголках рта виднелись красные отметины, такие остаются после кляпа. Это Харви!... Ведь Харви всю ночь провел связанным.

Харви оглянулся и поймал на себе взгляд Стива. Они долго взирали друг на друга. Это было все равно, что смотреться в зеркало. Но Стив пытался заглянуть за внешнюю оболочку, в самое его сердце и душу, понять, что за чудовищная болезнь превратила его в злодея. Пытался и не мог. Он просто видел перед собой человека, похожего на него, человека, который одно время шел той же дорогой, а потом свернул не туда.

И вот наконец он оторвал взгляд от Харви и вошел в конференц-зал. Там творился ад крошечный, настоящее столпотворение. В центре находились Лиза и Джинни, окруженные операторами и журналистами. А потом он увидел одного... нет, двух, даже трех клонов! И начал проталкиваться сквозь толпу.

– Джинни! – крикнул он.

Она обернулась и окинула его настороженным взглядом.

– Это я, Стив!

Рядом с ней стояла Миш Делавер. Стив подошел к Миш и сказал:

– Если вы ищете Харви, то он в коридоре, дожидается лифта.

– А вы можете отличить одного от другого? – спросила Миш у Джинни.

– Конечно. – Джинни обернулась к Стиву и сказала: – Я и сама немного играю в теннис.

Стив усмехнулся:

– Если вы *немного* играете в теннис, то мы с вами играем в разных весовых категориях.

– Слава Богу! – воскликнула Джинни и крепко обняла его.

Стив улыбнулся, и они поцеловались.

Вокруг толпились люди с камерами, сверкали вспышки, и на следующее утро этот снимок обошел первые полосы газет по всему миру.

Через год

Июнь

Интерьер «Лесной лужайки» напоминал уютную старомодную гостиницу. Обои в мелкий цветочек, фарфоровые безделушки в застекленных шкафах, смешные столики на витых ножках. Здесь пахло не освежителем воздуха, а ароматической смесью из сухих цветочных лепестков, и весь персонал почтительно именовал мать Джинни «миссис Феррами», а не «Мария» или просто «дорогуша». У мамы был небольшой, но отдельный номер с крохотной гостиной, где посетители могли уютно расположиться в креслах и попить чаю.

– Это мой муж, мам, – сказала Джинни.

Стив улыбнулся миссис Феррами самой очаровательной из своих улыбок и почтительно пожал ей руку.

– Какой хорошенький мальчик, – сказала мама. – А где вы работаете, Стив?

– Я учусь. На юридическом.

– На юриста, значит? Что ж, это очень хорошая профессия.

Теперь долгие периоды полного смятения и забывчивости сменялись у нее краткими моментами просветления.

– Папа приезжал к нам на свадьбу, – сказала Джинни.

– Ну и как он поживает, твой отец?

– О, хорошо. Слишком стар, чтобы грабить людей, а потому решил их теперь охранять. Организовал частную охранную фирму, и дела у него идут очень даже неплохо.

– Не видела его уже лет двадцать.

– Да нет, мамочка, ты путаешь, видела. Он же тебя постоянно навещает, ты просто не помнишь. – Джинни решила сменить тему: – А ты, надо сказать, прекрасно выглядишь. – На миссис Феррами была хорошенькая хлопчатобумажная кофточка в яркую полоску. Волосы уложены, ногти покрыты лаком. – Тебе здесь нравится? Мне кажется, здесь лучше, чем в Белла-Висте.

Мама забеспокоилась.

– Но как ты собираешься платить за все это, Джинни? Лично у меня денег нет.

– У меня новая работа, мамочка. И я могу себе это позволить.

– Что за работа?

Джинни знала, что мать все равно не поймет, однако сказала:

– Я руководитель генетических исследований в большой компании под названием «Ландсманн».

Майкл Мейдиган предложил ей эту должность сразу же после того, как ознакомился с ее революционными поисковыми методами. Зарплата у нее теперь была в три раза выше, чем в университете Джонс-Фоллз. Но куда более привлекательной для Джинни была сама работа, проходившая на переднем крае мировых генетических исследований.

– Это хорошо, – задумчиво протянула мама. – Ах, чуть не забыла! У меня есть твоя фотография... из газеты. Я ее сохранила. – Миссис Феррами порылась в сумочке и извлекла оттуда сложенную в несколько раз газетную вырезку. Бережно расправила ее и передала Джинни.

Джинни был знаком этот снимок, но она рассматривала его, точно видела впервые. Она выступала на расследовании в конгрессе, связанном с экспериментами в клинике «Эйвентайн». Расследование еще не закончилось, сенатский комитет пока не вынес вердикт, но мало кто сомневался, каков будет результат. Кстати, допрос Джима Пруста транслировали по телевидению на всю страну, и это обернулось для него невиданным унижением и позором. Он бушевал, выкрикивал угрозы и оскорбления, лгал, изворачивался, и с каждым новым словом его вина становилась все очевиднее. Когда расследование закончилось, он ушел в отставку.

А вот Беррингтону Джонсу спокойно уйти в отставку не удалось, его уволил из университета Джонс-Фоллз дисциплинарный комитет. Джинни слышала, что он затем переехал в Калифорнию, где жил на небольшое пособие, выплачиваемое его бывшей женой.

Престон Барк ушел с поста президента «Дженетико», сама компания была ликвидирована после того, как выплатила компенсации восьми матерям клонов. Небольшая сумма была также выделена на специальную программу по психологической реабилитации близнецов. А Харви Джонс получил пять лет тюрьмы за поджог и изнасилование.

– В газете пишут, что тебе пришлось свидетельствовать, – встревоженно заметила мама. – Это значит, что у тебя неприятности, да, детка?

Джинни улыбнулась и переглянулась со Стивом.

– Знаешь, в сентябре прошлого года на протяжении недели мне действительно пришлось нелегко. Неприятности были, мамочка. Но все кончилось хорошо.

– Ну и слава Богу.

Джинни встала.

– Нам пора. У нас медовый месяц, мам. Мы можем опоздать на самолет.

– А куда вы летите?

– В небольшой курортный городок на побережье Карибского моря. Говорят, это самое красивое место в мире.

Стив вежливо пожал руку миссис Феррами, Джинни поцеловала мать на прощание.

– Желаю хорошего отдыха, детка, – сказала миссис Феррами. – Видит Бог, ты его заслужила.

notes

Примечания

Джеральдо Ривьера – американский телеведущий; Ньют Джингрич – бывший спикер палаты представителей конгресса США; Раш Лимбоу – американский радиоведущий. – Примеч. ред.

Голдуотер, Барри Моррис – американский политический деятель 60-70-х гг., крайний консерватор, сторонник применения силы во внешней политике. – Примеч. пер.

Норман Рокуэлл (1894—1978) – американский художник, автор сельских и провинциальных пейзажей. – Примеч. ред.

Джон Генри Туактман (1853—1902) – американский художник-импрессионист. – Примеч. ред.

Джоан Миро (1893—1983) – испанский живописец, автор работ в духе абстракционизма и сюрреализма. – Примеч. ред.

Клод Мондриан (1840—1926) – французский живописец, представитель импрессионизма, один из основателей группы «Стиль». Создатель неопластицизма – абстрактных композиций из прямоугольных фигур, окрашенных в основные цвета спектра. – Примеч. ред.

Внутренний дворик.

«Убить пересмешника» – роман известной американской писательницы Харпер Ли.

«Женская комната» – роман американской писательницы-феминистки Мэрилин Френч.

«Миддлмарч» – роман английской писательницы Джордж Элиот.

«Двойная спираль» – роман американской писательницы Нэнси Паркер.

12

Приди таким, какой ты есть (англ.).